

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2025 18 (9)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2025 18(9)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 9. 29.09.2025. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства:
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 18.09.2025. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 18,0.
Уч.-изд. л. 17,5. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 23362.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Близовский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Anthropology of Education

- Natalya M. Vlasova and Nelly Kh. Savelyeva**
Blended Learning: Ural Federal University's Experience 1694

- Elena N. Belova, Olga G. Smolyaninova
and Anatoly I. Tayursky**
Mediative Technologies in the Development of Intellectual Capital
of a Network Self-Learning Organization 1703

- Ainur S. Baigunakova, Bayan U. Joldasbekova,
Saule B. Begaliyeva and Gao Yanrong**
Anthropological Approach to Project Activities for the Professional Identity Formation
of a Teacher in a Bilingual Environment 1718

- Marina A. Lapteva, Olga B. Lobanova
and Larisa S. Shmulskaya**
Rural Teaching in Krasnoyarsk Region During the Great Patriotic War:
Anthropological and Sociological Aspects of Everyday Life 1732

Theory and History of Culture

- Andrei M. Sergeev**
The Search for Russian Truth 1748

- Aigerim O. Akasheva, Saule B. Begaliyeva,
Mariyash A. Segizbayeva and Akmaral S. Magauova**
Linguistic and Cultural Colour Symbolism of *Dark/Light Blue*
and *Kök* in Russian and Kazakh Idioms 1757

- Tatiana D. Bulgakova**
The Authoritarianism of Shamanic Power 1770

- Anna P. Dvoretzkaya**
Formation of Collections of Digitized Documents and Materials
on the Internet Platforms of Siberian Federal University Sibiriana and Sakra 1779

- Nikita A. Rogalenko and Alexander A. Lvov**
Post-truth Anthropology: Shaping Human Identity Within
the Myths of Media Environment 1790

Contemporary Art Theory and History Capitals and Regions

- Natalia P. Koptseva**
Introductory Article to the Section «Contemporary Art in Global
and Regional Dimensions». The Concept of «Siberian Contemporary Art» 1802

- N. V. Parfentyeva, N. P. Parfentyev
and Wang Yundong**
Pictorialism in Contemporary Chinese Photography as a Factor of Cultural Identity
(Based on the Materials of the Photo Exhibition “Contemporary China”) 1813

Maria S. Koptseva and Stepan O. Zotov The Representation of Contemporary Siberian Music in Cyberspace: A Thematic Analysis of Digital Media Discourse	1825
Natalya N. Seredkina “Ethnoarchaics” as an Artistic Style of the Works by the Khakass Artist Alexander Viktorovich Domozhakov	1836
Tikhon K. Ermakov and Ksenia A. Degtyarenko The Problem of Local in Cyberspace: The Phenomenon of “Siberian” Video Games and Digital Art	1847
Maria S. Koptseva and Anna A. Shpak Art History Topics of the Siberian Soviet Encyclopedia (1929–1937)	1856
Anastasia V. Kistova, Natalya N. Pimenova and Maria I. Bukova Rethinking Ancient Cultures in Contemporary Siberian Art: Museum Project «Dreams of Siberia»	1867
Natalia P. Koptseva and Yulia N. Perepelitsa Representation of Siberian Art of the Modern Period in the Siberian Soviet Encyclopedia	1879
Alexandra A. Sitnikova and Maria A. Kolesnik Specific Features of the Conceptual Design of the Krasnoyarsk Museum Biennale (1995–2025)	1889
Ekaterina A. Sertakova and Natalia M. Leshchinskaia Nikolai Rybakov’s Painting as a Phenomenon of Modern Siberian Art	1898

**Anthropology
of Education
Педагогическая
антропология**

EDN: PPLZUG
УДК 378.147

Blended Learning: Ural Federal University's Experience

Natalya M. Vlasova* and Nelly Kh. Savelyeva

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation*

Received 03.12.2023, received in revised form 20.05.2025, accepted 28.06.2025

Abstract. Modern education has emerged as a crucial sector of development worldwide, with a constant need to adapt teaching methods and practices to be relevant, and in accordance with the requirements of the times and the job market. One method gaining popularity is blended learning in order to enhance and optimize the learning process, especially when it comes to studying foreign languages. The goal of the article is to determine the attitude of students to blended learning of a foreign language, to highlight the problems that arise when implementing this model of learning.

To study the problem, an online survey was conducted among first-year undergraduate students, 2022–2023. The experience of blended learning foreign languages during 2015–2023 was analyzed. In the initial stages of the investigation, the hypothesis was that students would positively assess the use of modern interactive technologies in this course. However, the results demonstrate that the students are inclined to prefer traditional classroom activities over the online components of the course. In addition, it is noted that they are open to utilizing the online platform only when it is an essential component of the course, namely, a blended learning format. The content of this article is of interest to higher education researchers, lecturers that employ a blended learning format, and course designers. These findings might aid in refining existing blended learning courses, or in circumventing potential mistakes in the development of new ones.

Keywords: e-learning, blended learning, foreign language, higher education, Moodle.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Pedagogy.

Citation: Vlasova N. M., Savelyeva N. Kh. Blended Learning: Ural Federal University's Experience. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1694–1702. EDN: PPLZUG

Смешанное обучение: опыт Уральского федерального университета

Н.М. Власова, Н.Х. Савельева

Уральский федеральный университет

Российская Федерация, Екатеринбург

Аннотация. Современное образование стало одной из ключевых сфер развития в мире. В связи с этим возникает необходимость постоянного улучшения методик и подходов к обучению, чтобы они соответствовали требованиям времени и потребностям рынка труда. Сегодня широко применяется смешанное обучение с целью совершенствования и оптимизации образовательного процесса, особенно когда речь заходит об изучении иностранных языков. Цель статьи – определить отношение студентов к смешанному обучению иностранного языка, выделить проблемы, которые возникают при реализации данной модели обучения.

Для изучения проблемы был проведен онлайн-опрос среди студентов первого курса бакалавриата, 2022–2023 гг., проанализирован опыт преподавания иностранных языков в смешанном формате за 2015–2023 гг.

Первоначальная гипотеза заключалась в том, что студенты позитивно оценят курс с использованием современных интерактивных технологий, и были опасения, что студенты предпочтут онлайн-курс традиционным занятиям. Тем не менее результаты показывают, что студенты выбирают практические занятия в аудитории и готовы обучаться на онлайн-платформе только если это часть основного курса, то есть смешанный формат.

Материалы статьи представляют интерес для исследователей высшего образования, преподавателей, работающих в рамках модели смешанного обучения и разработчиков смешанных курсов. Данные исследования, возможно, помогут улучшить уже существующие смешанные курсы или предотвратят от ошибок при разработке новых.

Ключевые слова: электронное обучение, смешанное обучение, иностранный язык, высшее образование, платформа Moodle.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Цитирование: Власова Н.М., Савельева Н.Х. Смешанное обучение: опыт Уральского федерального университета. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1694–1702. EDN: PPLZUG

Introduction

In the last few years, «blended learning» has become a popular term in various educational environments, meaning that it involves a combination of face-to-face and online elements. Blended learning represents a viable option to uphold the new federal state educational standard and the Russian Priority 2030 Program.

Blended learning is able to solve some of the tasks of the Priority 2030 Program, namely:

- to increase the scientific and technological potential of Russian universities by creating new effective courses of a blended format, competitive products;

- to enable greater inter-institutional networking and cooperation¹.

The outbreak of COVID-19 has further underscored the significance of blended learn-

¹ Priority 2030 <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/>

ing. Numerous scholars have emphasized the urgency of incorporating the method and expressed the opinion that blended learning stands out as one of the most promising advancements, with many specialists speculating it to be a major aspect of the education sector in the 21st century.

Literature Review

The term «blended learning» was firstly mentioned in a 1999 press release affiliated by American company. In 2006, Curtis J. Bonk and Charles R. Graham presented the «Handbook of Blended Learning» wherein they articulated the concept of blended learning as a system integrating in-person teaching and computer-assisted instruction (Bonk, 2006). Various definitions of blended learning exist currently, and there is still some debate about its accurate definition. According to Rhona Sharp, the ambiguity surrounding blended learning enables educators and course designers to personally interpret the practice in accordance with their unique circumstances (Sharpe, 2006).

Some authors define a blended course as a course that «combines various teaching methods, such as lectures, discussion groups, self-study, and also contains both face-to-face and online parts» (Alammary, 2014).

According to I.A. Malinina, who draws upon her experience with the implementation of blended learning in English lessons at the university level, blended learning consists of a combined between face-to-face instruction and online resources, thus allowing both students and teachers to actively participate in the learning process. She defines blended learning as a mode of instruction where online activities occupy 30 to 79 % of the course time (Malinina, 2013).

A. Alammary examined five essential criteria that might influence the amount of online to face-to-face instruction within blended learning courses (Alammary, 2022). He developed a Toolkit, called Blendit, to assist instructors in designing balanced learning experiences. The researcher insisted that incorporating various teaching methods into blended learning courses can greatly enhance their educational outcomes (Alammary, 2022a). A broad spectrum of delivery approaches have been

recognized, ranging from augmenting conventional face-to-face classes with virtual activities to designing a blended course from scratch (Alammary, 2014, Lomonosova? 2017).

The distinctive features of blended learning are:

- 1) It serves as a fundamental mode of pedagogy, rather than an ancillary one.
- 2) It blends different forms of learning, such as lectures, group discussions, and independent work, at varying proportions (up to 80 % online).
- 3) It enables the optimization of the educational process and provides the avenue for individualization.
- 4) It minimizes the disadvantages of full-time and electronic forms of education.

At the early stage of the introduction of the blended format, Russian and foreign researchers focused mainly on its advantages and recommendations for its further development (Andreeva, 2018, Bersin, 2020, Garrison, 2004, Veledinskaya, 2017). This model, writes Dolgova T.V. «works on formation of valuable qualities of personality, which are also known as skills of the twenty first century», such as critical thinking, creativity, teamwork, etc. (Dolgova, 2017). The blended learning also forms skills of independent work, self-monitoring and self-discipline (Evseeva, 2014). Some researchers notice that using of blended learning languages increases the motivation of students to learn them (Hockly, 2018). Dziuban et al. noted that blended learning resulted in an improvement in student success and satisfaction (Dziuban, 2018). Furthermore, blended learning model allows students to reduce language anxiety and stress they may encounter in the traditional classroom (Alzahrani, 2023).

The outbreak of COVID-19, and especially the Post-COVID era, had led to the rapid digitalization of higher education and the inception of numerous online and blended learning courses. These shifts have prompted numerous studies in which foreign and Russian scholars have observed both the advantages and disadvantages of this hybrid learning approach, with specific issues such as:

- The interaction between teachers and students in Russian universities typically

transpires in a one-way manner, with communication predominantly being initiated by the professors. This is mainly due to the conventional approach to conducting classes (Kalugina, 2023).

- The lack of the ability to obtain immediate responses to inquiries stems (Kalugina, 2023).

- The course content might be perceived as inconsistent and/or unclear due to the potential discrepancy between the material presented in the online component, and that offered in the class (Semenova, 2022).

- To complete the course successfully, it takes a significant amount of time and personal effort (Semenova, 2022).

- The absence of face-to-face interaction between students and faculty can compromise learning and engagement levels, as it may be crucial in cementing and clarifying core concepts, as well as well as creating an engaging and supportive learning environment (Zhang, 2023).

- Teachers might feel anxious about students' commitment to properly completing the online component of the course, with the prohibition of online translation tools, AI-powered tools, and so forth, to ensure accuracy and authenticity in student submissions (Kalugina, 2023).

- The technical inequality present, with not all students potentially having access to a decent computer or smartphone, in addition to a reliable internet connection.

Some scholars discuss the relevance of the blended learning practice, stating that the primary concern is no longer whether to employ it or not, but how to create an effective blended course (Mishota, 2018).

Materials and Methods

The study is based on the data obtained as a result of a survey of first-year students (2022–2023, 102 participants) and past experience in implementing blended learning model of foreign language of one of the leading Russia's universities

Ural Federal University was one of the first institutions to adopt the blended learning model for foreign language teaching.

The 2015 academic year marked the first attempt to incorporate elements of blended learning. Seventy-two first-year undergraduate students took part in it. Students conducted studies in the classroom and completed additional practice or exercises via an online component, known as Touchstone and incorporating a student progress tracking system (Learning Management System, LMS). However, organizers and students alike confronted challenges, including low student motivation (only 34 out of 72 registered on the platform), technical difficulties (10 %), and lack of time to complete assignments (30 %) (Rasskazova, 2017).

In the academic year of 2016–2017, the experiment was undertaken among correspondence department students, involving an online component. Students were given access to the Open Mind online course for communication skills practice. However, no technical problems were experienced when using the course. Of the total number of participants, only 17 registered, none of whom completed the course entirely, with a majority (16 students) completing just 10 %. Project organizers acknowledge that the outcome was impacted by students' limited experience with independent work and lack of motivation (Astanina, 2019).

September–December 2018 – the experiment was carried out among 110 first-year students majoring in fields like chemistry, biology, information technology, and municipal administration at A1–A2 level according to Common European Framework of Reference (CEFR). Rosetta Stone – a software product designed for teaching and learning foreign languages using a computer was used for online work. Over 50 % of students mentioned that the tasks were repetitive and tiresome. They noted that they do not support the continued use of an online learning component. Additionally, they reported a missed opportunity for face-to-face communication with the teacher during the course. Organizers have suggested that the students' negative attitudes stemmed from expectations not matching the reality, which turned out to be a challenging and less entertaining process (Rasskazova, 2019).

2019 – a pandemic and a sharp transition to online, the need to create electronic resour-

es for working with students. Teachers taught students via different platforms like Zoom, Microsoft Teams. They made a base of different tasks on Moodle and students got homework and some work during the lessons there.

2019–2020 academic year – the work is focused on development and testing of an electronic course (EC) for Foreign Language teaching.

2020–2021 academic year – the first-year students began their work in accordance with the Federal State Educational Standard 3++, the transition to a blended format of teaching a foreign language. Working with the Skyeng platform and testing the EC.

2021–2022 academic year – working with the Skyeng platform and testing the EC.

2022–2023 academic year – according to the order «On the Introduction of Online Learning Models for the Implementation of UrFU Educational Programs» No. 715/03 dated 8 February 2022², the Academic Department of Foreign Languages and Educational Technology at Ural Federal University adopted a blended learning model during the 2022–23 academic year. Under this model, 50 % of classroom practices were substituted with independent online sessions, wherein students interacted with URFU online course or electronic course. «The course «Foreign Language» serves as the core module within UrFU's educational program, in compliance with the Federal State Educational Standard 3++. The module is structured to comprise 216 academic hours, spread across two semesters.

The course is offered in a blended model, with in-person lectures comprising 64 hours, alongside an online component, and self-pace work. The teachers have designed a Moodle-based electronic course for first-year students, who are assigned after introductory tests and skill assessments. The course lasts an academic year, and students submit their scores to the score-rating system twice – at the end of the autumn and spring semesters.

² The order "On the Introduction of Online Learning Models for the Implementation of UrFU Educational Programs" № 715/03 от 02.08.2022 https://infonline.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_21245/ROP/Prikaz_po_osnovnoi_deyatelnosti_No_0715_03_ot_02.08.2022__O_vnedrenii_modelei_onlainobucheniya_dlja_realizacii_obrazovaniya__2654450_v2_.PDF

Upon entering the online course, students are provided with a clear overview of the course objectives and goals, as well as a timetable and theme plan. The course comprises of five modules: Vocabulary, Grammar, Writing, Speaking, and Final Tests. The majority of tasks are offered in the ITC (independent test control) format, which students complete at the end of each semester. At the end of the entire course, the points earned on the platform, in the classroom, including the ITC points, are summed up, resulting in a credit/non-credit grade in autumn and a final assessment in spring.

Full-time pairs provide students with opportunities to hone their speaking and writing skills, practice pronunciation, and resolve issues that may occur during the work with online course. Towards the end of the academic year, we surveyed our learners to gather qualitative feedback, specifically opinions regarding the online MOODLE-based course. 102 students were involved in this study. Participants were first-year students at the A1-A2 level (CEFR), pursuing a degree in Information Technology and Information Security.

Results

The results of the survey showed that students have a positive attitude to blended learning (Fig.1).

Students were posed with a task, wherein they were prompted to list out 3–5 advantages and disadvantages associated with working on the online platform, as well as in the classroom.

Fig. 2 demonstrates the disadvantage of classroom lessons, wherein students are limited to certain days and fixed times for in-person sessions. Additionally, the need to travel to university can be a time-consuming process.

According to their responses, the majority of the surveyed groups had a single full-time pair at that designated session.

The positive aspects of classroom classes are mainly communication with the teacher and classmates (Table 1).

According to the survey and information from the table 2 and 3 we see that:

34 % of students noted that the types of tasks were the same, which was boring;

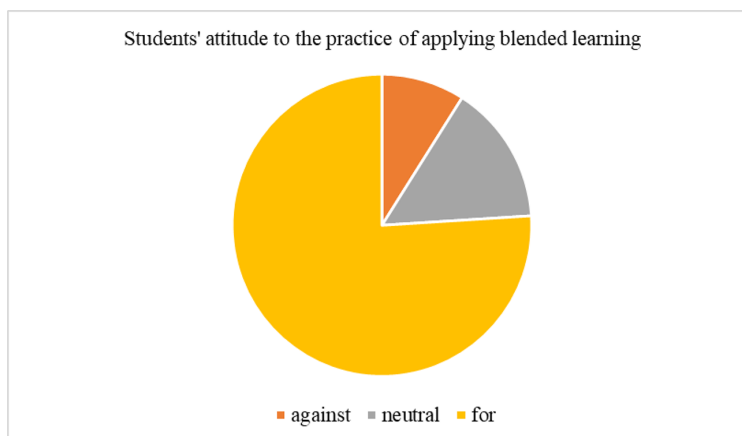

Fig.1

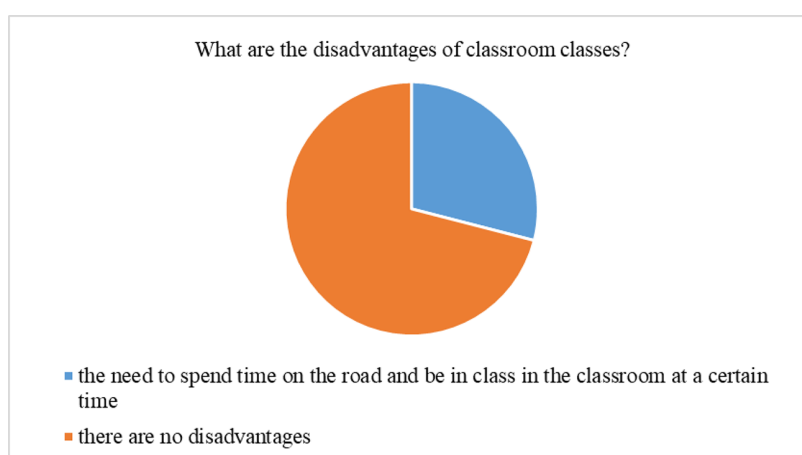

Fig. 2

Table 1. Advantages of classroom classes

Groupwork and Pairwork	59
Speaking Practice	60
Presence of a teacher for answering questions	41
Teacher control	18
Comfortable atmosphere	16
Teacher interest and individual approach.	11

22 % of students faced technical problems (the most common were problems with the site freezing, the system did not save the results, low Internet speed, questions with a short answer were not correctly counted, etc.);

12 % of students noted that it was difficult to force themselves to complete tasks on time, they could not always calculate the time to complete and 8 % regretted that there was no opportunity to ask a question to the teacher

Table 2. Advantages of the e-course

Doing your assignments at any time and in any location at your own pace	53
Practicing learned material	45
Receiving extra credits in points-based rating system.	30
Opportunities for self-assessment and tasks in the format of ITC(independent test control)	22
Immediate results and feedback	8

Table 3. Disadvantages of the e-course

Unvaried assignment types	34
Technical issues	22
Self-control	12
Consuming a lot of time	11
Inability to ask questions to the teacher, having to search and study the theoretical material independently.»	8

and it was necessary to search for information on their own.

However, they also noted a positive feature:

53 % recognized that it was possible to complete tasks at an individual pace of learning, they were not rushed to complete tasks at a time and place convenient for them.

45 % agree that this kind of work allows you to work out and consolidate the material, and 22 % say that this is a great way to practice the ITC format (independent test control) and listening at an individual pace.

For 30 % of students, the online course turned out to be nothing more than a means to acquire additional credits in the points-based rating system.

These results and previous experience may indicate that students have less independence and are more motivated by external factors.

This outcome shows problems and drawbacks of blended learning. Online components within blended learning courses require significant motivation from the students, as well as a high level of self-directed learning and self-regulation skills to be successful. Motivation towards online components in blended learning courses is largely influenced by external factors, as opposed to internal ones. Identical assignments might result in boredom and frustration,

with potentially decreased engagement on the part of the students. Furthermore, the lack of systematic updates to the database of available assignments could also be seen as a downside, possibly resulting in outdated content being presented to the students, and thus detracting from the overall instructional quality.

However, students view the online -course as some kind of an instrument, requiring some amount of efforts to complete the tasks assigned.

Discussion and Conclusion

In this article, we have tried to consider the theoretical and empirical data on the use of blended learning of a foreign language in higher education. From the survey results, one can reasonably infer that for students, teacher-student communication remains of paramount importance. Whilst the digital generation of learners favours face-to-face interactions, they are also aware of the advantages of online education pathways. Therefore, the dual existence of both types of learning avenues seems necessary and crucial. Due to the mixed nature of the course, the teacher is granted the opportunity to devote more time to developing productive skills, while students practice receptive speech skills through the online component. The teacher can therefore effectively balance the al-

location of time to both facets of learning, ensuring equal opportunity for skill development and growth. It is noteworthy that low level of self-control and independent work skills can hinder students from optimally capitalizing on

the online component and reduce motivation to learn the foreign language. Thereby, the author recommends adding coaching tools to promote greater motivation, self-control, and autonomous learning.

References

- Alammary A., Sheard J., Carbone A. Blended Learning in Higher Education: Three Different Design Approaches. In: *Australasian Journal of Educational Technology*, 2014, 30(4), 440–454. DOI: <https://doi.org/10.14742/ajet.693>
- Alammary A. How to Decide the Proportion of Online to Face-to-Face Components of a Blended Course? A Delphi Study. In: *SAGE Open*, 2022, 12(4), 1–25. DOI: 10.1177/21582440221138448
- Alammary A. A Toolkit to Support the Design of Blended Learning Course. In: *IEEE Access*, 2022, 10(1), 85530–85548. DOI: 10.1109/ACCESS.2022.3198641
- Alzahrani F. Is it true they negatively engage? Mixed method research of student engagement in EFL online classrooms. In: *Journal of language and Education*, 2023, 9(1), 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/jle.2023.13736>
- Andreeva N. V. Praktika smeshannogo obucheniya: istoriya odnogo eksperimenta [Blended Learning Practice in Russia: the History of one Experiment]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2018, 23/3, 2–28. DOI: 10.17759/pse.2018230302
- Astanina A. N. Problemy tsifrovizatsii pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze [Problems of digitalization while teaching a foreign language at university]. *Global'naya konferentsiya po tekhnologiyam v obrazovanii EdCRUNCH Ural: novye obrazovatel'nye tekhnologii v vuze. [EdCRUNCH Ural Global Conference on Technologies in Education: New Educational Technologies at the University]*, 2019. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74053>
- Bersin J. *The Blended Learning Book: Best Practices, Proven Methodologies, and Lessons Learned*, 2020. URL: https://www.researchgate.net/profile/Nguyen-Trung-Hiep/post/Can_anyone_suggest_to_me_any_good_Research_Papers_Articles_etc_on_Blended_Learning/attachment/59d63e-2479197b807799acf7/AS%3A422799799001088%401477814735535/download/%5BJosh_Bersin%5D_The_Blended_Learning_Book_Best_Prac%28Book4You%29.pdf
- Bonk C. J., Graham C. R., Moore M. G. *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs*. San Francisco, Pfeiffer, 2006. 585 p.
- Dolgova, 2017 – Dolgova T. V. Smeshannoe obuchenie – innovatsiya XXI veka [Blended learning – 21st century innovation]. In: *Interaktivnoe obrazovanie [Interactive education]*, 2017, 2, 2–9. URL: https://interactiv.su/wp-content/uploads/2017/12/IO_5_interactive.pdf
- Dziuban C., Graham C., Moskal P., Norberg A., Sicilia N. Blended learning: the new normal and emerging technologies. In: *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2018, 15(3). DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-017-0087-5>
- Evseeva A. M. Smeshannoe obuchenie kak forma organizatsii uchebnogo protsessa po inostrannomu yazyku v tekhnicheskoy vuze [Blended Learning as a Form of Foreign Language Teaching in Technical University]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, [Modern Problems of Science and Education]*, 2014, 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16980>
- Garrison DR., Kanuka H. Blended Learning: Uncovering Its Transformative Potential in Higher Education. In: *The Internet and Higher Education*, 2004, 7(2), 95–105 DOI: 10.1016/j.iheduc.2004.02.001
- Hockly, 2018 – Hockly N. Blended Learning. In: *ELT Journal*, 2018, 72(1), 97–101. DOI: <https://doi.org/10.1093/elt/ccx058>
- Kalugina T. N., Timchenko M. V. Digitalization of Higher Education in 2021 – Challenges for University Students in Russia. In: *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2023, 20. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i2.344>

- Lomonosova N. V. Osnovnye printsipy proektirovaniya sistemy smeshannogo obucheniya v vuze [Basic Principles of designing the system of blended learning at the university]. In: *Prepodavatel' XXI vek, [Teacher 21st century]*, 2017, 2 (1), 64–71. EDN: YUSGFB
- Malinina I. A. Primenenie tekhnologii smeshannogo obucheniya inostrannomu yazyku v vysshei shkole [Application of blended learning technologies in higher school]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. [Modern scientific research and innovation]*, 2013, 10(30). URL: <https://web.snauka.ru/issues/2013/10/27936>
- Mishota I. Yu. Razvitie smeshannogo obucheniya v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Development of Blended Learning in the Context of Digitalization of the Educational Process]. In: *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie [Bulletin of the Russian State University. Series: Psychology. Pedagogy. Education]*, 2018, 3(13), 97–106. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2018-3-97-106>
- Rasskazova T. Okhotnikova A., Muzafarova A., Daminova J. Challenges of teaching a blended English course to university students. The 13th International Scientific Conference eLearning and Software for Education, Bucharest. 2017. DOI: <https://doi.org/10.12753/2066-026X-17-218>
- Rasskazova T, Dubina N, Yedik N, Aksenova V. Blended Learning in L2: Motivation or De-motivation? *INTED2019 Conference, Valence*, 2019, 6379–6384. DOI: <https://doi.org/10.21125/inted.2019.1548>
- Semenova T. V. «Kogda sidish» prosto pered komp'yuterom, on ot tebya nichego ne trebuet»: trudnosti i strategii studentov pri prokhozhenii Mook v vuzakh [«When you just sit in front of a computer, it does not require anything from you»: difficulties and strategies of students while completing university-level Moocs]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2022, 2, 292–316. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1999>
- Sharpe R, Benfield G, Roberts G, and Francis R. The Undergraduate Experience of Blended e-Learning: A Review of UK Literature and Practice. In: *The Higher Education Academy*, 2006, 4(2), 24–250, available at: URL: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:68175989>
- Veledinskaya S. B., Dorofeeva M. Yu. The Effectiveness Of E-Learning: Online Course Requirements [Effektivnost' elektronnoy obucheniya: sistema trebovaniy k elektronnomu kursu]. In: *Otkrytoe distantsionnoe obrazovanie, [Open and Distance Education]*, 2016, 62(2), 62–68 DOI: <https://doi.org/10.17223/16095944/62/9>
- Zhang J, Yuxin X. Strengths and Drawbacks of Blended Learning for Second Language Learning. In: *Journal of Contemporary Educational Research*, 6(10). DOI: <https://doi.org/10.26689/jcer.v6i10.4422>

EDN: TRTZUC
УДК 37.07

Mediative Technologies in the Development of Intellectual Capital of a Network Self-Learning Organization

Elena N. Belova*, Olga G. Smolyaninova
and Anatoly I. Tayursky

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 18.10.2022, received in revised form 26.12.2022, accepted 28.06.2025

Abstract. The relevance of the study is determined by the importance of identifying and applying mediation technologies that ensure the prevention of conflict situations between the subjects of an innovative network self-learning educational organization. Of particular importance for the development of the intellectual capital of such an organization is the creation of a triple network structure and continuous professional education of its subjects, cooperation technologies, self-learning in the process of professional activity, mutual learning, exchange of knowledge, information and experience in network and team interactions. Polyparadigm research was carried out in the context of synergistic network, systemic, transdisciplinary and competence-based methodological approaches. The leading research methods were theoretical analysis of scientific works and aspects of educational activity, pedagogical experiment, study and generalization of empirical material. The results of the study were the substantiation of the importance of mediative technologies, technologies of productive negotiations with the participation of a mediator and the problem-solving mental activity of employees in network, team and intergroup interactions for the development of the intellectual capital of a network self-learning educational organization. The use of these technologies can ensure the prevention and constructive resolution of conflict situations, the development of the intellectual capital of a network self-learning educational organization.

Keywords: mediation technologies, network self-learning educational organization, intellectual capital, cooperation, mutual learning, key managerial competence.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Pedagogy.

Citation: Belova E. N., Smolyaninova O. G., Tayursky A. I. Mediative Technologies in the Development of Intellectual Capital of a Network Self-Learning Organization. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1703–1717. EDN: TRTZUC

Медиативные технологии развития интеллектуального капитала сетевой самообучающейся организации

Е.Н. Белова, О.Г. Смолянинова, А.И. Таюрский

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Актуальность исследования определяется значимостью выявления и применения медиативных технологий, обеспечивающих профилактику конфликтных ситуаций между субъектами инновационной сетевой самообучающейся образовательной организации. Особое значение для развития интеллектуального капитала такой организации отводится созданию структуры тройной сети и непрерывному профессиональному образованию ее субъектов, технологиям сотрудничества, самообучения в процессе профессиональной деятельности, взаимообучения, обмена знаниями, информацией и опытом в условиях сетевых и командных взаимодействий. Полипарадигмальное исследование осуществлялось в контексте синергетически-сетевого, системного, трансдисциплинарного и компетентностного методологических подходов. Ведущими методами исследования были теоретический анализ научных работ и аспектов образовательной деятельности, педагогический эксперимент, изучение и обобщение эмпирического материала. Результатом исследования стало обоснование значимости медиативных технологий, технологий продуктивных переговоров с участием медиатора и проблеморазрешающей мыследеятельности работников в сетевых, командных и межгрупповых взаимодействиях для развития интеллектуального капитала сетевой самообучающейся образовательной организации. Применение данных технологий может обеспечить профилактику и конструктивное разрешение конфликтных ситуаций, развитие интеллектуального капитала сетевой самообучающейся образовательной организации.

Ключевые слова: медиативные технологии, сетевая самообучающаяся образовательная организация, интеллектуальный капитал, сотрудничество, взаимообучение, ключевая управленческая компетентность.

Научная специальность: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Цитирование: Белова Е. Н., Смолянинова О. Г., Таюрский А. И. Медиативные технологии развития интеллектуального капитала сетевой самообучающейся организации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1703–1717. EDN: TRTZUC

Введение

В настоящее время ученые активно обсуждают проблемы медиации как подхода в профилактике и урегулировании конфликтных ситуаций и конфликтов. Медиация в работах Л.М. Карнозовой, Т.А. Кушмет, В.Н. Ильченко, Л.В. Чиркиной, Ю.Я. Якушевой и др.

исследуется как современный способ управления социальными рисками и конфликтами в образовательной среде. Применение медиативных технологий в организации с целью формирования позитивной среды в процессе обмена знаниями, повседневного взаимодействия актуализируется S. Chima, F. Javed,

А. Ю. Буткевич (Chima, Javed, 2017; Butkevich, 2018) и др. Модели медиации и гармонизации образовательного процесса в условиях образовательных учреждений анализируются в работах И. С. Бубновой (Bubnova, Rerke, 2016), А. Р. Тимохиной (Timokhina, 2020), А. С. Чуприс (Chupris, 2016), А. Derner, P. Gkorezis и др. Рассматриваемые модели медиации, посредничества можно применять для урегулирования взаимоотношений между педагогами (Derner, 2015; Gkorezis, 2016), субъектами сетевой самообучающейся образовательной организации. Психологические сценарии посредничества в образовании как формы медиации (Raudenbusch, Hong, 2017). Подходы к медиации в профессиональном образовании раскрываются L. Orland-Barak, D. Maskit (Orland-Barak, Maskit, 2017) и др. В работах отечественных ученых рассматриваются вопросы медиации в поликультурном образовательном пространстве и практико-ориентированной подготовки медиаторов в сфере образования (Smolyaninova, Korshunova, 2018; 2019; Smolyaninova, 2019, 2020; Smolyaninova, Popova, 2019; Smolyaninova, Korshunova, Adamova, 2019; Ul'yanova, 2018); вопросы моделирования дискурса медиации (Prokhorova, 2019) как новый подход к предотвращению и разрешению спорных, конфликтных ситуаций в разных сферах деятельности (Oborotova, 2015) и др.

В определении Т. И. Никулина, А. М. Гангур медиативная компетентность понимается как часть социально-психологической компетентности, а именно способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений (Nikulina, Gangur, 2018).

Медиацию в образовании рассматриваем «как определенную социально-психологическую помощь в конфликтах всем участникам образовательного процесса» (Belova, Smolyaninova, Tayursky, 2019), «как эффективную технологию предупреждения и профилактики конфликтных ситуаций» (Smolyaninova & Korshunova, 2019) и как «способ позитивного осознанного взаимодействия, основанный на принципах медиации в повседневных условиях

без проведения медиации как полноценной процедуры» (Shamlikashvili, 2017: 10). Медиатор в процессе переговоров создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем, возникающих в результате конфликтных ситуаций (Smolyaninova, Korshunova, 2019).

Проблемам определения смыслов, содержания и специфике поликультурной медиации, подготовки посредников для разрешения конфликтов в многонациональном многоконфессиональном социуме посвящены три международных конференции, организованные на базе СФУ директором ИППС О. Г. Смоляниновой в период 2019–2021 гг. (2020, 2021).

Проблемы обучения, развития персонала в процессе создания самообучающихся организаций рассматривались Г. А. Игнатьевой, Д. Ф. Ильясовым, П. Сенге, В. Н. Тамочкиным и др. Ученые исследуют школу как самообучающуюся организацию на основе развития культуры концептуализации профессионального опыта учителей (Dukhaeva, 2019); организацию, «в которой обучение на собственном опыте отнесено к приоритетам кадровой политики, а обучение сотрудников друг у друга в части решения реальных педагогических проблем определяет содержание и направленность внутриорганизационного обучения» (Plyasov, 2013: 123). Преимущества сетевых организаций, сетевые взаимодействия в образовании исследуются учеными Е. В. Василевской, М. Кастельс, А. А. Каспаржак, Е. Е. Сартаковой, М. М. Чучкевич и др.

Проблематика сетевой самообучающейся организации (ССО) рассматривалась авторами ранее в контексте развития ее интеллектуального капитала (Belova, 2014), становления и развития ССО дополнительного профессионального образования (Belova, 2019; 2020), исследования сетевых взаимодействий работников университета с муниципальными методическими службами и управления знаниями (Belova, Bondareva, 2015; Volegzhanina, Chusovlyanova, Adolf, Bykadorova, Belova, 2017).

Сетевую самообучающуюся образовательную организацию понимаем как образовательную «организацию со структурой тройной сети, работники которой постоянно развивают готовность и способность к повышению результативности собственной профессиональной деятельности в процессе непрерывного образования, самообучения и профессионально-самообразовательной деятельности» (Belova, 2014; 2019; 2020). Создание такой организации понимаем как процесс приобретения новых смыслов и характеристик, которые заключаются в понимании работниками значимости повышения результативности их профессиональной деятельности через развитие ключевой управленческой компетентности, что способствует повышению результативности работников и организации в целом.

Постановка проблемы

ССО рассматриваем как коллективный субъект, совместно действующую группу, совокупность людей. Разделяя точку зрения А.В. Брушлинского, считаем, что объединяющими признаками коллективного субъекта являются общие цели, мотивационно-ценностная корпоративная культура, способность к интеграции, рефлексии и сотрудничеству. Особая значимость в создании ССО приобретает развитие ее интеллектуального капитала. Усложняются профессиональные задачи, появляются новые требования к работникам, что может порождать возникновение профессиональных проблем и напряжений в коллективе. Возможны сопротивления работников, порождающиеся происходящими изменениями в организации, что актуализирует своевременное урегулирование возникающих споров и конфликтных ситуаций посредством применения медиативных технологий. Тенденция появления конфликтных ситуаций в процессе преобразования традиционной образовательной организации в инновационную ССО приводит к необходимости применения различных методов их урегулирования.

Это актуализирует значимость данного исследования проблематики применения

медиативных технологий в процессе развития интеллектуального капитала ССО, которое проводилось впервые.

Литературный обзор

Теоретико-методологические основания

Исследование осуществлялось в контексте полипарадигмального подхода и опиралось на синергетически-сетевой, системный, трансдисциплинарный и компетентностный методологические подходы. Синергетически-сетевой подход позволил исследовать интеграционные процессы и сетевые командные взаимодействия участников гибкой, открытой структуры тройной сети, вопросов самообразования, самообучения, самоуправления и самоактуализации работников ССО в процессе сотрудничества с другими людьми (И.Б. Ардашкин, В.Г. Буданов, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г. Хакен и др.). В контексте системного подхода (В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, В.С. Лазарев, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин и др.) интеллектуальный капитал ССО рассматривался как сложная система, включающая взаимосвязанные компоненты: человеческий капитал, организационный капитал, потребительский капитал и интеллектуальную собственность (Belova, 2014). Опираясь на трансдисциплинарный подход, осуществлен синтез форм исследования педагогической сущности понятийно-смысловых соответствий в различных областях знания с выходом за пределы междисциплинарности и научного познания (Г. Браун, И.А. Колесникова, В.Е. Лепский, В.И. Моисеев, М.С. Мокий, В.С. Мокий и др.). В контексте компетентностного подхода (И.А. Зимняя, А.К. Маркова, Б. Оскарссон, В. Хутмахер, А.В. Хуторской и др.) в качестве одной из характеристик интеллектуального капитала ССО рассматривается ключевая управленческая компетентность ее работников (Belova, 2019; 2020), выделяются ее компоненты и уровневые критериальные характеристики их оценивания.

Основания медиации как области научных исследований и социокультурной категории, эффективности медиации как

социально-правового института и социальной практики урегулирования и предупреждения конфликтов широко исследуются отечественными учеными (Boyko, 2008; Voronina, 2018; Kononov, 2014; Smolyaninova, 2019, 2020, 2021; Timokhina, 2020; Tikhonov, 2019; Shamlikashvili, 2017 и др.). Мы, вслед за О.Г. Смоляниновой, Ц.А. Шамликашвили и С.В. Харитоновым, рассматривая методологию медиации в контексте междисциплинарности, считаем значимым изучение медиации с точки зрения педагогики, психологии, философии, антропологии, социокультурной динамики, права, экономики и других дисциплин. Возможно, использование «медиации в качестве инструмента проведения обсуждения, интерпретации результатов и формулирования выводов подобных исследований... Медиатор-ученый...выступает в роли медиатора-фасилитатора на различных этапах исследования: от замысла, постановки целей и задач – до формулирования выводов» (Shamlikashvili, Kharitonov, 2017). Способности одного человека анализировать проблему, опираясь на разные научные области, обеспечивают определенный синергетический эффект.

Вопросы развития интеллектуального капитала исследуются зарубежными и отечественными учеными в контексте изучения: опосредующего эффекта социального капитала на управление знаниями и интеллектуальный капитал (Ramadan, Dahiyat, Bontis, Al-Dalahmeh, 2017); связи различных конфигураций интеллектуального капитала и практики управления знаниями с эффективностью деятельности организации (Hussinki, Ritala, Vanhala, Kianto, 2017; Bykova, Molodchik, 2011); фокусирования интеллектуального капитала на обновлении и максимизации корпоративной ценности интеллектуальных активов, интеграции интеллектуального капитала и управления знаниями (Wiig, 1997); моделирующего эффекта стратегического управления знаниями во взаимосвязи трех компонентов интеллектуального капитала, инноваций организации и показателей ее деятельности (Cabrillo, Dahms, 2018); взаи-

мосвязи между инфраструктурой управления знаниями, процессом управления знаниями, интеллектуальным капиталом и эффективностью организации (Abualoush, Bataineh, Alrowwad, 2018); современных тенденций формирования трудового потенциала и развития интеллектуального капитала (Vasiliev, Sheveleva, 2014); условий формирования и развития интеллектуального капитала (Keleynova, 2012); управления знаниями, формирования и развития интеллектуального капитала организации в рамках обеспечения ее конкурентоспособности (Nikiforova, Tsurikov, 2010); трансформации интеллектуального капитала в ценность компании в условиях экономики знаний (Naydenova, Oskolkova, 2011).

Среди основных *характеристик развития интеллектуального капитала ССО* выделяем: непрерывное профессионально-личностное развитие работников данной организации посредством развития их ключевой управленческой компетентности и их включения в обмен информацией, знаниями, опытом (человеческий капитал); структуру тройной сети, объединяющей на взаимовыгодной основе партнеров тройной сети, и их ресурсы в целях достижения наилучших результатов, эффективные сетевые и командные взаимодействия, мотивационно-ценностную корпоративную культуру организации, ориентирующую работников на профессионально-личностное развитие, самообучение, взаимообучение (организационный капитал) (Belova, 2014; 2019; 2020); образовательный маркетинг, мотивации, ценности, потребности и технологии развития компетенций обучающихся ССО (потребительский капитал); учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, научно-исследовательскую, инновационную и проектную деятельность (интеллектуальная собственность).

Структура тройной сети ССО является гибкой и открытой. Она включает центральное управляющее ядро и три сети: внутреннюю, модульную концентрическую и динамическую сети, которые способствуют сетевому взаимодействию ее участников и объединяют внутренних и внешних

партнеров на взаимовыгодной основе в целях повышения результативности деятельности данной инновационной организации (Belova, 2019; 2020). Именно такая тройная сеть способствует сотрудничеству и обмену знаниями, информацией, опытом между работниками организации.

В ССО меняются традиционные взаимоотношения работников и преподавателей. Они зачастую выступают наставниками, консультантами и медиаторами, которые содействуют непрерывному развитию готовности и способности работников к повышению результативности их профессиональной деятельности и формированию эффективных сетевых, командных взаимодействий. Сетевые, командные взаимодействия понимаем как процесс коммуникации работников организации, который способствует их совместной работе и педагогическому сотрудничеству, взаимообучению в процессе обмена знаниями, информацией, опытом между ними.

Ключевая управленческая компетентность работника ССО является его профессионально-личностным качеством, которое проявляется в способности и готовности своевременно выявлять, целостно анализировать, точно формулировать проблемы и задачи, находить и реализовывать наиболее целесообразные и эффективные управленческие решения, способствующие повышению результативности его профессиональной деятельности. Доказано, что непрерывное развитие этой компетентности осуществляется на мотивационно-ценностной основе вначале средствами формального образования в процессе обучения по программе повышения квалификации. Затем средствами неформального, информального непрерывного профессионального образования в процессе самообучения (Belova, 2019; 2020), сетевых, командных взаимодействий, взаимообучения.

Ключевую управленческую компетентность работников ССО представляют три группы компетенций: самообразовательные, профессионально-специальные и социально-личностные. Медиативные технологии осваивались работниками

ССО в процессе развития их *социально-личностных компетенций*, которые включают коммуникативно-сетевую, эмоциональную и здоровьесберегающую компетенции. Данные компетенции связаны с психофизиологическими особенностями личности работника и их проявлениями во взаимодействиях с другими участниками тройной сети. Так, коммуникативно-сетевую компетенцию характеризуют способность работника к сотрудничеству, его умения выстраивать эффективные коммуникации; владение навыками толерантности, обмена знаниями и опытом с коллегами в сетевом и командном взаимодействии. Эмоциональную компетенцию характеризуют умение управлять своими словами, поступками, эмоциями, мыслями и чувствами; обладание уравновешенностью, гибкостью, способностью адаптироваться. Здоровьесберегающую компетенцию характеризуют такие показатели, как знание и владение навыками здорового образа жизни, способствующие стрессоустойчивости и работоспособности работника.

Материалы и методы

Цель исследования – выявление возможностей применения медиативных технологий, направленных на предупреждение и разрешение возможных конфликтных ситуаций в процессе выполнения профессиональных задач работниками ССО, что способствует развитию социально-личностных компетенций ключевой управленческой компетентности работников как одной из характеристик интеллектуального капитала данной организации.

К задачам исследования относим: выявление и обоснование основных характеристик интеллектуального капитала ССО; обоснование возможных конфликтных ситуаций в процессе ее создания; обоснование возможностей медиативных технологий, направленных на урегулирование конфликтных ситуаций в процессе преобразования традиционной образовательной организации в инновационную ССО для развития социально-личностных компетенций работников.

Ведущими методами исследования были теоретический анализ научной литературы и аспектов образовательной деятельности, педагогический эксперимент, изучение и обобщение эмпирического материала. Диагностика показателей мотивационно-ценностного, коммуникативно-сетевого критериев результативности применения медиативных технологий работниками организации осуществлялась по модифицированным методикам А.С. Чернышова, С.В. Сарычева и Н.П. Фетискина (Fetiskin, Kozlov, Manuylov, 2002; Belova, 2020).

Значимость применения медиативных технологий для развития интеллектуального капитала сетевой самообучающейся организации

Мы разделяем мнение о том, что одним из продуктивных подходов к решению конфликтных ситуаций в условиях появления нового типа конфликтов, связанных с кризисом управления субъектами интеграции, является восстановительный подход. Применение восстановительных медиативных технологий в «системе образования (школьные и территориальные службы примирения, восстановительные конференции, круги поддержки сообщества, челночная медиация и пр.) стало уже неотъемлемой частью системы управления конфликтами в образовательной среде» (Karnozova, Chirkina, Anikina, Aruin, 2014).

Медиативные технологии в развитии интеллектуального капитала понимаем как «технологии, способствующие разрешению конфликтной ситуации между работниками сетевой самообучающейся образовательной организации с участием третьей стороны и позволяющие рассматривать данную ситуацию как точку роста новых отношений» (Belova, Smolyaninova, Tayursky, 2019). Медиативные технологии, направленные на разрешение споров и развитие коммуникативно-сетевой, эмоциональной и здоровьесберегающей компетенций работников сетевой самообучающейся организации, открывают новые подходы к преодолению сложных и конфликтных

ситуаций. Применение медиативных технологий ориентировано на нахождение взаимовыгодного согласия и путей сотрудничества, согласование интересов сторон конфликта, «признание изменчивости ранее полученных договоренностей в процессе повседневной жизни; адаптивная гибкость в выработке решений, которые претворяются в жизнь, так как соответствуют интересам всех участников конфликта и реально существующим условиям» (Bouko, 2008).

Развитие медиативного компонента в профессиональной деятельности работника направлено на освоение знаний особенностей посредничества, выработку умений обучить коллег эффективному взаимодействию, основанному на принципах позитивной коммуникации, и специальных навыков взаимодействия в конфликтной ситуации. Применение медиативных технологий предполагает организацию диалога между сторонами и способствует позитивным взаимоотношениям. Освоение этих знаний, умений и навыков помогает участникам конфликтной ситуации выразить и услышать точки зрения, мнения, чувства сторон, что формирует пространство взаимопонимания. Важнейшим результатом медиативного подхода являются восстановительные действия, к которым можно отнести извинение, прощение, стремление искренне загладить причиненный вред, что помогает исправить последствия конфликтной ситуации (Oborotova, 2015) в условиях профессиональной деятельности работников сетевой самообучающейся образовательной организации.

Конфликтные ситуации успешно разрешаются при участии медиатора, которым может выступать работник организации, обученный по программам переподготовки и повышения квалификации в сфере медиации и обладающий высоким уровнем развития коммуникативно-сетевым, эмоциональным и здоровьесберегающим компонентами социально-личностной компетенции ключевой управленческой компетентности. Технологии восстановительной медиации позволяют «сторонам, участвующим в конфликте, самостоятель-

но приходиться к взаимовыгодному решению, опираясь на опыт, знания, умения и профессионализм медиатора» (Kushmet & P'chenko, 2016).

Внедрение освоенных работниками медиативных технологий в процессе обучения по программам повышения квалификации, а затем в процессе профессионально-самообразовательной деятельности предъявляет новые требования к их обучению, самообучению и взаимообучению. Работнику сетевой самообучающейся образовательной организации важно обладать комплексом знаний, умений и навыков в области медиации, самостоятельно принимать решения и быть готовым к сотрудничеству, уметь «преобразовывать разрушающий конфликт в творческий и конструктивный» (Oborotova, 2015).

Участники. Описываемый эксперимент был проведен в четырех образовательных организациях (Сибирский федеральный университет, Сибирский государственный университет путей сообщений, Институт Бизнеса Инвестиционно-промышленной группы «Спектр», Сибирская академия права, экономики и управления). В эксперименте приняли участие 236 работников, из которых 28 человек занимают административно-управленческие должности, 170 человек являются научно-педагогическими работниками и 38 человек занимают должности учебно-вспомогательного персонала. В экспериментальную группу вошли 126 работников двух организаций, создающих сетевые самообучающиеся организации. В качестве контрольной группы выступили 110 работников двух других образовательных организаций, которые еще не приступили к созданию сетевой самообучающейся организации.

Выделены *критерии оценивания* результативности применения медиативных технологий работниками в процессе становления сетевой самообучающейся образовательной организации: мотивационно-ценностный и коммуникативно-сетевой. Мотивационно-ценностный критерий характеризуют показатели эмоционально-

мотивационных ориентаций работников на сотрудничество, обмен знаниями, информацией и опытом в межгрупповом взаимодействии. Коммуникативно-сетевой – показатели экспертной диагностики уровня владения работниками медиативными технологиями в сетевых, командных взаимодействиях.

Процедура эксперимента состояла из трех этапов: подготовительный (констатирующий), формирующий этап обучения и заключительный (контрольный) этап – анализ и обобщение результатов.

На подготовительном этапе осуществлена диагностика показателей мотивационно-ценностного, коммуникативно- сетевого критериев и разработана программа повышения квалификации работников образовательной организации. Разработанная блочно-модульная программа повышения квалификации реализовалась с применением дистанционных образовательных технологий и была направлена на освоение основ самоменеджмента, медиативных технологий в процессе обмена знаниями, информацией и опытом и т.д. Для обеспечения результативности программы повышения квалификации необходимо мотивационно-ценностное отношение работников, их готовность к развитию собственной ключевой управленческой компетентности, которая способствует повышению результативности их профессиональной деятельности. С целью выявления готовности работников к личностно-профессиональному развитию, самообразованию и управлению своей профессиональной деятельностью на подготовительном этапе эксперимента было проведено анкетирование. Итоги самоанализа свидетельствуют, что значительная часть респондентов относится к управлению своей профессиональной деятельностью вполне удовлетворительно. 84,9 % респондентов отмечают недостаток знаний в области управления собственной профессиональной деятельностью, конфликтными ситуациями, отсутствие повышения квалификации по программам развития ключевой управленческой компетентности и медиативным технологиям. Это позволи-

ло сделать вывод о необходимости развития социально-личностных компетенций ключевой управленческой компетентности работников, способствующей освоению медиативных технологий и развитию интеллектуального капитала организации.

На этапе обучения была реализована программа повышения квалификации. Работниками сетевой самообучающейся образовательной организации осваивались медиативные технологии в процессе обучения, которые затем применялись в процессе их профессиональной деятельности. Это способствовало сотрудничеству и разрешению сложных профессиональных задач в сетевых, командных взаимодействиях.

Результаты и обсуждение

С целью выявления уровня владения работниками медиативными технологиями в сетевых, командных взаимодействиях проведена экспертная диагностика (Belova, 2020). Диагностика осуществлялась на констатирующем и контрольном этапах (рис. 1) на основе выделения экспертом одного из семи возможных проявлений сетевых, командных взаимодействий, ранжированных в три подструктуры: иерархия и вариативность взаимодействия, самостоятельность и инициативность во взаимодействии, включенность во взаимодействие. На констатирующем этапе в организациях выявлены неблагоприятные тенденции во взаимодействиях, периодически возникающие конфликтные ситуации. По итогам обучения и проведения мероприятий,

направленных на создание условий для формирования медиативной культуры и эффективного взаимодействия работников посредством применения медиативных технологий, произошли положительные изменения.

Эффективными образовательными технологиями при освоении технологий медиации стали интерактивные проблемно-разрешающие мыследеятельностные технологии, которые осваивались в процессе выполнения практического задания «Дерево проблем – дерево целей – дерево решений». Дерево проблем разрабатывалось на основе логики причинно-следственной связи, дерево целей – на основе связи «средство – цель». Освоение данной технологии позволяет работникам освоить умения точного формулирования проблем, целей профессиональных взаимодействий работников, включая взаимодействия в условиях конфликтных ситуаций.

С целью измерения показателя мотивационно-ценностного критерия результативности развития социально-личностных компетенций работников и применения ими медиативных технологий проведена самооценка их эмоционально-мотивационных ориентаций в межгрупповом взаимодействии на подготовительном и заключительном этапах (рис. 2). Результаты диагностики на подготовительном этапе свидетельствуют о незначительном уровне межгруппового взаимодействия во второй экспериментальной группе (ЭГ-2), о средней степени межгруппового взаимодействия

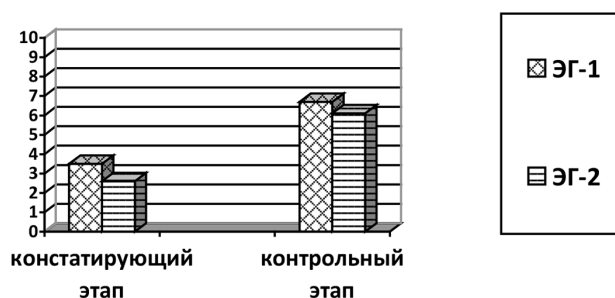

Рис. 1. Экспертная диагностика сетевого, командного взаимодействия в организациях экспериментальной группы

Fig. 1. Expert diagnostics of network and team interaction in organizations of the experimental group

Рис. 2. Выявление эмоционально-мотивационных ориентаций работников организаций экспериментальной группы в межгрупповом взаимодействии
Fig. 2. Identification of emotional and motivational orientations of employees of organizations of the experimental group in intergroup interaction

в первой экспериментальной группе (ЭГ-1). Итоги диагностики заключительного этапа свидетельствуют о высокой степени их благоприятности для развития межгрупповых взаимодействий. Выявлены позитивные межгрупповые установки, ориентация на сотрудничество, обмен знаниями и опытом на высоком уровне в организациях, что свидетельствует о результативности освоения и применения медиативных технологий работниками сетевой самообучающейся образовательной организации.

Данные измерения также осуществлялись в контрольных группах, участники которых не проходили обучение по программе повышения квалификации, направленной на освоение медиативных технологий и развитие составляющей интеллектуального капитала образовательной организации – их социально-личностных компетенций ключевой управленческой

компетентности. Итоги диагностики показателей мотивационно-ценностного, коммуникативно-сетевого критериев результативности применения медиативных технологий работниками образовательных организаций, вошедших в контрольные группы, представлены на рис. 3 и 4. На рис. 3 отражены итоги экспертной диагностики уровня владения работниками медиативными технологиями в сетевых, командных взаимодействиях в контрольной группе на подготовительном и заключительном этапах.

На рис. 4 представлены итоги экспертной диагностики уровня эмоционально-мотивационных ориентаций работников в межгрупповом взаимодействии, вошедших в контрольную группу.

Очевидно, что на контрольном этапе в контрольной группе сохраняются неблагоприятные тенденции в сетевых, команд-

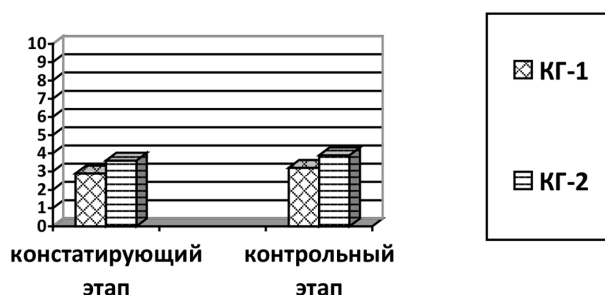

Рис. 3. Экспертная диагностика сетевого, командного взаимодействия в организациях контрольной группы

Fig. 3. Expert diagnostics of network and team interaction in organizations of the control group

Рис. 4. Выявление эмоционально-мотивационных ориентаций работников организаций контрольной группы в межгрупповом взаимодействии

Fig. 4. Identification of emotional and motivational orientations of employees of control group organizations in intergroup interaction

ных и межгрупповых взаимодействиях между работниками. Что не соответствует основным характеристикам интеллектуального капитала сетевой самообучающейся образовательной организации. Доказана значимость освоения и применения медиативных технологий работниками в процессе становления сетевой самообучающейся образовательной организации.

Работнику организации, выполняющему функции медиатора, важно достичь максимально точного понимания сторонами особенностей восприятия сложившейся конфликтной ситуации, оказать содействие сторонам в прояснении истинных интересов и вскрытии причин конфликта, нахождении возможных способов урегулирования отношений. Это достигается при использовании техники перефразирования, которая позволяет конфликтующим сторонам почувствовать, что их услышали и поняли; услышать со стороны, что они сказали, и лучше понять себя. «Процесс формирования высокой культуры межличностного общения, ориентированной на сотрудничество и принятие ценности личности каждого отдельного человека, долг и труден, но реален и осуществим. Популяризация и освоение медиации позволяет научить людей давать то, что они хотели бы получить!» (Войко, 2008).

Выбор модели медиации зависит от конкретной конфликтной ситуации, проблемы, лежащей в ее основе, от целей и задач медиации, от состава участни-

ков (Chupris, 2016), владения работником-медиатором медиативными технологиями урегулирования конфликтной ситуации и его опыта. В условиях высокой интенсивности труда работников, создающих сетевую самообучающуюся образовательную организацию, а также территориальную удаленности участников тройной сети становится актуальной онлайн-медиация с применением интернет-технологий.

Вывод

Таким образом, исследование применения медиативных технологий в ССО показало, что в процессе инноваций субъекты образовательной организации склонны сопротивляться предстоящим изменениям, что провоцирует возникновение конфликтных ситуаций. Это может препятствовать развитию интеллектуального капитала данной организации. Для профилактики конфликтных ситуаций и разрешения конфликтов важно развивать социально-личностные компетенции (медиативную, коммуникативно-сетевую, эмоциональную, здоровьесберегающую и др.) работников.

В целях развития интеллектуального капитала ССО, обмена знаниями, информацией и опытом между работниками значимо применение технологий перефразирования, причинно-следственного решения возникающих проблем, онлайн-медиации и восстановительных действий. Обучение работников по программе повышения квалификации, направленной на развитие их

социально-личностных компетенций ключевой управленческой компетентности, способствовало освоению медиативных технологий

работниками, разрешению и профилактике возможных конфликтных ситуаций в процессе создания инновационной ССО.

Список литературы / References

Abualoush S., Bataineh K., Alrowwad A.A. The role of knowledge management process and intellectual capital as intermediary variables between knowledge management infrastructure and organization performance, *In Interdisciplinary Journal of Information, Knowledge, and Management*, 2018, 13, 279.

Belova E. N., Smolyaninova O. G., Tayursky A. I. Perspektivy primeneniya mediativnykh tekhnologiy v setевой samoobuchayushcheysya obrazovatel'noy organizatsii [Prospects for the use of mediation technologies in a network self-learning educational organization]. *Mediaciya v obrazovanii: polikul'turnyj kontekst: materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Mediation in education: a multicultural context: materials of the I International Scientific Conference]*, Krasnoyarsk, 2019, 123–127.

Belova E. N., Bondareva O. S. Municipal Methodical Service as a Subject of the University Threefold Network, *In Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, 8, 1524–1533. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-8-1524-1533>

Belova E. N. Upravlenie razvitiem intellektual'nogo kapitala setевой samoobuchayushcheysya organizatsii universiteta [Managing the Development of Intellectual Capital of a Network Self-Learning Organization of the University], *In European Social Science Journal*, 2014, 5 (2), 56–64.

Belova E. N. Stanovlenie i razvitie setевой samoobuchayushcheysya organizatsii dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya: dis. ... doktora ped. nauk: 13.00.08. Krasn. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva, Krasnoyarsk [Formation and development of a network self-learning organization of additional professional education: dis. ... Dr. ped. Sciences: 13.00.08. Red state ped. un-t im. V. P. Astafiev. Krasnoyarsk], 2019, 386 p. DOI: <https://doi.org/10.12731/ER 0487.16112021> (accessed 23 March 2022).

Belova E. N. Stanovlenie i razvitie setевой samoobuchayushcheysya organizatsii: monografiya. Sib. feder. un-t, Krasnoyarsk [Formation and development of a network self-learning organization: monograph. Sib. feder. un-t, Krasnoyarsk], 2020, 412 p. DOI: <https://doi.org/10.12731/ER 0489.19112021>

Boyko M. S. Mediaciya – volshebnyaya tekhnologiya posrednichestva v konfliktakh [Mediation is a magic technology of mediation in conflicts], *In Adukatar [Adukatar]*, 2008, 2, 43.

Bubnova I. S., Rerke V. I. Mediativnye tekhnologii v profilaktike ekstremizma i konfliktov v usloviyah polietnicheskoy sredy shkoly [Mediation technologies in the prevention of extremism and conflicts in a multi-ethnic school environment], *In Kazanskij pedagogicheskij zhurnal [Kazan Pedagogical Journal]*, 2016, 116 (3), 52–57, Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25844206> (accessed 03 April 2022).

Butkevich A. I. U. Psihologicheskaya gotovnost' lichnosti k realizatsii principov mediativnykh otnoshenij v praktikah povsednevnogo vzaimodejstviya [Psychological readiness of the individual to implement the principles of mediative relations in the practices of everyday interaction]. *Mediaciya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: elektronnyj sbornik materialov I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva: «Psihologicheskij institut RAO» [Mediation in the modern educational space: an electronic collection of materials of the 1st international scientific and practical conference. Moscow: «Psychological Institute of the Russian Academy of Education»]*, 2018, 60–64. Available at: <https://www.pirao.ru/upload/iblock/38c/Mediatsiya-v-obrazovatelnom-prostranstve.pdf> (accessed 03 April 2022)

Bykova A. A., Molodchik M. A. Vliyanie intellektual'nogo kapitala na rezul'taty deyatel'nosti kompanii [The influence of intellectual capital on the company's performance] *In Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment [Bulletin of St. Petersburg University. Management]*, 2011, 1, 27–55.

Cabrilo S., Dahms S. How strategic knowledge management drives intellectual capital to superior innovation and market performance, *In Journal of knowledge management*, 2018, 3 (22), 621–648. DOI: <https://doi.org/10.1108/JKM-07-2017-0309>

Chima S., Javed F. Predictors of knowledge sharing in the Pakistani educational sector: moderated mediation research, *In Cogent Business & Management*, 2017, 4 (1).

Chupris A.S. Modeli mediacii v usloviyah obrazovatel'nyh uchrezhdenij [Models of Mediation in Educational Institutions], 2016. In *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Ser.: Philology, Pedagogy, Psychology], Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-mediatsii-v-usloviyah-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy> (accessed 28 March 2022).

Derner A. Mediation Through Understanding, Available at: <http://www.mediate.com/articles/bern-erA2.cfm> (accessed 04 April 2022). 2015.

Dukhaeva L.D. Metodika razvitiya u uchitelej kul'tury konceptualizacii professional'nogo opyta v shkole kak samoobuchayushchejsya organizacii [Methodology for developing a culture of conceptualization of professional experience in teachers at school as a self-learning organization], In *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov* [Scientific support of the personnel development system], Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-razvitiya-u-uchiteley-kulturny-kontseptualizatsii-professionalnogo-opyta-v-shkole-kak-samoobuchayushchejsya-organizatsii> (accessed 3 April 2022). 2019.

Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuylov G. M. Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp: uchebnoe posobie [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups: study guide]. Moskva, Izd-vo Instituta Psihoterapii [Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy], 2002, 339.

Gkorezis P. The main opportunities for leadership and innovative teacher behavior: a model of moderate mediation, In *International Journal of Education Management*, 2016, 30(6), 1030–1044. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJEM-08-2015-0113> (accessed 2 April 2022).

Hussinki H., Ritala P., Vanhala M., Kianto A. Intellectual capital, knowledge management practices and firm performance, In *Journal of intellectual capital*, 2017, 4 (18), 904–922. DOI: <https://doi.org/10.1108/JIC-11-2016-0116>

Ilyasov D.F. Strategiya samoobuchayushchejsya organizacii v praktike obucheniya personala obshcheobrazovatel'noj shkoly [Strategy of a self-learning organization in Training Practice of Secondary School Staff], In *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2013, 5, 121–125.

Karnozova L.M., Chirkina R.V., Anikina V.G., Aruin S.E. Analiz situacii v sisteme upravleniya konfliktami i social'nymi riskami v obrazovatel'nyh kompleksah Moskvy, nahodyashchihsiya na raznyh etapah reorganizacii [Case Study in a System of Conflict and Social Risks Management in Reorganizing Moscow Educational Complexes], In *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2014, 3, 10–31. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72711.shtml> (accessed 3 April 2022).

Keleynova M.E. Usloviya formirovaniya i razvitiya intellektual'nogo kapitala [Conditions for the formation and development of intellectual capital], In *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2012, 7, 44–50.

Kononov I.U. Mediaciya v sisteme obrazovaniya: obzor opyta raznyh stran [Mediation in the education system: a review of the experience of different countries], In *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2014, 6 (3), 18–30.

Kushmet T.A., Il'chenko V.N. Mediaciya kak sovremennyy sposob uregulirovaniya konfliktov v obrazovatel'noj srede [Mediation as a modern way to resolve conflicts in the educational environment], In *Education of adults in modern conditions: problems and prospects collection of scientific articles*, 2016, 301–307, Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28810791> (accessed 4 April 2022).

Mediaciya v obrazovanii: polikul'turnyj kontekst: materialy III Mezhdunarodnoj konferencii. Krasnoyarsk, 27–29 sentyabrya 2021 g. / Sib. feder. un-t, In-t pedagogiki, psihologii i sociologii; pod obshch. red. O.G. Smolyaninova. Krasnoyarsk: SFU, 2022, 237 s. [Mediation in Education: A Multicultural Context: Proceedings of the III International Conference. Krasnoyarsk, September 27–29, 2021 / Sib. feder. un-t, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology; under total ed. O.G. Smolyaninova. Krasnoyarsk: SFU, 2022, 237 p.] Available at: <https://bik.sfu-kras.ru/ft/LIB/2/ELIB/b74/free/i-769884660.pdf> (accessed 30 April 2022).

Mediaciya v obrazovanii: polikul'turnyj kontekst: Mezhdunar. nauch. konf. Krasnoyarsk, 24–26 sentyabrya 2020 g. / pod obshch. red. O.G. Smolyaninovo; Sib. feder. un-t, 2020, 320 s. [Mediation in ed-

ucation: a multicultural context: Intern. scientific conf. Krasnoyarsk, September 24–26, 2020 / ed. ed. O.G. Smolyaninova: Sib. feder. un-t, 2020, 320 p.] Available at: <https://bik.sfu-kras.ru/ft/LIB/2/ELIB/u37/free/i-345096201.pdf> (accessed 30 April 2022).

Naydenova I.U.N., Oskolkova M.A. Transformatsiya intellektual'nogo kapitala v cennost' kompanii v ekonomike znaniy [Transformation of intellectual capital into the value of a company in the knowledge economy], *In Korporativnye finansy [Corporate Finance]*, 2011, 5 (2), 92–98.

Nikiforova L.E., Tsurikov S.V. Upravlenie znaniyami, formirovaniye i razvitiye intellektual'nogo kapitala organizatsii v ramkah obespecheniya ee konkurentosposobnosti [Knowledge management, formation and development of the organization's intellectual capital in the framework of ensuring its competitiveness], *In Sibirskaya finansovaya shkola [Siberian Financial School]*, 2010, 6, 83–96.

Nikulina T.I., Gangur A.M. Mediativnaya kompetentnost' sub'ektov obrazovatel'nogo processa Psihologicheskaya nauka i praktika: innovatsii v obrazovanii: materialy Pyatoy konf. psikhologov obrazovaniya Sibiri. [Mediative competence of the subjects of the educational process Psychological science and practice: innovations in education: materials of the Fifth Conf. psychologists of education in Siberia. Irkutsk, June 20–22] Irkutsk, 2018, 526–530 p.

Oborotova S.A. Mediatsiya kak sovremennaya tekhnologiya upravleniya konfliktami v obrazovatel'noy srede [Mediation as a Modern Technology of Conflict Management in Education Environment], *In Cennosti i smysly [Values and Meanings]*, 2015, 1 (35). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-sovremennaya-tehnologiya-upravleniya-konfliktami-v-obrazovatelnoy-srede> (accessed 28 March 2022).

Orland-Barak L., Maskit D. Mediation in vocational training, *In Methods of mediation in vocational training. Springer, Cham*, 2017, 1–14.

Prokhorova O.A. Mediation: Focus on Discourse Modeling, *in Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, 1 (12), 117–127.

Ramadan B.M., Dahiyat S.E., Bontis N., Al-Dalahmeh M.A. Intellectual capital, knowledge management and social capital within the ICT sector in Jordan, *In Journal of intellectual capital*, 2017, 2 (18), 437–462. DOI: <https://doi.org/10.1108/JIC-06-2016-0067>

Raudenbusch S., Hong G. Three stories of mediation, three analytical strategies, *In APS Observer*, 2017, 30 (2).

Shamlikashvili Tz.A., Kharitonov S. Osnovaniya mediatsii (Mediatsiya kak oblast' nauchnykh issledovaniy) [Fundamentals of Mediation. (Mediation as a field of Research)], *In Bulletin of the Federal Institute of Mediation*, 2017, 1, 30–50. Available at: http://fedim.ru/wp-content/uploads/2014/10/SHamlikashvili_Haritonov_Vestnik-FIM_1_2017.pdf

Shamlikashvili Tz.A. Mediativnyy podhod i ego vozmozhnosti v razvitiy chelovecheskogo kapitala i sovershenstvovaniy obshchestvennykh otnosheniy [Mediation approach and its possibilities in the development of human capital and improvement of public relations], *In Vestnik Federal'nogo instituta mediatsii [Bulletin of the Federal Institute of Mediation]*, 2017, 3. 10–25. Available at: http://fimvestnik.ru/wp-content/uploads/2017/10/Shamlikasvili_3_2017.pdf (accessed 04 April 2022).

Smolyaninova O.G. Praktiki polikul'turnoy mediatsii v Evrope (na primere Italii, Portugaliy, Germanii): uchebnoe posobie [Practices of multicultural mediation in Europe (on the example of Italy, Portugal, Germany): study guide] Krasnoyarsk, 2019, 188 p.

Smolyaninova O.G., Korshunova V.V., Adamova M.E. Models of training mediators for education: experience of Siberia and Kazakhstan. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2019, 12(10), 1922–1942. DOI: 10.17516/1997–1370–049

Smolyaninova O.G., Korshunova V.V. Otnosheniye uchastnikov obrazovatel'nogo prostranstva Krasnoyarskogo kraya k mediativnym praktikam [The attitude of participants in the educational space of the Krasnoyarsk Territory to mediation practices], *In Science for Education Today*, 2019, 9(3), 7–27, DOI: <https://doi.org/10.15293/2658–6762.1903.01>

Smolyaninova O.G., Popova J.V. Specific issues of training intercultural mediators for education in Europe and Russia, *in Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, 12 (2), 247–260. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997–1370–0392>

Tikhonov A. V. The Divide in Contemporary Russian Society: Society vs. Authority, In Russian Journal of Philosophical Sciences. *Filosofskie nauki*, 2019, 8 (62), 68–83. DOI: 10.30727/0235–1188–2019–62–8–68–83

Timokhina A. R. Mediatsiya v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Mediation in an educational institution]. Problemy konfliktorazresheniya v sovremennom obshchestve: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk: Yugo-Zapad. gos. un-t [Problems of conflict resolution in modern society: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Kursk: Southwest. state un-t], 2020, 361–363.

Ul'yanova I. V. Problema mediatsii v sisteme obrazovaniya Rossii: tradicii, innovatsii, riski [The problem of mediation in the Russian education system: traditions, innovations, risks]. Mediatsiya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: elektronnyj sbornik materialov I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva: «Psichologicheskij institut RAO» [Mediation in Modern Educational Environment. Institute of Psychology, Russian Academy of Education], 2018, 22–26, Available at: [https://www.pirao.ru /upload/iblock/ 38c/Mediatsiya-v-obrazovatelnom-prostranstve.pdf](https://www.pirao.ru/upload/iblock/38c/Mediatsiya-v-obrazovatelnom-prostranstve.pdf) (accessed 03 April 2022).

Vasiliev P. P., Sheveleva O. M. Sovremennye tendentsii formirovaniya trudovogo potentsiala i razvitiya intellektual'nogo kapitala [Modern trends in the formation of labor potential and the development of intellectual capital], In *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and administration], 2014, 5, 7–16.

Volegzhanina I. S., Chusovlyanova S. V., Adolf V. A., Bykadorova E. S., Belova E. N. Knowledge Management as an Approach to Learning and Instructing Sector University Students in Post-Soviet Professional Education, In *Journal of Social Studies Education Research*, 2017, 8 (2), 39–61. DOI: [10.17499/jsser.360863](https://doi.org/10.17499/jsser.360863)

Voronina O. V. Informacionnye tekhnologii v professional'noj deyatel'nosti mediatora obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Information technologies in the professional activity of a mediator of an educational institution], In *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities Studies], 2018, 3 (20), 135–139.

Wiig K. M. Integrating intellectual capital and knowledge management, In *Long range planning*, 1997, 30(3), 399–405. DOI: [https://doi.org/10.1016/S 0024–6301\(97\)90256–9](https://doi.org/10.1016/S 0024–6301(97)90256–9)

EDN: TPUJBJ
УДК 371.3

Anthropological Approach to Project Activities for the Professional Identity Formation of a Teacher in a Bilingual Environment

Ainur S. Baigunakova^{*a}, Bayan U. Joldasbekova^a,
Saule B. Begaliyeva^a and Gao Yanrong^b

^a *Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

^b *Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages
Shaoxing, People's Republic of China*

Received 24.06.2025, received in revised form 21.07.2025, accepted 15.08.2025

Abstract. The article explores the anthropological approach to project-based activity as a means of forming the professional identity of future teachers in a bilingual educational environment. The study is grounded in an interdisciplinary methodology that integrates principles of pedagogical anthropology, activity-based and competence-based approaches. The theoretical section highlights the importance of cultural, linguistic, and social factors in the development of pedagogical personality. The empirical part presents a case study implemented with students majoring in philology. This comprised project work using digital tools, gamification, and bilingual texts. The results demonstrate positive dynamics in students' reflection, professional self-determination, and engagement in the educational process. The findings confirm the effectiveness of project-based activity within an anthropological framework as a tool for shaping teacher's identity in a multilingual and culturally hybrid educational space.

Keywords: anthropological approach, project-based activity, teacher identity, bilingual environment, digital tools, professional self-determination, cultural hybridity.

Research area: Pedagogy; Social Structure, Social Institutions and Processes; Theory and History of Culture (Cultural Studies).

Citation: Baigunakova A. S., Joldasbekova B. U., Begaliyeva S. B., Yanrong Gao. Anthropological Approach to Project Activities for the Professional Identity Formation of a Teacher in a Bilingual Environment. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1718–1731. EDN: TPUJBJ

Антропологический подход к проектной деятельности в формировании профессиональной идентичности педагога в билингвальной среде

А.С. Байгунакова^а, Б.У. Джолдасбекова^а,
С.Б. Бегалиева^а, Яньжун Гао^б

^аКазахский национальный университет имени аль-Фараби
Республика Казахстан, Алматы

^бЧжэцзянский университет иностранных языков Юесю
Китайская Народная Республика, Шаосин

Аннотация. В статье рассматривается антропологический подход к проектной деятельности в качестве средства формирования профессиональной идентичности будущего педагога в билингвальной образовательной среде. Исследование основывается на междисциплинарной методологии, комбинирующей идеи педагогической антропологии, деятельностного и компетентностного подходов. Теоретическая часть статьи выявляет ценность культурных, языковых и социальных факторов в процессе становления педагогической субъектности. Эмпирическая часть демонстрирует кейс, реализованный со студентами филологического профиля, объединяющий этапы проектной деятельности с применением цифровых инструментов, геймификации и билингвальных текстов. Полученные данные показывают положительную динамику в развитии рефлексии, профессионального самоопределения и вовлеченности в процесс образования. Результаты доказывают эффективность проектной деятельности в антропологической рамке как способа формирования педагогической идентичности в аспекте многоязычного и культурно-гибридного образовательного пространства.

Ключевые слова: антропологический подход, проектная деятельность, педагогическая идентичность, билингвальная среда, цифровые инструменты, профессиональное самоопределение, культурная гибридность.

Научная специальность: 5.8.7. Методология и технология профессионального образования; 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Байгунакова А. С., Джолдасбекова Б. У., Бегалиева С. Б., Яньжун Гао. Антропологический подход к проектной деятельности в формировании профессиональной идентичности педагога в билингвальной среде. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1718–1731. EDN: TPUJBJ

Introduction

Modern modifications in the field of education, including the growth of multilingualism, digitalisation and intercultural interaction, challenge pedagogy to revise the mechanisms of teacher's professional identity formation. Under these parameters, project

activity acquires special value as it combines personal and cultural aspects of pedagogical improvement. The anthropological approach makes it possible to consider teaching as both a transfer of knowledge and a culturally established process in which the teacher realises his/her role as a mediator between tradition and innovation.

This approach is extremely relevant in bilingual educational environments where the teacher not only teaches but also transfers meanings between languages and cultures. The present study is focused on identifying the possibilities of project activity as a means of forming the professional identity of a teacher in an anthropological perspective.

Seeing teacher education through the lens of anthropology expands the prospects for a more holistic study of teacher's identity in terms of culture and the social sphere. "Anthropological approach in pedagogy is such a philosophical and methodological principle, according to which the research is carried out taking into account the achievements of the complex of sciences about man. This approach presents a holistic and systemic knowledge about man in the conditions of development and self-development of the educational and pedagogic system" (Andreev, 1996: 56). This approach regards the educational process as a phenomenon inseparably connected with culture, historical heritage and social life of population, in which the personality of a teacher is formed. It proves that the teacher does not exist outside culture. Pedagogical principles, the nature of teaching, even voice and gestures are all shaped by the traditions of the country in which the teacher lives. The world is changing rapidly, and the teacher is encouraged to preserve the best of the past while moving in unison with the future.

The purpose of this article is to expand the role of anthropology of education in the teacher's understanding of his/her professional task, to reveal the traditions of pedagogy that hold their relevance, to identify innovative methods that can transform the process of education, and to consider the key challenges faced by contemporary educators.

Today, teacher training requires both mastery of educational methods and a deep understanding of the socio-cultural context in which the teacher works: "Teachers are conductors (mediators) between the system of knowledge, cultural and historical traditions, and patterns of perception and variability of behaviour are transmitted through their subjective experiences, subjective vision, the peculiarities of the influence of culture on the development of

new generations in the context of new trends" (Basyuk, 2019: 72). Traditions passed on from generation to generation continue to shape the educational environment, but they should be combined with emerging technologies and modern pedagogical approaches. Modernisation of digital resources, integration of project-based learning, increasing importance of intercultural communication require from the teacher flexibility and adaptability to rapidly changing conditions. According to N.F. Loginova, transformations in the education system inevitably affect the individual's self-perception, a renewed understanding of the individual's place in the professional and socio-cultural space. This, in turn, causes difficulties in the formation of a stable teacher's professional identity (Loginova, 2015: 2505). Consequently, this point of view emphasises the importance of both methodological training of a future teacher and deep inner work to comprehend his/her role, which makes it especially relevant to refer to the anthropological approach in education. It is important to take into consideration that the educator, in addition to imparting knowledge, also fulfils the role of intergenerational mediator, developing in students the ability to think critically, find non-standard solutions and at the same time recognise the connection between the past, present and future. In the context of globalisation, digitalisation and constant changes in educational paradigms, there is a need to maintain a balance between traditional values and innovation, ensuring continuity of knowledge and the relevance of educational practices to current challenges.

Methods and methodology

The research is aimed at establishing the potential of anthropological approach in the formation of professional identity of a future teacher in a bilingual educational environment. The anthropological approach to education (V.I. Slobodchikov, V.I. Andreev), which considers the learning process as deeply rooted in culture, traditions and historical consciousness, was chosen as a conceptual and methodological basis. This line emphasises the human-centredness of pedagogical interaction and the recognition of the teacher as a mediator between

cultural generations. At the same time, the study uses an interdisciplinary methodological approach that combines the principles of educational anthropology, cultural-historical pedagogy, activity-based and competence-based approaches. The authors took advantage of the logic of qualitative research with elements of case study and pedagogical experiment. This choice is caused by the research task, the formation of future teacher's professional identity in a socio-cultural and bilingual context, in the light of the challenges of digitalisation, cultural hybridity and pedagogical transformations of the 21st century.

The anthropological approach in this study serves as both a conceptual framework and a tool for identifying transformations in the inner self of the future educator. Project activities are viewed as a form of existential self-awareness, and the students incorporate cultural codes, values, and symbols that shape their professional self. The anthropological perspective analyses the individuality through the lens of cultural meanings, language, rituals of educational interaction, and alignment with tradition, which delineates the originality of this approach.

The research methods included:

- review of theoretical sources on pedagogical anthropology, bilingual education and project-based learning;
- case study based on a training project implemented with students of the Faculty of Philology;
- method of included observation of students' educational dynamics;
- diagnostic procedures (questionnaire analysis, comparative analysis of results, pedagogical monitoring);
- reflexive interviews and students' feedback.

The empirical part of the study was carried out on the basis of the Kazakh National University named after Al-Farabi. The participants were 14 2nd year students of the speciality "The Russian Language and Literature" studying in a bilingual environment. The educational project involved the development of a Russian language course for a bilingual audience, taking into account cultural and lin-

guistic barriers with a focus on academic vocabulary, scientific discourse and intercultural communication.

The study was divided into the following stages:

1. Analysis of the initial level of students' training (diagnostics, questionnaires, interviews);
2. Design and implementation of the training course using project-based learning methods, gamification, digital technologies and anthropological adaptation of the content;
3. Intermediate and final monitoring of the dynamics of material assimilation, including quantitative and qualitative indicators;
4. Comparative analysis of the results before and after the implementation of changes in the course.

Data interpretation methods included:

- comparative-contrastive analysis of test results;
- scrutiny of students' learning activity;
- monitoring of qualitative feedback and students' reflexive responses;
- visualisation of the results in tables and diagrams.

An important aspect here is the contextual analysis of data, more precisely the interpretation of results through the prism of cultural norms, educational traditions and linguistic peculiarities of the target audience. This is what makes the anthropological approach both a philosophical framework and a functional tool for analysing and transforming educational practice.

Thus, the methodology of this study is a combination of humanistic and empirical methods that provide a comprehensive and cultural analysis of pedagogical reality. This allows us to reasonably assert that the professional identity of future teachers requires both technological and methodological efforts and a deep understanding of the socio-cultural code of education, which formed the object of the case study.

Main body

As is well known, anthropology is the science of humans, their origins, development, culture, and ways of interacting with the world

around them. It encompasses a wide range of knowledge, including ethnography, archaeology, biology, and sociology, studying how people adapt to changing living conditions and how their social structures are formed. Among the branches of this science, educational anthropology stands out, as it examines the impact of cultural, historical, and social aspects on the learning process, the acquisition of knowledge, pedagogical practices, and the formation of educational systems. According to V.I. Slobodchikov, the content of education is a key element that comprises all issues related to the humanistic and anthropological nature of education. It determines its fundamental connection with human existence, going beyond a strictly pragmatic and socialising approach (Slobodchikov, 2015: 140). Education, therefore, should be viewed not simply as a tool for integration or professional training, but also as a mechanism for the formation of personality, worldview, values, and the ability for cultural reflection. This approach transcends the narrow pragmatic understanding of educational activity and focuses on its human potential. Here, indispensable factors are the functional readiness for the profession and the awareness of its meanings rooted in cultural images, social expectations, and individual history. In this milieu, project activities become a space for anthropological action – a place where one observes their own pedagogical vocation, explores the meanings of education, establishes connections between culture, language, and their professional role.

The anthropology of education shows how the education system in each society reflects traditional values, the historical path of the country, and its economic and social development. Teachers are perceived differently in different countries: in some cultures, they remain the bearers of absolute authority, while in others they are mentors who create a platform for students to express themselves. These differences shape pedagogical strategies and determine which pedagogical techniques are used in different social and cultural circumstances.

For example, in traditional Asian cultures such as China or Japan, teachers are seen not only as bearers of knowledge and wisdom, but

also as mentors whose opinion is unquestionable. The education system here is often based on respect for elders, discipline and collective thinking. Students rely on the authority of the teacher and follow a clearly defined curriculum. In Western countries such as Finland, the United States, and Canada, teachers play the role of moderators who help students find solutions themselves, form their own opinions, and critically evaluate information. We believe that Kazakhstan is at the crossroads of educational approaches. Here, the anthropology of education is expressed in a combination of Eastern traditions and modern innovative methods. On the one hand, there is continued respect and admiration for teachers, discipline, and the importance of the teaching profession. On the other hand, active teaching methods, digital technologies, and project-based methods aimed at independent research, interpretation of information, and critical thinking are being promoted. This creates a distinctive educational context where future teachers learn to strike a balance between traditional values and modern requirements. They realise that the anthropology of education is not just a theory, but the key to understanding how cultural traditions shape pedagogical practice, influence learning and determine the role of the teacher in transmitting the values of society: “It is impossible to imagine the formation of a professional outside of culture. Culture as a historical phenomenon is an inexhaustible source of human development, both personal and professional. The broader and more diverse a person’s connections with cultural values are (including professional activities), the more opportunities there are for the specialists themselves” (Lomakina, Duranov, 2005: 54). Consequently, the teacher, as the main subject in the educational process, acts not only as a conduit of knowledge, but also as a guardian of the cultural code, transmitting social norms, social attitudes, and traditional ideological guidelines to students.

As V.P. Vakhterov rightly pointed out, “teachers are not servants of this or that institution, nor executors of this or that dogma imposed from outside, but defenders of the child’s right to normal physical, mental and moral development” (Vakhterov, 1916: 578).

As professionals, teachers are obliged not only to deliver educational material, without limiting themselves to standards and programmes, but also to shape the consciousness and future of society. Their words, views and values determine whether students will think critically or blindly repeat the attitudes of others, respect knowledge or see nothing good in professional skills, maintain respect for their culture or sever ties with their roots. Without this understanding, education becomes an automated process, a soulless system of information transfer, where the teacher is merely an initiator of prescribed standards, acting without depth, without pedagogical personality, and therefore without meaning. Students who come to such a teacher are not inspired, do not receive incentives for development, and do not see the value in their knowledge. Conversely, a true teacher creates cultural continuity, a living bridge between the past and the future, connecting educational tradition and modern challenges. They are not afraid of change, nor they destroy the established order; instead they adapt, reflect and rework. Simply put, they take the best of traditional schooling and combine it with the new, creating an education system that includes discipline, creative development, respect for heritage, and the search for new answers. In our opinion, it is precisely such people who are ready to be not just effective teachers, but also to nurture strong personalities capable of taking the world into their own hands. And here, a special role belongs to the teacher as a mediator, someone who not only imparts knowledge, but also guides, helps to find a balance between tradition and innovation, creating space for dialogue, growth and meaningful choice: "Acting as a mediator, the teacher carries out a special peacemaking mission, reconciling the demands of the social environment with the satisfaction of personal aspirations for development" (Utkin, 2015: 132).

In today's world, where education is becoming more diverse and digital, it is still necessary to take national educational traditions into account. This is especially important in a bilingual environment, such as in Kazakhstan, where teachers work not only with language but also with different cultures that require a

special approach. It should be noted that "a bilingual educational environment is a system of psychological and pedagogical conditions that provides opportunities for the development of students' abilities and personal characteristics" (Varlamova, 2018: 57). It is no secret that educational anthropology considers learning not only as a process of knowledge transfer, but also as a means of shaping personality in the corresponding cultural and linguistic context. In a bilingual environment, it is important to take into account the ethno-psychological characteristics of students, their worldview and cognitive strategies, which allows for the creation of the most favourable conditions for development. Modern teachers must be able to adapt to the diversity of students, combining in their work traditional educational values with innovative methods. As one can see, the anthropology of education emphasises the significance of the cultural aspect in the process of teacher training. Even in the most innovative methods, the role of the teacher as a moral guide remains fundamental. They transfer not only educational material, but also cultural meanings, values, and respect for knowledge.

Nowadays, teaching practice requires both mastery of the subject and methods, as well as the ability to organise a well-thought-out, cultural educational environment. Among the most effective processes for preparing teachers for such activities is project-based learning, i.e. a method that helps future teachers experience the profession through practice, interaction, reflection, and solving real-world problems.

As part of their project work, students study pedagogical theory, develop and test their own educational solutions, and face real-life challenges. They become active participants in the pedagogical process, make decisions, analyse results, and form professional guidelines. This approach avoids stereotypical teaching and creates a stable professional identity.

Modern challenges require teachers to be able not only to create an educational environment but to master cutting edge technological methods, game strategies, and intercultural communication. Digitalisation increases teaching opportunities by combining online courses, interactive platforms and virtual resources that

make the learning process more flexible and understandable. However, “technology should not replace the educational process itself, but only complement it, creating conditions for deeper knowledge acquisition” (Baygunakova, Begalieva, 2025: 378). This approach allows the digital environment to be used as a means of enhancing pedagogical impact through the development of new forms of interaction, including gaming and intercultural components. Gamification and use of game technologies transform knowledge acquisition into an exciting and motivating process, helping students to engage more easily with complex topics. Intercultural communication, in turn, becomes a unique skill for teachers working in a bilingual environment, where it is necessary to consider the cultural characteristics and worldview differences of students.

It should be noted that, from the perspective of educational anthropology, this indicates that teachers are not merely carriers of knowledge, but mediators between traditions and contemporary educational trends. Their professional competencies are formed both through the study of pedagogy and through their interaction with the cultural and digital space in which they work. In such circumstances, innovative methods of teacher training do not replace traditional approaches, but complement them, creating a balance between fundamental educational values and new opportunities in the learning process. As we know, innovation is not just about technology. It is a new way of thinking, in which the teacher acts as a guide and organiser of the educational process.

It is important to emphasise that the world is changing faster than educational programmes can adapt to current situations, and the central task for teachers is to preserve their professional identity while remaining demanded in a rapidly changing society. Working with young people requires an understanding of the mental characteristics of students, whose intensity of information perception has accelerated significantly. “Modern technologies today allow you to learn almost any type of activity on your own. The educational content is so broad and diverse that it suits any pace of learning, takes into account all the personal characteristics

of the learner, and is even adapted to students with disabilities. More and more schoolchildren and their families are beginning to switch to independent learning. In this model of educational activity, the school becomes merely a supervisor and co-organiser of learning. If this trend continues, the role of the teacher will inevitably be reduced to that prescribed by law, namely the provision of educational services and only that, which modern teachers dislike. If we do not want to approach practical disqualification and devaluation of the teaching profession, we must work together to find a way to the child’s heart, to understand their aspirations, and to be able to inspire them not only with the subject being taught, but also with the personality of the teacher” (Ryndak, 2005: 43). It is important not just to teach, but to establish a dialogue with Generations Z and Alpha, creating an engaging educational environment. In addition, modern teachers must be flexible and sensitive, able to work with bilingual students, children with special needs, and representatives of different cultures, creating an inclusive educational environment where every student feels heard and involved in the learning process. In this context, it becomes relevant to create a partnership environment that combines the efforts of schools and universities aimed at supporting the pedagogical development of future teachers. As noted by S.B. Begalieva and co-authors, “in the context of modernising the content of education, it is necessary to create a unified collaborative ‘school-university’ environment to support students’ research activities, especially in the humanities” (Begalieva et al., 2025: 8). This approach makes it possible to provide methodological and scientific support to teachers and students, creating conditions for the integration of digital humanities tools into the educational process.

Considering all the tasks facing modern teachers and being convinced that theory without practice is useless, we have developed a series of innovative anthropological practices that, in our opinion, will help shape future educators. In this article, we would like to present our first project, which we developed together with our students for a bilingual audience. For our research we took heed of the

recommendations of Professor S. B. Begalieva, who argues that design is a well-thought-out, step-by-step process, where each stage has its own important role. First, you need to carefully study the situation to see the essence of the problem and determine the direction of future work. Then an idea is born making the foundation around which the entire concept is built. Gradually, this idea takes shape: technologies are thought out, a clear plan of action is created, and the necessary resources are selected. Finally, when everything is ready, all that remains is to bring the idea to life and assess how well the project has met expectations and achieved its goals (Begalieva, 2016: 5). Consequently, project-based learning is not limited to external structure; it breaks through to the root of pedagogical development. Project-based learning methods make the teacher's process not only purposeful but also meaningful. It provides an opportunity to experience the profession, to feel the corresponding development, to sense that pedagogy is not a set of rules but a living system where every lesson is a process, every interpretation implies creativity, and every mistake is the beginning of development.

Case study: Project-based learning for future teachers in a bilingual classroom

Against the backdrop of the transformation of modern teacher education, the priority task is not simply to transfer knowledge, but also to help future teachers develop a coherent professional identity. This challenge is particularly relevant in a bilingual classroom, where students learn their profession through academic disciplines and through the experience of linguistic, cultural and social self-realisation. The presented case was carried out as the empirical part of a study aimed at exploring the possibilities of anthropologically oriented educational practices. It embodies a model of project-based interaction in a bilingual environment, the model which incorporated digital and innovative teaching methods.

The aim of the case study is to test the possibilities of anthropologically oriented and innovative educational practices for the creation of the bilingual professional identity of future teachers of the Russian language and literature.

The organisation represents team project work focused on the creation of educational digital products, with elements of independent research, digital interaction, visual reflection and interlingual presentation.

The case study is based on an anthropological approach, which involves the active inclusion of students as subjects of pedagogical reflection, their orientation towards the mastery of technologies, and the creation of their own professional identity in conditions of cultural and linguistic diversity. The practical implementation of the case study involved targeted work by students at all stages of the project using digital platforms, bilingual texts, and interactive devices. Each stage was accompanied by specific actions and tasks aimed at developing professional reflection, methodological skills, and understanding of personal pedagogical position.

At the **self-determination** stage, students explored their own motivational drive, answered questions in a digital questionnaire, discussed in groups key challenges facing modern schools, and visualised their personal values. In addition, they formulated an image of the “teacher of the future”, linking it to the national and cultural context. These materials became the initial stage of the project design.

During the **research** stage, the case study participants worked with bilingual text fragments, namely excerpts from Russian and Kazakh fiction, essays and interviews. The research focused on identifying cultural symbols, metaphors, specific linguistic expressions and images. The teams drew conclusions on various platforms, creating mind maps and text notes with Internet links to the contextual details. An essential element was the collective discussion, during which students compared interpretations, made assumptions and critically reflected on differences in understanding certain meanings.

The **product creation** stage involved designing students' own digital teaching resources. Each team identified their target audience, after which video scripts, interactive infographics, language cards and mini-podcasts were created. Various tools were used, alongside with voice memos and elements of engag-

ing storytelling. At this stage, students demonstrated creativity, tested digital formats, and adapted content for a bilingual class.

The final stage, **presentation and reflection**, included a public defence of the project with the feedback from groupmates and the teacher. During the discussions, special attention was paid to both the content and the communication strategy, visual presentation, and the ability to justify the choice of solutions. The final task was a visual reflection, when each team created an image of their professional “self” as a future teacher and commented on it in front of the audience.

To illustrate and systematise the project logic, the Table 1 shows the sequence of stages, the digital tools used, and the pedagogical effects.

We believe it is possible to assert that, in the course of completing all four stages of the project, students mastered new teaching techniques and were gradually integrated into the professional field, within which the foundations of their future identity were formed. Particular attention was paid to how students perceive themselves in the role of teachers in a bilingual educational environment. The combination of project-based learning, digital tools and personal involvement allowed each participant to express their pedagogical vision in a concrete digital or visual product. These products were both the result of teamwork and a valuable means of self-expression, reflecting the level of mastery of educational culture and their individual style.

The Table 2 shows the final project’s main products created by students as part of the case study, as well as their correlation with the components of their bilingual professional identity. Each team presented its own solution, which weighs the specifics of the bilingual environment and their own understanding of the pedagogical interaction goals.

Thus, each of the project’s products became the result of educational activities and a reproduction of the profound changes in forming a bilingual professional identity. Through their choice of devices, content and presentation of the product, students conveyed their attitude towards the profession, the linguistic and cultural environment, and their own professional identity. These aspects are vital in the context of anthropologically oriented pedagogy, where external action is linked to internal growth.

No product developed within the case study was accidental or purely creative. We believe that projects represented a conscious attempt by future teachers to build pedagogical communication considering differences in linguistic perception and cultural interpretation.

For example, when creating the podcast “Bilingual Literature Lesson”, students not only translated the material; they developed the structure of each episode accounting for language alternations, selecting adjusted wordings, and emphasizing specific terms that might cause difficulties for learners with Russian as a second language. This reflects both

Table 1. Different stages of project activity and innovative methods

№	Stage	Goals and objectives	Innovative methods	Expected results
1.	Self-determination	Awareness of one’s role as a future teacher	Digital surveying (Mentimeter), visualisation of values (Miro)	Motivation, initiation of self-reflection
2.	Research	Analysis of bilingual practices and cultural characteristics of teaching	Padlet, Trello, digital interviews, collaborative notes	Expanding pedagogical horizons
3.	Product creation	Development of a didactic digital resource	Canva, Gamma, video scripts, interactive maps, podcasts	Project experience, introduction in the profession
4.	Presentation and reflection	Public presentation of the project, reflection on the “I-image”	Visual reflection, feedback, defence in different roles	Identity formation through dialogue and publicity

Table 2. Types of project products and their connection to bilingual identity

№	Group / Product	Used means	Identity component
1.	Group 1. Podcast “Bilingual Literature Lesson”	Audio recording, voice-over in two languages	Language and speech subjectivity
2.	Group 2. Interactive map of fairy tales	Visual navigation	Text-centredness and visual creativity
3.	Group 3. Video analysis of the lesson with subtitles	Canva, subtitles, video editing	Methodological awareness
4.	Group 4. Study of the perception of a bilingual text	Questionnaire, analytics	Cultural and semantic reflection

their linguistic flexibility and methodological thoughtfulness.

In the case of the fairy tale map, participants aimed to compare plots, symbols, and characters from Russian and Kazakh traditions, choosing understandable visual images and bilingual explanations that simplified intercultural understanding. In the video lessons subtitles and bilingual clarifications were systematically added. They focused not only on conveying the meaning but also on developing language sensitivity among students.

For instance, one of the teams made a project task called “Bilingual Explanation of a Literary Term”. Students prepared a video lesson about the term “metaphor” with subtitles in Russian and Kazakh. Explanation was structured. First, they provided the definition in Russian with examples from classical works; then, an adapted interpretation was presented in Kazakh with translations of key concepts and parallel examples from Kazakh literature. The video included visual cues, graphic schemes, and pauses for re-absorbing information in the second language. The task served methodical, linguistic, and cultural functions simultaneously: it developed skills for explaining material to a bilingual audience and demonstrated the future teachers’ ability to adapt theoretical concepts for a multilingual classroom.

In this way, project activities enabled students to demonstrate digital and methodological competence and to gain a foothold as future educators capable of teaching amid cultural

and linguistic hybridity. This is especially important in preparing teachers for schools with polylingual students, where a nuanced understanding of bilingual dynamics is required.

The anthropological approach in pedagogy requires not only the consolidation of the external results of students’ activities, but also the analysis of internal changes. This applies to improvements that occur at the level of self-awareness, attitude towards the profession, and the ability to reflect on teaching. “A teacher who has mastered the anthropological approach is characterised by a personal interest in the development of the child as a person, not just as a learner. They see the meaning and purpose of their work not so much in imparting knowledge to children, teaching them discipline, and developing some aspect of their personality (intellect, awareness, feelings, will, body, spiritual sphere), but rather in contributing to the improvement of the child as a whole being” (Kornetov, 2002: 5).

In this case, particular importance was attached to these internal transformations. Students did not simply complete project tasks, rather they lived through an educational situation that required them to make choices, take initiative, make decisions, engage in collective discussion, and responsibly present their results to everyone.

Consequently, the digital products created made it possible to fix both the external results of the project activities and the internal processes of the students’ professional development.

Nevertheless, for a comprehensive assessment of the case's effectiveness, it was necessary to identify changes in the participants' self-perception. This concerned the depth of the students' awareness of themselves as future teachers, as well as changes in their attitude towards the profession and their own capabilities. To this end, a self-assessment procedure was carried out, the results of which are presented in Table 3.

To analyse these changes, a reflective self-assessment was carried out in the final part of the case study, in which participants were asked to express their attitude towards key aspects of professional development. The data presented in the following table show positive dynamics across all parameters – from awareness of their role in the educational process to confidence in their professional choice. This transformation can be seen as an important indicator of the formation of a bilingual professional identity, which proves the effectiveness of the innovative methods used in the anthropological framework of teacher training.

The assessment of students' engagement levels in project activities was conducted based on comprehensive self-evaluation carried out at the final stage of the case study. For this purpose, an original questionnaire was used; statements were rated on a 10-point Likert scale (from 1 – “completely disagree” to 10 – “completely agree”). The statements addressed aspects such as awareness of one's role in the educational process, professional confidence, readiness for self-analysis, and involvement in the bilingual educational context.

Additionally, to specify the results, real-time observation methods were employed. Instructors recorded behavioural indicators of students' productivity, participation in discussions, and initiative in creating digital prod-

ucts. The data from the questionnaires and observations were compared and averaged for each parameter.

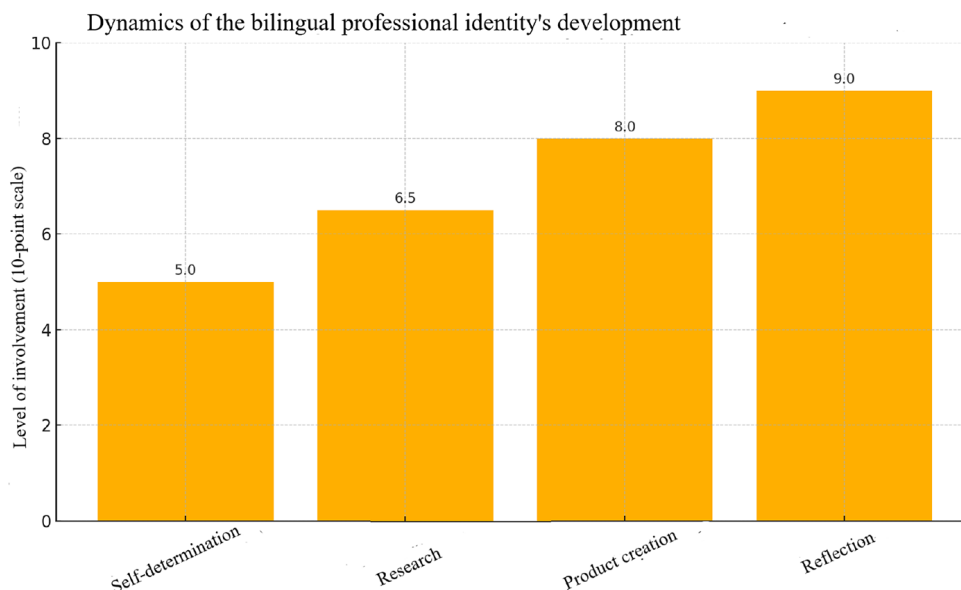
The indicators in Table 3 represent a combined quantitative and qualitative analysis, with a positive dynamic in the participants' professional self-determination. As can be seen, the self-assessment data obtained prove positive dynamics in all crucial aspects of professional development. Particularly noticeable is the growth in awareness of one's role in the educational process and confidence in one's choice of profession. This verifies that participation in project activities has enabled students to master teaching methods and internally accept the pedagogical mission as part of their own identity. The increase in the level of self-reflection indicates the formation of the ability to assess one's personal professional position and behaviour in the educational environment. Within the framework of the anthropological approach, this is considered a prerequisite for the creation of the teacher's “self-image”. Increased involvement in the bilingual context reflects adaptation as well as a deep understanding of the role of language and culture in the educational process.

Hence, each of the indicators presented illustrates both the acquisition of content and the modification of the value system, attitude towards the profession, and understanding of one's professional place.

For a more visual representation of the results, a diagram was created reflecting the growth in the level of student involvement in professional self-realisation at each stage of the case study. The visualisation shows the developing formation of a bilingual professional identity: from motivation and awareness of the role of a teacher to reflection, including

Table 3. Reflection of changes in students' self-perception (before and after the project)

№	Indicator (self-assessment)	Before the project (avg.)	After the project	Growth
1.	Awareness of one's role in education	4,8	8,6	+3,8
2.	Confidence in career choice	5,2	8,9	+3,7
3.	Ability to self-reflect	5,6	9,1	+3,5
4.	Involvement in a bilingual context	6,0	9,0	+3,0

thoughtful perception of oneself in the teaching role. The diagram confirms that project activity within an anthropological framework promotes uneven but, at the same time, sustainable personal and professional growth.

The bar chart shows the growth in students' professional engagement across four key self-assessment parameters. The values are based on the average scores obtained before and after the project activity, collected through the survey process.

Summing it up, the case study confirmed the success of an anthropologically oriented approach to training future teachers in a bilingual environment. The use of project-based learning, coupled with digital tools and gamification techniques, contributed to the formation of students' professional identity and ensured their personal involvement in the process of becoming teachers. The results obtained reinforce the need for the subsequent introduction of similar formats in teacher education, particularly in regions where educational practice is implemented in a multilingual and multicultural environment.

Results

The results of the study present both theoretical and empirical data supporting the ef-

fectiveness of the anthropological approach in training future teachers of the Russian language and literature in a bilingual environment.

At the theoretical level:

- There was specified the concept of bilingual professional identity of a teacher as an integrative quality formed at the intersection of linguistic, cultural and professional ways of reflection;

- There was substantiated the significance of the anthropological framework, when a student is considered as a subject of pedagogical experience undergoing self-realisation in the profession;

- There were identified and described the didactic possibilities of innovative teaching methods (project-based learning, digital tools, elements of gamification) introduced into the teacher training process;

- The value of digital and project forms as the tools of forming competences and building «self-image» of a future teacher was proven;

- It was confirmed that the case methodology can be transferred to other bilingual or multicultural educational contexts.

At the empirical level:

- A case study entitled “Project-based learning for future teachers in a bilingual class-

room” was developed and tested as part of a teaching second-year students.

- Positive dynamics were identified in the development of students’ professional identity, including increased reflectiveness, confidence in their choice of profession, and inclusion in a bilingual educational context;

- The value of digital and project-based forms as tools for developing competencies and building a holistic “self-image” of the future teacher was proven;

- It has been confirmed that the case methodology can be transferred to other bilingual or multicultural educational contexts.

An important component of the project activity was the development of different elements of the authors’ course on the Russian language and literature, intended for a bilingual audience. Students created prototypes of modules that take into account the linguistic disparities among students, the peculiarities of intercultural perception of literary texts, and the integration of digital and interactive forms of material presentation. The resulting modules reflected both meaningful teaching methods and value attitudes related to the development of linguistic identity and pedagogical strategic thinking.

Discussion

The results attest to the effectiveness of combining anthropological and innovative approaches in shaping the personality of future teachers. Project-based activities, when integrated into the bilingual educational process, activate cognitive, value-based and emotional levels of perception of future profession. The presented case contributes to the development of applied anthropology of education and can be used as a model for rethinking the content and technologies of teacher training.

Of particular importance is the fact that students did not simply master technologies, but experienced a transformative path of professional development through personal involvement in the project, which corresponds to the foremost tasks of modern education. In the course of the project work, instead of some abstract exercises the students developed specific elements of a training course aimed at a bilingual audience. This design cultivates

their methodological skills and deep reflection on the teaching of language and literature as a carrier of culture and a means of dialogue. Therefore, the course can become not just the result of pedagogical design, but also a space for the creation of the professional identity of future teachers.

We believe that the case study clearly displays how the professional identity of future teachers is shaped in university classrooms, particularly through reflection, mastering practical skills, awareness of their mission, and involvement in a modern teaching community focused on the values of cooperation, culture, and meaningful interaction. “A teacher who feels a member of such a team not only becomes capable of effectively developing the creative potential of students, but also builds their own creative potential, and the school becomes a school of the twenty-first century” (Kamensky, 2018: 14).

Conclusion

In our opinion, the study established that training future teachers in a bilingual environment requires a pedagogical model that combines humanistic values and innovative methods focused on the individual learner. Anthropologically oriented project-based activities, enhanced by digital and gamified tools, become a means of active learning, as well as a space for the formation of professional self-awareness.

The developed and implemented case study demonstrates the possibility of integrating academic, value-based and activity-based components into a single educational situation aimed at the creation of bilingual professional identity. The development of several course fragments for a bilingual audience showed that project activities can become a tool for the formation of professional identity, in addition to a model of pedagogical design that can be reproduced in real educational practice. The results obtained can serve as a starting point for the introduction of new pedagogical practices in teacher training in a multilingual and intercultural cooperation environment, or be used for further research in the fields of pedagogical anthropology, digital pedagogy and interdisciplinary education.

References

- Andreev V.I. *Pedagogika tvorcheskogo samorazvitiia* [Pedagogy of creative self-development], 1. Kazan, Kazan State University, 1996. 567.
- Basyuk V.S. Posredniceskaia funktsiia pedagoga kak osnova sub'ekt-sub'ektnogo vzaimodeistviya v obrazovatel'nom protsesse [Mediating role of an educator as the basis for subject-subject interaction in educational process]. In: *Razvitie lichnosti* [Person's development], 2019, 4, 67–93. DOI: 10.31862/2073–9788–2019–4–67–93 EDN: YUMMLK
- Baygunakova A.S., Begalieva S.B. Perspektivy tsifrovoy transformatsii proektnogo obucheniya v vysshei shkole Kazakhstana [Prospects for the digital transformation of project-based learning in higher education in Kazakhstan]. In: *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 2025, 3, 4(85), 378–391. EDN: HTIVMC Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-tsifrovoy-transformatsii-proektnogo-obucheniya-v-vysshey-shkole-kazakhstana> (accessed 2 June 2025).
- Begalieva S.B. Metod proektov v obrazovatel'noi deiatel'nosti [Methods of projects in the educational activity]. In: *Nauchnoe obozrenie. Referativnyi zhurnal* [Scientific Review. Pedagogical science], 2016, 1, 5–6. EDN: WLXVXT
- Begalieva, S., Shmakova, E., & Zhunisbayeva, A. Creation of a Collaborative “School–University” Environment to Support Research Activities in Schools. In: *Education Sciences*, 2025, 15(1), 100. DOI: 10.3390/educsci15010100 EDN: TXCTVD
- Kornetov G.B. (ed.) *Istoriia pedagogiki, pedagogicheskaya antropologiya* [History of pedagogy, pedagogical anthropology]. Moscow, University of the Russian Academy of Education Publishing, 2002. 104.
- Kamenskiy A.M. Sovremennyy uchitel': novye vyzovy i vozmozhnosti [Modern teacher: new challenges and opportunities]. In: *Chelovek i Obrazovanie* [Man and Education], 2018, 3(56), 10–14. EDN: VRUVTQ
- Loginova N.F. Youth Professional Educational Games as a Condition for Young Teachers' Professional Identity Formation. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, 8(11), 2505–2516. DOI: 10.17516/1997–1370–2015–8–11–2505–2516
- Lomakina I.S., Duranov M.E. Antropologicheskii podkhod i professional'naya podgotovka studentov [Anthropological approach and professional training of students]. In: *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdoravookhraneniye, fizicheskaya kul'tura* [Bulletin of the South-Ural State University, Series: Education, Health, Physical Culture], 2005, 4(1), 52–55. EDN: KZHPQB
- Ryndak V.G. Kreativnoye obrazovanie: sostoyaniye i napravleniye razvitiya [Creative education: current status and directions for development]. In: *Psikhologo-pedagogicheskii poisk* [Psychological-pedagogical search], 2005, 2, 42–51. Ryazan. EDN: MWHJGX
- Slobodchikov V.I. Antropologiya obrazovaniya – kak predchuvstvie smysla [Anthropology of a education – as a premonition of sense]. In: *Nauka i shkola* [Science and School], 2015, 6, 138–142. EDN: VKAVBB
- Utkin A.V. Sotsial'naya missiya uchitelia: vzgliad iz proshlogo v budushchee [The social mission of teachers: a look from the past to the future]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2015, 5(66), 128–135. EDN: ULFYOZ
- Vahterov V.P. *Osnovy novoy pedagogiki* [Bases of new pedagogy], 1. Moscow, I.D. Sytin Publishing House, 1916.
- Varlamova V.A. Bilingval'naya obrazovatel'naya sreda v pedagogicheskikh issledovaniyakh [Bilingual educational environment]. In: *ANI: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2018, 4(25), 56–58. EDN: YTHGEP

EDN: SNRMCT
УДК 94(470) “1941/1945”; 373(571)09

Rural Teaching in Krasnoyarsk Region During the Great Patriotic War: Anthropological and Sociological Aspects of Everyday Life

Marina A. Lapteva^{*a}, Olga B. Lobanova^b
and Larisa S. Shmulskaya^b

^a*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*Lesosibirskij Pedagogical Institute –
branch of Siberian Federal University
Lesosibirsk, Russian Federation*

Received 27.05.2025, received in revised form 11.08.2025, accepted 18.08.2025

Abstract. An appeal to the history of everyday life of such a social group as rural teaching fills a gap in the study of the lifestyle of educators during the Great Patriotic War. Changes in everyday life of provincial school workers, the specifics of their daily work, and the peculiarities of everyday life allowed us to raise new questions about the role played by the rural teaching intelligentsia in 1941–1945 in a particular region. New factual material (articles and notes from regional newspapers) reveals the problem of everyday life of teachers in Krasnoyarsk region; it was established that, despite all the difficulties of wartime, the school network was preserved in the Siberian outback largely due to the selfless work and initiative of rural teachers. Little-known facts of microhistory allow us to include the rural teaching intelligentsia of Krasnoyarsk region in a broad social context and show its significant role in the life of the region during the Great Patriotic War.

Keywords: rural teachers, the Great Patriotic War, Krasnoyarsk region, teachers' daily life, general education, assistance to the front, propaganda and educational work.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Lapteva M.A., Lobanova O.B., Shmulskaya L.S. Rural Teaching in Krasnoyarsk Region During the Great Patriotic War: Anthropological and Sociological Aspects of Everyday Life. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1732–1745. EDN: SNRMCT

Сельское учительство Красноярского края в годы Великой Отечественной войны: антропологические и социологические аспекты повседневности

М.А. Лаптева^а, О.Б. Лобанова^б, Л.С. Шмультская^б

^аСибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^бЛесосибирский педагогический институт –

филиал Сибирского федерального университета

Российская Федерация, Лесосибирск

Аннотация. Обращение к истории повседневности такой социальной группы, как сельское учительство восполняет пробел в изучении образа жизни работников просвещения в годы Великой Отечественной войны. Изменения в повседневной жизни провинциальных школьных работников, специфика их ежедневной работы, особенности быта позволили поставить новые вопросы о том, какую роль играла сельская учительская интеллигенция в 1941–1945 годах в отдельном регионе. На новом фактическом материале (статьи и заметки региональных газет) раскрывается проблема повседневности учительства Красноярского края; установлено, что, несмотря на всю сложность военного времени, в сибирской глубинке была сохранена школьная сеть во многом благодаря самоотверженному труду, проявленной инициативе сельских учителей. Малоизвестные факты микроистории позволяют включить сельскую учительскую интеллигенцию Красноярского края в широкий социальный контекст и показать ее значительную роль в жизни региона во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: сельские учителя, Великая Отечественная война, Красноярский край, учительская повседневность, всеобуч, помощь фронту, агитационно-просветительская работа.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Лаптева М. А., Лобанова О. Б., Шмультская Л. С. Сельское учительство Красноярского края в годы Великой Отечественной войны: антропологические и социологические аспекты повседневности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1732–1745. EDN: SNRMCT

Введение

в проблему исследования

Полная картина исторических событий 1941–1945 гг. не может сложиться без описания фактов, отражающих повседневную жизнь тружеников тыла. Несмотря на самый сложный период в жизни нашего народа, все государственные учреждения, в числе которых была и школа, продолжали функционировать. Учителя осознавали

всю возложенную на них ответственность, поскольку именно школа оставалась тем социальным институтом, который был призван заниматься воспитанием будущих граждан страны и организацией повседневной жизни школьников и взрослого населения. Изучение истории повседневности учительства как особой социальной группы в годы Великой Отечественной войны видится актуальным в связи с 80-летием Великой Победы. Кро-

ме того, осмысление роли провинциальной интеллигенции в формировании будущего кадрового потенциала страны, в трансляции государственной политики для широких масс, в сохранении моральных ценностей и поддержании силы духа тружеников тыла обозначает проблему генерализации фактов микроистории с целью реконструкции общей картины повседневности Сибирского региона в военный период.

Сегодня в научном пространстве имеется значительное количество исследований, отражающих повседневность учительского труда в военное время в отдельных краях и областях, больших и малых городах, в сельских поселениях.

Отдельные исследователи (М.В. Богуславский (Boguslavskij, 2020), А.Ф. Долгушина (Dolgushina, Usol'ceva, 2024), Н.В. Малхасян (Malhasyan, 2010), А.В. Овчинников (Ovchinnikov, 2020), М.А. Поночевный (Ponochevnyj, Rubcov, 2022) и др. обращаются к описанию жизни учительства в военное время в стране в целом, выделяя общие тенденции в изменении жизни учительской интеллигенции, большая часть которой в это время была представлена женщинами.

Дополняют общую картину и подтверждают ее частными фактами исследователи, которые анализируют разноплановую работу учителя в отдельных регионах: Калининская область (Л.А. Болочкина (Bolockina, 2019)), Костромской край (Н.А. Белова (Belova, 2015)), Западная Сибирь (М.П. Дудкина (Dudkina, 2013)), Дагестан (Л.Г. Каймаразова (Kajmarazova, 2009)), Красноярский край (З.У. Колокольникова (Kolokol'nikova, 2022)) и др.

Особый интерес представляют факты микроистории жизни учителей в отдельных городах и сельских поселениях: Олекминский улус (А.П. Колпакова (Kolpakova, Semenova, Degtyareva 2020)), Сталиногорск (М.В. Митрофанова (Mitrofanova, 2019)), Кемерово (А.В. Блинов (Blinov, 2023)), поселок Большое Мурашкино Нижегородской области (Д.В. Кирюхин (Kiryuhin, 2020)), Ямал (Л.В. Соломина (Solomina, 2023)), Аромашевский район Тюменской области (А.И. Гаврюк (Gavryuk, Ivanenko, 2019)).

Список работ, посвященных анализу повседневной жизни учителя в сложное военное время, может быть продолжен. Обобщая многочисленные исследования, приходим к выводу о том, что в условиях войны педагогический труд стал делом особой важности. М.В. Богуславский справедливо отмечает, что «учителя рассматривали свою деятельность как часть всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков. «Никаких скидок на военную обстановку!» – таков был лозунг учителя во время войны» (Boguslavskij, 2020: 103). Это свидетельствует о значимости изучения новых нетиражированных фактов из жизни учительства. В связи с этим Н.А. Белова утверждает, что «было мало попыток изучить быт, жизненные ориентиры и потребности учителей как группы российской интеллигенции, тем более если речь идет об учителях российской провинции» (Belova, 2015: 7).

В связи с этим территориальные рамки настоящего исследования ограничены Красноярским краем, тем регионом, который в годы войны стал местом военной подготовки и мобилизации, лечения и реабилитации раненых, размещения эвакуированных, поставки продовольствия. Хронологически исследование охватывает период с июля 1941 года по июнь 1945 года: именно в это время существенно изменилась повседневная жизнь учителей сельских поселений Красноярского края. В годы Великой Отечественной войны сельские учителя Красноярского края оказались в условиях, требующих не только профессиональной, но и гражданской ответственности: они продолжали образовательную деятельность, несмотря на трудности, связанные с военным временем; вели большую общественную работу с населением, направленную на укрепление тыла и поддержку фронта. В связи с этим цель данной статьи – исследовать и охарактеризовать повседневную жизнь сельских учителей Красноярского края в 1941–1945 гг., опираясь на материалы статей и заметок региональных газет Красноярского края военного времени.

Методология

Фактологическую основу исследования составили материалы региональной периодики военного времени, что определяет ценность настоящей статьи. По мнению Р. В. Митиной, которая определяет печатные издания как один из основных типов исторических источников, периодика обладает таким свойством, как синтетичность, что дает возможность изучать разнообразную историческую информацию (Mitina, 2015). Методом сплошной выборки был сформирован банк статей и заметок районных газет Красноярского края: «Сталинский путь» (Каратузский район), «За ударные темпы» (Уярский район), «Сталинский клич» (Емельяновский район), «Манский колхозник» (Манский район), «Ударник социалистических полей» (Сухобузимский район), «Ангарский колхозник» (Богучанский район), «На социалистической стройке» (Тасеевский район), «Ленинский путь» (Ачинский район), «Большевицкий путь» (Богградский район), «За сталинские колхозы» (Пировский район), «Знамя Ленина» (Большеулуйский район) и др. Газеты, особенно региональные, сохранили картину повседневной жизни сибирского учителя, что позволяет объединить частные разрозненные факты в общую социально-культурную историю страны. Фактологический анализ статей и заметок региональной периодики Красноярского края позволяет очертить круг проблем, которые решало сельское учительство в годы войны: охват детей школьного возраста всеобщим обучением; организация труда школьников в сельском хозяйстве; проведение агитационной и политико-просветительской работы среди населения. Кроме того, в статье был использован сравнительно-исторический метод, **который позволил выявить общее и особенное в работе учительской общест-венности в военное время.**

Основу методологии статьи составили следующие принципы: принцип объективности, который позволяет с опорой на исторические события воспроизвести объективную картину учительской повседневности в годы войны; принцип историзма, который дает

возможность проследить преломление истории страны в истории отдельного региона.

Социальный статус и профессиональная нагрузка сельских учителей Красноярского края в годы войны

Борьба за всеобщее обучение была первостепенной задачей советского учителя в годы войны. Результаты работы школ Красноярского края по решению этого вопроса обсуждались на краевых конференциях заведующих горно и районо. Так, заведующий крайоно товарищ Филиппов в своем докладе «Об итогах первого учебного полугодия 1941/1942 учебного года» на Краевой конференции работников народного образования отмечал: «Война повлияла на жизнь школы: частично обновился преподавательский состав, изменились условия работы. Возросли требования к учителям и учащимся» (Краевая konferenciya..., 1942: 4). Кроме того, в докладе была дана оценка деятельности школ Красноярского края: процент охвата детей школьным обучением; процент и качество успеваемости; вовлеченность школьников в «выполнение задач по защите Родины»; «увязка программного материала с жизнью, с Отечественной войной». В ходе конференции были обозначены проблемы, с которыми столкнулись школы края: качество образования, его содержание; включение в образовательный процесс эвакуированных детей; повышение политического уровня учителей; материально-техническое оснащение школ; материальное положение учителей.

На системном уровне проходили районные совещания учителей, кустовые методические объединения, методические секции и педагогические советы в школах. Неотъемлемой частью учительских совещаний всех уровней в военное время были «лекции о международном положении и доклады о положении на фронтах Отечественной войны и успехах Красной Армии по разгрому врага» (S rajonnoj konferencii..., 1944: 2; Pohabova, 1944: 3).

Основные вопросы, которые обсуждались в рамках совещаний, освещались

на страницах региональных газет, что позволяло широкой общественности включаться в жизнь школы. Анализ публикаций («Краевая конференция работников народного образования», «Районное совещание учителей», «Районная конференция учителей», «С районной конференции учителей», «Результаты районной конференции», «Что решило собрание учителей» и др.) в газетах позволил очертить круг проблем, которые решало учительство:

- выполнение закона о всеобуче;
- повышение успеваемости и качество знаний;
- военное обучение в школах;
- повышение идейно-политического уровня учителей и научно-просветительская пропаганда;
- повышение педагогической квалификации и обсуждение результатов работы отдельных учителей;
- организация кружковой работы;
- санитарно-оздоровительная работа;
- работа с родителями.

По результатам работы совещаний выработывался ряд конкретных мероприятий. Примером тому может служить районное совещание учителей Удерецкого района в сентябре 1944 года, в резолюции которого было намечено: «в новом учебном году полностью осуществить все задачи, поставленные партией и правительством и перед школой в деле улучшения качества обучения и воспитания детей: освоение учащимися полных, глубоких и прочных знаний; усиление политико-просветительной работы с учащимися и родителями; усиление педагогической пропаганды среди родителей и общественности; повышение идейно-политического и производственного уровня учителей; действительная подготовка учащихся к выпускным экзаменам и на аттестат зрелости» (Levin, 1944: 2).

Эффективной мерой борьбы за всеобуч считались соревнования школ на уровне района, города, края, приуроченные к знаменательным датам и государственным праздникам. Такой метод работы позволял устранять проблемы с успеваемостью в школьных коллективах. Лучшим школам

по итогам работы за год вручалось переходящее Красное знамя. В ходе соревнований учителя давали обязательства о повышении качества успеваемости, процента охвата школьным обучением местных и эвакуированных детей, усилении внеучебной работы (проведение выставок, выпуск стенгазет и боевых листков «Чем я помог фронту», организация пионерской и комсомольской работы, участие в смотрах художественной самодеятельности и др.). Так, в 1943 году в Ольховской неполной средней школе (Ачинский район) «все учителя включились в социалистическое соревнование в честь 25-ой годовщины Красной Армии и взяли на себя обязательства ко дню 25-ой годовщины РККА добиться 90 % успеваемости. Для этого были проведены классные собрания, развернуты соревнования класса с классом, выпускались боевые листки, в которых отражались итоги соревнования между учащимися. Регулярно через каждые 10 дней издавалась общешкольная стенгазета, которая также отражала ход соревнования. В день Красной Армии 23 февраля был организован общешкольный пионерский костер, на котором школьный совет и ученики отдавали рапорт о своих достижениях в учебе. Рапорт принимал фронтовик, председатель сельсовета, директор и пионервожатая». Лучший класс получил Красное переходящее школьное знамя. За отличные показатели в учебе школьники «были каждый премирован по 75 рублей». Результатом соревнования стали следующие показатели: успеваемость в школе за полтора месяца выросла на 15 % (Zhoga, 1943: 2).

Факты учительской повседневности военного времени, отраженные на страницах газет, показывают, как сложно решались все обозначенные на совещаниях вопросы. Значительная часть проблем, связанных с борьбой за всеобуч, объяснялась простыми бытовыми вещами: отсутствием зимней одежды и обуви; нехваткой дров для отопления школ; большой нагрузкой детей в домашнем хозяйстве (уход за домашним скотом, заготовка сена и дров и др.). Примером тому может служить заметка «Забота учителя» в газете «Северный колхозник», в которой учитель

Таблица 1. Организация переводных и выпускных экзаменов
Table 1. Organization of transfer and final exams

Район/город	Автор, название статьи, издание	Цитата
Каратузский район	Маркелова, школьный инспектор районо. Первые дни испытаний в школах // Сталинский путь. 1942. № 39. С 2. 24 мая	Большинство комсомольцев, пионеров и школьников Каратузской средней школы, Сагайской НСШ, Таскинской НСШ, Николаевской начальной школы с честью выполнили свой долг перед родиной. <...> Из переводных оценок 90 % хороших и отличных
Уярский район	Удовицкий Н., директор Уярской НСШ № 2. Испытания и экзамены начались! // За ударные темпы. 1945. № 24. С. 2. 25 мая	Ребята старались не остаться в долгу перед фронтовиками, которые в упорных боях завоевали победу. И теперь в дни государственной проверки знаний большинство учеников Уярских школ показывают отличные и хорошие знания
Емельяновский район	Кузнецова А., заведующая районным отделом народного образования. Отлично провели испытания в школах // Сталинский клич. 1944. № 24. С. 4. 21 мая	Советская школа держит отчет перед народом, как в суровую, трудную, военную годину она растит молодое поколение, вооружает его знаниями, как воспитывает патриотов. Учителя напряженно работали, стремясь прийти к испытаниям с наилучшими результатами
Манский район	Ширяева. Итоги экзаменов в начальных школах // Манский колхозник. 1945. № 2. С. 2. 7 июня	Учителя и учащиеся в Степно-Баджейской, Казанчежской, Кубеинской начальных школ в течение года вели напряженную, кропотливую работу по освоению знаний учащимися, вели большую подготовительную работу к экзаменам – дали неплохие результаты
Сухобузимский район	Высотин Г., зав. педкабинетом. Выпускные экзамены в школе // Ударник социалистических полей, 1945, № 16, с. 2, 12 мая	Сейчас необходима напряженная работа в школе, чтобы выпустить вполне подготовленных учащихся для пополнения рядов Красной Армии, для промышленности, колхозов и совхозов, средних и высших учебных заведений. Впервые устный экзамен проводится по билетам, а письменные по текстам и задачам, высланным непосредственно из Наркомпроса РСФСР
Богучанский район	Бамбергер, завуч средней школы. Школа готовится к испытаниям // Ангарский колхозник. 1945. № 17. С. 2. 28 апреля	К 1 мая учительство приходит с полным выполнением учебной программы. Экзамены и переводные испытания весной этого года предъявляют учащимся гораздо больше требований
Тасеевский район	А.К. Начались испытания // На социалистической стройке. 1943. № 31. С. 1. 22 мая	Все приготовлено к испытаниям: таблицы, картины, схемы, приборы. Начало испытаний показало слаженность и подготовленность к испытаниям учителей и учащихся
Ачинский район	Шевелева Е. По-боевому проведем весенние испытания в школах // Ленинский путь. 1943. № 38. С. 2. 14 мая.	В это время школа перед лицом родной страны отдаст отчет о своих успехах в деле обучения и воспитания подрастающего поколения за истекший год. Впервые в этом году проводятся испытания в 5–7 классах по военному делу
Богградский район	Гаврилкин П., зав. методическим кабинетом районо. Подготовка школ Богградского района к выпускным экзаменам и переводным испытаниям // Большевикский путь. 1945. № 21. С. 2	Учителя составили подробный план повторения программного материала текущего года и прошлых лет. 10 мая проведено совещание директоров и заведующих школами района о проведении экзаменов и испытаний

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Район/город	Автор, название статьи, издание	Цитата
Пировский район	Береза Л., инспектор роно. Образцово подготовиться к выпускным экзаменам и проверочным испытаниям // За сталинские колхозы. 1945. № 16. С. 4. 3 мая	Вместе с учащимися будут отчитываться перед страной учителя. Сейчас как никогда все преподаватели, а особенно выпускных классов, обязаны работать над тем, чтобы закрепить материал данного года обучения и выпустить учащихся проверенными, сильными в знаниях, готовыми с нового учебного года приступить к учебе. А учащихся 10 классов выпустить из стен школы людьми с общим развитием, самостоятельностью суждений, умением связывать знания с жизнью, теорию – с практикой
Большеулуйский район	Бережнов К., заведующий районо. Школа в дни экзаменов // Знамя Ленина. 1945. № 22. С. 2	По окончании экзаменов и переводных испытаний во всех школах будут проведены праздники школьников, посвященные окончанию учебного года. В дни праздников пройдут демонстрации, парады учащихся, смотры художественной самодеятельности. Порадовать своих воинов-освободителей отличными знаниями – долг всех школьников и педагогов
Ирбейский район	Измайлов Д., директор школы. Настойчиво овладевайте знаниями // Ирбейская правда. 1945. № 4. С. 1. 11 февраля	Подготовка к предстоящим экзаменам является серьезным и ответственным делом во всех школах. Большинство учащихся, сознавая всю ответственность предстоящих испытаний, упорно и настойчиво овладевают знаниями. Задача учащихся – учиться только с отличной успеваемостью
Эвенкийский район	Струлева А., директор Туринской средней школы. День методической учебы // Эвенкийская новая жизнь. 1945. № 8. С. 2	Требования, поставленные партией и правительством перед школой, налагают большую ответственность на учителя, поэтому коллектив учителей Туринской средней школы взялся за повышение своей квалификации. Один раз в декаду проходят обсуждения методических вопросов «О повышении требовательности к учащимся и учителей к самим себе», «О повторении и закреплении материала», «Методика проведения опроса», «5- балльная цифровая система в оценке знаний и дисциплины»

Баихской школы Д. К. Кузьмин обращается за помощью к правлению колхоза и к районным работникам с вопросом: «Что делать и где взять зимнюю обувь, чтобы учащиеся могли посещать школу?». Учитель организовывал родительские собрания, «на которых разъяснял толково о всеобщем обязательном начальном обучении, рассказывал о причинах пропусков ребятами уроков. <...> Через несколько дней 5 учеников, одетые и обутые, стали посещать школу» (Savel'eva, 1943: 2). Эта заметка описывала типичную для лю-

бой сельской школы ситуацию. Так, учителя Балахтинского района «с целью оказания помощи нуждающимся в одежде и обуви сдали в Фонд всеобуча 16 365 рублей, 82 кг шерсти, из которой было скатано 35 пар валенок» (S rajonnoj konferencii..., 1944: 2).

Совет народных комиссаров СССР 21 июня 1944 года выпустил постановление «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», где были установлены для учащихся, оканчивающих семилетнюю и начальную школу, выпускные экзамены,

а для учащихся 10 классов, экзамены на аттестат зрелости. Ежегодно проводилась государственная проверка работы школ в виде испытаний (экзаменов) в конце учебного года. На уровне края координация этой работы осуществлялась инспекторами районо. Результаты испытаний в школах края находили отражение на страницах районных газет.

Борьба за всеобуч не могла идти в отрыве от повышения качества подготовки учительских кадров. Значительная часть педагогов была призвана на фронт, зачастую учителями становились выпускники школ, не имеющие педагогического образования. Проблема повышения профессионального уровня педагогов решалась через институт усовершенствования учителей, организацию педагогических курсов повышения квалификации, методические объединения, педагогические кабинеты, а также систему заочного обучения (Boguslavskij, 2020: 104–105). На страницах районных газет педагоги делились опытом по организации повышения квалификации учителей в отдельных коллективах. Так, педагоги Туринской средней школы один раз в декаду собирались для обсуждения методических вопросов, называя эти собрания «Днями методической учебы». На собраниях обсуждались доклады на следующие темы: «О повышении требовательности к учащимся и учителей к самим себе», «О повторении и закреплении материала», «Методика проведения опроса», «Пятибалльная цифровая система в оценке знаний и дисциплины». В ходе этих занятий учителя оказывали методическую помощь молодым специалистам (Struleva, 1945: 2).

Антропологическая перспектива: повседневность сельских учителей Красноярского края

Помимо борьбы за всеобуч учительство Красноярского края с начала Великой Отечественной войны активно участвовало в сельскохозяйственных работах: трудились на колхозных полях, на постройке плотин для мельниц, в копке картофеля, уборке конопли, скирдовании, молотье,

очистке посевов. С первых дней войны учителя работали на колхозных полях, помогали колхозникам на сеноуборке, «многие своими силами стали производить ремонт школ, заготавливать дрова к новому учебному году»:

– учителя Березовской средней школы заготовили 21 центнер сена для школьных лошадей, напилили 25 кубометров дров, вывезли к школе 30 кубометров готовых дров и 20 бревен строевого леса для ремонта школы (Suhih, 1941: 4);

– учителя неполной средней школы совхоза Золотопродснаба покрасили в школе полы, окна и мебель, заготовили дрова (Suhih, 1941: 4);

– заведующий Бугуртакской школой нарубил 35 кубометров дров для школы, организовал учителей на побелку школы своими силами (Suhih, 1941: 4);

– учитель 57 школы покрасил школьные полы, заведующий этой школой «лично сам отремонтировал и покрасил 8 стульев» (Suhih, 1941: 4);

– коллектив учителей Курагинской начальной школы № 3 и родители «произвели полный ремонт здания: отремонтировали печи, побелили, перестелили полы, покрасили рамы, двери, крыльцо (Suhih, 1941: 4);

– перестроили свою работу на военный лад заведующий М-Ирбинской школой и директор Имисской неполной средней школы: полностью закончили подготовку школ к новому учебному году (Suhih, 1941: 4).

В обязанность учителей входила организация детей на сельскохозяйственные работы: прополка посевов от сорняков, кошение, вязка снопов, скирдование хлеба, молотье, сбор золы для удобрения земли, заготовка дубильного сырья, окучивание и уборка картофеля. После сельскохозяйственных работ со школьниками проводились беседы и подводились итоги работы.

Характеризуя учительскую повседневность, важно отметить организацию работы на пришкольных огородных участках, где выращивались овощи для школьных столовых (картофель, свекла, сахарная свекла, лук, морковь, чеснок, гречиха, капуста, озимый рыжик, брюква). Пришкольные

участки были не только продуктовой базой, но и «живой лабораторией», которая позволяла «обеспечить в школе полноценное изучение на практике вопросов ботаники» (Maksimova, 1942: 2).

Помощь фронту со стороны учителей не ограничивалась только сельскохозяйственными работами. На учителя была возложена задача разъяснять населению все события, происходящие в стране: «В дни Великой Отечественной войны неизмеримо повысилась роль советского учителя как агитатора, как человека, выполняющего благородное дело воспитания и обучения молодых советских патриотов. Поэтому задача партийных и советских организаций заключается в том, чтобы проявить заботу о народном учителе, об улучшении его материально-бытовых условий, создать обстановку для успешной работы» (Bol'she zaboty..., 1943: 2). Кроме того, учителя с учениками организовывали концерты для городских и сельских жителей с целью сбора средств для подарков бойцам Красной Армии, на постройку танков и самолетов. Учителя инициировали переписку школьников с бойцами и выдающимися личностями. Так, ученики Горошинской школы Туруханского района вели переписку с командиром артиллерийского подразделения сыном полководца гражданской войны Александром Васильевичем Чапаевым (Petrova, 1942: 2).

Социологическая перспектива:

сельский учитель как социальный актор

Социальная роль сельского учителя в годы войны значительно возросла. Учителя стали не только носителями знаний, но и важнейшими акторами социальной поддержки, организаторами общественной жизни, инициаторами патриотических акций и культурных мероприятий. В условиях дефицита кадров и ресурсов учителя брали на себя дополнительные функции: занимались ликбезом среди взрослого населения, организовывали кружки самообразования, участвовали в агитационной работе. Следует отметить, что коллективная психология сельских жителей в годы войны характери-

зовалась высокой степенью соборности, патриотизма и взаимопомощи. Проводниками этих ценностей были учителя. Они формировали у детей и взрослых чувство долга и ответственности перед Родиной.

Одной из функций учителя в годы войны продолжала оставаться агитационная работа. Правительство отмечало, что «особую инициативу должно проявлять наше советское учительство. Никто так не связан с широкими массами трудящихся, как советский учитель. Учитель – агитатор по своей деловой практической работе. Учитель не может и не имеет права замыкаться в своем классе, ограничиваться учебником, не видеть, что творится вокруг. Он должен вникать во всю жизнь своего села, быть первым советчиком колхозников, помощником правления колхоза в разрешении всех вопросов» (Yurin, 1941: 2). Именно поэтому большое значение уделялось идеологической работе с учителями, «которые должны были строить свою работу по воспитанию подрастающего поколения на основе марксистско-ленинской теории». Декларировалось, что эти знания были необходимы при организации агитаторских лекций и бесед. Так, при школах организовывались политшколы, в которых изучалась история ВКП(б) и сталинские документы «О Великой Отечественной войне Советского Союза». К занятиям привлекался весь педагогический коллектив: слушатели посещали лекции, готовили конспекты, участвовали в семинарах (Merezhkovskij, 1945: 2).

Педагоги вели большую общественную работу. Региональные газеты сохранили множество фактов агитационной работы учителей в различных районах края:

– заведующая школой с. Чердынъ Назаровского района Г.С. Буданцева «по вечерам в колхозной конторе проводит беседы, рассказывает колхозникам последние известия, прочитала им книгу Ванды Василевской «Радуга» (Grebnev, 1945: 4);

– учительница Ангутинской школы товарищ Меньшикова «проводит читки, беседы по совещаниям Совинформбюро, рассказывает о героях войны, о борьбе партизан. Обучает население знаниям ПВХО.

Большая заслуга ее как агитатора в том, что колхозники хорошо справились с выполнением рыбозаготовок и пушнозаготовок (Yurin, 1941: 2).

С первых дней войны учителя-коммунисты выступали с докладами о международном положении и положении на фронтах Отечественной войны («Сталин и Красная Армия», «Оборона Сталинграда», «Битва на Чудском озере»), о подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне (Suhih, 1941: 4; Kiyashko, 1944: 2). Учителя были организаторами культурного досуга населения: руководили хоровым и драматическим кружками, проводили вечера самодеятельности.

При школах организовывались кружки агитколлективов для работы с населением. Составлялся план занятий, заседания проходили 2 раза в месяц, где обсуждались самостоятельно изученные документы, передовицы газет, материалы съездов и партийных совещаний: «Краткий курс истории ВКП(б)», «Доклад товарища Сталина о 26 годовщине Октября» (Cherakov, 1943: 2).

В газетах отмечалось, что успешная агитационная работа способствовала высоким показателям в ходе уборочной страды. Так, учительница А. Демидова (Красно-туранский район) «повседневно проводила разъяснительную работу с молодежью, выпускала в бригадах «Боевые листки», организовывала доски показателей, где освещался ход социалистического соревнования колхозника» (Liskova, 1943: 1).

Учителя, как и многие граждане страны, не только сами приобретали облигации госзаимов, но и организовывали агитационные кампании по приобретению облигаций жителями сел и деревень Красноярского края.

С целью активизации общественной работы между учителями отдельных районов и городов проводились социалистические соревнования, в ходе которых учитывалась активность в общественной и массово-разъяснительной работе среди трудящихся и колхозников (Kontrolirovat' rabotu..., 1943: 2).

В целом участие педагогов в повседневных делах и заботах населения, их де-

ятельность по установлению тесных связей фронта и тыла, стремление учителей не отгородиться от проблем страны узкими рамками школьной жизни способствовали увеличению авторитета учительства в обществе, повышению его статуса (Boguslavskij, 2020: 104). Правительство высоко оценило деятельность советских учителей: 8 апреля 1944 г. по предложению Наркомпроса РСФСР Совнарком СССР учредил почётный знак для лучших педагогов – «Отличник народного просвещения» (Boguslavskij, 2020: 105). «За успешную и самоотверженную работу по обучению и воспитанию детей в школах РСФСР Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами и медалями 3235 человек из армии учителей начальной, средней школы и работников органов народного образования. Народный учитель – достойный представитель советской интеллигенции, как сказал тов. Сталин, своим трудом внес неоценимый вклад в дело разгрома врага» (Mokrousova, 1945: 1). Высокими правительственными наградами был отмечен труд учителей Красноярского края: 87 лучших учителей награждены орденами Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть», орденом «Знак Почета» (Narodnyj uchitel', 1945: 1). Стоит отметить, что это значимое событие широко освещалось на страницах районных газет. Так, 5 января 1945 года первая полоса газеты Тасеевского райкома ВКП(б) «На социалистической стройке» была посвящена чествованию учителей района под лозунгом (Narodnomu uchitelyu..., 1945: 1). В газете «Эвенкийская жизнь» разворот газеты был посвящен учительнице туринской семилетней школы Екатерине Алексеевне Прозоровой, которая была награждена орденом «Знак Почета» (Karduj, 1945: 2). В газете «Манский колхозник» была опубликована статья о награждении учительницы русского языка и литературы Шалинской средней школы А.И. Мокроусовой медалью «За трудовую доблесть» (Mokrousova, 1945: 1).

Правления колхозов и сельские советы понимали всю ответственность, возложенную на сельского учителя в годы войны, и помогали в решении многих бытовых

проблем, которые в этот период были крайне тяжелыми: продовольственные карточки обеспечивали минимальный рацион, и учителя нередко испытывали нехватку питания. Так, Правление колхоза имени 7 съезда советов Ачинского района обеспечили учительницу своей школы хорошей квартирой, топливом, регулярно снабжали ее продуктами питания, зимой оказали помощь в приобретении валенок и платья. Правление колхоза «Память Орджоникидзе» обеспечило учительницу валенками и сапогами, снабдило продуктами питания, к весне была оказана помощь в вопросе приобретения семян картофеля для посадки. «Сельсоветы и колхозы должны обеспечить всех учителей землей для огородов и помочь им в приобретении семян картофеля и огородных культур. Наш долг – окружить учителя заботой и вниманием!» (Bol'she zaboty..., 1943: 2).

Заключение

Таким образом, изменения в укладе жизни провинциальных сибирских школьных работников, специфика их ежедневной работы, особенностей быта позволяют проследить, как события Великой Отечественной войны повлияли на учительскую повседневность. Ежедневный учительский труд не ограничивался учебной работой, педагоги были рупором советской политики на местах в силу авторитетности своей профессии: агитация и пропаганда продолжала быть неотъемлемой частью их общественной работы и приобретала новые смыслы в условиях военного времени. Периодическая печать составила аргументированную фактологическую основу исследования, выступив в качестве исторического источника: газеты, являясь локальным районным периодическим изданием, позволили выявить, изучить, интерпретировать и реконструировать факты учительской повседневности в годы Великой Отечественной войны. Анализ широкого спектра статей и заметок районных газет Красноярского края показывает, что благодаря самоотверженному труду, проявленной инициативе учителей была сохранена школьная сеть

в сибирской глубинке. В годы войны школа стала тем социальным институтом, который готовил детей к трудовой, оборонной и военной деятельности.

Отметим, что в годы войны социальный статус сельского учителя был достаточно высоким. Анализ материалов региональной периодики Красноярского края подтверждает общие для страны тенденции: с началом войны многие мужчины были мобилизованы, и значительную часть педагогического коллектива в сельских школах составили женщины, что повлияло на структуру и организацию образовательного процесса.

Статьи и заметки районных газет свидетельствуют о том, что материально-бытовые условия сельских учителей были крайне тяжелыми: продовольственные карточки обеспечивали минимальный рацион, и учителя нередко испытывали нехватку питания. Однако сознавая роль учителя не только в деле обучения и воспитания подрастающего поколения, но и в организации помощи фронту и поддержке сельского населения в целом (организация культурных мероприятий, митингов и сборов помощи для фронта), местные власти оказывали материальную поддержку учительству. Сельская учительская интеллигенция была опорой для местного населения, поддерживая моральный дух и способствуя сохранению социальной стабильности в условиях войны. В школьных коллективах того времени ярко проявлялись патерналистские отношения: директор школы воспринимался как строгий, но заботливый «отец», а учителя – как «дети», которые нуждаются в наставничестве и поддержке. Такая модель отношений формировала атмосферу взаимопомощи, коллективной ответственности и сплочённости, что было особенно важно в условиях военного времени.

Современный взгляд на роль сельского учителя в военное время позволяет утверждать, что он был агентом социальной устойчивости сельских поселений региона и культурным медиатором; с честью выполнил свою педагогическую и социальную миссию как представитель сельской ин-

телигенции. В связи с этим очевидно, что сельский учитель был ключевой фигурой тыла. Завершая анализ повседневной жизни педагогов, можно утверждать, что региональные факты микроистории позволяют

включить сельскую учительскую интеллигенцию Красноярского края в широкий социальный контекст и показать ее значительную роль в жизни региона во время Великой Отечественной войны.

Список литературы / References

- Belova N. A. *Povsednevnyaya zhizn' uchitelej* [The daily life of teachers]. Moscow, IEA RAN, 2015, 228.
- Blinov A. V. Obshcheobrazovatel'naya shkola goroda Kemerovo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Secondary school of Kemerovo during the Great Patriotic War]. In: *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian vector], 2023, 18, 4, 42–51.
- Boguslavskij M. V. Sovetskaya shkola pobedila fashistskuyu shkolу. Sovetskij uchitel' pobedil nemeckogo uchitelya-fashista [The Soviet school defeated the fascist school. A Soviet teacher defeated a German fascist teacher]. In: *Narodnoe obrazovanie* [Public education], 2020, 4(1481), 97–105.
- Bolokina L. A. Vlast' i uchitel'stvo Kalininskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Vlast' i uchitel'stvo Kalininskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]. In: *Ekho vekov* [The Echo of centuries], 2019, 1, 77–90.
- Bol'she zaboty o narodnom uchitele [More care for the national teacher]. In: *Leninskij put'* (Achinsk) [Lenin's Way (Achinsk)], 1943, 37, 2.
- Bol'she zaboty o narodnom uchitele [More care for the national teacher]. In: *Leninskij put'* (Achinsk) [Lenin's Way (Achinsk)], 1943, 37, 2.
- Cherpakov G. I. Uchitelya izuchayut knigu vozhdya [Teachers study the book of the leader]. In: *Leninskij put'* (Achinsk) [Lenin's Way (Achinsk)], 1943, 75, 2.
- Dolgushina A. F., Usol'ceva L. P. Uchitel'stvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Teaching during the Great Patriotic War]. In: *Vestnik TOGIRRO* [Bulletin of TOGIRRO], 2024, 4(55), 4–5.
- Dudkina M. P. Izmeneniya v shkol'nom obrazovanii v 1941–1945 godah (na materiale Zapadnoj Sibiri) [Changes in school education in 1941–1945 (based on the material of Western Siberia)]. In: *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2013, 2, 1(15), 115–122.
- Gavryuk A. I., Ivanenko V. E. Uchitel'stvo Aromashevskogo rajona v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Teaching in the Aromashevsky district during the Great Patriotic War]. In: *APK: Innovacionnye tekhnologii* [APK: Innovative technologies], 2018, 3(42), 49–54.
- Grebnev. Uchitel'nica – agitator [Is a teacher – agitator]. In: *Udarnik pyatiletki (Nazarovo)* [Drummer of the five-year plan (Nazarovo)], 1945, 8–9, 4.
- Kajmarazova L. G. Obshcheobrazovatel'naya shkola i uchitel'stvo Dagestana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Secondary school and teaching in Dagestan during the Great Patriotic War]. In: *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University], 2009, 4–3(64), 74–77.
- Karduj N. Drug i Uchitel' [Friend and Teacher]. In: *Evenkijskaya novaya zhizn'* [The evenki new life], 1945, 4, 2.
- Kiryuhin D. V. Vklad uchitelej Bol'shemurashkinskoj srednej shkoly v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne [The contribution of Bolshemurashkin secondary school teachers to the victory in the Great Patriotic War]. In: *Dnevnik nauki* [Diary of science], 2020, 10(46), 2.
- Kiyashko E. Uchitelya – agitatory [Teachers are agitators]. In: *Severnyj kolhozник (Turuhsansk)* [Severny kolkhoznik (Turukhansk)], 1944, 17, 2.
- Kolokol'nikova Z. U. Shkoly Krasnoyarskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Schools of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2022, 86, 3, 103–115.
- Kolpakova A. P., Semenova Yu. A., Degtyareva A. P. Uchitelya Olekminskogo ulusa v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Teachers of the Olekminsky ulus during the Great Patriotic War]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2020, 69–3, 121–123.

Kontrolirovat' rabotu shkol [To control the work of schools]. In: *Leninskij put' (Achinsk) [Leninsky put (Achinsk)]*, 1943, 18, 2.

Kraevaya konferenciya rabotnikov narodnogo obrazovaniya [Regional Conference of Public Education workers]. In: *Krasnoyarskij rabochij [Krasnoyarsk Worker]*, 1942, 35, 4.

Levin M. Rajonnoe soveshchanie uchitelej [District teachers' meeting]. In: *Uderejskij rabochij [Udereysky rabochy]*, 1944, 38, 2.

Liskova. Yunye patrioty na hlebouborke [Young patriots at the grain harvest]. In: *Socialisticheskij put' (Krasnoturansk) [Socialist Way (Krasnoturansk)]*, 1943, 44, 1.

Maksimova A. O prishkol'nyh uchastkah [About school sites]. In: *Novoselovskij kolhozник [Novoselovsky kolkhoznik]*, 1942, 30, 2.

Malhasyan N. V. Obshchestvennaya deyatel'nost' uchitel'skoj intelligencii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Public activity of the teaching intelligentsia during the Great Patriotic War]. In: *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 2010, 1(2), 76–77.

Merezhkovskij G. Partorganizaciya ne zanimaetsya vospitaniem kommunistov [The party organization does not educate communists]. In: *Severnyj kolhozник (Turuhsansk) [Severny kolkhoznik (Turukhansk)]*, 1945, 12, 2.

Mitina R. V. Permskie gazety kak istochnik izucheniya pervoj mirovoj vojny: postsovetskaya istoriografiya [Perm newspapers as a source of study of the First World War: post-Soviet historiography]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Perm University. History]*, 2015, 4(31), 72–81.

Mitrofanova M. V. Uchitelya Stalinogorska i Stalinogorskogo rajona v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Teachers of Stalinogorsk and Stalinogorsk district during the Great Patriotic War]. In: *Vestnik GOU DPO TO IPK i PPRO TO. Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo [Bulletin of GO DPO TO. IPK and PPRO TO. Tula educational Space]*, 2019, 4–2, 108–109.

Mokrousova A. Vysokaya ocenka uchitel'skogo truda [High appreciation of teacher's work]. In: *Manskij kolhozник [Mansky kolkhoznik]*, 1945, 1, 1.

Narodnomu uchitelyu – vsenarodnaya slava! [National glory to the national teacher!]. In: *Na socialisticheskij strojke (Taseevo) [At the socialist construction site (Taseevo)]*, 1945, 2, 1.

Narodnyj uchitel' [The national teacher]. In: *Na socialisticheskij strojke (Taseevo) [At the socialist construction site (Taseevo)]*, 1945, 2, 1.

Ovchinnikov A. V. Vlast' i uchitel'stvo Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The power and teaching of Russia during the Great Patriotic War]. In: *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Domestic and foreign pedagogy]*, 2020, 1(66), 7–17.

Petrova M. Deti zhivut interesami fronta [Children live by the interests of the front]. In: *Severnyj kolhozник [The Northern collective farmer]*, 1942, 18, 2.

Pohabova M. zaveduyushchaya pedkabinetom. Itogi raboty shkol v pervom polugodii [Head of the pedagogical department. The results of the work of schools in the first half of the year]. In: *Kolhoznaya pravda (Dauriskij rajon) [Kolkhoznaya Pravda (Daursky district)]*, 1944, 3, 3.

Ponochevnyj M. A., Rubcov M. A. Portret sel'skogo uchitelya v gody vojny: sodержatel'nye i metodicheski aspekty mikroistoricheskogo proekta [Portrait of a rural teacher during the war: substantive and methodological aspects of a microhistoric project]. In: *Prepodavanie istorii v shkole [Teaching history at school]*, 2022, 2, 42–48.

S rajonnoj konferencii uchitelej [From the district teachers' conference]. In: *Socialisticheskij trud (Balahta) [Socialist Labor (Balakhta)]*, 1944, 2, 2.

Savel'eva L. Zabota uchitelya [Teacher's care]. In: *Severnyj kolhozник (Turuhsansk) [Severny kolkhoznik (Turukhansk)]*, 1943, 8, 2.

Solomina L. V. Serdce nashego uchitelya b'etsya vseгда v odnom ritme s serdcem Rodiny (rol' uchitelya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. na Yamale) [The heart of our teacher always beats in the same rhythm with the heart of the Motherland (the role of the teacher during the Great Patriotic War of 1941–1945 in Yamal)]. In: *Arhivy Urala [Archives of the Urals]*, 2023, 27, 174–191.

Struleva A. Den' metodicheskoy ucheby [Day of methodical study]. In: *Evenkijskaya novaya zhizn'* [The evenki new life], 1945, 8, 2.

Suhih A. Uchitelya rajona chestnym trudom krepyat tyl Krasnoj Armii [Teachers of the district strengthen the rear of the Red Army with honest labor]. In: *Tubinskij kolhoznik (Kuraginskij rajon)* [Tubinsky kolkhoznik (Kuraginsky district)], 1941, 61, 4.

Yurin M. Pochetnaya obyazannost' sovetskogo uchitelya [The honorable duty of a Soviet teacher]. In: *Severnyj kolhoznik (Turuhansk)* [Severny kolkhoznik (Turukhansk)], 1941, 101, 2.

Zhoga S. A. Cennoe nachinanie v Ol'hovskoj NSSh [A valuable undertaking in the Olkhovskaya National School of Economics]. In: *Leninskij put' (Achinsk)* [Lenin's Way (Achinsk)], 1943, 26, 2.

Theory and History of Culture

Теория и история культуры

EDN: SAGODS
УДК 114; 130.3

The Search for Russian Truth

Andrei M. Sergeev*

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 22.07.2025, received in revised form 04.08.2025, accepted 18.08.2025

Abstract. In Russian culture, much is based on silence and the acceptance of the unspoken as the primary, which determines everything. One of the most significant aspects is the Russian true, which differs from truth, justice, and law. The search for truth becomes a metaphysical marker that subtly influences every individual's and society's choices.

This article aims to explore the philosophical aspects of the search for the Russian truth. There are significant moments in the understanding of this topic by F.M. Dostoevsky, P.A. Florensky, V.V. Rozanov, and others. V.V. Bibikhin's concept of understanding Russian truth is particularly important.

An important aspect is the difference in the perception of truth by an individual and a person who views their life through the lens of their family and the integrity of their people. Another significant aspect of understanding truth is the connection between the metric and the topological dimensions, which reveals both their relationship and their contrast in the perception of truth by the Russian people and the Russians.

The persistence of contradictions in the understanding of truth can be seen as a consequence of reducing the metaphysical and ontological dimensions of life to individual life scenarios and conditions. The phenomenon of truth reveals its significance primarily in the realization of human and national life. This has particular importance for understanding the foundations of Russian life, history, and culture.

This article may be of interest to cultural philosophers, cultural studies scholars, and anthropologists.

Keywords: true, truth, genus, people, meaning, boundary, relationship, metric, topic, metaphysics.

“The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25–28–00841, <https://rscf.ru/project/25–28–00841/>; Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.”

Research area: Theory and History of Culture, Art. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture.

Citation: Sergeev A. M. The Search for Russian Truth. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1748–1756. EDN: SAGODS

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: asergeev8@yandex.ru

Поиски русской правды

А.М. Сергеев

Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. В русской культуре многое строится на умолчании и на принятии умалчиваемого в качестве основного, то есть того, что предопределяет собой всё. Одной из наиболее значимых линий является русская правда, отличающаяся от истины, справедливости и закона. Сам поиск правды становится метафизическим маркером, подспудно оказывающим воздействие на любой выбор человека и народа.

В статье предпринимается попытка вычленения философских аспектов в теме поиска русской правды. Выделяются значимые моменты понимания данной темы Ф.М. Достоевским, П.А. Флоренским, В.В. Розановым и некоторыми другими. Особое значение имеет концепция понимания русской правды В.В. Библихина.

Важным моментом является отличие восприятия правды индивидом и человеком, воспринимающим свою жизнь в оптике своего рода и целостности народа. Другим значимым моментом понимания правды является сопряжение метрического и топического измерений, когда выясняется и их связь, и их противопоставление в восприятии правды русским человеком и русским народом.

Неустранимость противоречивости в осознании правды может рассматриваться как следствие приведения метафизического и онтологического измерений жизни к отдельным жизненным сценариям и индивидуальным условиям существования. Феномен правды раскрывает своё значение в первую очередь в осуществлении жизни человека и народа. И это имеет особенное значение для понимания оснований русской жизни, истории и культуры.

Статья может быть интересна философам культуры, культурологам и антропологам.

Ключевые слова: правда, истина, род, народ, смысл, граница, отношение, метрика, топика, метафизика.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00841, <https://rscf.ru/project/25–28–00841/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского».

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология); 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Цитирование: Сергеев А.М. Поиски русской правды. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1748–1756. EDN: SAGODS

Жизнь человека проверяется его ответом правде жизни, что прямо связано с откликом метафизической полноте жизни, которая не убывает и не прибывает. В этом человек отвечает не тому или иному времени, а тому, насколько он может выдержать смысловую координату жизни и может ли он это сделать

в принципе. В некоторый момент своей жизни человек непременно соотносит её с истинностью или неистинностью и стремится согласовывать отдельные истины разных этапов своей жизни.

Давно замечено, что между истиной и самим человеком всегда стоит он сам и его

«я», которое побуждает ещё и ещё раз «доделывать» и «дописывать», казалось бы, уже понятное. Так, по мысли П. Я. Чаадаева, «что бы я ни делал, между истиной и мной становится что-то: это что-то — я сам; истину заслоняю я себе сам» (Chaadaev, 1991: 466–467). О дистанции между описанием человека, характеризующим определённое положение дел, и самим описываемым положением дел говорят не только русские мыслители. Так, Г. Бейтсон отмечает, что «никакое описание не является истиной, однако, с другой стороны, возможно, вечно истинно то, что между описанием и описываемой вещью неизбежно есть некоторая дистанция» (Bateson and Bateson, 2019: 258). Человек сталкивается с тем, что «схватить» и «удержать» истину ему не удаётся. Между человеком и истиной всегда сохраняется — меньшая или большая — дистанция. Более того, попытка нахождения единства с собой побуждает человека к такому пониманию истинности, которое превышает любое — отдельное и локальное — понимание истины, и такое понимание истины соотносится уже с правдой.

Заметим и другое. Согласно П. А. Флоренскому, в ситуации связи себя с истиной для отдельного человека «важно не то, что нечто — истина, а то, что оно — моя истина». Но «если ударение поставлено на моя, то дальше неизбежно стремление выдавать всякую истину за свою». «Совсем наоборот бывает при сосредоточении внимания на правде», ведь «если ударение поставлено на ней, то делается малоинтересно, чья это правда», и «чувство собственности в отношении к правде замолкает» (Florensky, 1996: 339). Таким образом, истина связывается познающим субъектом с собой, тогда как правда принципиально соотносится человеком не только с собой и не столько с собой. Человек приходит к истине, но прийти он может только к тому, что уже есть, и тогда всё, связанное с действиями по организации и обустройству открытости — посредством выстраивания её различных лимитов, — непременно отодвигается в сторону. В отношении к правде человек оказывается принципиально открытым. Дело правды — значительнее человека, и в от-

ношении к нему человек руководствуется принятием истины как таковой и своим служением ей. Более того, в поиске правды человек выступает не только от своего лица, но и от лица народа.

В отличие от индивида, рода и семьи, народы живут правдой. Понимание ими жизни, её цели и смысла связано не столько с теоретическим пониманием, сколько с практическим. Важным фактором родовой и народной жизни является её устойчивость, и в историю родовой и народной жизни оказываются встроены не только рациональные основания, но и, например, мифы, сказания и многое другое. Путешествуя в 19 веке по России, А. де. Кюстин отмечает, что в России «истина и в физическом, и в нравственном мироустройстве есть совокупность контрастов столь кричащих, что можно вообразить, будто природа и общество только для того и созданы, чтобы скрепить элементы, чуждые друг другу и взаимно друг друга исключающие» (Kustin, 2020: 255). Однако, по мысли Ф. М. Достоевского, «чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своём может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придёт тому срок». Пояняя свою мысль, Достоевский далее отмечает: «Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда зависящее от обстоятельств, предшествующих и преходящих, от рабства, от векового гнёта, от загробелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом, и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он всё-таки уцелеет, неповреждённый, в сердце народа» (Dostoevsky, 2025: 517). В основании счастья не может быть заложено несчастье другого человека и несчастье народа, и в этом отношении счастье напрямую связано с «высшей гармонией духа» (Dostoevsky, 2025: 718).

Всё вышесказанное подтверждает то, что поиск истины не может не связываться

с выявлением идей или форм, превышающих содержательную сторону жизни человека и народа, которые могут воспринимать себя не только в своей индивидуальной жизни, но и в непосредственном отождествлении человеком себя – с идеей своего рода и отождествлением народом себя – с идеей своего народа в отличие от других народов. Связь с идеей (формой) ведёт к восприятию человеком и народом единичного содержания своей жизни с всеобщим, соотношением материального, разнородного её состава – с идеальным воплощением, связи имманентности жизни – с трансцендентным. Согласование идей (форм) семьи, рода и народа между собой в сознании человека может быть связано с разными сценариями. Однако важно то, что каждая такая идея позволяет человеку уловить те начала и концы себя, которые реализуются в его жизни, но не могут быть полностью опосредованы отдельными её содержаниями. Важно понимание жизни человека не столько в связи с её отдельными содержаниями, сколько в её осуществлении, в ответе правды народа.

Идея рода и народа питает человека и даёт ему силы превосходения единичности себя. И для такого человека, соотносящего себя и свою жизнь с идеей рода и народа, всё остальное не имеет «вида», а значит, и не существует. Народное и родовое проявляются в личном, тогда как личное – в народном и родовом, в результате чего понимание истины становится контрастно обусловленным. В продвижении по этому пути раскрывается смысл слов В.В. Розанова о том, что «истины нет в тезисах», «истина – в противоречиях» (Rozanov, 2000: 56).

Человек может прийти к истине, но опирается он на то, что предшествует ему самому как некая опора. Так, согласно П.А. Флоренскому, истина связывается с опытом обретения человеком веры, её обоснования и утверждения. Такой верой для Флоренского является православие (Florensky, 1990). В понимании церкви как «столпа и утверждения истины» (The Bible, 2022: 1 Tim. 3:15; Florensky, 1990), по мысли Флоренского, как раз закреплён не индиви-

дуальный, а надиндивидуальный характер истины. В церковном преломлении истина оказывается концентрацией правды, вневременной и внепространственной данностью правды, которую отдельному человеку крайне трудно, если вообще возможно – вне народа – вынести. В каждой попытке опоры индивида на себя мерцает опасность превращения истины в нечто иное, а именно – в неправду. Извращение понимания истины, как церковного и соборного опыта, проявляет себя в утрате абсолютного характера истины, когда отделяющий себя – от общинного опыта – человек начинает верить исключительно себе и в себя, неизбежно связывая истину с собою.

Вера является опорой человека в выявлении им истины и раскрывается в любви к тому, во что веришь и в кого веришь. Любовь же связана с отдаванием: любящий отдаёт себя тому, кого любит и что любит. Согласно В.В. Розанову, «любовь есть нечто, в себе самом заключающее жертвоприношение» (Rozanov, 1995: 440). Поясняя свою мысль, он пишет: «Любовь всегда вспыхивает из контрастов – и физических, и духовных», а «существо контраста таково, что в нём неотнотосящееся, через него завязывающееся в “любовь” – не одинаково, “не равночастью”» (Rozanov, 1995: 442). Словами «вера», «надежда» и «любовь» маркируются разные аспекты внутреннего обретения человеком себя, связанного с его обращением к своей душе. Посредством такого расширения человек становится причастным ко всем аспектам содержания своей жизни и способен быть.

Но если семья, род и народ могут обходиться без истины, без поиска которой не может обойтись отдельный человек, то они не могут обойтись без правды. Родовая и народная жизнь связана с потребностью в горизонте правды и в её поиске. Согласно В.В. Розанову, «правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и бог начинался бы не с правды – он не Бог, и небо – тряси́на, и солнце – медная посуда» (Rozanov, 2006: 74). Русский народ, по Ф.М. Достоевскому, любит правду «для правды, а не для красоты» (Dostoevsky, 2025:

519). Правда оказывается народной истиной, а также принимает форму семейной истины и родовой истины. Связывая себя с правдой, человек исходит из неё так же, как он исходит из своего родового и народного начала. Народ не может исходить из неправды, хотя и может впадать в ослепление. В.В. Розанов подчёркивает, что «народ глубокой совести, как русский, никогда не захочет сказать неправды», однако «он может не видеть, где правда» (Rozanov, 1994: 359). Ослепление народа оказывается страшной трагедией, однако всегда есть потенциальная возможность его прозрения, даже если оно совершается через глубокие страдания.

Потребность русского человека в правде может раскрываться как потребность в справедливости, в истине и в красоте, но сама потребность в правде каждую из отдельных поисков правды собой превышает. Русскому человеку мало справедливости, ибо ему мало своего существования: ему нужно осуществление, в переживании которого он приобщается к своей целостности. В соотношении себя с идеей народа русский человек обретает народное начало и связывает себя с народной правдой. Именно правда ведёт русского человека, она же приводит к единению людей друг с другом в одном народе при испытании его на прочность. Потребность русского человека в правде и отождествление её поиска с одним из основных настроений народной жизни раскрывают себя в вере. Собственно, народ и становится народом посредством веры и общины, связанной общим культом, когда люди становятся собранными в едином целом. Собранными своим участием в деле целого. Существо «русской правды» раскрывается в способности русского человека на поступок полной траты себя и отдачи себя нездешнему делу, когда дело правды принимается таким, как оно есть, без «довеска» любой выгоды.

Правда связана не только с приятием нового образа того, что вдруг стало увиденным в другом свете и тем самым удостоверило видимое как настоящее, но и с отстаиванием самого света, без которого

с правдой не столкнуться. В земной перспективе сфера неприступного света (The Bible, 2022: 1 Tim. 6:16) не может не пониматься искажённой, ибо свет при этом связывается исключительно с земными началами. Согласно мысли Силуана Афонского, «народам по-прежнему преподаётся именно этот ослабленный и рассеянный свет богопознания в бесконечном множестве слов и образов» (Sophrony (Sakharov), 2023: 301). Но принятие и отстаивание правды требует исправления, когда надо сосредоточить внимание на самом принципе того, что видится и как видится. При этом важно обратить внимание на дело исправления того, что есть; если такое «есть» связано именно с земными построениями человека. Дело правды раскрывается как дело исправления человеком оснований своей жизни, когда он начинает видеть и исправлять свою жизнь в другой оптике – оптике правды.

Размышляя о «новом корне» русских людей, «которым нужна правда, одна правда без условной лжи, и которые, чтоб достигнуть этой правды, отдадут всё решительно» (Dostoevsky, 2025: 258), Ф. М. Достоевский подчёркивает, что у таких людей «стремление к честности и правде непоколебимое и нерушимое, и за слово истины всякий из них отдаст жизнь свою и все свои преимущества» (Dostoevsky, 2025: 569). Согласно Достоевскому, наш народ «никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за неправду», он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: «Я сделал неправду», а «если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена» (Dostoevsky, 2025: 731).

Ориентацией не на справедливость, но на правду, объясняется то, что русский человек может не только терпеть несправедливость, но сам может творить её. Справедливое и несправедливое определяется человеком в параметрах и пределах «своего», того, что относится к нему самому. Разговор о справедливости и несправедливости строится в отношении к определённому и условному, тогда как правда связана с приобщением к крайнему и безусловному.

Народная правда является более приемлемой и значимой, более ясной, нежели правда писанная, и писанная по случаю. Настоящая правда сопоставляется не с данным, но с должным. Измерение справедливости связывается с земным устроением человека, тогда как правда связывает человека с небесным. Так что во всякой определённости правды всегда раскрывается и неопределённость определимого, связанная с переживанием и принятием присутствия в определённом другом, более глубокого и раннего начала. И если опереться на нечто твёрдое и незыблемое в сущем человек не может, он испытывает нужду в соотношении себя с другим и стремлении вложить всего себя во вдруг открывшийся проём другого. В этом – главный закон жизни человека, хотя он может этого и не замечать, то есть, пытаясь удержаться за знакомые ему координаты сущего, не замечать главного.

Идея «русской» правды выявляет себя в перспективе отношения русского человека со своим народом и соответствия себя ему. Отказавшиеся от России люди, теряют свою идентичность вне связи со своим народом. Русскому человеку мало сугубо индивидуальной идентичности. Бытие русского человека выявляет себя в принадлежности к народу, его языку, истории и культуре, если только культура связана с культом и подразумевает его. Русскую мысль можно уподобить мосту, связывающему данное с должным, когда наряду с тем, что привносится мыслью и во что она воплощается, непременно проявляет себя и то, каким это «данное» должно быть. Такая оптика предполагает и содержит в себе возможность изменения и преобразования данного не только в последующем, но уже и в самом данном. Русская жизнь связана с допущением вхождения трансцендентального в состав существующего, благодаря чему последнее оправдывается. И русский человек стремится войти в дело такого оправдания своей жизни, принимая то, что осуществление, а не существование ведёт его по жизни.

Тесная связь правды с должным проявляется и в том, что правды – в отдельном ме-

сте и в отдельное время – может и не быть, точнее – не находиться. Иначе говоря, о правде думают, размышляют и говорят, как о том, что заявляет о себе через неправое, ложное и искривленное. Как пишет В. В. Бибихин в статье «Онтологические основания правды»¹, подделки – «они все указывают на правду, настолько по-разному и с разных сторон, что её очерчивают» (Bibikhin). И здесь сама неприступность правды оказывается важной атрибутивной её характеристикой. Такой онтологический статус правды служит основанием потенциально любого выпрямления человеческой жизни в модусе её существования. Конечно, речь идёт не об оправдании слабостей и падений человека, но о том, что связь его с правдой позволяет ему подняться и преодолевать существующее в осуществлении ввиду своей онтологии, непосредственной связи с правдой.

Основанием правды является человек, а основанием человека – правда. Так что человек становится собой и попадает в своё существо, соотнося себя с правдой. Но если не делает этого, то оказывается в положении отлучённого от своего существа. Правдой невозможно овладеть. Она не может стать «своей», не может быть присвоена. Но как раз это не позволяет правде быть присвоенной человеком, стать одной из жизненных ценностей.

Главное в жизни – связь с бытием – оказывается со всех сторон и во всём определённом прикрыто неглавным и ложным. Но это сохраняет главное в жизни: сохраняет её правду. Человек остро чувствует, что «мысль изречённая есть ложь». Он знает, что в открытости слово, мысль и чувство могут мгновенно переродиться в свою противоположность, когда открытый характер жизни становится закрытым и наглухо запечатанным. Редкое слово и редкая мысль не уничтожает открытый характер жизни и живого в целом. Вероятно, этим объясняется необходимость особых пространств, внутри которых могли бы развиваться чувство, мысль и слово, сохраняющие и привносящие –

¹ Особо следует оговорить, что в указанной статье, размещенной на сайте, страницы текста не пронумерованы.

с собой – открытость. Таковы пространства церквей и соборов, пространства рассказывания мифов, пространства университетских аудиторий, а также текстовые пространства поэзии и философии, в которых действует «мимезис исходной странности» (Bibikhin), способный захватить каждого, кто, оказываясь тронутым тайной открытости, свидетельствует об этом.

Вера и религия выпрямляют человека, позволяя ему преодолевать кривизну своей неправоты и неправды – отказом от них. Религия требует от человека правды, и здесь важно именно требование. «Заметим, что любая, каждая религия настаивает на исполнении закона; религия всегда столп, столб, аминь, утверждение правды против неправды», – отмечает Биbihин и далее поясняет: «В плане требования правды всякая религия, школа благочестия, одна; методы оправдания, догматика тут вторичны» (Bibikhin). При разном понимании искажения правды человеком и масштаба своей связанности его с ней значимы сама нужда в правде и необходимость связать себя с нею, даже если они по-разному понимаются и отдельным человеком, и разными людьми. Религия закрепляет внутреннее отношение человека с правдой.

Связь жизни человека с правдой оказывается неустранимым событием, предопределяющим понимание отдельных содержаний жизни, масштабом и перспективой их понимания. Любое говорение и всякое размышление о правде – более или менее – запутывает понимание соотносённости жизни человека с событием. Корень непонимания правды в том, что она не может быть «взята» человеком и не может быть им «присвоена», как и не может быть пущена им «в оборот» своего существования. Экспликация правды в параметрах дискурса раскрывает правду только с одной её стороны. Такое рассуждение во многом основано на утаивании правды. Но оно же основано и на принятии человеком сокрытого характера правды, на принятии её тайны. О другой стороне правды говорит слово религии, пронизанное верой, и вверенное мысли слово философии. Человек не может – всегда

и везде – выдерживать полноту бытийного характера жизни, вот почему раскрытие бытия – в слове, чувстве и мысли – всегда частично. Но это – только одна сторона дела жизни. Другая же – в том, что каждая такая «частичность» выделяет связанность жизни с бытием и правдой.

Когда мы говорим о правильности или неправильности чего-либо, мы имеем в виду соответствие чего-либо чему-либо. Мы связываем себя, как инстанцию сознания, с соответствием одного – другому. Но, согласно Биbihину, «истина (правда) самой проверки останется при этом скрыта» (Bibikhin). Он же отмечает, что правду оправдывает успех, но не правильность, ведь правда может пониматься и как «неправильная правда» (Bibikhin).

Попутно заметим, что любая значимая для человека антитеза – по типу добро – зло, правда – неправда – проясняет действительное положение дел только частным образом. Но этого мало, и надо попробовать развернуться к правде и к добру как таковым: к абсолютной правде и к абсолютному добру. Для этого надо снять границы определённой правды и определённого добра, давая мысли погрузиться в глубину и в полноту добра. Важна не только и не столько связь тезиса и антитезиса, сколько погружение в тезис как начало мысли. Правда оказывается основанием человека и его жизни, если он вверяет себя ей: вверяет – правде – всего себя без исключения.

Жизнь связана с событием и только в отношении к нему и в связи с ним она оказывается успешной. Критерий события – безусловен, и сама трудность соотносения жизни с событием показательна: такая трудность только и позволяет жизни состояться и быть. Это позволяет говорить и думать о событийной состоятельности жизни. Как отмечает Биbihин, «трудно уловимый успех оказывается вплотную со всех сторон окружён очевидным неуспехом» (Bibikhin). В деле поддержания внутренней связи своей жизни и жизни в целом – событием – от человека требуется труд.

Событие, если оно остаётся событием и не сводится к чему-то другому, всегда од-

ной своей стороною уходит в тайну. Событие должно сохранять свою прямую связь с открытой стороной границы (Spenser-Brown, 1969; Sergeev, 2024). В противном случае событие понимается в извращённом состоянии: понимается метрически, т.е. как дата, как план, как изложенное и ещё как-то. При этом в событии исчезает глубина, и оно понимается плоским. События привносят с собой новое, давая человеку энергию и воодушевляя его. От них человек загорается, светится, наливается теплом полноты. В нём выгорает всё старое и костное.

Участь человека связана с тем, чтобы быть внутри противоречия обратимости того, что кажется, и того, что оказывается, когда «кажется» – это одно, а «оказывается» – другое. Но ничего не открывается, если человек в этом не участвует. Будучи живым и пребывая в мире, человек имеет отношение ко всему и во всём участвует. Так что его участь связана с его непосредственным участием в деле бытия и противодействия небытию. «Удача бытия», когда она случается, всегда оттесняет небытие. Любой – пусть и маленький – успех бытия есть отодвигание небытия (Bibikhin). В этом и состоит значение связи человека с правдой.

В метрике правды не найти. Метрическое должно смениться топикой. По замечанию Бибикина, «геометрическими неувязками даёт о себе знать взрывная сила правды», тогда как *правда* «причастна прямо метрического пространства, но так же явно выходит из него» (Bibikhin). Правду нужно искать не в метрике, не в пространстве, а значит, не в отстранении и отдалении от себя, но в тождестве с собой и преодолении пространства.

Выход к правде напрямую связан с отказом от судейства над жизнью и от судьи в себе, которым является сознание. Сознание неизбежно интерпретирует странность и отдельность человека от себя. И делает это на своих основаниях, устанавливая и удерживая разницу между сознанием и сознаваемым. На этом строится возможность контролировать и анализировать,

прогнозировать и проектировать. Связав себя с метрикой и привязавшись к ней, человек не может выйти к правде, ибо отстранён от себя: отстранён метрикой, пространством и временем, отстранён сознанием. Человек не может слиться с собой, если опирается на сознание. Оно мешает ему попасть в себя. Каждый раз, когда человек отталкивается от сознания, он раздвигается между тем, что порождено его сознанием и с ним связано.

У метрики основанием является искусственное; то, что исходит от разума и отделено от правды. То, что исчисляется, лишено самостояния и феноменальности. Исчисляемо то, что воспринимается одинаковым. Множество возможно, если подразумевается отсутствие уникального. Строгость и точность возможны только в законченных (закрытых) системах, а жизнь таковой не является (Bibikhin; Sergeev, 2022; Sergeev, 2024). Жизнь – это не закрытая система. Поэтому риск и проблематичность оказываются определяющими характеристиками живого во всяком месте жизни и в любое её время. Увидеть и понять это мешает привычка. Она же – анестетик, посредством которого человек защищается от открытого характера жизни. По сути же, человеку всегда приходится поступать, даже если он не готов думать об этом. Привычка, маскируя открытое положение человека в мире, позволяет расслабиться, а то и вовсе не собираться. Дело правды – в таком случае – отодвигается. Правда оказывается закрыта пеленой привычки, а сущее сведено к существованию.

Человек нуждается в правде, но сама правда не является следствием жизни: она ей предшествует. Правда входит в жизнь, но другой – открытый – конец правды связан с началом жизни. Топика русской жизни напрямую соотнесена с культурой, в первую очередь – с культом, с религией, с православием, когда скрепляет всё именно правда. Нужда в правде, поиски правды, служение правде, как и оправдание самой жизни человека, рода и народа, оказываются разными феноменальными срезами русского бытия. Это показывает, что прав-

да является вертикальным – смысловым – сечением, пронизывающим горизонталь существования русской жизни. Топика нашей – русской – жизни такова, что всё име-

ет отношение к правде. Вся русская жизнь, её пространство и время могут пониматься в отсвете правды, оптика которой и выявляет русское, отличая его от остального.

Список литературы / References

The Bible. Bibliya. Kniga Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta [The Bible. The Book of Holy Scripture of the Old and New Testaments]. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2022, 1376.

Bateson G. and Bateson M. K. *Angely strashatsya* [*Angels Fear*. Translated from English by D. Ya. Fedotov]. M., 2019, 350.

Bibikhin V. V. *Ontologicheskie osnovaniya pravdy* [*The Ontological Foundations of Truth*]. Access mode: http://bibikhin.ru/ontologicheskie_osnovaniya_pravdy#b4286

Dostoevsky F. M. *Dnevnik pisatelya* [*Writer's Diary*]. SPb, 2025, 796.

Kustin A. de. *Rossiya v 1839 godu* [*Russia in 1839*. Translated from French by O. Grinberg, S. Zenkin, V. Milchina, and I. Staf]. M., 2020, 1056. + incl. (16).

Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. Mimolyotnoe* [*Collected Works. Fleeting*]. M., 1994, 541.

Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. O pisatel'stve i pisatelyah* [*Collected Works. On Writing and Writers*. Edited by A. N. Nikol'yukin]. M., 1995, 734.

Rozanov V. V. *Sobranie sochinenij. Poslednie list'ya* [*Collected Works. The Last Leaves*. / Edited by A. N. Nikol'yukin]. M., 2000, 382.

Rozanov V. V. *Uedinyonnoe; Opavshie list'ya. Korob pervyj; Opavshie list'ya. Korob vtoroj i poslednij: Trilogiya* [*Secluded; Fallen Leaves. Box One; Fallen Leaves. Boxes Two and Last: A Trilogy. Introduction and Commentary by A. N. Nikol'yukin*]. M., 2006, 576.

Sergeev A. M. *Nachala i koncy* [*Beginnings and Ends*]. SPb., 2022, 295.

Sergeev A. M. *Svoye i drugoe* [*Own and Other*]. SPb., 2024, 265.

Sophrony (Sakharov), Schema-Archimandrite. *Prepodobnyj Siluan Afonskij* [*St. Silouan of Athos*. – 4th ed]. STSL, 2023, 535.

Chaadaev P. Ya. *Otryvki i raznye mysli* [*Fragments and Various Thoughts*. Chaadaev, P. Ya. *Complete Works and Selected Letters*. Vol. 1]. M., 1991, 441–511.

Florensky P. A. *Pamyati Feodora Dmitrievicha Samarina* [*In Memory of Feodor Dmitrievich Samarin*. Pavel Florensky, priest. *Works in Four Volumes*. Vol. 2]. M., 1996, 337–345.

Florensky P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny* [*The Pillar and the Establishment of Truth*. Florensky, P. A. *Works in 2 Volumes*. Vol. 1, Part 1, Vol. 1, Part 2]. M., 1990, 839.

Spenser-Brown G. *Laws of Form*. Allen and Unwin, London, 1969, 141.

EDN: QNYPTA
УДК 316.722:398:780.641.1(470.57)

Linguistic and Cultural Colour Symbolism of *Dark/Light Blue* and *Kök* in Russian and Kazakh Idioms

Aigerim O. Akasheva^{*a}, Saule B. Begaliyeva^a,
Mariyash A. Segizbayeva^b and Akmaral S. Magauova^a

^a*al-Farabi Kazakh National University*

Almaty, Republic of Kazakhstan

^b*Kazakh Academy of Sports and Tourism*

Almaty, Republic of Kazakhstan

Received 05.05.2025, received in revised form 07.07.2025, accepted 21.08.2025

Abstract. The current paper has analysed the linguacultural and anthropological symbolism of colour idioms with *dark/light blue* in Russian (*siniy, goluboy*) and *kök (blue)* in Kazakh, focusing on their origins, semantics and a symbolic significance. The anthropological, linguacultural and comparative analysis approaches have been employed to analyse colour designations via the Russian National Corpus (RNC) and the Kazakh National Corpus (KNC). Research papers on insights into symbolism of colour terms in both cultures have been analysed, unveiling both parallels and distinctions that facilitate culturally embedded traditions, experiences and values of each ethnocultural community. The corpus results from RNC and KNC have revealed that idiomatic colour designations with *dark/light blue* in Russian and with *kök (blue)* in Kazakh evoke both positive and negative connotations, however the semantics of Kazakh with this colour designations has more diverse and richer nature. It demonstrates historical, geographical, social and cultural characteristics of ancient nomads (Turks).

Keywords: linguistic anthropology, linguacultural studies, culture studies, ethnocultural studies, idioms, colour designations, colour symbolism, semantics.

Research area: Theory and History of Culture and Art; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Akasheva A. O., Begaliyeva S. B., Segizbayeva M. A., Magauova A. S. Linguistic and Cultural Colour Symbolism of Dark/Light Blue and Kök in Russian and Kazakh Idioms. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1757–1769. EDN: QNYPTA

Лингвокультурологические аспекты символики цвета синий/голубой и көк в русских и казахских фразеологизмах

А.О. Акашева^а, С.Б. Бегалиева^а,
М.А. Сегизбаева^б, А.С. Магауова^а

^аКазахский национальный университет им. аль-Фараби

Республика Казахстан, Алматы ^бКазахская академия спорта и туризма

Республика Казахстан, Алматы

Аннотация. В данной статье рассматриваются антропологические и лингвокультурные аспекты символики цвета *синий/голубой* – *көк*, в русских и казахских фразеологизмах с точки зрения их происхождения, семантики и символики. Используется антропологический, лингвокультурный подходы, а также сравнительный анализ для изучения цветовых обозначений при помощи Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Национального корпуса казахского языка (НККЯ). На материалах русского и казахского языков были изучены исследования, содержащие факты и сведения о символике цветовых обозначений в двух культурных традициях этносов, имеющих сходства и расхождения, которые позволяют описывать ценностный опыт каждой этнической культуры. Результаты корпусного анализа выявили, что фразеологизмы с цветообозначениями *синий/голубой* – *көк* в русском и казахском языках обладают как положительными, так и отрицательными коннотациями, однако семантика казахского языка имеет более широкий и многогранный характер, отражая исторические, географические, социальные и культурные особенности древних кочевников (тюрков).

Ключевые слова: лингвистическая антропология, лингвокультурология, культурология, этнокультурология, фразеологизмы, цветообозначения, цветовая символика, семантика.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Акашева А.О., Бегалиева С.Б., Сегизбаева М.А., Магауова А.С. Лингвокультурологические аспекты символики цвета синий/голубой и көк в русских и казахских фразеологизмах. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1757–1769. EDN: QNYPTA

Introduction

The anthropological aspect of idioms with colour components in linguistic and cultural studies has been intertwined with a cognition, consciousness, and spirituality of people. Colours serve as fundamental elements of culture and unchanging factors in the conceptual picture of the world, as each language has its own colour symbolism, reflected within the language, thought and a lifestyle. Colour designations are inherently linked to people's history, culture, traditions,

and geographical location. They encompass lexemes, phrases, idioms, metaphors, proverbs and sayings that exhibit unique features within the linguacultural framework. One of the means of conveying the cultural and spiritual experience is considered to be idioms with a colour designation to convey information about the mindset, lifestyle, as well as the distinct mentalities of ethnic groups that constitute unique lexical stratum within the ethnocultural specificity. Colour designations can be categorised into six groups:

1. Kulpina's (2001) research on colours from theoretical point;

2. Bakhilina's (1975) and Tokarski's (1995) research on colours from a cognitive side (on the example of Polish language);

3. Vasilyeva's (1993) and Guriev's (1993) research on colours from functional and symbolic point;

4. Shkhvatsabaya's (1985) and Divina's (1996) research on colours from linguistic description (word formation, syntax, lexical);

5. Vasilevich's (1987), Vendina's (1999), Term-Minasova's (2000), Ozkhan's (2000), Novikov's (2014) comparative studies on colour interpretation in various cultures;

6. Zavyalova's (2007) research related to paremiology of colour designations.

Vorkachev (2001) states that in linguistics there are new directions that have recently emerged, for example, ethnopsychology, psycholinguistics, cognitive psychology, sociolinguistics, cognitive linguistics and ethno-linguistics. Linguacultural studies have developed as an independent science due to ethno-linguistics, the objective of which is to study the relationship between culture, ethnicity, national mentality and language. It was coined by Benveniste (1974), who grounded language, culture and human personality in the triad and shed light on both the material and spiritual uniqueness of ethnic groups.

An integral element in linguacultural studies are idioms that reflect traditions, history and culture of language speakers (Teliya, 1993). As defined by Yartsev's (2002) dictionary, an idiom includes a combination of words that are semantically related, however with different grammatical rules they reproduce fixed expressions with a hidden, non-literal meaning. According to Saberian and Fotovatnia (2011), idioms are socially appropriate phrases that have fixed expressions in which their figurative meanings cannot be guessed from the words alone. As per Alexander's (1987) definition, "idioms refer to multi-word units that need to be understood as metaphorical expressions alongside corresponding cultural, sociolinguistic and contextual norms." According to Ogoltsev (1982), the cultural component within idioms is fundamental in the analysis of their

semantic structure, and it is the originality of the language that most directly manifests the national specificity of the language through idioms unveiling ethnic and linguistic distinctions.

Gataullina (2005) in the work, *The Role of Colour Designations in Conceptualising the World: Based on Idioms in English, German, French, Russian and Tatar Languages*, states that colours are central categories of conceptual and linguistic pictures of the world. This means that they are connected with the moral, cultural, aesthetic and semiotic interpretations of ethnic groups. Consequently, the colour picture of the world can be formed via the ethnic colour mentality, colour preferences, colour lacunae and universals.

Within the scope of the Kazakh language, the linguocultural aspect of colour designations has been studied in the work of Kaidarov, Umirbekov and Akhmatberdiyeva, *Colours Full of Mystery* (*Сырға толы түр мен түс*). Scholars conclude that pure colours without admixtures, except for white and black, do not exist. Their experiment confirmed that mixing primary colours in different quantities and ratios contributes to the formation of individual specific colours. Authors state that the world of colours as a natural object is universal and neutral for all nations and languages. However, the designation of colours varies in cultures, as they form their own word-formation structures, characteristics, and semantic development. Colour designations are considered as a culturally integrated system that is reflected in traditional, spiritual, historical, aesthetic standards and cognitive perception of people.

The vast majority of colour designations in Turkic languages have common roots, and therefore are conveyed in a historical unity. The figurative meaning of colour designations in Kazakh language is complicated and reflects symbolic associations and perceptions shaped by national worldview, traditions and history of nomads (Turks). The variations and unique characteristics of colour designations in Kazakh and Russian are due to their semantic differences that are shaped by innate patterns and culturally embedded features.

The anthropological study of idioms within colour designations allows to understand historical, cultural, spiritual experiences of ethnic groups and identify their ideological attitudes. The linguacultural aspect of colour perception in the anthropological context in Kazakh and Russian has not been sufficiently researched. Due to the growing interest in national-specific features of colour designations and insufficient research in Kazakh colour idioms, this article examines the anthropological and linguacultural aspects of the colour symbolism, *dark/light blue* in Russian and *kök* in Kazakh, focusing on their origin, semantics and symbolism.

Research Methodology

The most relevant approaches to the problems of colour designation and colour perception are:

1. Anthropological
2. Psychological
3. Gender
4. Linguacultural

This study has employed anthropological and linguacultural approaches to the study of colour designations, allowing to explore the evolution, origins and role of colours in Russian and Kazakh cultures. The research is based on the works of B. Berlin and P. Kay (1949), which defines universal principles of the emergence of basic colour designations. This approach examines how the natural landscape, mythology, and lifestyle of representatives of different cultures influenced the formation of colour symbolism. The linguacultural approach examines the relationship between language and culture within the analysis via colour idioms with blue in Russian and Kazakh languages. This approach will determine their national, cultural, cognitive and symbolic worldviews. The comparative analysis method will help to identify symbolic similarities and differences of colour idioms and their meanings. Idioms have been analysed via corpora, RNC and KNC; the choice of these corpora is due to the ample data of both corpora for linguistic research.

Discussion

Okhritskaya's study (2012), *The Linguistic and Cultural Aspect of the Polysemy of Colour*

Names, delves into a more ancient origin of the colour designation for *dark blue/siniy* (синий) and *light blue/goluboy* (голубой). The Old Russian *sin* (dark blue) appears in the literature of the 11th century in the meaning of *dark*, shimmering with blue (as an epithet of *lightning*) and traces back to the Proto-Slavic *sinъ*, which denotes *blue* and *grey*.

According to Knodel (2019), there are two colours describing blue in Russian: dark blue and light blue. This is distinct from many Germanic languages, where different shades of blue are not distinguished as in Russian *dark blue* and *light blue*. For instance, English *blue*, German *blau* and French *bleu* use single term for this colour.

According to the etymological dictionary of Vasmer (2007), dark blue (синий) in Russian originates from the ancient Indian sanskrit *čyāmās* (dark, black; bluish-black).

Other scholars have linked the origin of the word *siniy* (синий) in Russian with the word, *tausinny*, which historically was used in Russian to mean dark blue shade. *Tausinny* is derived from, *phasianidae*, it is pheasants family, referring to the peacock. The meaning of *tausinny* is obsolete – dark blue with a cherry tint (Vasmer, 2007).

According to Ushakov's (2013) explanatory dictionary the meaning of dark blue/siniy (синий) in Russian is a colour between violet, green and dark blue. There is another base colour for blue, which is *sizy* (сизый), and is included to the blue colour group (Bakhilina, 1975). Dahl (1881) defines *sizy* as dark, bluish, black with bluish and whitish tint.

An analysis of the academic multi-volume book series, *Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the far East*, reveals that the *dark blue/siniy* (синий) was endowed with magical properties. First, it was associated with water, which was considered in ancient times to be a dwelling place for evil and hostile forces (Nikulina, 1988). For example, in fairy tales, the sea is called as the dark blue sea (синеморе). Since antiquity, water has long been recognised as an element associated with death and the afterlife. In Russian, evil spirits are euphemistically called, *sinets* (blue spirit), associated with mystical and mysterious creatures

that can be both good and evil. In connection with this belief, there is information that Ivan the Terrible was afraid of blue-eyed people.

In Russian culture, the association of *dark blue/siniy* (синий) with *gendarmes* further created the negative perception as their uniforms were made of dark blue cloth. Gendarmes were called *dark blue trousers* (синие штаны) and Lermontov's expression, *light blue uniforms* (мундиры голубые) has the same meaning. Dark blue uniforms, in the 19th – early 20th centuries, were allegorical names for a military rank of the Separate Corps of Gendarmes (political police) in the Russian Empire. It is associated with the colour of the uniform, which, according to the decree of Emperor Nicholas I of June 19 (July 1), 1827, was to be made of light blue cloth. In Russian culture, there was a tendency to call any colour with a *blue tint* by the general name of *strange colours*.

Dark blue/siniy (синий) in Russian is considered to be depersonalising, unifying and has negative connotations, for example:

- *Burn with a dark blue flame* (горю синим пламенем) is used to express displeasure, as a wish to get rid of someone or something;

- *Dark bluebeard* (синяя борода) is a bearded, wealthy nobleman, a villain who secretly killed his wives; a character from a French folk tale;

- *To turn dark blue* (посинеть) means to become blue; to acquire a blue tint;

- *Dark bluestocking* (синий чулок) is about a pedantic woman, devoid of charm and femininity, absorbed by science. It originated in England in the 18th century in one of the centers of intellectual life-the house of the writer Elizabeth Montagu. The society that gathered there included women who participated in intellectual discussions. Benjamin Stillingfleet-a scientist-botanist, was the soul of the company. He dressed for a social gathering rather outrageously: instead of black silk stockings, due to his unenviable financial situation, he wore cheaper woolen stockings of a blue colour. Later, this phrase has become popular among women who participated in intellectual discussions, rather than in their traditional roles. Eventually, this phrase describes educat-

ed, scholarly women who lack traditional femininity;

- *Dark blue Monday* (синий понедельник) is the third Monday in January, when some people believe they feel particularly sad. This phrase was introduced by Cliff Arnal in 2004 for the travel company to introduce the scientific phrase for January's depressed mood or blues.

Dark blue/siniy (синий) in Russian has a positive meaning and is associated with luck and purity, for example:

- *Blue tail of luck /bluebird* (синий хвост удачи/синяя птица) means meeting this bird is considered as a good luck, but few people have ever seen it. That's why it is a symbol of the dreams and hopes. Only the most patient and believing in miracles see this unusually beautiful bird. It settles in deep gorges and narrow valleys, in which steep cliffs or at least rocky boulders near a turbulent stream alternate with tree and shrub thickets. It loves gorges and waterfalls, damp and mossy rocks. It is a very rare and sedentary bird, called *myiophonus caeruleus* (синяя птица/көк құс) and can be found from gorges of Tien Shan, Kungey Alatau region near Kolsai in Kazakhstan, Turkmenistan till Indonesian islands in Southeast Asia. It differs from other thrushes in its large size and unique blue colouring. It is dark blue, with silvery-violet sparkles on the back, head and chest, with dark blue wings and a tail. The bird's voice is sonorous, loud and is a set of beautiful, melodic whistles – it sings near roaring mountain streams, where the voices of other birds cannot be heard. The flute singing of the bird in combination with the mountain beauty awakens in a traveller a profound sense of wonder. This is why this bird is so beloved in Russian legends and fairy tales.

- *Blue dome of the church* – Blue domes with stars indicate that the temple is dedicated to the Virgin Mary. Light blue or dark blue colour symbolises heavenly purity and innocence, and the stars remind the Star of Bethlehem, which announced the birth of Christ from the Virgin Mary.

Thus, dark blue in Russian language is mostly associated with negativity, it represents mystical creatures, evil, the colour of gen-

darmes during Russian imperialistic times; other depersonalising meanings of dark blue in Russian have been affected by French and British cultures. The positive meaning for dark blue is related to a blue bird that can be found from gorges of mountains in Kazakhstan, Turkmenistan to Indonesian islands in South-east Asia and a blue dome of the church, which is related to the Christ's birth.

In contrast to *dark blue*, the colour designation *light blue/goluboy* (голубой) in Russian is used not only in its direct meaning, but denotes *grey* and *ash* shades. Ushakov's (2013) explanatory dictionary defines it as having a *sky-blue* colour. In the earliest written sources, *light blue/goluboy* (голубой) was used exclusively to describe horse's coat colour. The *blue coat colour* meant a horse that was either *light or dark grey with blue*, or *greyish-blue*, or even *greyish-yellow*, *greyish-brown*, which is probably why the meaning is not entirely clear. Later, the word acquired its current meaning (*the colour of a clear sky, light blue*) (Vorkachev, 2001). It was in this meaning, for unclear reasons, that the term has become widely used, designating a very specific section of the spectrum and has become the basic colour designations in the Russian language. It represents a group of shades of blue with a shift towards green, or light shades of blue (Knodel, 2019).

The linguistics origins of the colour term for *light blue/goluboy* (голубой) in Russian is likely to originate from various language families. The *dove* is likely to originate from the word *columbidae*, a family of birds consisting of pigeons. Hence, in Latin it was *columba*, in Proto-Slavic *golǫbъ*, Proto-Balto-Slavic *gulbis-gulb̃ė* or Proto-Indo-European *ǵʰelh*, Proto-Turkic *kul*, Old-Turkic *quš* and Proto-Altaic *kùla*.

Light blue/goluboy (голубой) has mostly negative connotations, for example:

Light blue blood (голубая кровь) denotes aristocratic and noble lineage. It appeared in the 8th century when Visigothic Spain was invaded by Moors. Representatives of the old nobility began to emphasise their blue veins and pale skin that there were no dark-skinned Moors in their family, with whom the authorities fought

until the 15th century. When the borders of the Spanish Empire expanded, this phrase became widespread among aristocrats throughout Europe appearing first in France and then spreading to Russia.

A light blue dream (голубая мечта) is an idyllic, often unattainable goal, a dream. According to *Encyclopedic Dictionary of Catchphrases and Expressions* *blue dream* is associated with German literature, in particular with the novel *Heinrich von Ofterdingen* by Friedrich von Hardenberg. According to the plot, the protagonist sees a beautiful blue flower in a dream, which he perceives as the symbol of his future happiness. The search for this flower in real life leads him to refine his poetic talent. The blue flower is a reference to German folklore, where shepherds attached such a flower to their clothes and received the ability to sense the location of hidden treasures. The expression *blue dream* is a fusion of *blue flower*, the most desired aspiration.

Light blue fir (голубая ель) is a symbol of loneliness and dislike of the male gender. It was believed to create an environment to keep men away from home and prevented the birth of boys. It is considered as a vampire tree that depletes energy from people.

A saucer with a light blue border (блюдечко с голубой каёмкой) – without any efforts and worries; ready-made.

Make light blue eyes (делать голубые глаза), pretend not to understand, not to know, not to be informed.

Light blue thief (голубой ворюшка) is a person from the Golden Calf novel, who used to steal budget from nursing home and felt embarrassed about his actions. For a very long time, the word *blue* was used to describe a person who could be called a naive dreamer, a romantic. So, Alchen, a main character represented a type of person who combined the incompatible – thievery and naivety, impudence and shyness.

Light blue beret (голубой берет) is a blue uniform cap (beret), which is an element of the military uniform of service members in armed forces; it is used in airborne troops and special forces¹; airborne troops serviceman²; a member of the UN Peacekeeping Forces³.

Light blue/goluboy (голубой) has only positive connotation, for example:

- *Light blue patrol* (голубой патруль) is an active participation of pioneers and school-children, students and working youth during USSR in public environmental protection work.

Thus, *light blue/goluboy* (голубой) in Russian language is mostly associated with negativity, it represents racism towards skin colour which originated from Europe, an unattainable goal derived from German folklore, naivety and thievery from Soviet novel, and a colour of military cap. The positive associations are rooted back to the Soviet organisation that involved people in public environmental protection work and had a positive image for their care towards nature.

In contrast to Russian language, Kazakh carries broader semantic associations with *blue/kök* (көк) and is embodied in history, customs, traditions, environment and socio-economic status of Kazakh, who maintained a nomadic lifestyle in the past. The Kazakh language is one of the oldest Turkic languages, and the closest are Karakalpak, Nogai and Karagash. Together they form the Kipchak-Nogai subgroup within the Kipchak language group (Baskakov, 1952).

The symbolic use of colour terms is preserved in an oral folklore and written records of Turkic culture. The semantics of colour designations in the names of ethnonyms and toponyms sheds light on key elements of nomadic history, their geographic location, beliefs, hierarchical structure of tribes and military-political structures. Thus, colour terms offer valuable insights into the history, economy and lifestyle of nomadic people. The cultural importance of colours has its roots in a mythology, where first archetypal colour symbols could appear. These aspects are interconnected within the genesis of symbolism and signs of the ethnic, nomadic culture and determines the importance of this research (Khabizhanova, 2021).

Based on linguistic, ethnographic and folklore observations, Margulan (1986) states that among the Turkic peoples, colours were used based on the movement of the sun: the

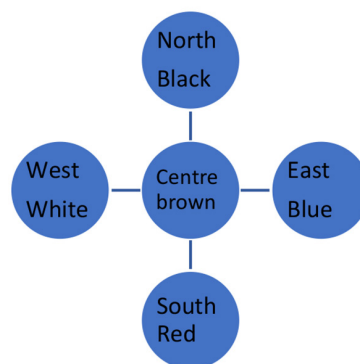

Fig. 1

east by blue, the west by white, the north by black and the south by red, whereas, brown as a symbol of the centre of the world (Fig. 1).

All those five colours –white, black, red, green and yellow – were the most commonly used in everyday life by the Turks and were used to designate various objects and phenomena. In contrast, blue, grey (*boz* and *kyr*) was intended to nominate a certain range of things (Khabizhanova, 2021).

The colour blue (*kök*) is in the peripheral category of the Turkic colour system, which means it is less frequently used colour. Historically, it represented the east and was used by the Ulus of Jochi, who were divided into right and left wings. Jochi was Genghis Khan's (Chingiz Khan) eldest son and inherited all Russia's land, the Black sea and the Caucasus. Later, his son Batu established the Kazakh Khanate. Territories that belonged to them were named the white and blue hordes by the colour of yurts (round shaped tents with wooden frames). Beyond the geographical setting, the colour designation conveyed the social stratification, where hierarchically white and yellow symbolised seniority and blue symbolised subordination (Yudin, 1982).

The lexeme *kök* (blue) originates from the Proto-Turkic *gök*, meaning *blue, light blue, green*, which, in turn, traces back to Proto-Altaic *kók'e* meaning *blue, green* (Starostin et al., 2003). In Kazakh *kök*, the colour of the sky. In Mongolian language *kökä* means *blue, light blue, green*, in Tungus-Manchu *kukumo*, *keek* mean *blue, green, greenish-grey*, in Man-

chu *kuku fulan* means *grey, dark blue* (about horse colour) (Fedotov, 1996). In all turkic languages it has the following meanings: light blue, azure; blue, aquamarine; grey, roan, grey (about colour), dove (about colour), grey; sky, firmament; bruise, blue; colour of mourning (blue); blueness; green; early spring grass; greenery, green grass, vegetables, unripe; stinky (SIGTYA, 2001; ESTYA, 1980).

The Orkhon-Yenisey is a script used by original Turkic people of Altay in approx. 8th century. The word *kök* was mentioned to describe the sky and clothes:

- *Üzä kök täyri asra jayız jir qilintuqda, äkin ara kisi oyli qilinmis*, which means ‘When the blue sky was created above, the dark brown earth below, between them both were created the sons of men (i.e. people)’ (Monument in Honor of Kül-Tegin) (Malov, 1951);
- *Bir kök tonluy atlüy bæg ärmish* ‘chief on horseback, dressed in blue clothes’ (Golden Shine) (Malov, 1951);
- *Kök ton* ‘blue clothes’ (Divanu Lugat at-Turk) (Kashgari, 2005);
- *Kök* ‘blue, crimson, grey’ (Budagov, 1871).

According to Clauson (1972), the original meaning of *kök (blue)* meant the sky in all turkic languages, except for Siberian Turkic. The word *kök (blue)*, originally described various colours from *green (jašil)* to *blue (kök)*. In Azerbaijani, Kyrgyz, Nogai, Uzbek, Uighur, Saryg-Yughur, and Yakut languages an adjective *green (jašil)* developed into a noun, meaning *greenery*. In the Turkic languages, except for the Siberian and Chuvash languages, *kök (blue)* developed into a noun, meaning *sky*. Thus, the *sky* was the most popular meaning for *kök (blue)* which has blue shades, another word for the colour *green (jašil)* has appeared from the word *young (jaš)*, linking *jaš* with young plants and greenery (SIGTYA, 2001; Clauson, 1972).

According to Tanabaeva (2001) and Oragaliyeva (2001), in the ancient Turkic language, *kök* had the objective meaning of the *sky* and this meaning was the primary the meaning of *God*. In Kazakh language *kök (blue)* is used in relation to natural objects and phenomena. Traces of worship of the sky are visible as ancient graves, the domes of the mausoleums of

the khans Alash, Zhoshy, Bestam were painted blue, turquoise colours that are associated with God, clear skies, water, meaning prosperity. For example, with the combination of *kök kumbetz (blue dome)* – mausoleum.

Below are comparisons of *kök (blue)* with natural objects, for example:

- *aspanday kök/aspanдай көк (blue, like the sky)*; *kökte turgan zhuldyz/көкте тұрған жұлдыз (star in blue)* – an impossible dream;
- *kökke koteru/көкке көтерү (raise to the blue)* – to praise, extol someone to the skies;
- *töbesi kökke jetti/төбесі көкке жетті (head raised to blue)* – to be very happy.

According to the research of Maizina (2008), the colour *kök (blue)* characterises a wolf, which is powerful, impudent, for example:

- *kök kaskyr/көк қасқыр, kök bori/көк бөрі (blue wolf)* – fearlessness, domineering.
- *kök shulan kaskyr/көк шулан қасқыр (blue wolf)* – seasoned, experienced.

Maizina (2008) states, the lexeme *kök (blue)*, has the additional meaning of *grey*. The designation for horses and other animal coat colours with *kök (blue)* are not commonly used as *sur (grey)*. In Kazakh language it can be used to refer to animals and their coat colours, for example:

- *kök at/көк ат (blue horse)* – grey horse;
- *kök sıyr/көк сиыр (blue cow)* – grey cow.

Another meaning of *kök (blue)* – grey in Kazakh is used in relation to an elderly people with grey moustaches and a beard, for example:

- *kök saqal şal/көк сақал шал* (an old man with a blue beard) – an old man with a beard and streaks of grey.

The article by Koshkarev and Abzhaparova (2022), *Adjectives-colour designations as intensifiers in the Kazakh language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)*, describes the functioning of Kazakh adjectives-colour designations as intensifiers in comparison with Turkic and other languages. According to the authors, in comparison with other languages, Kazakh and Kyrgyz language-

es have the largest number of adjectives-colour designations to indicate the intensity of a natural phenomena (heavy rain, frost).

Colour designation *kök (blue)* functions as an intensifier when describing weather phenomena, denoting both high and low intensity:

- *kök taygak/kök тайғақ* (blue slip) – black ice;
- *kök salpak/kök салпақ* (blue slush) – spring slush;
- *kök dauyl/kök дауыл* (blue storm) – a very strong storm;
- *kök boran/kök боран* (blue blizzard) – powerful blizzard.

The lexeme *kök (blue)* is associated with the expression of negative characteristics of a person:

- *kök zhalkau/kök жалқау* (blue lazy) – very lazy.
- *kök doly/kök долы* (blue furious) – wild with anger.
- *kök baka/kök бақа* (blue frog) – a very thin person.
- *kökten tüsu/kökтен түсу* (to descend from the blue) – looking down on others.
- *kök sokkan/kök соққан* (cursed with blue) – cursing.
- *köktey solğır/kökтей солғыр* (fade as the blue) – cursing and wishing to die without growing up, without getting on your feet, without getting strong.
- *kök ayıl/kök айыл* (blue girth) – hot-tempered nature.
- *kök awız/kök ауыз* (blue mouth) – an overly talkative person.
- *kök myi/kök ми* (blue brain) – a dull-witted or mentally sluggish person.
- *kök mıljıñ/kök мылжың* (blue chat-ty) – an overly talkative person.
- *kök tüynek/kök түйнек* (blue foolish) – очень глупый человек.

As a result of the semantic expansion of the word *kök (blue)* through metonymic transfer, *kök* can be used in another negative context, for example:

- *közin kök qılu/kөзін көк қылу* (to make an eye blue) – a bruised eye.
- *kök ala koidai kyly/kök ала қойдай қылу* (beat like a blue ram) – inflict a severe physical harm.

In Kazakh, *kök (blue)* plays the role of an intensifier, strengthening the negative semantics when describing the feeling of hunger, poverty, when food and feed supplies run out, for example:

- *kök özek/kök өзек* (blue stomach)/*kök ozegi tysti/kök өзегі тұсты* (blue stomach fell) – suffer from hunger.

There is another designation for *kök (blue)*, which is colour *green* in the meaning of unripe or immature, for example:

- *kök şöp/kök шөп* (blue grass) – green grass. Kazakh do not say *zhasyıl şöp* (green grass), since it does not refer to the colour of the grass, but it means that it has just sprouted, i.e. it is still green, fresh;
- *kök jailau/kök жайлау* (blue meadow) – green meadow. Sometimes for Kazakhs, both options, as *kök (blue)* and *zhasyıl* (green) *zhailau* are acceptable, i.e., green is perceived by Kazakhs as *kök (blue)* and is associated with the colour of fresh grass and plants;
- *kök tüynek/kök түйнек* (blue plant embryo) – unripe embryo of a plant;
- *kök arpa/kök арпа* (blue barley) – unripe barley;
- *kök shäy/kök шәй* (blue tea) – green tea, but Kazakhs do not say *zhasyıl shäy* (green tea);
- *kök alma/kök алма* (blue apple) is an unripe apple, but Kazakhs do not say *zhasyıl alma* (green apple).

Kazakhs use the colour *kök (blue)* to describe and define light shades of eyes. For example:

- *kök köz* (blue eyes) – green eyes;
- *kökpenbek köz* (penbek indicates the saturation of blue/cyan colour) – sky blue eyes;
- *tuzday kök köz* (blue eye like salt) – eyes the colour of sea salt. (It should be noted that the sign of beauty among Kazakhs, as well as among many Turkic peoples, is *kara köz* – black eyes.)

Kononov (1978), in his work *Semantics of colour designations in Turkic languages*, states that *blue* and *green*, *grey* and *brown*, and other colours were perceived as identical, close. They say *kök*, and occasionally specify: *kökshil* – blue alike or *zhasyıl* – green.

According to Gumilev (1994), “*the Turkic view the boundaries between the colours of the spectrum were located somewhat differently than in the European view.*” Green colour: “*this colour of both the sky and the grass – the element of vegetation – has always been the sacred colour of the Turkic-speaking tribes.*” In Turkic mythology, the spiritual wealth and love for nature was *Tengri* – a symbol of the sacred sky, freedom, and power.

In the article, *Colour perception and natural associations in the culture of the Kazakhs*, Turganbaeva (2002) emphasises that the *Tree of Life* shows the inseparable connection between the Heavenly and Earthly worlds. The ancient Turks called the goddess-mother of fertility and childbirth, the female spirit of the earth *Umai-sheshe*, who was part of the triad of the highest deities of the Turks. In turn, *Umai-sheshe* was associated with the supreme god *Tengri* (*Ul-gen*) – *kök* – *Tengri* (Blue Sky).

Mironova (2002) in her work, *Colour in Fine Arts*, emphasises that the ancient Chinese had the colours *blue* and *green* as interchangeable, there was no clear distinction between the two colours, it is possible that green was considered a product of blue. For the Chinese, light blue was a symbol of the midday sky. In Kazakh culture, blue is one of the most popular colours, it is associated with clear skies and water, serves as a totem against treachery and various misfortunes. The word *köktem* – *spring*, the root of which is *kök*(*blue*), in the culture of some Turkic peoples means *blue*, *blue-green* colours. In Turkic culture, it was forbidden to pick spring green grass, which symbolised the continuity and eternal renewal of life.

In Kazakh language the names of the months are associated with months of a year, for instance:

- *Akpan* (white snowstorm) – February;
- *Sarsha* (yellow foliage) – August;
- *Karasha* (black colour of the earth before the onset of winter) – November.

Colour associations in Kazakh are reflected in the names of rivers, for instance:

- *Sary su* (yellow water);
- *Kok su* (blue water);
- *Kara su* (black water);
- *Alakol* (ala – motley, köl – lake).

For example, Gak (1977) comparing the lexical systems of the Russian and French languages, writes: “*Using the example of colour names, one can be convinced that even such an objective physical sensation, common to all people, as colour, is reflected differently in various languages; the names of colours constitute a complex system in each language.*” The assessment expressed in stable phrases and fixed in them is a product of the thinking activity of a national-cultural society. In this regard, according to Sosnina (2015), colour is a component of culture, it is surrounded by a system of associations, interpretations, and is the embodiment of various moral and aesthetic values.

Conclusion

The symbolism of colour designations in languages allows to see the picture of the world, refracted in the consciousness of people, since it may relate to the content encoded by the colour (Gak, 1977). Idioms are ethnocultural markers describing rich palettes of human worldview, each linguacultural community expresses their own unique cultural information embedded in linguistic units. The linguistic and cultural aspect of colour perception in the anthropological direction of Russian and Kazakh languages has not been sufficiently researched. There is a growing interest in national-specific features of colour designations of different languages, thus, this article has examined the anthropological and linguacultural aspects of the symbolism of *dark blue/ light blue* – *kök* in Russian and Kazakh idioms from their origin, semantics and symbolism. The research papers containing anthropological and historical data on the symbolism of colour designations in different cultural traditions of ethnic groups, in particular, Russian and Kazakh have been included in the literature review section. The comparative method in the analysis of idioms via RNC and KNC has allowed to find the symbolic differences and similarities in colour designations in both cultures. In Russian, *dark blue* and *light blue* have complex and polysemantic structure, reflecting both physical and cultural-historical features of colour

perceptions. *Dark blue* in Russian was originally associated with mystical powers and the afterlife, as can be seen in folklore and mythology. It was perceived as a symbol of power, which was reflected in the uniform of the gendarmes and official clothes. On the one hand, dark blue often has negative connotations associated with such expressions as *blue spirit*, *to burn with a blue flame*. On the other hand, dark blue symbolises luck and spiritual purity, for example, in the image of the *dark blue bird* or the domes of Orthodox churches.

Light blue on the contrary, has softer and lighter shades of perception in Russian culture. It symbolises nobility (*blue blood*), but has racist skin colour perceptions historically originated from Europe and could be attributed to negative perception; dreaminess (*blue dream*), as well as natural elements such as the sky and water. At the same time, in a historical context, this word could denote ambiguous phenomena, for example, loneliness (*blue spruce*). Thus, these colour designations represent multi-layered symbols in which both positive and negative meanings are intertwined, reflecting the cultural, social and historical realities of the Russian language.

The semantics of the colour *kök (blue)* in Kazakh culture has a broad and multifaceted character, reflecting the historical, social and cultural characteristics of ancient nomads. In the traditional worldview of the Turkic peoples, the colour *kök (blue)* was associated with the sky, a higher power and the divine principle, which is confirmed by such expressions as *Kök-Tengri* (Blue Sky). Geographically, it denoted the eastern direction and was important

in social stratification, as in the case of the division of the lands of Genghis Khan (Chingiz Khan) into the *White* and *Blue hordes*.

In Kazakh language, *kök (blue)* is widely used in natural, cultural and everyday contexts. It denotes the firmament (*aspanday kök* – blue as the sky), natural objects (*kök kumbez* – the blue dome of the mausoleum), animals (*kök bore* – a grey wolf, a symbol of fearlessness and power) and vegetation (*kök shöp* – green grass, that is, young, fresh).

It is interesting that in the Kazakh language *kök* covers not only shades of blue and light blue, but also green (*kök alma* – unripe apple), grey (*kök at* – grey horse) and even grey (*kök sakal shal* – old man with grey hair). In addition, the word acts as an intensifier, enhancing the characteristics of phenomena (*kök boran* – strong storm, *kök zhalkau* – very lazy). In some expressions, it acquires negative connotations (*kök sokkan* – damned, *kök auyz* – chatterbox).

Thus, the concept of *kök* in Kazakh culture extends beyond a simple colour designation, reflecting sacred, natural and social aspects. The semantic structure of colour designations in the Kazakh language has a wide range of figurative meanings and its polysemy emphasises the peculiarity of colour perception in the traditional Kazakh consciousness, where the boundaries between shades were perceived differently than in Western culture. Thus, the study of the linguacultural aspect of colour designations in the anthropological direction is a unique layer for research, since the focus is on material and spiritually specific world of people.

References

- Alexander R. Problems in understanding and teaching idiomaticity in English. *Anglistik und Englischunterricht*, 1987, 32(2), 105–122.
- Bahilina N. B. *Istorija cvetooboznachenij v russkom jazyke [History of colour designations in Russian]*. M., 1975
- Baskakov N. A. *K voprosu o klassifikacii tjurkskih jazykov [On the classification of Turkic languages]*. Izvestija Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i jazyka. 1952, 121–134.
- Benvenist Je. *Obshhaja lingvistika [General linguistics]*. M., 1974, 447.
- Berlin B., & Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press. 1969
- Bidermann G. *Jenciklopedija simvolov [Encyclopedia of symbols]*. 1996, 336

- Budagov L. Z. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy* [Comparative dictionary of Turkish-Tatar dialects]. vol. 2, St. Petersburg. 1871
- Clauson G. An etymological dictionary of the Thirteenth-Century Turkish. Oxford. 1972
- Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 4t. SPb.; M., 1881
- Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Russisches etymologisches Wörterbuch: [per. s nem.]: v 4 t. 4-e izd., stereotip. M.: Astrel' AST, T. 1. 2007
- Fedotov M. R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Chuvash Language]. vols. 1–2, Cheboksary. 1996
- G. B. Habizhanova. *Fenomen cveta v jetnicheskoj istorii kochevyh narodov central'noj azii* Bulletin of history [The phenomenon of colour in the ethnic history of the nomadic peoples of central Asia]. 2021, 3(102), available at: <https://bulletin-history.kaznu.kz>
- Gak V. G. *Sopostavitel'naja leksikologija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Comparative Lexicology: International Relations]. 1977, 264.
- Gataullina L. R. *Rol' cvetooboznachenij v konceptualizacii mira: na materiale frazeologizmov anglijskogo, nemeckogo, francuzskogo, russkogo i tatarskogo jazykov: avtoref. Dis.* [The role of color designations in conceptualizing the world: based on phraseological units of the English, German, French, Russian and Tatar languages: author's abstract of dissertation]. Ufa. 2005
- Gumilev L. N. *Hunny v Kitae*. [Huns in China]. SPb., 1994, 272.
- Jarceva V. N. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Pod obshh. red. Jarcev. 2-e izd., dop. M., 2002, 709.
- Judin V. P. *Ordy: Belaja, Sinjaja, Seraja, Zolotaja. Utemish-hadzhi* [Hordes: White, Blue, Grey, Gold]. Chingiz-name Faksim., perev., transkr., primech., issled. V. P. Judina; podgot. k izd. Ju. G. Baranova; koment. i ukaz. M. H. Abuseitovoj. A.-A.: Gylm, 1992, 14–56.
- Kashgari M. *Divan Lugat at-turk* [Diwan Lughat at-Turk]. Z.-A. Auezova (Transl., intr., comm.) Almaty, Kazakhstan. 2005
- Knodel' L. V. *Anglijskaja cvetnaja idiomatika: monografija* [English Colour Idioms]. Kiev, 2019, 320.
- Kononov A. N. *Semantika cvetooboznachenij v tjurkskikh jazykah* [Semantics of colour designations in Turkic languages]. Tjurkologicheskij sbornik, M., 1975, 159–179.
- Koshkareva N. B., Abzhaparova M. *Prilagatel'nye-cvetooboznachenija v roli intensivatorov v kazahskom jazyke (v sopostavlenii s tjurkskimi jazykami Juzhnoj Sibiri)* [Colour-Denoting Adjectives as Intensifiers in the Kazakh Language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)]. Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2022. 3, 260–275
- Majzina A. N. *Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v altajskom jazyke (v sopostavlenii s mongol'skim jazykom)* [Semantic field of colour designations in the Altai language (in comparison with the Mongolian language)]. Gorno-Altajsk, 2008, 183–263.
- Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* [Monuments of Old Turkic writing. Texts and studies]. M., Leningrad. 1951
- Margulan A. H. *Kazahskoe narodnoe tvorcestvo* [Kazakh folk art]. Alma-Ata, «Oner», 1986, 191.
- Mironova L. N. *Cvet v izobrazitel'nom iskusstve: posobie dlja uchitelej* [Colour in the visual arts: a manual for teachers]. Minsk: Belarus', 2002
- Nikulina T. E. *Istorija slova v tekstah i slovarjah* [History of the word in texts and dictionaries]. Stavropol'. 1988
- Noorolhoda S., Fotovatnia Z. *Idiom Taxonomies and Idiom Comprehension: Implications for English Teachers, Theory and Practice in Language Studies*, 2011, 1(9), 123.
- Ogol'cev V. M. *Semantizacija kul'turnogo komponenta jazykovoj edinicy v uchebnom slovare ustojchivyh sravnenij* [Semantization of the cultural component of a linguistic unit in the educational dictionary of stable comparisons]. Slovori i lingvostranovedenie. Russkij jazyk, 1982, 179.

Ohrickaja N. M. *Lingvokul'turologicheskij aspekt mnogoznachnosti cvetonaimenovanij: avtoref [Linguocultural aspect of polysemy of colour names: author's abstract]*. Cheljabinsk, 2012, 22.

Osnovnye principy podgotovki tomov serii. *Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East]*. Nauch. sovet po fol'kloru AN SSSR; Glavnaja redakcija serii Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ulan-Udje. 1982

S. G. Vorkachev. *Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii [Linguocultural studies, linguistic personality, concept: formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]*. Filologicheskie nauki 2001, 32, 276.

Sevortyan E. V. *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh jazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "V", "G", "D" [Etymological Dictionary of Turkic Languages. The Common Turkic and Inter Turkic Bases on the letters "V", "G", "D"]*. Moscow, Russia. 1980

SIGTJa. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskikh jazykov [Comparative-historical grammar of the Turkic languages]*. Leksika. M., 2001, 822.

Sosnina L. V. *Strukturnye raznovidnosti kompozicionnyh cvetooboznachenij [Structural varieties of compositional color designations]*. Vestnik RUDN. Serija "Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija", 2015, 2. 56–64.

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden. 2003

Tanabaeva A. M., Orazgalieva F. Sh. *Leksika i frazeologija kak istochnik jetnokul'turnoj informacii [Vocabulary and phraseology as a source of ethnocultural information]*. Ucheb. Posobie, Karaganda: Izd-vo KarGU, 2001, 115.

Telija V. N. *Kul'turno-nacional'nye konnotacii frazeologizmov (ot mirovidenija k miroponimaniju) [Cultural and national connotations of idioms (from worldview to world understanding)]*. Slavjanskoe jazykoznanie. XI Mezhdunarodnyj sezd slavistov. 1993, 302–314.

Turganbaeva, L. *Očerki istorii material'noj kul'tury i dizajna [Essays on the History of Material Culture and Design]*. Almaty, Kazakhstan. 2002

Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]*, Adelant. 2013, 800.

Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]*. M.: Adelant. 2013, 800.

Vasilevich A. P., Kuznecova S. N., Mishhenko S. S. *Katalog nazvanij cveta v russkom jazyke [Catalog of colour names in Russian]*. 2002

Zhukovskaja N. L. *Kategorii i simbolika tradicionnoj kul'tury mongolov [Categories and symbols of traditional Mongolian culture]*. M., 1988, 196.

EDN: LEPMWR
УДК 39.03

The Authoritarianism of Shamanic Power

Tatiana D. Bulgakova*

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 04.04.2025, received in revised form 07.07.2025, accepted 22.08.2025

Abstract. The article examines the privileges of the shaman and the measures he uses to consolidate his dominant position in society. The shaman's power is authoritarian, it is based not only on his personal merits, but also on the advantages of his role position. The shaman's social privileges are secured by the respect of others and at the same time by their certain detachment caused by fear of causing his displeasure. What makes shamanic power authoritarian is the inevitability of retribution following the troubles it causes. According to shamanists, a shaman does not always take revenge on his abusers intentionally, revenge can be carried out regardless of his desire on the initiative of his helper spirits. In the discourse of shamanists, the authoritarian power of the shaman appears as a sacred power exercised through spirits and representing the practical realization of the authoritarian power of spirits over people.

Keywords: shamanism, authoritarian power, sacred power.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes

Citation: Bulgakova T.D. The Authoritarianism of Shamanic Power. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1770–1778. EDN: LEPMWR

Авторитарность шаманской власти

Т.Д. Булгакова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматриваются привилегии шамана и те меры, которые он применяет для закрепления за собой доминирующего положения в обществе. Власть шамана авторитарна, она основывается не только на его личных достоинствах,

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: tbulgakova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3868-0729

но и на преимуществах его ролевой позиции. Социальные привилегии шамана обеспечиваются почтительностью окружающих и одновременно определенной их отстраненностью, вызванной опасением вызвать его недовольство. Авторитарной делает шаманскую власть неотвратимость возмездия, следующая за доставляемыми ему неприятностями. Согласно представлениям шаманистов, шаман не всегда мстит своим обидчикам намеренно, отмщение может совершаться независимо от его желания по инициативе его духов-помощников. В дискурсе шаманствующих авторитарная власть шамана предстает как власть сакральная, осуществляемая посредством духов и представляющая собой практически реализацию над людьми власти духов.

Ключевые слова: шаманизм, авторитарная власть, сакральная власть.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Булгакова Т. Д. Авторитарность шаманской власти. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1770–1778. EDN: LEPMWR

В социальной сфере позиция шамана выделяется своей значимостью. Неафишируемая и никак официально не фиксируемая власть шамана над окружающими его людьми невидима, но от этого не менее, а порой значительно более эффективна, чем официальная административная власть. Шаманы, особенно наиболее могущественные из них, пользуются уважением, к ним относятся с почтительностью, им оказывают знаки внимания и опасаются совершить неугодные им действия. Авторитет шамана основывается не на договорных условиях, а исключительно на его неординарных, необъяснимых для многих таинственных способностях, а распространяемые в обществе рассказы о несчастьях, постигающих тех, кто не сумел шаману угодить, и внушаемое им восхищение, совмещенное со страхом, делает эту тайную власть незыблемой и безраздельной.

Социальные привилегии шамана

Привлекательные черты шаманского служения лежат преимущественно в социальной сфере. Это общественное признание, обретение власти над другими людьми, стремление окружающих угодить любым прихотям шамана, искательство его расположения. Для тех, кто переживает муки предваряющей шаманское посвящение болезни и стоит перед выбором принятия или непринятия павше-

го на них избрания, будущие социальные привилегии оказываются весомым позитивным аргументом, перевешивающим страх перед ожидающими их тяготами шаманского служения. Относительно нанайцев (гольдов) И. А. Лопатин пишет об этом так: «почему шаману отказываться от своего призвания, если его окружают громкая слава широкая популярность, почет и уважение. Шаману у гольдов всегда предоставляется первое место, везде ему оказывают услуги и знаки почтения, а именно кланяются ему земно, угощают лучшими кушаньями, возят в парадной лодке на 4–6 греблях или в парадных нартах на лихих собаках. Все перечисленные обстоятельства, а также многие еще и другие так прельщают избранника шаманы, что он ради славы, этой яркой заплаты на ветхом рубище нищего идет в шаманы, забывая о всех терниях этого звания» (Lopatin, 1922: 256–257). По словам А. Ф. Анисимова, подчеркнутое почитание эвенкийских шаманов выражалось в том, что шамана повсюду «встречали с большим почетом, сажали на почетное место, угощали лучшим, что было из съестного. В беседе даже в случае разногласий шаману никогда не противоречили... Каждый из членов рода считал своим долгом чем-нибудь услужить и помочь шаману. Ему отдавались лучшие промысловые места. При распределении весенне-летних стоянок шама-

ну отводили наиболее рыбную речку и строили для него рыболовный заездок. Осенью помогали шаману собирать оленей, зимой промышлять» (Anisimov, 1958: 233). У хакасов приглашенного кама вводят в юрту и «выводят из нее мужчины под руки. Сначала три раза объезжали усадьбу по солнцу, а затем, заведя во внутрь помещения, его усаживали на белую кошму, постеленную в почетном углу» (Butanayev, 2006: 17) Общаясь с шаманами, люди стараются им льстить и выполнять малейшие их пожелания, если ранее уже обращались за помощью, давая ему тем самым некую власть над собой. Критически высказываться о шамане могли только другие шаманы, его соперники. Но и это делалось заочно во избежание открытых конфликтов.

Между тем не все претендовавшие на звание шамана обретали социальное признание. Если человек, объявлявший себя начинающим шаманом и требовавший совершить над ним обряд посвящения, вызывал у окружающих недоверие (например, если в его роду шаманов не было), его отвергали. «Смеялись над теми, кто сами себя шаманами возомнили... В общество их не принимали... презирали их» (ПМА: Т.Г. Гейкер). Поэтому даже в тех случаях, когда человек не сомневался в своих шаманских способностях, он стремился доказать всем истинность своего призвания, доказать наличие контакта с духами и подтвердить свое право на приличные его способностям привилегии. Если проанализировать совершаемые шаманами чудеса, их не поддающиеся рациональному объяснению действия, окажется, что действия эти носят преимущественно демонстративный характер и (аналогично значению иллюзионных трюков) сводятся в основном к тому, чтобы произвести впечатление на окружающих и тем самым заслужить соответствующую репутацию.

В настоящее время быть шаманом считается престижным, и с целью повышения социального статуса и обретения права на определенные преимущества некоторые сами себя объявляют шаманами, начинают действовать не в духовном, но сразу в социальном поле. По словам удэгейского шама-

на, «сейчас что-то поменялось, сейчас шаманы (сами) популяризируют себя. Бывает! Очень многие! Очень даже! И это не очень хорошо!.. Должны говорить: “Вот он шаман!” – люди, а не ты. Вот это самое главное! Вот если шаман и люди признали тебя, да! А так ты можешь перед людьми прыгать, бубном колотить, а если толку нет, результата никакого» (ПМА: В.И. Донкан). Тогда, как согласно традиции, только после демонстрации поражающих воображение «фокусов» шаман мог рассчитывать на признание и надеяться на оказание соответствующих его званию почестей и привилегий.

Шаманская репрессалия

Социальная власть шамана основывается не столько на авторитете, сколько на авторитарности, так как подкрепляется скрытым, но оттого не менее сильным духовным давлением на окружающих, на страхе, который вызывают его сверхъестественные возможности. Проявленное по отношению к шаману пренебрежение, как правило, влечет за собой наказание. Говоря о мстительном характере хакасских шаманов, В.Я. Бутанайев сообщает, что если окружающие шаману не угождали, например, если везущие его повозку «кони шли медленно, а не бежали рысью, то шаман имел право бить сопровождающих» (Butanayev, 2006: 18). В других случаях «шаманы могли навредить скотоводам, подорвав благополучие их хозяйства. Они забирали жизненную силу “хут” скота, “закрывая” ее в горах, и тогда стада животных подвергались повальным болезням. Рядовым хакасам ничего не оставалось, как смиренно подойти с нижайшими просьбами к шаманам и за вознаграждение вернуть счастье – “хут” их скота» (Butanayev, 2006: 17).

Эвенки (тунгусы), по данным К.М. Рычкова, считают, что «навлечь неудовольствие и гнев шамана – целое несчастье. Он может насыпать на скот болезни и волков, да и самая жизнь тунгуса всецело в руках шамана» (Rychkov, 2006: 118). По словам Е.А. Алексеенко, у кетов шаманы оказывали моральное давление на людей и угрожа-

ли «наслать болезнь или смерть на тех, чьи поступки оказывались им неугодными», и даже сокращение селькупского населения кеты объясняли «мстью елогуйского шамана» (Alekseyenko, 1981: 96).

У манси шаманы (шепаны) «возвышали себя в глазах простых людей, гордились своей “мудростью” и требовали уважения к себе, так как в противном случае они якобы могут отправить на тот свет любого человека, который не оказывает им должного почтения» (Rombandeyeva, 1991: 73). Якуты почитали в первую очередь таких шаманов, которые подвергались процедуре, условно называемой «рассечением». «С таким шаманом нельзя ссориться, не полагается противиться ему: все, что ни попросит, нужно давать, а также исполнять все его поручения. В противном случае он может причинить любое несчастье» (Ksenofontov, 1992: 47). Нанайские шаманы сами говорят, что прекословить им нельзя, поскольку иначе обидчику «плохо будет! (Шаман) напустит на него плохое, и все время плохо ему будет. Даже если (шаман) ночью спит, мы откуда узнаем, (как он в это время действует на обидчика). *С сэвэнами* (с духами) шепчется, и они могут (плохое обидчику) сделать. Отомстить могут!» (ПМА: Ч. Д. Пассар). «Шамана никто не станет ругать. Боятся! А то может придавить!» (ПМА: И. Т. Бельды). «Попробуй обидеть шамана! Дела тогда будут! Никогда нельзя шамана обижать. Никогда! Ни пьяная, ни трезвая плохого слова на шамана не говори! “На коленях!.. Подожди, попробуй! Плакать (ко мне) придется!”» (ПМА: М. Ч. Гейкер). «Убить может человека, если он ему не понравится. Если плохо ему сделали, сразу убьет его своими *сэвэнами* (духами). Все старались ему угодить» (ПМА: Ч. Д. Пассар).

Наиболее значимыми считались те поступки против шамана, которые касались его ритуальной деятельности. Вмешательство в «шаманские дела», как было принято, в традиционном обществе было недопустимым, и ответное прещение оказывалось неотвратимым. Особенно наглядно это проявилось в период антирелигиозной кампании, когда случались аресты шаманов,

изъятие атрибутов шаманского культа, прерывание камланий. Нанайцы утверждают, что те, кто «стояли против шаманов» и выбрасывали изображавшие духов фигурки, вскоре умирали. И. Т. Бельды вспоминает слова его отца, который тогда говорил: “Ты только молчи (ничего не говори против шаманов)!” Я и молчал, хоть и был комсомольцем. А некоторые заядливые комсомольцы говорили: “Эндуров (духов) не надо! Ничего не надо!” – И все умерли» (ПМА). У комсомольца, ломавшего бубны, «родился сын таким изуродованным, он звуки всякие издавал, глаза как на выкате у него были» (ПМА: Е. Ч. Бельды). В одном селе комсомольцы нанайцы повесили отобранный у шаманов реквизит в клубе на стене и смеялись. «Они больше года после этого не прожили, все умерли. Один из них жив остался. Но и он с ума сошел и до самой своей смерти все смеялся. Так мучился. День и ночь смеялся. Через три года и он умер» (ПМА: Н. П. Бельды). Как замечает М. Балзер, «страх шаманских проклятий в семьях, члены которых участвовали в советских репрессиях, повторялся по всему северу и на протяжении поколений. Несколько людей признались, что их семьи возлагают вину за преждевременные смерти и различные болезни или несчастные случаи на проклятия шаманов тем родственникам, которые возглавляли различные мероприятия советской антишаманской кампании» (Balzer, 1995: 29). Причиной безуспешности антишаманской кампании стала обнаруженная на практике неотвратимость наказания для тех, кто осмеливался шаманов преследовать ((Bulgakova, Sundström, 2017; Ivashchenko, 2017).

Рискованным занятием было смеяться над шаманом, исключалось не только унижение его достоинства, но и безобидные шутки. С. З. Ходжер рассказывает, как над ней неуместно пошутила русская женщина Л. «”Ты вроде шаманки”, – говорит. А я и есть шаманка! И она знаешь, как-то так: “Ой, как интересно!” С такой иронией! С такой каверзой она! Она посмеялась надо мной! С иронией! С посмешкой! А мне так нехорошо стало, когда у меня внутри так

сердце сжалось. Но я промолчала. И что ты думаешь? Она ушла, они (гости) посидели, поговорили, ушли. На следующий день у нее мать умерла... Соседка прибежала, говорит: «Ты знаешь что? У Л. мать умерла!» А я знаю, потому что она посмеялась над шаманами. Надо мной смеяться не надо! Те, которые меня обижали, все умирали и гибли не своей смертью. Никого нет в живых» (ПМА: С.З. Ходжер). Наказанной была также нанайка З., которая дразнила шаманку К. и говорила: «Ну-ка, шаманка К., убей меня! Ну-ка нашли на меня болезнь!» К., по ее словам, промолчала, только подумала про себя: «Что ты меня без причины ругаешь? Сами духи тебя увидят!» После этого незамедлительно последовало наказание. Женщина внезапно умерла (ПМА: К.И. Киле).

Непочтительности к шаманам, проявлению по отношению к ним несправедливости приписывались различные несчастья. По словам Е.А. Алексеенко, чрезвычайную смертность детей в семьях подкаменно-тунгусских кетов Хальвиных кетские шаманы объясняли тем, что их «губит некий *кут-тэл*» (*кут* – щука, *тэл* – мамонт), посланный шаманом-эвенком в наказание за то, что прадеды Хальвиных похитили у эвенков стельных важенок» (Alekseyenko, 1981: 96).

Нанайцы помнят случай, как шаман К. Оненко, которому нужно было перебраться в другое село, самовольно привязал свою лодку к катеру, следовавшему нужным ему курсом. Но капитан катера, молодой русский парень, посмеялся над этим шаманом и ножом отрезал веревку, которой была привязана лодка. «Шаман угрозил ему: «Смотри, – говорит, – мы с тобой еще встретимся!» Через два месяца капитан заболел» (ПМА: Н.П. Бельды). Больше года капитан лежал в больнице, у него шла горлом кровь, но обследование показывало, что капитан здоров. Лечение не помогало. «А он даже подняться не может! Голову поднять не может! С подушки голову оторвать не может, до того ослаб!» (ПМА: О.Е. Киле). Нанайцы были убеждены в том, что причиной болезни капитана была обида, причиненная им шаману.

Покорность как обратная сторона доминирования

Социальное доминирование шаманов и некоторых шаманствующих, также обладающих способностью подчинять себе окружающих, и противопоставление их обычным людям в некоторых языках коренных народов Севера и Сибири закреплено терминологически. Например, на нанайском языке простые люди, не шаманы – это *солги най*. На хакасском языке словом *хал* назывались «рядовые члены общества, не обладающие способностью предвидения, не знающие религиозного вероучения» (Butanayev, 2006: 10). Причем слово *хал* имеет также значение «невежда, профан; *тегин* (*тигін*) – простой человек или *хул* – раб» (Там же). Реакция простых людей на притязания шамана проявляется в стремлении угождать шаману, удовлетворить его требования. В случае же, если кто-то вольно или невольно нанес все-таки шаману обиду, он либо вынужден был претерпевать драматические последствия своего поступка, преувеличенным угождением заглаживая свою вину, либо бунтовал против возникшей от шамана зависимости, самостоятельно решая свою судьбу и порой лишая себя жизни.

В случае с катером отец и мать заболевшего капитана обратились к нанайской шаманке, которая «узнала от своих духов» о случае с лодкой и о проклятии обиженного шамана. Пришлось идти к этому шаману и вызволять *панян* (душу) капитана из шаманского душехранилища *дэкасо*. Тем не менее шаман продолжал обижаться, и капитан с родителями переселились к Уралу. Оттуда они регулярно высылали лечившей больного шаманке деньги и ткани на одежду, прислали два вельветовых отреза, и шаманка сшила себе из вельвета два халата. Шаману, которого обидел капитан, привозили даже петуха и свинью для жертвоприношения (ПМА: О.Е. Киле).

У кающихся обидчиков нередко возникает психологическая зависимость от не прощающего их шамана. Чем больше притязаний на социальные привилегии со стороны шаманов, тем больше покор-

ности у остальной массы людей. Характер такой зависимости имеет, по-видимому, нечто общее с тем состоянием, в которое попадает животное в результате широко распространенного колдовского охотничьего приема. После того как охотник заранее на духовном уровне подчинит себе волю животного, будущая его добыча становится покорной ему, готовой на то, чтобы стать его жертвой. По данным В.Г. Богораза, «колдовство связывает волю животного, делает его “благомыслящим”, добрым или просто покорным и, во всяком случае, “мягким” к удару, т.е., хлипким на рану» (Bogoraz, 1923: 23). Похожим образом смягчается воля попавшего в немилость к шаману человека. Расплатой за нанесение обиды шаману или шаманствующему лицу становится длительная психологическая зависимость, привязанность обидчика к шаману, стремление искупить перед ним свою вину и завоевать его расположение, то есть та же «мягкость к удару».

Ситуация, начавшаяся из-за обиды, нанесенной подростком В. будущей неошаманке Т. Г., длилась около восьми лет. В течение этого срока В. неоднократно просил у Т. Г. прощения. Он писал ей письма, приезжал с цветами. «Бесполезно! – говорит Т. Г., – Для меня он пустое место!» И он от этого просто страдал сильно!» По прошествии восьми лет. Т. Г. встретила В. и его друга Г. и стала как обычно разговаривать с Г., делая вид, что не замечает В. «В. рядом стоит, ни вдохнуть, ни выдохнуть (не может). Замер! А тут Г. говорит: “Да прости ты его. Столько лет прошло. Мы уже взрослые” ... Тогда только я на него (на В.) посмотрела. У него такие глаза были! Я говорю: “Ладно, – говорю, – прощаю! Действительно, мы уже повзрослели”. Больше ничего не сказала и ушла. Он такой радостный! Говорили потом, что радостный такой он был. “Ой, неужели, простила?” ... Он уехал, и что-то с ним случилось. Он умер. Ну, умер! Мы не осознали как-то. Бедненький! Рак, конечно. Молодой! Если мне было тогда около 23, ему был 21 год. Он младше меня был». В другой раз подруга несправедливо обвинила Т. Г. и также неоднократно просила

у нее прощения: «“Прости меня! Я без тебя жить не могу! Я по тебе тоскую, скучаю!” – Бесполезно!» Сестра этой женщины также уговаривала Т. Г. помириться: «Ты же старше, ты мудрее! Прости ее!» – говорит. – А то видишь, как она угасает. И все время о тебе говорит. А гордая, первой подойти к тебе стесняется». Т. Г. решила, наконец, простить обидчицу. Она пришла на ее день рождения, обе они выпили на брудершафт шампанское. Подруга вначале поправила, как говорит Т. Г., «похорошела, пополнила, а потом стала угасать и умерла» (ПМА: Т.Г. Гейкер). Такая же зависимость от той же неошаманки возникла у другой ее обидчицы, не пустившей ее когда-то в дом. Выражалось это в том, что, по словам Т. Г., она стала внешне быстро стареть и много пить. Сестра обидчицы утверждала, что она постоянно говорит: «Я скучаю по Т. Г.! Я без нее жить не могу! Она меня не прощает, но я с этим жить не могу!» Т. Г. решила, что «не стоит столько времени мучить человека» и ответила на очередное письмо, обещав приехать на день рождения. Она действительно приехала, но не застала свою обидчицу в живых, ее уже хоронили. Т. Г. объясняет свое воздействие на обижающих ее людей тем, что невольно ловит их «в энергетическую сеть». По ее словам, причиняя обиду, человек бросает на нее некий негативный черный шар, а она уничтожает этот шар, плавит его и возвращает его обидчику огнем. И тогда обидчик «постепенно гаснет и тает... сильную вину чувствует. Чувство вины разрастается с годами все больше и больше... Ты так его к себе привязываешь, что человек постоянно думает об этом. Ничто другое в голову не идет, только как это разрешить» (ПМА: Т.Г. Гейкер).

Духовному доминированию шаманов сопутствует развитие уступчивости, податливости и покорности окружающих, и возвышение социального статуса шаманов этой покорностью существенно подкрепляется. Хакасские халы, то есть рядовые члены общества «во время камлания перед шаманами униженно кланяются, приговаривая, что они безглазые невежественные

батыры, глухие раболепствующие болваны, что они тупее чем телята, проще чем телка, непробиваемые как ребро, закрытые как яйцо, немые как рыба» (Butanayev, 2006: 11). По выражению М. Харнера, у хибаро (шуров) влиятельные шаманы-колдуны представляют собой «зловещий вид социальной силы», и их даже «мягко выраженные пожелания выглядят для простых людей чуть ли не приказом» (Kharner, 2012: 191). У хакасов социальное возвышение шаманствующих лиц закреплялось терминологически и проявлялось, в частности, в том, что рядовые скотоводы обязаны были обращаться к шаманам «со словами: *пиг пирік, хам хазыр!* – жестокий князь, грозный кам! или *пиглезе пипби, хамназа хамыбыс* – Ваше княжеское высочество! Ваше шаманское превосходительство! Простой народ возводил их в разряд бегов», то есть князей (Butanayev, 2006: 18).

Духовные основы шаманской авторитарности

Согласно традиционным взглядам, авторитарное поведение шамана, игнорирование интересов других людей обусловлены не его личностными особенностями и даже не статусно-ролевой идентичностью, но тесным контактом его с духами. Некоторые из сознающих это обстоятельство шаманов прибегают к помощи духов намеренно. Нанайка М. В. Бельды объясняет это так: «Мы с тобой поругались, ты меня оскорбила или я тебя оскорбила, и ты должна мне мстить. Она (шаманка) еще кланяться будет (своим духам, просить их), чтобы тот, который ее обидел, умер... Правильно! Если ты меня обидела, я мстить должна! А как мстить? Как умею!» (ПМА). Шаман, лодку которого капитан отказался привязывать на буксир к своему катеру, наказал капитана намеренно. Как утверждали потом другие лечившие капитана и разбиравшиеся в этой истории другие шаманы, обиженный посадил на спину капитана *симура*, огромного невидимого духа-змея. «Поэтому кровь у него (горлом) стала идти. Дух-то ранит!.. Почему не взять было (лодку на буксир)? Они (шаман с женой) в Найхине жили. Ехали из Ли-

доги. До Троицка-то помог бы им добратся! Тот старик не простой был человек. Он был шаман. Вот тебе! Получай (за то, что не помог)!» (ПМА: О. Е. Киле).

В других случаях наказание не угодившего шаману человека осуществляется произвольно, независимо от намерений шамана. Нанайская шаманка Т. Г. Гейкер рассказывала, что когда ее «до глубины души оскорбляли», она обидчика вовсе «не проклинала, ничего такого не делала», но что, вопреки ее желанию, сама собой проявилась, как она выразилась, некая «отрицательная энергетика», в дело самостоятельно вмешивались ее духи (ПМА: Т. Г. Гейкер). Причиной же неприятностей, настигавших тех, кто осмеливался не угодить шаману, был не сам шаман, но его самовольно проявлявшие инициативу духи. Из сочувствия к тем, кто страдает из-за неосторожного с ней общения, шаманка Т. Г. заранее просит окружающих не обижать ее, говоря, что невольно, не желая того, она может погубить обидевшего ее человека. Другие шаманы также жалуются, что мало что зависит от них самих, что с обидчиком расправляются духи. «Я с тобой ругаюсь, – говорит Н. П. Бельды, а мой *сэвэн* (дух-помощник), который тебя не любит, (все это) слышит, он к тебе подойдет и обязательно что-нибудь плохое (тебе) сделает» (ПМА: Н. П. Бельды). Трое мужчин избили сына С. З. Ходжер. Спустя какое-то время бывшие уже под следствием правонарушители приехали к С. З., и она их простила, посоветовала им найти хорошего адвоката и обещала написать бумагу, в которой откажется от претензий. Потом, как она рассказывает, они еще раз приезжали. «Букет цветов! Полный баул продуктов! Сласти! На стол мне ставят... “Большое Вам спасибо! Вы нас спасли!” ... Вот так я им помогла! Простила их... Потом они и еще приезжали, проверяли, все ли у меня хорошо... не обижает ли кто меня. И что ты думаешь? Прошел только год, а их нет уже в живых. По обстоятельствам погибли. Двое погибли, а другой отчего-то умер. Вот так! Нету их! Всех троих нету!.. Хотя я и простила, но духи-то их не простили!»

(ПМА: С. З. Ходжер). С. З. не только шаманка, но и художница, на картинах она неоднократно изображала девушку, летящую с копьем, борющуюся против злых духов, и утверждала, что девушка эта и есть она сама: «Вот это сейчас всё, что сейчас делается на земле! Несправедливость вот эта! Против меня сейчас очень много врагов! “Враги, – я им уже говорю, – вы меня не трогайте! Вы получите по заслугам! Я ничего не буду делать. Но за меня (мои духи) сделают!” И точно! Все мои обидчики, их уже в живых нет. Те, которые меня топором гоняли, от топора умерли. Те, которые меня ножом гоняли, от ножа погибли... Я всех предупреждаю, пожалуйста, меня только не обижайте! Я вам ничего плохого! Я вам только добра желаю!» (ПМА: С. З. Ходжер).

Отношение людей к шаману не приходится, таким образом, отделять от отношения их к шаманским духам. Согласно традиционным представлениям, шаман настолько прочно связан со своими духами, что в отношениях с ним люди почитают не только и не столько его самого, сколько его духов, и опасаются шамана также из-за его духов. Уважение к шаману «покоится, конечно, на добрых чувствах благодарности к шаману как заступнику, ходатаю перед божествами за гольдский¹ народ, но чуть ли не большею причиною тому служит мистический страх перед страшной силой и властью шамана как служителя злых демонов» (Lopatin, 1922: 253). Считается, что доминирования над людьми требует не он сам, что к власти стремятся его духи, шаман же лишь помогает достижению этой их цели.

Шаманисты убеждены в том, что любые духи «требуют к себе высокого внимания», им нужно, «чтобы люди поклонялись им, чтобы просили, кланялись... Им всё время угождать надо. А если не угодишь – наказание! Или здоровье теряешь, или долголетия не будет. Или какие-то трагические случаи» (ПМА: Е. Кычкина). «Духи нака-

зывают за плохой уход, плохое отношение. Даже про себя думаешь про *сэвэна* (про духа) плохое, и то нельзя! Кому-нибудь скажешь, за это могут наказать, а даже думать нельзя про своего *сэвэна* плохо!» (ПМА: Н. П. Бельды). Авторитарность власти шамана оказывается, таким образом, лишь отражением и проявлением авторитарной власти его духов как над самим шаманом, так и при посредничестве шамана над другими людьми.

Заключение

Доминирование, принуждение и духовные репрессивные меры воздействия на окружающих никак не афишируются и носят скрытый характер. Сам шаман никого не заставляет принимать определенные взгляды, соблюдать те или иные нормы поведения, но вследствие сознания близости к шаману духов люди все равно все это принимают и соблюдают. Как полагают шаманисты, именно духи обладают собственной требовательной инициативой подчинения людей шаману, а через него и самим себе. Неотвратимая месть, наказание, развитие тяжелой психологической зависимости – все это воспринимается шаманистами как результат действия ищущих власти духов. Даже в тех случаях, когда недовольный шаман сам проявляет желание наказать виновных, он действует исключительно посредством духов. В этом случае «авторитет власти выстраивается далеко не на уважении ее», не на особенностях ее нравственного содержания, «он покоится, прежде всего, на “тайне неизвестного”». Подвластные не могут предвидеть действий властвующих. Кроме того, властелины могут совершать поступки, не соответствующие представлениям подданных о нравственных ориентирах власти» (Prilukova, 2011: 37). Таким образом, можно заключить, что шаманская власть, согласно представлениям шаманствующих, является сакральной, и авторитарность ее основывается на авторитарности власти состоящих в альянсе с ними духов.

¹ Гольды – старое название нанайцев.

Список литературы / References

- Alekseyenko YE.A. Shamany u ketov [Shamans among the Kets]. In: *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri* [Problems of the history of the social consciousness of the Aborigines of Siberia]. Otv. red. I. S. Vdovin. Leningrad, 1981, 90–128.
- Anisimov A. F. *Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovaniy* [The religion of the Evenks in the historical and genetic study and the problems of the origin of primitive beliefs]. M.-Leningrad. 1958. 236.
- Balzer M. M. Ot bubnov k skovorodkam: paradoksalnyye izmeneniya shamanizma v istorii sakha(yakutov) [From tambourines to frying pans: paradoxical changes of shamanism in the history of the Sakha (Yakuts)]. In: *Shamanizm i ranniye religioznye predstavleniya. Etnologicheskiye issledovaniya po shamanstvu i inym rannim verovaniyam* [Shamanism and early religious beliefs. Ethnological studies on shamanism and other early beliefs]. M., 1995, 25–35.
- Bogoraz V. G. *Eynshteyn i religiya. Primeneniye printsipa otnositelnosti k issledovaniyu religioznykh yavleniy* [Einstein and religion. Application of the principle of relativity to the study of religious phenomena], M., 1923, 120.
- Butanayev V. Ya. *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Hongorai Traditional Shamanism]. Abakan, 2006. 254.
- Ksenofontov G. V. *Shamanizm. Izbrannyye trudy (publikatsii 1928–1929 gg.)* [Shamanism. Selected works (publications 1928–1929)]. Yakutsk, 1992. 318.
- Lopatin I. A. *Goldy amurskiye, ussuriyskiye i sungariyskiye: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Amur, Ussuri, and Sungari golds. The experience of ethnographic research.]. Vladivostok, 370.
- Rombandeyeva Ye. I. *Dusha i zvezdy* [Soul and stars]. Leningrad, 1991. 112.
- Rychkov K. M. Sily shamanskogo vdokhnoveniya [The forces of shamanic inspiration]. In: *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskiye materialy XVIII–XX vv. Khrestomatiya* [Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the XVIII–XX centuries. The textbook]. Sost. T. Yu. Sem. SPb., 2006, 114–120.
- Prilukova YE. G. Sakralnost kak atribut bytiya vlasti [The forces of shamanic inspiration]. In: *Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the XVIII–XX centuries. The textbook*. [Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the XVIII–XX centuries. The textbook. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta], 20, 2(217), 2011, 35–38.
- Kharner M. Shamanizm u khibaro (shuarov) [Shamanism among the Hibaros (Shuars)]. *Izbranniki dukhov. Izbravshiye dukhov. Traditsionnoye shamanstvo i neoshamanizm. Pamyati V. N. Basilova (1937–1998)* [Chosen by spirits. Those who chose the spirits. Traditional shamanism and neo-Shamanism. In memory of V. N. Basilov (1937–1998)]. M., 2012, 181–198.
- Bulgakova T. D., Sundström O. Repression of shamans and shamanism in Khabarovsk krai. 1920s to the early 1950s. In: *Ethnic and religious minorities in Stalin's Soviet Union. New dimensions of research*. Stockholm: Södertörns högskola (Södertörn University), 2017, 225–262.
- Ivashchenko, Yana. Where Have the Amur Region's Shamans Gone? In: *Ethnic and religious minorities in Stalin's Soviet Union. New dimensions of research*. Stockholm: Södertörns högskola (Södertörn University), 2017, 263–278.

ПМА – полевые материалы автора, собранные в Хабаровском крае.

EDN: LTPVOZ
УДК 93/94/726

Formation of Collections of Digitized Documents and Materials on the Internet Platforms of Siberian Federal University Sibiriana and Sakra

Anna P. Dvoretskaya*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 22.10.2024, received in revised form 14.07.2025, accepted 22.08.2025

Abstract. The author analyzes the information array posted on the Internet platforms of the SFU of Siberia and Sakra – documents, materials, digital twins of the archives of archeology and culture. Stops at the level of distribution and Russian experience in this area, gets their own experience of work in this area. The authors, relying on the experience of the Presidential Library and Rosarkhiv, raise the issue of theoretical and practical aspects of the formation of digital collections on Internet platforms. The novelty of the study lies in the fact that for the first time in the article an overview of SFU projects is carried out, an analysis of the information array is carried out, technological and managerial parameters of data collection are shown. It is concluded that the efficiency of the region is not standardized, so it is very important to develop standards for managing Internet platforms and develop documentary methodological methods for working with collections.

Keywords: Prienisei (Yenisei) Siberia, cultural and historical heritage, creative industries, technotronic documents, Siberia, Sakra.

The article uses the results obtained during the implementation of the project (Scientific and methodological support of the Digital Humanities Research Institute and preparation of databases of historical and cultural heritage for scientific work and publication) with the support of the Development Program of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Siberian Federal University” for 2021–2030 as part of the implementation of the Priority – 2030 program of strategic academic leadership.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22–28–01668 “Comprehensive Study of the Sacred Space of the Old-Timers of the Yenisei North: Mechanism of Preservation and Development (Based on an Interdisciplinary Study of Historical and Architectural Monuments)” (headed by A. P. Dvoretskaya), <https://rscf.ru/project/22–28–01668/>.

Research area: Theory and History of Culture (Cultural Studies); Documentary Studies, Documentation Studies, and Archival Studies.

Citation: Dvoretzkaya A. P. Formation of Collections of Digitized Documents and Materials on the Internet Platforms of Siberian Federal University Sibiriana and Sakra. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1779–1789. EDN: LTPVOZ

Формирование коллекций оцифрованных документов и материалов на интернет-платформах СФУ Сибириана (Siberiana.online) и Сакра (SACRA)

А.П. Дворецкая

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Автор анализирует информационный массив, размещенный на интернет-платформах СФУ Сибириана и Сакра – документы, материалы, цифровые двойники артефактов археологии и культуры. Останавливается на международном и российском опыте в данной сфере, демонстрирует свой опыт работы в данной области. Автор, опираясь на опыт работы Президентской библиотеки и Росархива, поднимает вопрос о теоретических и практических аспектах формирования цифровых коллекций на интернет-платформах. Новизна исследования заключается в том, что в статье впервые выполнен обзор проектов СФУ, проведен анализ информационного массива, показаны технологические и управленческие параметры данных коллекций. Делается вывод, что данная область не стандартизирована, поэтому очень важно выработать единые стандарты управления интернет-платформами и разработать документоведческие метаданные для работы с коллекциями.

Ключевые слова: Приенисейская (Енисейская) Сибирь, культурно-историческое наследие, креативные индустрии, технотронные документы, Сибириана, Сакра.

В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта (Научно-методическая поддержка Digital Humanities Research Institute и подготовка баз данных историко-культурного наследия для научной работы и публикации) при поддержке Программы развития ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 22–28–01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)» (рук. А.П. Дворецкая), <https://rscf.ru/project/22–28–01668/>.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология), 05.25.02. Документалистика, документоведение, архивоведение.

Цитирование: Дворецкая А. П. Формирование коллекций оцифрованных документов и материалов на интернет-платформах СФУ Сибириана (Siberiana.online) и Сакра (SACRA). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1779–1789. EDN: LTPVOZ

Введение

в проблеме исследования

В современном мире появилось множество достижений науки и техники, которые кардинально изменили человечество. Цифровые технологии, коммуникации расширили доступ к образованию, бизнесу, сформировались дистанционные научные связи, что серьезно изменило научное творчество. За счет удаленного доступа к документному наследию человечества стало возможным изучение самых удаленных уголков Земли. Широкое использование цифрового документного наследия позволило получить неограниченный доступ к информации, дало возможность прогнозировать развитие самых труднодоступных территорий.

Регионоведческие коллекции дают возможность сосредоточить информационные ресурсы о регионе в одном месте, в том числе ресурсы региона, и отражают особенности исторического и современного развития региона: его административно-территориальные, социально-экономические аспекты деятельности, народонаселение, природные богатства, населенные пункты. Задачей формирования регионоведческих коллекций является предоставление пользователю возможности комплексного изучения региона.

Территория Приенисейской Сибири традиционного привлекает внимание исследователей, однако написание ее целостной истории осложняется тем, что документы, отражающие те или иные события, хранятся в разных архивохранилищах и музейных коллекциях страны федерального и регионального подчинения. Не находятся в публичном пространстве и коллекции архивов и музеев муниципального звена Красноярского края.

Цифровые коллекции по истории Приенисейской Сибири могли бы способствовать накоплению документов и материалов на едином ресурсе, тем самым ранее не доступные сведения были бы включены в общее информационное пространство, и все исследователи смогли бы работать с ними как через

Интернет, так и в точках доступа. Гибкий поиск с учетом выделенных параметров способствовал бы корректной обработке информации и последующей ее систематизации.

Концептологические аспекты исследования

И. А. Кижнер, М. В. Румянцев и другие авторы отмечают, что цифровые коллекции текстов, изображений, аудиоматериалов и видеофайлов предоставляют богатый материал для исследователей. Метаданные и текстовые описания для таких коллекций публикуются квалифицированными исследователями с большим опытом работы в своей области (Tsifrovye..., 2023: 42). Однако мировой опыт оцифровки артефактов показывает, что на интернет-платформах в основном представлены произведения западно-европейской культуры и истории, значительно меньше – российской, еще меньше – региональной сибирской (Kizhner et al., 2021).

Данная сфера формирования и поддержки оцифрованного массива, как и многое в этой области, не стандартизирована. Терминология в данной области также не является унифицированной. Как пишет Ю. Ю. Юмашева: «digital heritage» (англ.) – термин, который в зависимости от контекста при переводе на русский язык имеет двойное значение: а) культурное наследие, существующее только в цифровой форме («цифровое наследие»), б) переведенное в цифровой (электронный вид) «отсканированное» или «оцифрованное наследие», т.е. электронные копии исторических документов и артефактов. В отношении копий документов в таких коллекциях применяются значения: «создание электронных (цифровых) копий», «перевод в электронную (цифровую) форму» (Yumasheva, 2012).

Постановка проблемы

Актуальность работы обусловлена необходимостью выработки методики поддержки и формирования метаданных для цифровых платформ. Для этого автором

проведен анализ информационных документных ресурсов и метаданных к ним, расположенных на интернет-платформах «Siberiana» и «SACRA», разработанных Сибирским федеральным университетом и содержащих электронные копии объектов историко-культурного наследия (документы, фотоархивы, артефакты, картины, книжные памятники и т.д.), а также фотофиксацию и 3D-модели материального наследия региона, представляющие собой полноценные технотронные документы. Данные платформы по замыслу разработчиков станут толчком развития исследований о Сибири и частью сети научной цифровой гуманитаристики (Somov et al., 2024).

Методология и источники исследования

Историко-типологический метод способствует проверке заданных параметров цифровой платформы, сравнению выработанной модели тому идеальному типу,

который уже существует, а также позволяет обобщить массовый эмпирический материал, отобранный и размещенный на платформе, провести авторскую систематизацию всего материала по выбранным параметрам, разбить весь материал на отдельные группы и объекты со значимыми метаданными (Mazur, Brodskaya, 2017).

Источниками исследования являются как сами документальные объекты и материалы к ним, размещенные на цифровых платформах «Siberiana» (рис. 1) и «SACRA» (рис. 2), так и методические рекомендации о создании цифровых коллекций и их поддержке в сети Интернет.

На современном этапе в разных странах, в том числе и в Российской Федерации, разработаны принципы и способы сохранения документного наследия, оцифровки архивных документов, приняты государственные и региональные программы в данной области. Описаны и первые цифровые фонды пользования, созданные в данной

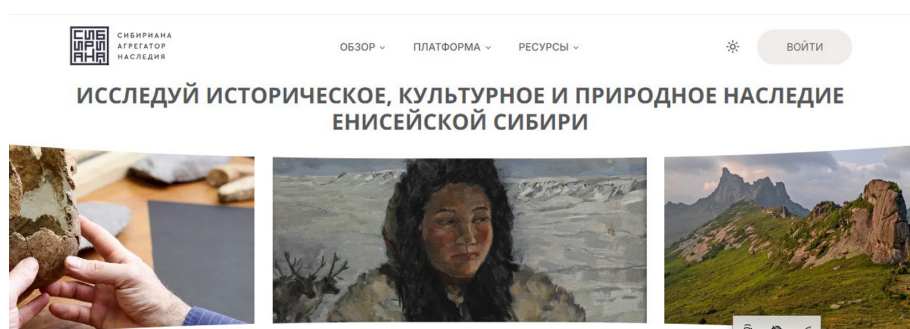

Рис. 1. Интернет-платформа «Сибериана» («Siberiana»). URL: <https://siberiana.online/>
Fig. 1. The Siberiana Internet platform. URL: <https://siberiana.online/>

Рис. 2. Интернет-платформа «Сакра» («SACRA»). URL: <https://sacra-space.ru/>
Fig. 2. The Sacra Internet platform ("SACRA"). URL: <https://sacra-space.ru/>

области (Sokhranenie, 2021). В контексте исследования особого внимания заслуживают научно-методические разработки сотрудников Президентской библиотеки. Авторы предприняли первую в отечественной практике попытку систематизации опыта создания и управления цифровыми коллекциями, опираясь на принципы, изложенные в документе NISO «A Framework of Guidance for Building Good Digital Collections» («Руководство по созданию цифровых коллекций»). В работах представлен системный анализ всех этапов формирования коллекции и формирования метаданных¹.

Методические материалы Росархива дают представление о масштабах и параметрах процесса оцифровки в российских архивах, показывают стратегии развития этой области, в том числе создания электронных фондов пользования архивных копий документов². При этом в новых методических рекомендациях под оцифровку документов попадают не только как раньше: архивные и музейные архивы копий документов, относящиеся к определенным категориям (уникальные и особо ценные документы; наиболее востребованные документы; ветхие документы (документы в плохом физическом состоянии); тематические коллекции (как правило, фотоколлекции, собрания метрических книг, ревизских сказок и т.п.), в большинстве своем те документы, которые необходимы при генеалогических исследованиях и создании тематических подборок)³, но и аудиовизуальные докумен-

ты, а также предметы, в том числе модели объектов, изделий в составе комплектов научно-технической документации⁴.

Обсуждение

В настоящее время анализ практики включения документов в виртуальные коллекции библиотек, музеев, архивов, научных сообществ различных стран и тематических направлений обобщен в коллективной монографии ВШЭ (Kornienko et al., 2021). Авторы предпринимая попытку на основе описания конкретной историко-ориентированной системы разработать обобщенные подходы к их формированию и включению в общее информационное пространство. Все ресурсы авторами разделены по области знаний, типу системы, группам источников, способам технической поддержки и информационным элементам.

Ю.Ю. Юмашева отмечает, что в последнее десятилетие возникли информационные проекты, предоставляющие не только электронные копии объектов и информацию по ним, но исследовательский инструментарий, воплощающий традиционные методы, адаптированные к условиям электронной среды, что позволяет использовать исторические источники в данных цифровых коллекциях взамен подлинников (Yumasheva, 2018).

В статье А.Б. Антопольского и А.Ю. Володина дается систематизация архивных агрегаторов. Все сайты российских архивов различных уровней анализируются на предмет ресурсов и сервисов, и делается вывод о необходимости детализации ресурсов или тематической их классификации и создании отдельной поисковой системы для работы с ними (Antopolsky, Volodin, 2022).

Активно также разрабатывается термин «цифровой двойник», в том числе применительно не только к изделиям промышленности, различного рода материальным объектам, но к цифровым аналогам

¹ Формирование цифровых коллекций: научно-методическое пособие. СПб.: Президентская библиотека, 2018. 239 с.; Перевод в электронный вид особо ценных архивных документов и личных фондов: практическое пособие / Л.В. Берёзкина, Е.В. Евдокимова, Е.Г. Мартынова и др.; руководитель рабочей группы по подготовке пособия Т.Л. Масхулия; Президентская библиотека. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2019. 86, [1] с.

² Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом / Ю.Ю. Юмашева. М.: ВНИИДАД, 2012. 125 с.; Методические рекомендации «Электронный фонд пользования: создание, хранение, учет и использование». М.: Росархив, ВНИИДАД. 2023. 123 с.

³ Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом / Ю.Ю. Юмашева. М.: ВНИИДАД, 2012. 125 с. [Электронный ресурс] URL: <https://>

archives.gov.ru/documents/rekomend_el-copy-archival-documents.shtml (дата обращения: 24.11.2021).

⁴ Методические рекомендации «Электронный фонд пользования: создание, хранение, учет и использование». М.: Росархив, ВНИИДАД. 2023. С. 27.

документов, находящихся в электронных архивах копий документов или коллекциях электронных документов и материалов, а также к использованию цифровых двойников для сложных исследовательских или реставрационных процедур. Однако, как отмечают П. О. Сенотрусова и А. Ю. Володин, на сегодняшний день в гуманитарной сфере не сформировались жёсткие рамки определения, что такое ЦД, какими признаками он должен обладать и с помощью каких технологических решений возможно его сохранение (Senotrusova, Volodin, 2023).

Несмотря на неразработанность самого термина ЦД, необходимо отметить, что многие специалисты-практики музейного, архивного и библиотечного дела весьма активно пытаются решить поставленные перед ними задачи, связанные не столько с техническими параметрами поддержки тех или иных документоориентированных платформ, но и описанием метаданных на них. Несомненен вклад специалистов Президентской библиотеки в разработку методологии создания и описания различных цифровых коллекций (Selivanova, 2015; Maskhuliya, 2015; Zhabko, Жабко, 2021). Важно и применение специалистами, например Ю. Г. Селивановой и Т. Л. Маскулия, международных и отечественных стандартов при организации поиска документов в электронном каталоге библиотеки (Selivanova, Maskhuliya, 2014). М. В. Стегаева делится опытом Президентской библиотеки в плане разработки методик описания и формирования метаданных различных информационных ресурсов, в том числе с учетом тематики, создания иерархического архивного описания документов (Stegaeva, 2020).

Однако, как считает Ю. Ю. Юмашева, «при всех положительных тенденциях развития цифровые коллекции Президентской библиотеки отличаются упрощенные технические подходы, отказ от сложных навигационных схем при одновременном наращивании объемов представляемой информации» (Yumasheva, 2018).

Критерии отбора для оцифровки особо ценных документов заложены в работах Ю. Ю. Юмашевой (Yumasheva, 2017).

Результаты

Цифровые коллекции документов относятся к виду информационных ресурсов, которые в настоящее время активно разрабатываются архивами, библиотеками и другими учреждениями информационного характера для агрегации и репрезентации уже оцифрованных данных. Среди них Сибириана (Siberiana.online) и SACRA Сибирского федерального университета. Первый ресурс изначально был позиционирован разработчиком – Институтом цифровых гуманитарных исследований – как репрезентативное и сбалансированное представление данных и наследия Ангаро-Енисейского региона из различного рода цифровых коллекций: археологических, естественно-научных, художественных и этнографических. Одновременно с этим на платформе имеется возможность проведения исследований на стыке гуманитарных и компьютерных наук.

На ресурсе выложены цифровые двойники (копии) подлинных артефактов. Однако сами они уже представляют электронные документы с набором метаданных, как относящихся к самому объекту, так непосредственно представляющих электронный документ (фотокопии артефактов, электронные копии исторических документов, 3D/VR/AR/MR-модели и пояснительная информация к ним). В связи с этим появилось множество вопросов, связанных с семантическим метаописанием.

Второй ресурс является виртуальным путеводителем по сакральным местам Красноярского края, Республики Тыва и Республики Хакасия. На нем представлены виртуальные туры и виртуальные реконструкции сакральных объектов Приенисейской Сибири, состоящие из объектов панорамной съемки и 3D-моделей, собственно аудиовизуальных документов, а также интерактивная карта объектов.

В перспективе источниками формирования цифровой коллекции Сакры станут электронные документы и копии документов самого фондообразователя (фото- и видео-коллекции прошедших экспедиций); электронные копии документов

и материалов, полученные из других источников (архивов, музеев).

На сегодняшний день Проект Siberiana наиболее разработан: определены его цель, категории коллекций, проекты, участники, инструменты, возможности. Среди возможностей перечислены: внесение большого объема данных, разработка собственного 3D-модуля, построение связей между разнородными объектами, возможность поиска по различным параметрам, загрузка данных и возможность создавать свои собственные коллекции.

Siberiana позволяет уйти от недоступности данных, устранить пробелы, создать целостную картину и обеспечить интеллектуальную работу с данными, то есть задачами ИС являются эффективное хранение, обработка и анализ данных. Для этого ИС должна обладать следующими характеристиками объекта:

предоставлять возможность ввода, редактирования и просмотра данных в следующих форматах: иллюстрации контента, в том числе jpg, png; аудиоданные – mp3; видеоданные – mp4; 3D-контент – glb; текстовая информация – pdf;

вести поиск по каталогу, названиям и авторам ресурсов, типу источника, локальности (место создания, место существования, место хранения), по тегам (предусмотрена возможность создания тегов модераторами контента), по дате (привязка к календарю).

В рамках работы над проектом разрабатываются интеллектуальные технологии обработки больших коллекций данных, текстов, изображений, 3D-моделей. Собираются примеры лучших практик, которые могут быть включены и масштабированы для исследовательских задач.

Ресурс предоставляет и другие возможности, например открытого обсуждения в блоге для пользователя (создание комментариев и реакций на них (лайк, дизлайк), создания ими персональных коллекций (избранное). Предусмотрены опции делать заметки по тексту источника (оставлять комментарии), получать информацию о содержании платформы и инструкции по ра-

боте в сервисах; авторизации на ресурсе через аккаунты в социальных сетях и других интернет-сервисах (Bryukhanova et al., 2023).

Для прототипа Siberiana обязательными были следующие поля базы данных для фасетной классификации: что (тип объекта), когда (период времени), где (местоположение), где хранится (учреждение), а также информация об авторских правах или открытой лицензии.

Таким образом, Siberiana строится как цифровая модель исторического, культурного и природного наследия Ангаро-Енисейского макрорегиона. Ресурс предназначен не только для специалистов, но и для всех типов пользователей. Благодаря представлению на цифровой платформе контент становится легко доступным, визуально хорошо представленным, удобно организованным, а исследователям позволяет обеспечить широкий охват коллекций, ценных услуг для разведочного анализа данных, вести сбор материала для конкретных исследовательских данных.

На данной платформе возможно создавать тематические исследовательские коллекции артефактов не только из государственных хранилищ, но и из личных и частных коллекций, что дает дополнительную возможность взаимодействия с держателями историко-культурного наследия, а также позволяет вести автоматический отбор по тематике и другим критериям (Volodin et al., 2023).

Другая задача разработчиков – открыть проект для краудсорсинга, пригласить студентов, волонтеров, независимых исследователей для оцифровки, модерации, редактирования, контроля качества и курирования данных. Так, на Сибириане возможно вести поиск по распознанному тексту в дополнительных (связанных) ресурсах, например, на платформе FromThePage идет расшифровка Отчетов губернаторов Енисейской губернии. В рамках этого проекта применены возможности искусственного интеллекта для автоматического распознавания рукописного текста. Данная платформа поддерживает интерфейс транскрипции полного текста с возможностью разметки

и аннотации, ведет индексацию данных и электронных таблиц для структурирования данных, создает формы описания метаданных. Проект действует как волонтерский, и на платформе есть возможность работать одновременно с текстом одного отчета и сохранять части распознанного текста как отдельные версии, а также взаимодействовать в разделе «заметки» в нижней части каждой страницы.

В настоящее время разрабатывается географический указатель к интернет-платформе (БД населенных пунктов Приенисейской Сибири). Привязка будет осуществляться по отдельным временным слоям через интерактивную карту. В БД войдут как сохранившиеся, так и исчезнувшие населенные пункты территории. Разработчиками подготовлены атрибутивные таблицы по округам (уездам) всей территории с включением Урянхайского края, введен информационный массив с названиями всех поселений, подготовлены четыре временных среза (1853, 1893, 1907–1911, 1917) с количественными характеристиками населения, начата работа по атрибуции местонахождения поселений на карте по следующим характеристикам: географическое положение, расстояние в верстах от уездного и волостного центров, найдена историческая карта переселенческого управления с указанием всех имеющихся и отведенных переселенческих участков.

Разработчиками использовался принцип полноты, так как введены все населенные пункты, существовавшие с середины XIX в. до 1917 г. За основу были взяты дореволюционные справочники населенных пунктов Енисейской губернии за 1853, 1893, 1907–1911 и 1917 гг., к наименованиям населенных пунктов была сделана привязка дел Енисейской казенной палаты (ГАКК, ф. 160, оп. 1). Всего было сделано более 3 тыс. записей. Данный раздел может быть пополнен более ранними и более поздними временными записями, архивными ссылками на другие центральные, региональные и муниципальные музеи и архивы.

Интернет-платформа СФУ «SACRA» позиционируется как информационный

портал о религиях Приенисейской Сибири, позволяющий раскрытию и популяризации историко-культурного наследия Енисейского Севера, наращиванию исторического знания об отдельных объектах. Основной метод реализации – виртуальные туры по религиозным местам и 3D-объекты. Есть возможность добавления публикаций, разработана интерактивная карта для более наглядного представления религиозных мест (Dvoretzkaya et al., 2023). В настоящее время на данной платформе размещена информация о 22 архитектурных памятниках религиозного ландшафта Енисейского Севера.

Интернет-платформа СФУ «SACRA» была разработана в рамках проекта РНФ № 22–28–01668 (рук. А.П. Дворецкая). В ходе реализации проекта группа специалистов проводила историческую, архитектурную, виртуальную реконструкцию культовых построек старожилов, расположенных в зоне первичного расселения народонаселения Енисейского Севера на территории Красноярского края, – по реке Енисей и Приангарью. Цель работы – разработать новые методические рекомендации памятниковедения в области комплексной реконструкции историко-культурного сакрального пространства, используя теологические, философские и искусствоведческие принципы. Разработчиками были приложены значительные усилия для сохранения и описания локальной религиозной культуры. Одновременно важной частью проекта стала разработка рекомендаций по работе с новыми технологиями, поэтому значительное внимание уделено развитию креативных индустрий в данной сфере деятельности. В рамках проекта были подготовлены виртуальные туры по культовым отреставрированным объектам Енисейского Севера – Енисейска, Енисейского, Казачинского и Пировского районов, проведена реконструкция утраченных объектов Приангарья: в с. Мозговая (Верхняя Кежда), Селенгино, Яркино, разработана интерактивная карта Енисейской Сибири (27 сакральных мест). Данная карта размещена на интерактивном ресурсе «SACRA». Здесь же размещены объекты 3D-модели-

рования, виртуальные экскурсии, фотографии, документы и иная историческая информация. На примере виртуальной экскурсии по храмам Енисейска и Лесосибирска показаны возможности технологий реконструкции – 3D-проектирования исторических ландшафтов, фотофиксации объектов, в том числе с применением технологии панорамной съемки.

В ходе работы были проведены архивные изыскания по поиску планов, чертежей культовых сооружений, размерных планов с указанием габаритов основных строений, фотографии уже существующих зданий и территорий, необходимых исполнителю, и иные материалы. Были созданы 3D-модели внешнего вида Объектов, подготовлены комплекты текстур для PBR-рендера. Результатом явились: FBX-файлы с комплектом текстур для PBR-рендера (не менее 3 шт. каждого объекта).

Разработанная интерактивная карта сакральных мест и объектов имеет следующие функциональные характеристики: стилистическое оформление карты не противоречит стилю сайта; пользователи могут масштабировать карту, перемещаться по карте и взаимодействовать с географическими объектами; при нажатии на точку открывается краткое превью сакрального места или объекта со ссылкой на карточку объекта; проведена кластеризация данных на карте при отдалении.

Были применены технические требования к карте: проект разработан на React или его метафреймворке с использованием TypeScript; обеспечена адаптивность интерфейса для различных устройств; обеспечена кросс-браузерную совместимость, поддерживаются последние версии популярных браузеров (Chrome, Firefox, Safari, Edge); оптимизирована производительность системы при отображении большого количества географических объектов; обеспечена легкость развертывания системы на сервере.

Раздел «Каталог» помимо общих компонентов состоит из поисковой строки; фильтра религиозных мест (регион, город, конфессия, архитектурный стиль, дата по-

стройки); религиозных мест. Раздел «Карта» помимо общих компонентов состоит из блока с 3D-картой на всю страницу. Раздел «Публикация» помимо общих компонентов состоит из поисковой строки; списка публикаций, отсортированных по дате публикации. Раздел «О проекте» помимо общих компонентов состоит из общей информации о проекте; информации о команде; контактной информации. Карточка объекта помимо общих компонентов состоит из единых базовых полей (наименование объекта; местоположение; дата постройки; конфессия; небольшая историческая справка (не более 5000 символов); слайдера с фотографиями; видеоматериала; дополнительного контента (виртуального тура; 3D-реконструкций храма/мечети; 3D-модели интересных экспонатов, если есть; точки на карте Енисейской Сибири; ссылки на смежные статьи; архитектурный стиль). В перспективе – полный каталог сакральных объектов Енисейского Севера, включая описание памятников, их фотографии, информацию об их истории и архитектуре, а также описание артефактов, в том числе документальных. Ресурс позволяет показать совокупность данных, связанных с отдельными религиозными объектами.

Заключение

Автор делает вывод, что в настоящее время уже можно проследить принципы создания цифровых коллекций и отметить основные тенденции работы с оцифрованными документными объектами. В методических разработках Президентской библиотеки и Росархива присутствуют параметры, с помощью которых разрабатываются каталоги, создаются выделенные фонды пользования, поисковые системы. Обращается внимание на удобство предоставления информации и поиска в каталогах (индексации), создания хранилищ метаданных, с помощью которых осуществляется доступ к самим коллекциям.

Проблема избирательности коллекций решается за счет полноты оцифровки коллекций музея или архива для размещения на ресурсе, что во многом зависит от ком-

петенции специалистов, ведущих оцифровку в данной области, и финансирования.

Актуальным является внедрение термина «управление электронными данными» и, соответственно, — применительно к информационно-поисковым системам — «управление электронными метаданными». Предполагается, что пользователь коммуницирует именно с электронными данными, находящимися в виртуальном пространстве. В такой ИС-системе можно проводить множество операций: вести обмен электронными данными, работать с электронной библиотекой и архивом, справочно-информационными ресурсами. Главное — надежность, доступность, простота поиска информации. Огромное значение при этом делается не на разработку стандартов в данной области, но на разработку поисковых систем для удобства пользования ими.

Автор обращает внимание, что, к сожалению, отсутствуют единые правила описания метаданных. Обычно присутствует значительный объем административных (особенно технических) и управленческих метаданных. С помощью первых задаются форматы и объемы данных в байтах, разрешение и пиксельный размер изображения, дата и время создания объекта и т.д. Вторые метаданные позволяют обнаружить и опи-

сать ресурс, сформировать и вести поиск точек доступа; обеспечить целостность и аутентичность цифрового ресурса; задокументировать интеллектуальное и техническое происхождение цифрового объекта; возможность интероперабельности между разнородными системами; определить права доступа к коллекции.

Намного реже присутствуют описательные метаданные, которые характеризуют сам артефакт. Это заглавие, автор, предмет, примечания, аннотация, точки доступа. Еще меньше разработаны метаданные прав и сохранности, структурные характеристики системы.

Несмотря на все вышеперечисленное наблюдается повышение доверия пользователя к оцифрованному/цифровому контенту, включение новых групп пользователей в интернет-пространство образовательного учреждения, такого как Сибирский федеральный университет. Благодаря таким коллекциям расширяется состав информационных ресурсов и самого СФУ, хоть и в копийном виде. Благодаря СФУ уникальные материалы становятся доступными для широкой аудитории, а ученые получают возможность проводить комплексный анализ артефактов, выявляя скрытые связи и закономерности.

Список литературы / References

- Antopol'skii A.B., Volodin A. Yu. Spravochno-informatsionnaya sistema po tsifrovoi gumanitaristike: opyt opisaniya internet-resursov rossiiskikh arkhivov [Reference and information system for digital humanities: Experience in describing Internet resources of Russian archives]. In: *Istoricheskaya informatika*. 2022. 2. 50–66.
- Bryukhanova E.R., Antamoshkin O.A., Krasnov D.A., Pleshkova T.S., Pikov N.O. Modeling of the Aggregator-Platform for Historical and Cultural Data «Siberiana» in Hybrid methods of modeling and optimization in complex systems. Proceedings of the International Workshop «Hybrid methods of modeling and optimization in complex systems» (HMMOCS 2022). London, United Kingdom, 2023. 77–85.
- Dvoretzskaya A.P., Pikov N.O., Slabukha A.V., Mekhovskii V.A. Sakral'noe prostranstvo Eniseiskogo Severa v virtual'nykh proektakh [The sacred space of the Yenisei North in virtual projects]. In: *Istoricheskaya informatika*. 2023. 4. 150–166.
- Kizhner I., Terras M., Rumyantsev M., Khokhlova V., Demeshkova E., Rudov I., Afanasieva J. In: *Digital Scholarship in the Humanities*. 2021. 36(3). 607–640.
- Kornienko S.I., Gagarina D.A., Povroznik N.G. Istoricheskie informatsionnye sistemy: teoriya i praktika [Historical information systems: theory and practice]. M.: ID NIU VShE, 2021. 232.
- M. V. Stegaeva. Katologizatsiya v tsifrovuyu epokhu: praktika Prezidentskoi biblioteki im. B. N. El'tsin [Cataloging in the digital era: the practice of the Presidential Library. B. N. Yeltsin]. In: *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 2020. 2. 24–38.

Maskhuliya T. L. Metodicheskoe soprovozhdenie formirovaniya integrirovannykh tsifrovyykh kollekt-sii: podkhody i resheniya Prezidentskoi biblioteki im. B. N. El'tsina [Methodological support for the formation of integrated digital collections: approaches and solutions of the Presidential Library named after B. N. Yeltsin]. In: *Na perednem krae biblioteknykh innovatsii: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchno-metodicheskaya deyatel'nost' bibliotek Rossiiskoi Federatsii: aktual'nye voprosy teorii i praktiki»* (Moskva, 23–24 oktyabrya 2014 g.). Rossiiskaya gos. b-ka. M., 2015. 92–98.

Mazur L. N., Brodskaya L. I. Istoriko-tipologicheskii metod v izuchenii rannesovetskoi sem'i [Historical and typological method in the study of the early Soviet family]. In: *Istoricheskaya informatika*. 2017. 3. 43–77.

Selivanova Yu. G. Formirovanie metadannykh tsifrovyykh kollekt-sii: problemy i resheniya [Formation of digital collection metadata: problems and solutions]. In: *Integrated digital resources: organizational-technological and scientific-methodological foundation of development*. Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Seriya «Elektronnaya biblioteka». Vyp. 6. SPb., 2015. 194–211.

Selivanova Yu. G. Opisanie i organizatsiya poiska arkhivnykh dokumentov v elektronnom kataloge Prezidentskoi biblioteki [Description and organization of searching for archival documents in the electronic catalog of the Presidential Library]. In: *Elektronnaya biblioteka. Vyp. 5: Napravleniya razvitiya tsifrovogo bibliotchnogo, muzeinogo i arkhivnogo kontenta v sovremennoi informatsionnoi srede: Sbornik nauchnykh trudov*. SPb., 2014. 181–193.

Senotrusova P. O., Volodin A. Yu. Tsifrovye dvoyniki v sovremennoi arkhologicheskoi praktike: poisk novykh vozmozhnostei [Digital twins in modern archaeological practice: searching for new opportunities]. In: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*. 2023. 14. 6(128) available at: <https://history.jes.su/s207987840027167–2–1>.

Sokhranenie tsifrovogo naslediya v Rossii: metodologiya, opyt, pravovye problemy i perspektivy [Preservation of digital heritage in Russia: methodology, experience, legal problems and prospects]. I. I. Gorlova, A. L. Zorin, A. A. Gutsalov; otv. red. A. V. Kryukov; Yuzh. f-l Ros. nauch. – issl. in-ta kul'turnogo i prirod. naslediya im. D. S. Likhacheva. M., 2021. 385.

Somov A. K., Bryukhanova E. R., Antamoshkin O. A., Pleshkova T. S. Tsifrovaya platforma Eniseiskoi Sibiri «Sibiriana» [Digital platform of Yenisei Siberia «Sibiriana»]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2024. 17(9). 1782–1789.

Tsifrovye gumanitarnye issledovaniya [Digital Humanities Research]. A. B. Antopol'skii, A. A. Bonch-Osmolovskaya, L. I. Borodkin [i dr.]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t, 2023. 272.

Volodin A., Senotrusova P., Antamoshkin O., Kizhner I., Rumyantsev M., Pikov N., Gruzdev A. Sibiriana: Designing a Platform for Aggregation of the Historical and Cultural Heritage of the Angara-Yenisei Macroregion in Book of Abstracts from the Digital Humanities Conference 2023, held from 10th to 14th July in Graz, Austria. 575–576.

Yumasheva Yu. Yu. Dokumental'nye resursy arkhivov, bibliotek i muzeev v seti internet [Documentary resources of archives, libraries and museums on the Internet]. In: *Istoricheskaya informatika*. 2018. 1(23). 1–13.

Yumasheva Yu. Yu. Elektronnye kopii dokumentov Arkhivnogo fonda RF: istochnikovedcheskie problemy [Electronic copies of documents from the Archive Fund of the Russian Federation: source study problems]. In: *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 8. Istoriya*. 2012. 5. 150–175.

Yumasheva Yu. Yu. Elektronnye resursy muzeev, arkhivov i bibliotek: k voprosu o vozmozhnosti integratsii [Electronic resources of museums, archives and libraries: on the question of the possibility of integration]. In: *Informatsionnoe obespechenie nauki: novye tekhnologii: sbornik nauchnykh trudov*. M., 2017. 224–235.

Zhabko E. D. Formirovanie tsifrovyykh kollekt-sii. Voprosy nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya [Formation of a digital collection. Questions of scientific and methodological support]. In: *Vzaimovliyaniye informatsionno-bibliotchnoi sredy i obshchestvennykh nauk: sbornik materialov nauchnogo seminara*. Vyp. 4. M., INION, 2021. 6–18.

EDN: MKHARC
УДК 141.319.8

Post-truth Anthropology: Shaping Human Identity Within the Myths of Media Environment

Nikita A. Rogalenko^{*a} and Alexander A. Lvov^b

^a*ITMO University
Saint Petersburg, Russian Federation*

^b*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 02.11.2024, received in revised form 07.07.2025, accepted 23.08.2025

Abstract. The paper focuses on analyzing post-truth phenomenon from the perspective of contemporary media. Specifics of human existence in the social media environment are identified, and a way is suggested for forming human identity within multiple information flows, each broadcasting their own ideas. Post-truth condition has been assumed to be of mythological nature. The findings regarding collective consciousness in post-truth discourse and its effects on individuals, as well as other results of the present study appear to be of importance for further philosophical and anthropological research.

Keywords: facts, truth, post-truth, media, myth, human identity, retribalization, collective consciousness.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Rogalenko N.A., Lvov A.A. Post-truth Anthropology: Shaping Human Identity Within the Myths of Media Environment. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1790–1799. EDN: QNYPTA

Антропология постправды: формирование идентичности человека среди мифов медиасреды

Н.А. Рогаленко^а, А.А. Львов^б

^аУниверситет ИТМО

Российская Федерация, Санкт-Петербург

^бСанкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена постправды с точки зрения современных медиа. В рамках работы выявляется специфика существования человека в среде социальных медиа, предлагается способ формирования человеческой идентичности в условиях множественности информационных потоков, транслирующих разрозненные идеи. В процессе исследования было также выдвинуто предположение о мифологической природе состояния постправды. Выводы о значении коллективного сознания в дискурсе постправды и о его влиянии на личность, а также другие полученные результаты представляют ценность для дальнейших философских и антропологических исследований.

Ключевые слова: факты, правда, постправда, медиа, миф, идентичность человека, ретрайбализация, коллективное сознание.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки).

Цитирование: Рогаленко Н. А., Львов А. А. Антропология постправды: формирование идентичности человека среди мифов медиасреды. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1790–1799. EDN: MKHARC

Introduction

In daily life such concepts as «truth» and «facts» may be considered as something fundamental, something on the basis of which we justify our own judgments and based on which people build their own lives. However, in the era of the collapse of metanarratives, when total pluralism and the rejection of any kind of eternal objective truths are postulated, the possibility of relying on a single truth seems less and less feasible, since it is possible to observe reality from any point of view, from any angle, without any regulations, which may serve as universal law to distinguish truth from untruth. Many researchers have noted how, in the current cultural situation, starting from the middle of the 20th century, the distinction between

fact-based truth and opinion is blurring (Arendt, 2005; Brahms, 2020). Both Russian and foreign philosophers state that fact-based truth itself is gradually being devalued (Brahms, 2020; Wight, 2018; Garbuznjak, 2019). The concept of single possible truth is being replaced by coexistence of multiple points of view, of separate narratives within which facts, as McIntyre describes it, are recognized selectively, based on subjective perception and personal beliefs, feelings, emotions of the individual (McIntyre, 2018). Described state is known as the post-truth phenomenon.

Among the reasons for the emergence of the post-truth phenomenon, many researchers emphasize the rapid technological progress and the influence of mass media. For example, Han-

nah Arendt (Arendt, 2005) raises the problem of how mass media reinforces the effect of confusion between truth and opinion. Developing her ideas, Brahms (Brahms, 2020) also discusses how people, who are surrounded by the Internet, media and social networks, lose direct relation to the information they receive and have no means of verifying it, which only reinforces the gap between subjective point of view and reality. Speaking of technological changes, it is crucial to mention that technologies allow personalizing the perceived information, adjusting it to the expectations of a particular person. This issue can also be explored using the example of the production of fake news, explaining how big data algorithms allow hackers to identify personal beliefs of specific social groups to fabricate “facts”, which will match the worldview of these groups and more likely will be considered as truth (The Truth about Fake News, 2018). The general cultural background of the postmodern situation also plays its role. It is debatable that postmodernism has a dominant role in the emergence of the phenomenon of post-truth, nevertheless many researchers recognize that in such a cultural situation, which postulates necessity of giving equal statuses to all voices and opinions, it is impossible to interpret facts from one single point of view (Wight, 2018).

Statement of the problem

The problem of post-truth is well developed in political discourse. In 2016, Oxford Dictionaries declared post-truth “word of the year” exactly in the perspective of the debate surrounding Britain’s exit from the European Union and Donald Trump’s election campaign. Many researchers discussed these issues in terms of political technologies related to post-truth condition (Wight, 2018; Marshall, Drieschova, 2018; Suiter, 2016). Other studies on the post-truth situation also include analyzing the rhetorical techniques, which are specific for post-truth era (Shatin, 2020; Morozov, 2019); exploring sociological dimension of post-truth situation (Shushpanova, 2018); describing the connection between post-truth state and Science and Technology Studies (STS) (Vinogradova, 2018). However, in the philosophical and anthropological field the challenge of facing

post-truth condition is not as well elaborated. The crucial question is how a person forms their perspectives in the situation of post-truth, in the flow of multiple systems of views and narratives, how they consider something plausible and chooses what to listen to. Whether post-truth frees the person, as it gives an opportunity to «glide» over the plane of different views or, on the contrary, gives birth to groundlessness, as it deprives humans of the possibility to refer to objective truth? The paper aims to contribute to the understanding of post-truth in the field of philosophical anthropology. More specifically, the goals stated are: (i) to analyze the situation of weakening “objective facts” as a whole transformation of the entire media environment; (ii) to determine the impact of the situation of «post-truth» on the formation of foundations of human existence; (iii) to figure out what are the ways for a person to form their identity in post-truth situation.

Methods

Conceptual analysis was one of the main research methods used in the present study. The subject of the analysis was the concept of post-truth, its meaning and the contexts of its use. The texts where the term is most widely used, which were mostly works related to politics, were examined. The analysis of the texts studied showed that the problem domain of the post-truth condition from a philosophical and anthropological perspective has to be extended beyond political discourse, because the problem involves some issues of human identity construction and effect of postmodern philosophy on media and culture.

The next step was analyzing papers on media philosophy, postmodern culture, and understanding of human subjects in the era of information. Hermeneutic method was used at that stage.

Finally, the reviewed papers were compared to trace the patterns of a further evolution of post-truth phenomenon and to define its key impact on the individual.

Results and discussion

According to the canonical definition for post-truth, provided by Oxford Dictionaries, it

is an attribute, which means “relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief” (Oxford Languages, 2016). Even though it is crucial to consider the phenomenon of “post-truth situation” in the field of politics, including such issues as the role of post-truth in promoting specific political agenda and influencing the crowd, the problem itself is much wider. It is relevant to the media sphere in general, raising the questions of how a person “navigates” through advertisement, news, blog posts and other information flows, which surround them and broadcast specific ideas and messages, each telling its own version of “truth».

The challenges to be faced are: (i) explaining the principles underlying the formation of human attitude toward facts and truth in the contemporary media environment; (ii) revealing why a person considers only specific facts and ideas to be “true” preferring them over others; (iii) shaping strategies to form human identity, when the concept of truth itself is blurred and devalued, giving way to feelings and emotions.

Mythological nature of post-truth in media environment

To understand these challenges, we have emphasized some characteristics of the media environment that are essential from the perspective of the considered problem. An important feature to underscore is the homogeneity of the entire flow of information, with which the media surround a person. Even in the 20th century, in the era of newspapers, radio and television, many philosophers acknowledged this problem, including, for example, Baudrillard, Arendt and Fromm. This is what Fromm writes about mass media: “The announcement of the bombing of a city and the death of hundreds of people is shamelessly followed or interrupted by an advertisement for soap or wine. The same speaker with the same suggestive, ingratiating, and authoritative voice, which he has just used to impress you with the seriousness of the political situation, impresses now upon his audience the merit of the particular brand of soap which pays for the news broadcast” (Fromm, 1965: 276–277). Baudrillard also writes similarly,

speaking about the abrupt transitions from the Vietnam war to various advertisements as characteristic of his contemporary media (Baudrillard, 1998). Messages, that are transmitted intermingled, are equalized with each other, and the boundary of the “authority” of a news message is blurred. There is no strict line between advertisement as a myth (hardly anyone expects the “truth” from advertisement) and news message as something that is supposed to broadcast the “truth” and claims to be it. The outcome of such blending is described by Baudrillard: “advertising becomes homogeneous with ‘news’, which is itself subjected to the same labor of ‘myth-making’: advertising and ‘news’ thus constitute a single visual, written, phonic and mythic substance; they succeed each other and alternate in all the media in a way which seems natural to us – they give rise to the same curiosity and the same spectacular/ludic absorption” (Baudrillard, 1998: 126).

However, the problem of news homogeneity has become especially acute in the era of social media, as now anyone can produce content and broadcast certain ideas. All messages in social networks, the number of which is increasing uncontrollably, appear in a single news feed, which includes advertising, entertainment content, personal blogs, news from various sources. Moreover, each news message reflects a particular situation according to the interests or opinion of the communicator, therefore contradictions can be found in different sources. The growth of social networks popularity has also led to an abundance of subjectively presented information based on personal experience and beliefs. Researching any kind of issues and expressing one’s opinion on them has become easily accessible to the average web user, including those who are not professionals in the field of study. As a result, a person in the media space appears to be faced with an endless stream of subjectivities, different narratives, sometimes contradicting each other, behind which it becomes hardly possible to distinguish certain “objective facts”.

The loss of faith in objective facts is also caused by the circumstance that in McLuhan’s “global village”, where news spreads instantly from one point of the world to another, the

average user, although receiving information instantly, almost always does not have access to any real “root” of this information. For example, one may not be able to verify received information by the reason of living far away from the country where a specific event took place. A person cannot get a direct verification of the news in reality and is forced to stay in the virtual space of the media, deprived of the possibility to confirm the information. In this situation, a person may also become vulnerable to fake news, which, with the development of technological progress and neural networks, can even be artifacts created by artificial intelligence. Such “news” has no root in the real world at all, but they exist in the news feed among everything else.

It is hardly possible to distinguish between “truth” and “untruth” in the media sphere, because each message has its own truth. The paradigms, which exist within these messages, usually do not depend on each other, the messages do not form a holistic system of views. Quite the contrary, these messages are broadcasted on the basis of complete abstraction of one from the other, which is deeply rooted in the medium’s technical essence. Every announcement heard, every post read by a person, is just some abstract piece of information, some “fact” detached from other such “facts”, which do not form a single complete picture of the world if combined. As Baudrillard writes: “events, history, culture and ideas not produced from shifting, contradictory, real experience, but produced as artifacts from elements of the code and the technical manipulation of the medium” (Baudrillard, 1998: 125). According to Baudrillard, the representations formed by media, instead of being mediators with the real world, turn to themselves, bypassing the world, replacing reality by “neo-reality entirely produced by combining elements of the code” (Baudrillard, 1998: 126). This way each message, advertisement, news, each post (or a group of posts from one author or Internet community) seems to form its own universe, its own code, its own mythology, within which exists its own picture of the world, operating in accordance with the beliefs and/or interests of its creator. With the emergence of social me-

dia, a person may easily form such a “universe” himself, broadcasting his ideas to a certain audience. From such a point of view there is no truth and facts, they are replaced by “opinions”, which can be listened to or not. The boundary between fact and opinion in the flow of messages seems to become extremely difficult to distinguish. This leads us to the point that all artifacts, all messages in the media space become “Beyond the True and the False”, as Baudrillard calls it (Baudrillard, 1998). Since they drift into the realm of myth, the category of truth does not apply to them. The state of post-truth thus becomes the result of the loss of meanings as a detachment from reality in the information noise of media artifacts.

In view of the above, it can be stated that ontological “truth” as a way of being of the world, which is independent of people’s opinions and goals, although not denied as such, appears to be inaccessible under the pile of myths, whether created for the purpose of political manipulation, for the purpose of advertising, or simply as part of the expression of personal opinions on various issues.

As an interim outcome, it can be concluded that the human being in the contemporary media environment turns out to be surrounded by diverse media messages, including advertising, personal blogs, news from various sources of different orientation, and much more. All of these messages are “Beyond the True and the False,” constituting their own separate worlds with their own code, myths and paradigms of thinking, within which facts are viewed from a certain angle. Such extreme categories as “truth” and “false” tend to become smoothed and averaged out due to such circumstances as (i) endless growth of the number of messages and the homogeneity of their flow; (ii) dominance of postmodern relativism with the equality of all opinions and interpretations; (iii) “detachment from reality”, when facts cannot be verified. With the weakening of the authority of truth and the loss of objectivity of facts, emotions and personal beliefs come to the fore. In the condition of complete pluralism in the media sphere, where any ideas are broadcasted, it is not difficult to find a myth that resonates with personal feelings, and therefore it looks

like there might be no need to search for objective truth anymore. Moreover, a person can even create their own myth and promote it in social networks.

No matter what a person thinks, no matter how they look at the world, they can read, listen and watch only what corresponds to their views, because in the media space they will be able to find something that confirms their beliefs. It becomes hardly possible to change someone's mind on the basis of facts and any "truth". A person can easily find another myth (another news source), whose "truth" will be compatible with their views, since there appears to be nothing to prevent a person from considering as true only that information, which is consistent with their image of the world. Moreover, even social network recommendation algorithms tend to show only that information, which matches user preferences according to past activity in the network. This phenomenon is called a "filter bubble" (Pariser, 2011). Once in such a bubble, users see mostly the information that they are supposed to like, creating the illusion of universality of their worldview, while other points of view are being hidden.

Collective consciousness

as a new way to exist in virtual reality

The assumption about the mythological nature of post-truth leads us to another significant issue to review, which is understanding how exactly a person's orientation in the media space is happening, considering the condition of moving away from facts to emotions and feelings. This includes finding the key principles underlying the process of choosing the basis, on which a person builds their judgments.

If facts are being replaced by myths, specific features of mythological worldview have to be taken into account. The essential characteristic is the inapplicability of logical reasoning to myth, which itself is a symbolic narrative. Perhaps myth as a way of structuring human experience is not devoid of a certain rationality, but the lack of strict evidence and the possibility of empirical confirmation gives rise to a multitude of possible interpretations. This confirms that it is hardly possible to ac-

knowledge the legitimacy of fact-oriented truth within mythological worldview.

Myth appears to take us back to "primitive mentality", to what Levy-Bruhl (Levy-Bruhl, 1923) calls pre-logical thinking. Such thinking is not inherent in causality: rather than considering the cause of specific phenomenon in conjunction with other causes, myth describes specific events as the origin of things, seeking to show the world in its totality through myth's own code. As discussed earlier, that is exactly how mass media operate. Baudrillard noted that advertising as the main mass medium, creates a message, which, while referring a particular object, speaks "in fact of the totality of objects and a world made up in its totality of objects and brands" (Baudrillard, 1998: 125). The absence of causality as a distinctive attribute of mythological thinking, which is present in the contemporary world, is also highlighted by McLuhan. The reason for emergence of such thinking, according to McLuhan, is the acceleration of information flows, which makes it possible to receive "the instant vision of a complex process that ordinarily extends over a long period" (McLuhan, 2013: 31). Before the Internet even existed, McLuhan wrote: "Myth is contraction or implosion of any process, and the instant speed of electricity confers the mythic dimension on ordinary industrial and social action today. We live mythically but continue to think fragmentarily and on single planes" (ibid.). In the contemporary media environment, the speed of information spreading is even faster.

Since there appears to be no escape from the mythical dimension of media, the organization of users inside the network tends to return into a "tribal" state, which sometimes is considered archaic. Myth, being one of the oldest forms of collective consciousness, expresses the ideas about the structure of the world around, which are typical for a community of people. It broadcasts a self-sufficient image of the world, which explains natural or social phenomena and provides behavioral patterns to follow. Mythological thinking is a thinking of belonging – it is based on the feeling of unity of a tribe member with their group. Thus, the "consumer" of a specific news post, adver-

tisement or any other media message starts to act as a tribe member, who thinks collectively, rather than individually, i.e. tends to unify themselves with the group, rather than separating from them. Baudrillard writes about advertisement the following: “in targeting each consumer, it is targeting them all, and in addressing each individual, it is addressing them all, thus simulating a consumer totality, retribalizing consumers in the McLuhanesque sense of the term, i.e. through a complicity, an immanent, immediate collusion at the level of the message” (Baudrillard, 1998: 125). McLuhan describes “retribalization” as a kind of return to the tribal state, characterized by transition from a rational mode of communication to a feeling and intuitive one. The organization of “consumers” of each myth is thus based not on facts, but on an emotional basis: on the feeling of belonging to the group and belief in the universality of the myth.

It seems that the way of organization of users’ existence within social media is increasingly moving towards collectivism. Many researchers acknowledge the emergence of online collectivism and increasing the role of the hive mind in the Internet. For example, Lavier (Lanier, 2006) writes about such aspects of online hive mind as (i) perishing of individuals in collectiveness; (ii) tendencies of collective authorship to enshrine beliefs of an organization; (iii) weakening authority of original author and original information.

Such a mode of organization has both positive and negative impacts. On one side, it may lead to negative consequences. In this way Lavier mentions the effect of mass hysteria referring to “Satanic Panic” of the 1980s and other similar cases, showing how the collective consciousness can overemphasize the impact of certain phenomena in an emotional outburst (Lanier, 2006). Moreover, by uniting on the basis of adherence to the same views into a single “hive”, network users may lock themselves in a single echo chamber, within which only opinions specific to the group are broadcasted. In such an environment, people tend to strengthen their belief in their own rightness, assert their identity, and become more and more deeply rooted in their own beliefs. This may lead

to isolation from users outside the chamber, which results in reinforcement of the gap between “us” and “them” as opposing groups with different worldview, making it more difficult to tolerate and discuss opinions. On the other hand, such collectiveness also might have a positive impact. Through belonging to an “online collective” one can find a way of self-affirmation. A person gains an opportunity to feel unity with other users with the same beliefs, to feel themselves a part of the community, of their own “tribe”.

Regarding all of the above, it appears that a person, guided by their own subjectivity in choosing what to consider true, tends to choose not rationally, but emotionally, favoring points of view shared by members of their own “digital tribe” – a group of people who belong to the same communities, have the same view of the world, and accept the same myths and narratives. Through the myth of a media message, be it an advertisement, news or other post, a person feels the totality of their views, feels a sense of community with collective, through which a unified picture of the world is formed. In the perspective of anthropological analysis of the post-truth situation, this seems to be an important observation.

Prospects of digital subject identity forming in post-truth situation

We came to the conclusion that the ontological truth, as a real image of the world without subjective and ideological colors, is shaded by myths. It loses its status, and its influence in the formation of public and individual opinion is rapidly decreasing. For this reason, in virtual space it becomes hard to rely on the single truth and try to be guided by it in building one’s identity. Being in the “tribe” as a community of network users with the same views, tends to become that foundation instead. Based on these positions, it may be possible to propose a strategy of behavior in the media environment, which can help to assert the selfness of the digital subject.

Speaking of social media, the crucial point to mention is the fluidity of the information flow, which allows shaping human identity in a flexible way. The human subject, being in-

side the Internet space, exists in the conditions of multiple digital identities, multiple network representations of both themselves and the outside world. In such conditions human identity becomes fluid and changeable. A person becomes a nomad, gliding through the space of culture and media myths. Among all the plethora of different subjective viewpoints and various myths broadcasted, the core of the digital subject's selfhood and identity seems to be the ability to switch between these identities, to choose which viewpoints to consider.

The strategy of such switching can be explained by referring to the concepts of Gilles Deleuze and Félix Guattari (Deleuze, Guattari, 1983). The virtual dimension of being, the existence of a human in the network can be considered as a "body without organs". The "body" has a set of potential features, which are actualized only through assembling with other bodies, through "becoming". A person, existing in the media space, resides in the flow of such "becomings", being connected to various myths and actualizing themselves through these myths. However, the flow of information to be built into, the opinions to be listened to, depend directly on the person. Since facts and truth as some objective concepts lose their value, the poetic way of thinking appears to come to the fore, expressed through myth-making possibilities offered by the digital environment. Such poetic way provides the possibility of multiple "becomings", the possibility of "sliding" between different streams (assemblies) of myths with switching between them in a kind of playful manner, briefly immersing oneself in different pictures of the world (and, accordingly, in those codes through which the world is represented inside that myth). In this aesthetic manner, a person can "try on" different images of the world depending on their feelings and emotions. This process depends entirely on a person, on what seems convincing to them and what resonates with them at the moment. In that vein individuals may build their identity around the state of continuous "self-construction" through belonging to certain myths.

The discourse of post-truth, examined from this perspective, reveals opportunities for self-expression in the digital era. Described attitude towards identity shaping allows a person

to be in a constant search of a myth that is suitable for them and their "tribe", which shares the same views. In the flow of various myths and narratives a person can find a community with similar beliefs and form an emotional bond with its members. This way a person recognizes their own value within the group, asserts their selfhood through collective consciousness by experiencing "tribal" unity with others and the sense of belonging to the surrounding world.

Self-affirmation through collectiveness is not the only foundation of digital identity. Being a "nomad", one can choose as a mission the pursuit of world's fullness, the search for such a picture of reality, which will address all the myths simultaneously. More specifically, it becomes possible for a person to gain a more complete view of the world by switching between different pictures of the world, each of which is portraying reality through the totality of its own code. As Nietzsche writes: "There is only a perspective seeing, only a perspective 'knowing'; and the more affects we allow to speak about one thing, the more eyes, different eyes, we can use to observe one thing, the more complete will our 'concept' of this thing, our 'objectivity,' be" (Wight, 2018). Taking this into account, it seems like such a plurality of self-contained myths, formed by the media, may allow us to restore objectivity through a mosaic of opinions, points of view and subjectivity. In that case the post-truth suddenly appears to be the key for creating a holistic world-view rather than a tool for cultivating disjointed myths. However, we should make a note of the previously described echo-chamber effects and polarization of opinions of different "tribes", which complicates this process. Whether one can "break through" the bubble of one's own subjectivity and tolerate the opinions of others to see the world from their side is a crucial question for the future discussion, though it seems to depend, first of all, on the person themselves.

Discussing the strategies of digital identity shaping, it is also essential to consider that with the emergence of the post-truth situation, the concept of personal responsibility for one's own beliefs acquires a special significance.

Post-truth condition makes it impossible to refer to any commonly recognized fact-based truth in order to justify one's own actions, laying on a person the whole responsibility for the way they perceive the world and act in accordance with their views. Responsibility for one's words and actions have to become the price of total pluralism and freedom of opinion in contemporary media. Broadcasting various ideas and specific worldview attitudes needs to be accompanied by understanding of the risks involved and obligations to other participants of the global network, who can be affected by one's posts and messages. This can be explained through the concept of parrhesia, interpreted by Foucault, which means speaking openly, while treating truth-telling as one's duty to oneself and other people, even if it may lead to negative consequences (Foucault, 2019). The crucial characteristic of parrhesia is that "the coincidence between belief and truth takes place, not through a cognitive experience like evidence, but through verbal activity" (Foucault, 2019: 42). Within the endless number of myths created by the contemporary media environment, any evidence cannot be universally accepted. By that reason the verbal activity, the polylogue has to be considered as a basis of new understanding of truth itself, and the key for respectful and productive discussion appears to be found in parrhesia, which involves being honest and certain in one's opinion, as well as being responsible for it. As Foucault writes: "one uses parrēsia, of course, when he tells truth because he is certain that it is truth. But somebody is said to use parrēsia, and deserves to be considered as a parrhesiast, if and only if there is a risk, there is a danger for him in telling the truth" (Foucault, 2019: 42). Thus, we can distinguish a new characteristic of human identity of post-truth era as "being a parrhesiast", which means (i) expressing feelings

and opinion sincerely, (ii) telling only things that one believes to be true, (iii) being fully responsible for any information broadcasted and accept any possible risks. Sharing only those opinions which truly reflect personal beliefs and which a person can take charge of, seems to be an effective way of communication between people of post-truth era.

Conclusion

Summarizing all the above, it can be stated that the problem of post-truth, which initially came into focus in the light of political events, goes far beyond political discourse, defining the specifics of human existence in the contemporary media environment. In this study the anthropological aspect of the post-truth situation was considered. We analyzed it as a transformation of the media environment and assessed its impact on the human identity formation. The main results obtained were assumptions about the mythological nature of post-truth and the collective way of organizing users in the media space. In addition, possible approaches to the issue of forming human identity in digital space were proposed, among which are self-affirmation through belonging to online community and through searching for a holistic picture of the world. Responsibility and sincerity were also identified as crucial categories for defining the human subject of the post-truth era and for shaping the new understanding of truth itself.

In closing, it can be said that even though post-truth replaces fact-based truth, at the same time it reveals a new level of discussion about human identity, the nature of collective consciousness in the digital era and the way of communication between groups with different beliefs. For this reason, subsequent research has to focus on a deeper analysis of this phenomenon.

References

- Arendt H. Truth and politics. In: *Truth: Engagements across philosophical traditions*, 2005, 295–314.
- Baudrillard J. *The consumer society: Myths and structures*. London, SAGE Publications Ltd, 1998. 208.
- Brahms Y. *Philosophy of Post-Truth*. Institute for National Security Studies, 2020. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep23537> (accessed 31 October 2024).

- Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1983. 432.
- Fromm E. *Escape from Freedom*. New York, Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1965. 333.
- Foucault M. "Discourse and Truth" and "Parresia". Chicago and London, The University of Chicago Press, 2019. 276.
- Garbuznjak A. Ju. Fenomen postpravdy: deval'vacija fakta v medijnom diskurse [The phenomenon of post-truth: devaluation of fact in media discourse]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]*, 2019, 1, 184–192.
- Lanier J. Digital Maoism: The Hazards of the New Online Collectivism. In: *The Third Culture*, 2006.
- Levy-Bruhl L. *Primitive mentality*. New York, The Macmillan company, 1923. 458.
- Marshall H., Drieschova A. Post-truth politics in the UK's Brexit referendum. In: *New Perspectives*, 2018, 26(3), 89–105. DOI: 10.1177/2336825X1802600305
- McIntyre L. *Post-truth*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 2018. 223.
- McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Berkeley, Gingko Press, 2013. 336.
- Morozov A. V. Otvet na vopros: chto takoe postpravda? Perspektiva problematologii [Answering the question: what is post-truth? A problematology perspective]. In: *Gorizonty gumanitarnogo znaniya [Horizons of humanitarian knowledge]*, 2019, 3, 93–105.
- Oxford Languages. 2016. Available at: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (accessed 31 October 2024)
- Pariser E. *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. New York, Penguin Press, 2011. 294.
- Shatin Ju. V. Postpravda kak ritoricheskij fenomen v sovremennom mediaprostranstve [Post-truth as a rhetorical phenomenon in modern media space]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Filologija. [Novosibirsk State University Journal. Series: History, Philology]*, 2020, 19(6), 250–257.
- Shushpanova I. S. "Postpravda" v social'noj real'nosti: riski i ugrozy ["Post-truth" in social reality: risks and threats]. In: *Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies]*, 2018, 12, 94–104.
- Suiter J. Post-truth politics. In: *Political insight*, 2016, 7(3), 25–27. DOI: 10.1177/2041905816680417
- The Truth about Fake News. 2018. Available at: <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-5431881,00.html> (accessed 31 October 2024)
- Vinogradova, T. V. Issledovanija nauki i tehnologij (STS) i politika postpravdy. (Obzor) [Science and technology studies (STS) and the politics of post-truth. (Review)]. In: *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 8, Naukovedenie: Referativnyj zhurnal [Social sciences and humanities. National and foreign literature. Ser. 8. Science studies: Refereed journal]*, 2018, 1, 66–79.
- Wight C. Post-truth, postmodernism and alternative facts. In: *New Perspectives*, 2018, 26(3), 17–29. DOI: 10.1177/2336825X1802600302

**Contemporary Art Theory
and History Capitals
and Regions**

**Теория и история
современного искусства:
столицы и регионы**

EDN: GEFBSJ
УДК 7.036

Introductory Article to the Section «Contemporary Art in Global and Regional Dimensions». The Concept of «Siberian Contemporary Art»

Natalia P. Koptseva*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 19.06.2025, received in revised form 14.07.2025, accepted 26.08.2025

Abstract. The article opens the section of the scientific journal of the Siberian Federal University «Contemporary Art in the global and regional dimension» and presents the result of a study of the concept of «Siberian Contemporary Art». The content of this concept is considered within the framework of the proposed structure, which includes four content vectors: time, place, originality (uniqueness), cultural identity. These measurements allow us to substantiate a number of parameters of the concept of «Siberian Contemporary Art». The time of creation of works of Siberian contemporary art is similar to the time of creation of works of world art in the category of «Contemporary Art» – from the late 1960s to the present. The place of creation of works of Siberian contemporary art is the cultural and geographical concept of «Siberia», which may or may not coincide with the modern borders of administrative–territorial entities – regions of the Siberian Federal District. The originality (uniqueness) of Siberian contemporary art works is determined by the community of art critics and art theorists, including various institutions, agents, and subjects. Cultural identity is determined by the inseparability of Siberian contemporary art with Siberian culture, including the culture of groups, communities, and individuals: works of Siberian contemporary art necessarily participate in the processes of Siberian cultural identification, and, conversely, the representation of Siberian cultural identification is impossible without pointing to these works as its integral components.

Keywords: theory of art, contemporary art, Siberian contemporary art, concept, structure of concept.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

Citation: Koptseva N. P. Introductory Article to the Section «Contemporary Art in Global and Regional Dimensions». The Concept of «Siberian Contemporary Art». In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1802–1812. EDN: GEFBSJ

Вступительная статья к разделу «Современное искусство в мировом и региональном измерении». Концепт «Сибирское современное искусство»

Н.П. Копцева

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья открывает раздел научного журнала Сибирского федерального университета «Современное искусство в мировом и региональном измерении» и представляет результат исследования концепта «Сибирское современное искусство». Содержание данного концепта рассматривается в рамках предложенной структуры, включающей четыре содержательных вектора: *время, место, оригинальность (уникальность), культурная идентичность*. Данные измерения позволяют обосновать ряд параметров концепта «Сибирское современное искусство». Время создания произведений сибирского современного искусства аналогично времени создания произведений мирового искусства в категории «Contemporary Art» – с конца 1960-х гг. до настоящего момента. Место создания произведений сибирского современного искусства – культурно-географическое понятие «Сибирь», которое может совпадать, но может и не совпадать с современными границами административно-территориальных образований – регионов Сибирского федерального округа. Оригинальность (уникальность) произведений сибирского современного искусства определяется сообществом арт-критиков, теоретиков искусства, в том числе в этом качестве могут выступать различные институты, агенты, субъекты. Культурная идентичность определяется неразрывностью сибирского современного искусства с сибирской культурой, включая культуру групп, сообществ, индивидов: произведения сибирского современного искусства обязательно участвуют в процессах сибирской культурной идентификации, и, наоборот, репрезентация сибирской культурной идентификации невозможна без указания на данные произведения как на ее неотъемлемые компоненты.

Ключевые слова: теория искусства, современное искусство, сибирское современное искусство, концепт, структура концепта.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Копцева Н.П. Вступительная статья к разделу «Современное искусство в мировом и региональном измерении». Концепт «Сибирское современное искусство». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1802–1812. EDN: GEFBSJ

Введение

Данная статья открывает раздел публикаций, так или иначе связанных с сибирским искусством и с академическими дискуссиями о его «современности». В настоящее время теория и история культуры, искусства, связанная

с определением региональной и/или локальной специфики того или иного произведения искусства, развивается нелинейно (Levanova, 2014). Ряд культурологов и искусствоведов опираются на свою исследовательскую интуицию и, обозначая проблему регионально-

го – «сибирского» – стиля в творчестве мастеров искусств, в художественно-критической оценке и искусствоведческой атрибутике произведения искусства, пишут, что проблема «сложна» и требует отдельного изучения (Moskalyuk, Serikova, 2012). Одновременно возникают и закрепляются искусствоведческие и культурологические направления, названия которых имеют регионально- или локально-географические наименования: красноярское искусство, иркутское искусство, омское искусство, новосибирское искусство и другие (см. Podkorytova, 2024; Stroï, 2021; Chirkov, 2014; Kichigina, 2007). Оценивая или описывая художественные события, где произведения художников связаны с разными сибирскими городами, используется термин «сибирское искусство» (см., например, Kovalevskii, 2024; Usol'tseva, 2024; Sitnikova, 2024a; Sertakova, 2024, 2025 и др.). Появляются монографии, энциклопедические справочники, научные и публицистические статьи, организуются конференции, публикуются сборники статей, материалов конференций, где этот термин используется без особого разъяснения. Но количество его употреблений растет день ото дня, и настало время научного обсуждения содержания, которое скрывается за термином «сибирское искусство». Представленные в разделе этого выпуска научные статьи – это шаг в направлении для понятийного прояснения термина и одновременно эскиз исследовательской программы изучения сибирского искусства в контексте теории и истории культуры, искусства, где основой культурологического и искусствоведческого анализа выступает не столько поверхностная хронология региональных и/или локальных «художественных событий» или не обозначение творчества того или иного художника как «примера» весьма абстрактных «категорий», а произведение искусства в синтезе его материального, индексного, иконического и символического статусов (Zhukovskii, Koptseva, 2004). Художник в данной концепции – это создатель произведения искусства как результата взаимодействия мастера с художественным материалом. Художественный материал включает как природные и искусственные физические предметы (краски, холст, бумага, мрамор, известняк, кожа

и т.д.), так и внутреннюю психическую жизнь художника, а также людей, культурные тексты и многое другое, что использовал мастер для создания данного конкретного произведения искусства (Koptseva, Zhukovskii, 2005).

Несмотря на относительную простоту и ясность, этот подход к произведению искусства как центру культурологических и искусствоведческих исследований по-прежнему остается относительно «новым», хотя за последние 20 лет появилось немало научных исследований, где он реализован достаточно определенно с опорой на соответствующую искусствоведческую теорию (Bakurkina, Sertakova, 2024; Zhigaeva, 2024; Koptseva M., 2024; Leshchinskaya et al., 2022; Red'ko, Shpak, 2024; Sitnikova, 2025; Smolina, 2025; Shpak et al., 2022).

Концепт «Современное искусство»

Огромное количество культурологических и искусствоведческих дискуссий сопровождает использование концепта «современное искусство» (Alberro, 2008; Burrows, 2019; Dumbadze, Hudson, 2012; Kocur, Leung, 2012; Meyer, 2013; Osborne, 2013; Smith, 2006, 2009, 2010; Trushkova, Dedic, 2024; Zorloni, 2013; Bogacheva, Selivanov, 2005; Bokhorov, 2007; Kostrits, 2008; Popov, 2021; Potyukova, 2013; Rybasova et al., 2024; Skolota, 2013). В Оксфордском словаре 2009 г. говорится о том, что понятие «Contemporary Art» «зыбкое» и обозначающее то искусство, которое существует в момент его обсуждения: «неточный термин, применяемый к искусству, которое было создано сравнительно недавно и которое считается «соответствующим духу времени». На протяжении большей части XX в. этот термин был несколько растяжим. Вместо того чтобы определять конкретный период времени, он имел тенденцию двигаться вперед, чтобы отражать точку зрения тех, кто его определяет» (Chilvers, Glaves-Smith, 2009: 432). Это довольно точное замечание затем сменяется описанием дискуссий относительно хронологических рамок «Contemporary Art» (CA), которое зачастую отделяют от «Modern Art» (MA), утверждая, что искусство модерна «закончилось».

Дискуссия разворачивается вокруг определенных направлений, которые кажутся отвечающими идеям и идейным движениям времени создания текста, в котором о них говорится. В разные времена это были произведения искусства, возникшие после 1945 г. (после Второй мировой войны), затем теоретики и историки искусства достигли определенного согласия в том, что СА наиболее репрезентативно представлен «концептуальным искусством», начало которого определяется второй половиной 1960-х гг. Обязательно в этом аспекте обсуждается изменение эстетики модернизма, которая подвергается жесточайшей критике, создающей эстетику постмодернизма. Но уже наращивает возможности еще более «новая» эстетика – «постпостмодернизма», которая постепенно закрепляется в названии «эстетика метамодернизма». Тем самым, полагают некоторые исследователи, настало время нового понятия «postcontemporary (art)» (Abbas Gharib..., 2007), но другие говорят, что лучше всего подходит термин «метамодернизм» (Vermeulen, van den Akker, 2010).

Обобщая все известные дискуссии и понятийные споры, становится более или менее ясно, что термин «современное искусство» на русском языке имеет две ипостаси в английском языке (которые так или иначе представлены и в других европейских языках): Modern Art (1860-е – 1960-е гг.) и Contemporary Art (конец 1960-х гг. – настоящее время). Хотя и «Postcontemporary Art» уже имеет определенный «материальный» носитель – зал Музея американского искусства Новой Британии с постоянной экспозицией постсовременного искусства. Дебаты показывают, что в его основе лежит несколько социологизированная эстетика «сложности современного мира» и необходимости сознательно и целенаправленно формировать его «устойчивость» (Kolesnik, Omelik, 2024; Pan, 2025; Shpak, 2024, 2025).

Структура концепта

«Сибирское современное искусство»

как основа исследовательской программы

Концепт «Сибирское современное искусство» имеет довольно сложную струк-

туру. Для анализа его составляющих необходимо вначале определиться с рядом параметров, которые могли бы соответствовать его содержанию наиболее адекватно.

Первый шаг – это определение временных (хронологических) границ, включая разделение «сибирского МА» и «сибирского СА». Постепенно возникает и закрепляется культурологическое и искусствоведческое понятие «сибирский модерн» (см. Gruzdeva, 2015 и др.). В целом временные границы создания произведений искусства, которые исследователи интуитивно или логически обоснованно относят к «сибирскому модерну», совпадают с русским модерном, общеевропейским модерном и модерном как эпохой мирового искусства: 1860-е–1940–60-е гг. Существует проблема, относятся ли произведения, выполненные в стиле «социалистический реализм», к искусству модерна, но решение этой проблемы очевидно и однозначно: да, относятся. Произведения искусства, относящиеся к стилю «социалистический реализм», являются яркими репрезентантами искусства модерна, искусства «современности». Равно как история СССР – это история модернизации в ее советском варианте, результаты которой были грандиозны и поразительны. Советская модернизация, проявившаяся в стремительной индустриализации производства и использования производственных технологий, в высшей степени репрезентирована процессом и итогами культурной революции СССР, его национальной политики и созданием устойчивой художественно-культурной системы «советская культура», которая опознается ее реципиентами как интуитивно, так и с помощью логического академического подхода.

Если произойдет закрепление термина «сибирский модерн» по отношению к сумме художественно-культурных практик, характерных для 1860-х–1940–60-х гг., то дальнейшая дешифровка термина «Сибирское современное искусство» в хронологическом аспекте будет выглядеть в соответствии с общемировыми временными границами *от 1960–70-х гг. до настоящего времени*. Можно ли зафиксировать новые художественные практики, демонстрирую-

щие переход к метамодернизму, к «постсовременному искусству» – хороший вопрос для современных искусствоведов, которые уже начали искать на него ясный и адекватный ответ (см. Simonova, 2008; Bogacheva, Selivanov, 2005; Ermakov, 2025; Sitnikova, 2024a, 2024b, 2024c и др.).

Второй шаг – пространственные (локально-региональные) границы концепта. В локально-региональном аспекте, казалось бы, не должно возникнуть особых сложностей: сибирское искусство – это искусство **Сибири**. Но нет, «локус», как и «хронос», тоже требует четкости или хотя бы понимания сложности и неоднозначности термина «Сибирь» в современном русскоязычном концептуальном пространстве (Leshchinskaya, 2025). Кажется, что сегодня «Сибирь» – это прежде всего административно-территориальные образования, входящие в состав Сибирского федерального округа. И действительно, Омская, Новосибирская, Иркутская, Кемеровская, Томская области, Алтайский, Красноярский края, Республики Хакасия, Алтай, Тува – это, бесспорно, локусы-регионы «сибирские», они укоренены в сибирской земле и, так или иначе, их «сибирскость» транслируется как вовнутрь, так и вовне. Но если обернуться на 100 лет назад, когда сибирская идентичность обсуждалась ожесточенно и яростно, в том числе в политических и правовых аспектах, то мы увидим, что к «Сибири» уверенно относят и Тюмень (в целом тюменский регион), и Бурятию, и Якутск с окрестностями, и что к сибирской земле воображение историков искусства и художественных критиков в 1920–30-х гг. «присоединяет» многие территории современного Дальнего Востока: Республику Бурятия, Читинскую область, Хабаровский край, Приморский край. И это вековой дальности воображаемое «присоединение» сохраняется и в культурной, и в исторической памяти, когда тюменские арт-критики не до конца понимают, в какой регионально-локальный контекст – уральского или сибирского искусства – следует отнести исторически и актуально произведения тюменских мастеров. Таким образом,

в локально-пространственном аспекте надо вновь возвращаться к «хроносу» и оговаривать исторически-конкретные и культурно-воображаемые границы «Сибири» как элемента концептов «сибирское искусство», «Сибирское современное искусство» и возможных других, близких к ним по смыслу.

Можно выделить 3 историко-культурных «времени», когда пространство-локус «Сибирь» «внутри» конкретного времени было «точно» определенным, а «снаружи» (во «внесибирских» пространствах-локусах и «поствременном» периоде) проявлялась его временная относительность: 1) с незапамятных времен (упоминания слова «Сибирь» в исторических источниках) до запуска Транссибирской магистрали (примерно до 1916 г.), когда пространство Сибири включает в себя все территории Российской империи к востоку от Уральского хребта (с оговоркой, что контуры пространства-локуса «Дальний Восток» тоже уже начинают проявляться, но пока еще смутно, несущественно); 2) с 1917 г., когда после Февральской и Октябрьской революций рыхлое понятие «Сибирь» приобретает нормативно-правовые границы в нормативно-правовой базе, связанной с четкой обрисовкой административно-территориальных границ «Сибирского края», затем разделенного на «Восточно-Сибирский край» и «Западно-Сибирский край», и последующих делений и движения границ «Сибири» в аспекте политической географии, 3) с 1990-х гг., когда трансформируется центральная федеральная власть и возникают новые нормативно-правовые акты, связанные с формированием федеральных округов, новых субъектов Российской Федерации, возникающих то путем разделения, то путем объединения, что продолжается и в наше время, когда границы территории Сибирского федерального округа и перечень входящих в него регионов оказываются тоже довольно подвижными. Насколько эти административно-территориальные изменения предопределяют коллективные и индивидуальные психические процессы культурной региональной (и/или локальной) идентичности, сказать довольно слож-

но. Но в целом с приходом в академический дискурс понятия «идентичность» множатся исследования региональной и локальной культурной идентичности. Возможно, что скоро появятся основания для выстраивания модели ее динамики, хотя бы во временном диапазоне от 1990-х гг. И тогда зависимость понятия «пространство-локус «Сибирь»» от «времени-хроноса Сибири» будет, с одной стороны, ясной, а с другой стороны, можно будет узнать побольше о факторах, которые определяют зависимость культурно-воображаемой переменной «пространство-локус Сибирь» от «времени-хроноса Сибири».

Таким образом, «Сибирь» в пространственном аспекте концепта «Сибирское современное искусство», *во-первых*, зависит от временных границ, в которых шло культурно-географическое, административно-территориальное и психолого-воображаемое определение, что такое «пространство-локус Сибирь».

Во-вторых, «пространство-локус Сибирь» определяется мерцающим качеством «приезда – уезда» «из Сибири», «в Сибирь» людей, которые остались в культурной и исторической памяти многих других людей, сообществ, групп, как «имеющие отношение к Сибири», «важные для Сибири», «сделавшие что-то значимое для Сибири». Среди них много художников, самый яркий репрезентант – Василий Иванович Суриков, который сначала уехал «из Сибири (Красноярска)», потом «вернулся в Сибирь (Красноярска)», потом снова «уехал», но невозможно себе представить, чтобы В.И. Сурикова не считали бы сибирским, красноярским художником, патриархом, основателем, гением искусства и одновременно гением «пространства-локуса Сибири (Красноярска)». И уже помимо Красноярска «сибирскость» Сурикова осваивают в Республике Хакасия, потому что он «приезжал сюда» и рисовал «хакасские пейзажи». Кроме Сурикова, великого художника и культурного героя, есть еще немало людей, которые «были в Сибири», совершали здесь «великие дела» и «уезжали из Сибири» куда-то подальше, но при этом странно и неправиль-

но было бы лишать их самих и сибирское пространство-локус их пребывания здесь в каком-то времени и в каком-то качестве (политика, писателя, художника, ссыльно-поселенца, основателя театра, строителя ГЭС, мецената, коллекционера и еще многих других), позволяющего говорить о них с прибавлением определения «сибирский».

В-третьих, «пространство-локус Сибирь» определяется извне. Так, в Сибирской советской энциклопедии в тематической статье «Литература Сибири» (161–226 стб.) представлен довольно обширный раздел «Сибирь в западноевропейской литературе» (208–221 стб.), где от античных Гипербореи и Скифии к немецкому писателю начала XX в. Рудольфу Гейсту раскрываются литературные особенности образа пространства-локуса «Сибирь» в хорошо известных и малоизвестных литературных произведениях европейских литераторов. Продолжая эту логику, можно понять, что помимо тех, кто живет «внутри» Сибири, есть еще воображаемый образ пространства-локуса «Сибирь», закрепленный в культурных текстах (вербальных, визуальных, музыкальных, гастрономических, политических, экономических и многих других) и воздействующих как на «сибиряков постоянных», так и на «сибиряков мерцающих», но в неменьшей степени и на тех, кто сибиряком себя сам не считает, но «Сибирью» интересуется и основывает свое воображение на культурно-текстовой основе «прочитанного», «увиденного», «услышанного» о «Сибири». Тем самым возводится в квадрат образность «пространства-локуса Сибири» и возвращается в воображение сибиряков о самих себе в «снятой» культурной форме, включаясь в их «внутренние» представления о «пространстве-локусе Сибири».

В-четвертых, коренные (туземные, аборигенные, автохтонные, индигенные) народы Сибири, кочуя и оседая по сибирским землям и рекам, берегам озер, морей и океанов, своей укорененностью и автохтонностью образуют «пространство-локус Сибири» как живущие здесь «более 500 лет» и своей древней историей, архаичной культурой от каменного века предопределяют культурно-географические

границы «пространства-локуса Сибири» как «древние», «средневековые», «первобытнообщинные». Иногда трансформации статусов административно-территориальных единиц разрушают границы этнического единства коренных народов в «пространстве-локусе Сибири», и тогда в языке, определениях и самоопределениях возникают уточнения, например, «дальневосточные эвенки», «кольские самодийцы», «сибирские маньчжуры» и т.д. Но именно коренные народы Сибири втягивают ее «пространство-локус» в древнюю и архаичную историю, в доисторические времена, в ее Средневековье, создавая нарративы о древних «империях», о «сибирских ханствах», «наследии Чингис-хана», «гиперборейской древности» и о многом другом, формируя еще один слой культурно-географического воображения «пространства-локуса Сибири».

В-пятых, археологи и историки-архивисты говорят свое веское слово и определяют «пространство-локус Сибирь» через отождествление его с археологическими памятниками-находками и документами-доказательствами. Археологи притягивают внимание к территориям, антропологически обустроенным, доказывая, что «человек в Сибири появился тогда-то и тогда-то», что найдены вещи, которые кажутся им прагматически бесполезными для «древних людей», но обладающими сакрально-художественной ценностью. Историки-архивисты указывают, в каких документах закреплено точное знание о пребывании (возможно, с рождения или в определенный период) этого художника или этого произведения искусства, или этих деятелей в области художественной культуры в сибирских местах, о чем сказано в архивных документах. Архивные документы обладают особой исторической достоверностью и раскрывают административно-управленческие, общественно-организационные, личностно-повседневные события, зафиксированные в документах, ожидающих часа своей публикации и вступления в академические и общественные дискуссии по поводу того, что именно происходило

в «пространстве-локусе Сибири». Этим пятым участником можно пока ограничить сумму агентов, соучаствующих в коллективном и персональном воображении «пространства-локуса Сибири», хотя будущие исследования расширят их круг и уточнят их связи и взаимные определенности.

После «времени-хроноса» и «пространства-локуса» *третьим шагом* в формировании концепта «Сибирское современное искусство» является «уникальность», «оригинальность», «художественное ноу-хау», чаще всего в форме нарратива, но и другие формы здесь соприсутствуют. В создании и закреплении нарратива об оригинальности, уникальности произведений искусства, о гениальности создавшего их мастера царят арт-критики, искусствоведы, культурологи, меценаты, коллекционеры, галеристы, кураторы, экскурсоводы, музейщики, продавцы произведений искусства, издатели научной и публицистической литературы по истории и теории искусства, культуры, авторы буклетов, блоги и блогеры, создатели видеоконтента, преподаватели школ, училищ, колледжей, институтов, академий, профессора, доценты, ассистенты, аспиранты, студенты, «управленцы», чиновники, другие эксперты и участники, организованные в академические и самодеятельные институты, действующие «независимо», акторы социально-культурного управления, муниципальные, региональные, федеральные, зарубежные влиятельные персоны и организации, задающие и реализующие векторы культурной политики. Можно, наверное, применив методы Big Data, тематического моделирования, цифрового искусствознания, антропологии искусства и другие, основанные на обработке количественно-«объективных» данных, провести медиаисследования и понять, как формируется и закрепляется представление об оригинальности и уникальности художественного творчества одного мастера, а не другого, одного произведения искусства, а не другого. Но из всего этого информационно-научно-образовательно-административно-критикорыночного хаоса постепенно вырастает некая «общая убежденность» в безусловной

уникальности и оригинальности одного или ряда произведений искусства, складываясь и закрепляясь в ряде социальных и культурных практик в сложных взаимодействиях, манифестациях, перформативности и проверяющего удостоверения в здесь-продолжении этого «коллективного согласия». Формируются нарративы, укрепляются формы манифестации, складываются стандарты «как принято об этом говорить» и многое другое происходит, чтобы возникло убеждение в бесспорной «гениальности мастера» и в качестве «шедевра» для оценки его произведений. Идет сложная игра, в которую вовлечены все, кто «интересуется искусством» с какой-то ясной или смутной целью. Сложно сказать, состоялся ли уже консенсус относительно бесспорной гениальности художника, если это не М. А. Врубель как «омский» художник или не В. И. Суриков как «красноярский» художник. Но в «пространстве-локусе Сибири» художественные институты продолжают свою неутомимую деятельность, иногда удивляясь, какие силы оказываются в ней заинтересованными. Вовлекая в эту деятельность «культурные столичные центры», каждый агент и каждый субъект «вслушивается» в отзвуки и отклики, полагая, что «ярлык на гениальность, оригинальность, уникальность» все же придет «сверху», из «центра»,

но будучи уверенным, что и здесь, «в провинции», «работы хватает».

Четвертым шагом будет своего рода результат предшествующих «трех шагов», и без того довольно сложных. В точке, которую обозначит своим интересом «субъект-актор-агент», выйдут на первый план мастера-художники, произведения искусства и термины-понятия, которые станут на видимое время неотъемлемыми знаками сибирской художественно-культурной идентичности, в том числе в ее локально-городских формах. Нет сегодня истории искусства Омска без М. А. Врубеля, истории искусства Красноярска – без В. И. Сурикова, истории музея Минусинска без Н. М. Мартыанова и т.д. Но и создавая нарративы-биографии этих людей и столичные, и зарубежные искусствоведы и культурологи не пропустят их имена и произведения, говоря о «времени-хроносе Сибири», «пространстве-локусе Сибири», ее уникальных и оригинальных мастерах и их произведениях.

Тем самым замыкается система измерений концепта «Сибирское современное искусство», включающая четыре шага для его формирования: время-хронос, пространство-локус, оригинальность-уникальность, «вечное присутствие» в сибирской культурной идентификации.

Список литературы / References

- Alberro A. Periodising contemporary art. Australian and New Zealand Journal of Art, 2008, 9(1–2), 66–73
- Bakurkina A. K., Sertakova, E. A. Sovremennaya animatsiya Chili: pereosmyslenie travmy proshlogo cherez iskusstvo. Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost [Contemporary Animation in Chile: Rethinking the trauma of the past through art. America and Africa: History and modernity]. 2024 3(3). 30–48
- Bogacheva I. A., Selivanov V. V. Sovremennoe iskusstvo i sovremenniy zritel': problemy dialoga. Triumf muzey [Modern art and the modern viewer: problems of dialogue. The Triumph of the Museum], 2005, 204–215.
- Bokhorov K. Sovremennoe iskusstvo i globalizatsiya. Observatoriya kul'tury [Contemporary art and globalization. Observatory of Culture], 2007, 3. 44–48.
- Burrows, D. Fictioning: The myth-functions of contemporary art and philosophy. Edinburgh University Press. 2019, 553
- Chilvers, I., Graves-Smith, J. A dictionary of modern and contemporary art. Oxford University Press, USA. 2009, 775
- Dumbadze, A., Hudson, S. Contemporary art: 1989 to the present. John Wiley & Sons. 2012, 467
- Gruzdeva E. A. Zdaniya stilya modern v strukture sibirskogo goroda (Tyumen', Omsk, Tomsk, Novonikolaevsk, Barnaul). Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly [Art Nouveau buildings in

the structure of the Siberian city (Tyumen, Omsk, Tomsk, Novonikolaevsk, Barnaul). Regional architectural and art schools], 2015, 1. 357–362.

Gharib A., B Shirdel. A discussion between two architects. Sharestan Magazine 15–16, Teheran, Iran: Sharestan/Naghshiran, Spring – Summer 2007, 11–16

Ermakov T.K. Post-internet iskusstvo: logika vzaimodeistviya tsifrovogo i real'nogo prostranstva v sovremennoi kul'ture. [Post-Internet art: the logic of the interaction of digital and real space in modern culture]. *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2025, 6(2). 33–41

Zhigaeva A.A. Priroda iskusstva v installyatsii Dzhozefa Koshuta «Odin i tri stula» (na primere installyatsii iz Museum of Modern art v N'yu-Iorke). [The nature of art in Joseph Kossuth's installation "One and Three Chairs" (using the example of an installation from the Museum of Modern Art in New York)]. *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal. [Siberian Art History Magazine]* 2024, 3(2). 20–33.

Zhukovskii V.I., Koptseva N.P. Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet [Propositions of the theory of fine art. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University]. 2004, 265

Chirkov V.F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII-nachala XXI vv.: slovar' ukazatel' khudozhnikov, iskusstvovedov, spetsialistov po muzeinomu delu, issledovatelei, khudozhnikov-pedagogov, kolektionerov, metsenatov, obshchestvennykh i gosudarstvennykh deyatelei [Fine Art of Siberia of the XVII-early XXI centuries: dictionary index of artists, art historians, museum specialists, researchers, art educators, collectors, patrons, public and government figures] Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska, 2014. 1. 2. 817–1648

Kichigina A.G. Yavlenie neoarkhaiki v sovremennom iskusstve Sibiri [The phenomenon of neoarchaism in the contemporary art of Siberia]. *Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]*, 2007, 1(51), 183–187.

Kovalevskii S.L. Mnozhestva Viktora Sachivko [The sets of Viktor Sachivko]. *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian Journal of Art History]*, 2024 3(3). 47–58.

Kolesnik M.A., Omelik A.A. Iskusstvennyi intellekt v sfere kul'tury i iskusstva: obzor otechestvennykh publikatsii [Artificial intelligence in the field of culture and art: a review of domestic publications]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2024, 5(3). 35–45.

Koptseva M.S. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu kul'turnykh transformatsii [Methodological approaches to the study of cultural transformations]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9(1). 99–107.

Koptseva N.P., Zhukovskii V.I. Khudozhestvennyi obraz kak rezul'tat igrovogo vzaimodeistviya proizvedeniya iskusstva i zritelya [An artistic image as a result of the playful interaction of a work of art and the viewer]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Krasnoyarsk State University. Humanities]*, 2005, 3. 4–14.

Kostrits F.A. Aktual'noe iskusstvo v prostranstve khudozhestvennogo muzeya. Problemy reprezentatsii [Actual art in the space of an art museum. Problems of representation]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. AI Gertsena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after AI Herzen]*, 2008, 65

Levanova E.F. Sovremennoe iskusstvo i ego mnogomernost' [Modern art and its multidimensionality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeni [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism]*, 2014, 3(15), 14–19.

Leshchinskaya N.M. Osnovnye teorii kontseptov: analiticheskii obzor [asic theories of concepts: an analytical review]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9(2). 83–90.

Leshchinskaya N.M., Sitnikova A.A., Sertakova E.A., Koptseva N.P. Zhurnal "Zodchii" kak istochnik po istorii russkogo moderna kontsa XIX- nachala XX vekov [The Architect magazine as a source on the history of Russian Art Nouveau in the late 19th and early 20th centuries]. *Bylye gody [The old days]*, 2022, 17(3). 1237–1249.

Moskalyuk M.V., Serikova T. Yu. Zhivopis' Sibiri vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka v kontekste vizualizatsii kul'tury [Siberian painting of the second half of the XX – beginning of the XXI century in the context of cultural visualization] Krasnoyarsk: 2012, Sib. feder. un-t, 2012. 172

Meyer R. What was contemporary art? MIT Press. 2013, 360

Pan N. Khudozhestvennaya kommunikatsiya v epokhu tsifrovoykh tekhnologii: analiz veb-saitov sovremennykh khudozhnikov i khudozhestvennykh galerei Kitaya [Artistic communication in the Digital Age: an analysis of the websites of contemporary artists and art galleries in China]. *Tsifrovizatsiya [Digitalization]* 2025, 6(1), 44–57.

Osborne P. Anywhere or not at all: Philosophy of contemporary art. Verso Books. 2013

Podkorytova T. I. Siberian archeo-art: on the issue of semantics. Siberian contemporary art [Siberian archeo-art: on the issue of semantics. Siberian contemporary art]. Krasnoyarsk: CRO “Community of Educators of Krasnoyarsk region”, Siberian Federal University. 2024, 17–24.

Popov D. A. Sovremennoe iskusstvo v aksiologicheskom aspekte [Modern art in the axiological aspect]. *Vestnik saratovskoi konservatorii. Voprosy iskusstvoznaniya [Bulletin of the Saratov Conservatory. Questions of Art Studies]*, 2021, 1, 30–34.

Potyukova E. V. Aktual'noe iskusstvo v nachale XXI veka [Contemporary art at the beginning of the 21st century]. *Studia Culturae [Studia Culturae]*. 2021, 15, 116–117.

Red'ko O. Yu., Shpak A. A. Kross-kul'turnyi analiz yaponskoi animatsii 2000–2020 gg.: obraz ved'my [Cross-cultural analysis of Japanese animation 2000–2020: the image of a witch]. *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: History and modernity]*, 2024, 3(4). 91–112.

Rybasova Yu. Yu., Novgorodova E. E., Krepkogorskaya E. V. Vnedrenie tsifrovoykh tekhnologii v sovremennoe iskusstvo [The introduction of digital technologies in contemporary art]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]*, 2024, 1, 15–19.

Sertakova E. A. Rol' Krasnoyarskoi muzeinoi biennale v razvitii Krasnoyarskoi khudozhestvennoi kul'tury [The role of the Krasnoyarsk Museum Biennale in the development of Krasnoyarsk art culture]. *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo [Siberian contemporary Art]*. Krasnoyarsk: KROO “Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyars'ya”, Sibirskii federal'nyi universitet, 2024, 102–104.

Sertakova E. A. Ponyatie «regional'naya vizual'naya kul'tura» i ego teoretiko-metodologicheskii potentsial [The concept of “regional visual culture” and its theoretical and methodological potential]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2025, 9(1). 67–75.

Smith T. Contemporary art and contemporaneity. *Critical Inquiry*, 2006, 32(4), 681–707

Smith T. The state of art history: Contemporary art. *The Art Bulletin*, 2010, 92(4), 366–383

Smith T. E. What is contemporary art? University of Chicago Press. 2009, 329

Simonova S. A. K voprosu o smyslakh «Aktual'nogo» iskusstva [On the question of the meanings of “Actual” art]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*, 2008, 5, 25–28.

Sitnikova A. A. Krasnoyarskaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XX – nachala XXI vv [Krasnoyarsk art culture of the late XX – early XXI centuries]. Krasnoyarsk: KROO Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyars'ya., 2024, 214

Sitnikova A. A. Original'nye tvorcheskije kontseptsii krasnoyarskikh khudozhnikov kontsa XX – nachala XXI veka [Original creative concepts of Krasnoyarsk artists of the late XX – early XXI century]. *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo [Siberian contemporary art]*. Krasnoyarsk: KROO “Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyars'ya”, Sibirskii federal'nyi universitet, 2024, 34–38.

Sitnikova A. A. Khudozhnik za predelami professional'nykh khudozhestvennykh soobshchestv v Krasnoyarske v 1980–2000-kh gg.: ogranicheniya i vozmozhnosti [An artist outside the professional art communities in Krasnoyarsk in the 1980s and 2000s: limitations and opportunities]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2024, 8(4). 116–125.

Sitnikova A. A. Teoriya esteticheskogo opyta Dzhona D'yui kak kontseptual'naya osnova dlya izucheniya sovremennogo khudozhestvennogo protsessa [John Dewey's theory of Aesthetic experience as a conceptual framework for the study of the contemporary artistic process.]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9(2), 74–82.

Skolota Z. N. Sovremennoe iskusstvo: formy i tekhnologii [Contemporary art: forms and technologies]. *Molodoi uchenyi [Young Scientist]*, 2013, 11, 852–856.

Smolina M. G. Art-maievika v obrazovatel'noi deyatel'nosti v sfere iskusstva [Art mayeutics in educational activities in the field of art]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2025, 9(1). 76–88.

Stroi L. R. Istoriya stanovleniya pervoi sibirskoi khudozhestvennoi shkoly [The history of the formation of the first Siberian Art School]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2021, 5(3). 79–87

Vermeulen T.; van den Akker, R. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. 2010, 2(1), 5677

Zorloni A. The economics of contemporary art. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. 2013, 182. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-32405-5>

Usol'tseva S. A. Regional'naya spetsifika Ural'skogo sovremennogo iskusstva [Regional specifics of Ural contemporary art]. *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo [Siberian contemporary art]*. Krasnoyarsk: KROO “Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyar'ya”, Sibirskii federal'nyi universitet 2024, 24–29.

Shpak A. A. Mezhdistsiplinarnyi podkhod v ispol'zovanii II metodov sotsiologii i iskusstvovedeniya [Interdisciplinary approach in the use of Both methods of sociology and art criticism]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of Artificial Intelligence]*, 2024, 5(4). 66–72.

Shpak A. A. Sotsial'nye transformatsii: iskusstvennyi intellekt v epokhu metavseleennykh [Social transformations: Artificial intelligence in the age of the metaverse]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [The sociology of artificial intelligence]*, 2025, 6(1). 76–84.

Shpak A. A., Zamaraeva Yu. S., Pimenova N. N. i dr. Zhurnal “Niva” (1909 g.) kak istochnik po istorii khudozhestvennoi kul'tury Rossiiskoi imperii [Niva magazine (1909) as a source on the history of artistic culture of the Russian Empire]. *Bylye gody [The old days]*, 2022, 17(4). 1976–1989.

EDN: EJHUET
УДК 77.04(=581):7.036:069.9

Pictorialism in Contemporary Chinese Photography as a Factor of Cultural Identity (Based on the Materials of the Photo Exhibition “Contemporary China”)

N.V. Parfentyeva, N.P. Parfentyev*
and Wang Yundong

*South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation*

Received 18.03.2025, received in revised form 08.07.2025, accepted 28.08.2025

Abstract. The article reveals the significance of pictorialism in modern Chinese photography as a factor in the formation of cultural identity. The material for the study was the works of outstanding modern Chinese photo artists in this style, which were presented at the exhibition “Contemporary China” held in 2024 at the State Historical Museum of the Southern Urals. Due to their high artistic value, they are able to act as a determining factor in integration during the period of economic modernization and democratization of modern China, in promoting its unique artistic achievements in the world. These modern monochromatic works, filled with unique beauty and harmony, are introduced into scientific circulation for the first time in order to identify in them the traditions of Chinese ink painting and rely on the achievements of the creators of the pictorialism style – the masters of the 20th century Lang Jingshan and Dong Hong-Oai. The authors identify the characteristic features of Chinese pictorialism developed by these masters. A characteristic of traditional Chinese ink painting is given. When analyzing contemporary works of masters, their commitment to the principles of style is revealed, it is emphasized that modern photo artists continue the line of development that goes from ink painting and the achievements of 20th century. Contemporary photographers were able to recreate the originality of ancient Chinese national art at a new level. Thanks to a special artistic language, aesthetic taste and artistic tact, they gave a new semantic depth to the style of Chinese pictorialism. At the exhibition, it was the masters’ works of pictorialism, thanks to their unique artistry, that became the hallmark of national Chinese culture, a factor of its “soft power” in the world space, attracted the greatest attention and became an object of admiration of the Russian public. This direction of art contributes to the formation of the cultural identity of modern Chinese society. In the works of masters, ancient traditions are revived at a new level, and historicity is one of the main components of the very essence of identity.

Keywords: contemporary art, fine art photography, pictorialism, pictorial photography, traditional Chinese painting, cultural identity.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Parfentyeva N. V., Parfentyev N. P., Wang Yundong. Pictorialism in Contemporary Chinese Photography as a Factor of Cultural Identity (Based on the Materials of the Photo Exhibition "Contemporary China"). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1813–1824. EDN: EJHUET

Пикториализм в современной китайской фотографии как фактор культурной идентичности (по материалам фотовыставки «Современный Китай»)

Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев, Ван Юньдун

Южно-Уральский государственный университет
Российская Федерация, Челябинск

Аннотация. В статье раскрывается значение пикториализма в современном китайском фотоискусстве как одного из факторов формирования культурной идентичности. Материалом для исследования стали работы выдающихся современных фотохудожников Китая, которые были представлены на выставке «Современный Китай», прошедшей в 2024 г. в Государственном историческом музее Южного Урала. Благодаря своей высокой художественной ценности эти произведения способны выступать детерминирующим фактором интеграции в период экономической модернизации и демократизации современного Китая, продвижения его уникальных художественных достижений в мире. Ряд монохроматических работ, наполненных уникальной красотой и гармонией, впервые вводятся в научный оборот с целью выявления в них традиций китайской тушевой живописи и опоры на достижения создателей стиля пикториализм – мастеров XX в. Лан Цзиншаня и Дон Хонг-Оая. Авторы статьи обозначают характерные признаки китайского пикториализма. При анализе работ современных фотохудожников выявляется приверженность принципам стиля, подчеркивается, что они продолжают линию развития, идущую от тушевой живописи и достижений мастеров XX в. Современные мастера смогли на новом уровне воссоздать самобытность древнего китайского национального искусства. Благодаря особому художественному языку, эстетическому вкусу и художественному такту они придали новую смысловую глубину стилю китайского пикториализма. На музейной выставке именно работы в стиле пикториализма благодаря своей уникальной художественности стали визитной карточкой национальной китайской культуры, привлекли наибольшее внимание и стали объектом восхищения российской публики. Это направление в фотоискусстве способствует формированию культурной идентичности. В работах мастеров на новом витке возрождаются древние традиции, а историчность – одна из главных составляющих самой сути идентичности.

Ключевые слова: современное искусство, художественная фотография, пикториализм, пикториальная фотография, традиционная китайская живопись, культурная идентичность.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Парфентьева Н. В., Парфентьев Н. П., Ван Юньдун. Пикториализм в современной китайской фотографии как фактор культурной идентичности (по материалам фотовыставки «Современный Китай»). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1813–1824. EDN: EJHUET

Открытие выставки «Современный Китай» в рамках международного фестиваля Фотофест-2024 состоялось 23 мая 2024 г. в Государственном историческом музее Южного Урала (Челябинск). Здесь были выставлены работы выдающихся представителей фотоискусства Китая.

Есть такое понятие, как *soft power*, или мягкая сила. Представленные фото высококлассных мастеров излучают эту мягкую силу, воздействуя на зрителей, формируя образ Китая. Он отличается от того, к которому мы привыкли: великая страна с населением более 1,4 миллиарда, вырвавшаяся на передовые позиции в промышленности, огромные города, захватывающие дух мосты, небоскребы, университеты... В экспонируемых же фото – другой Китай: потаенные, часто скрытые от глаз уголки девственной природы, жизнь простых людей, крестьян, рыбаков, пастухов. Само их существование порой зависит от ежедневного нелегкого труда. Представленные работы отсылают нас к глубокой истории, к традициям, к условиям жизни местных национальных меньшинств. В Китае проживает более 55 различных этносов, мы знакомимся с их праздниками, национальными одеждами, жилищами. Также встречаемся с обыденной жизнью горожан, видим детей, старательно обучающихся каллиграфии, молодежь, устремленную в будущее, типичную китайскую семью. Интонация художественного высказывания на выставке не пафосная, а мягкая, лиричная. Чувствуется любовь к родной природе, к памятникам истории, архитектуры, уважение к нелегкому труду простого человека. Семейные ценности, традиции различных этносов – вот что вызывает интерес у авторов, вот что считается достойным отражения. Мы также прикасаемся к фан-

тастически прекрасным пейзажам, к боевым искусствам Китая, к великим даосской и буддийской культурам и религиям.

На упомянутой фотовыставке процесс непосредственной визуальной коммуникации был дополнен комментариями, оформленными в виде информационных таблиц. Их содержание основано на подготовительном исследовании, осуществленном авторами данной работы по просьбе руководства Исторического музея. Информация о представленных на выставке фото была выявлена в китайских источниках, переведена с китайского языка на русский. Также были определены места съемки в Китае, уточнены имена фотохудожников. На этой основе и был выполнен искусствоведческий анализ, а выводы изложены в информационных таблицах, что позволило раскрыть глубинные смыслы авторских фоторабот.

В целом на выставке демонстрировались 75 фотографий выдающихся представителей фотоискусства Китая, которые объединяет высокое художественное мастерство. Часть произведений выделилась своей принадлежностью общему творческому направлению – пикториализму (Novaya fotografiya, 2008; Gruzdeva, Korceva, 2013; Ermolova, 2017; Burnashova, 2018). Благодаря своей высокой художественной ценности они способны выступать детерминирующим фактором интеграции в период экономической модернизации и демократизации современного Китая, в продвижении его уникальных художественных достижений в мире (Shugaev, 2011; Merkushyna, 2013). В этих работах проступают древность и глубинность китайской культуры, демонстрируя неизменное архетипическое ядро национальных особенностей и традиций. Остановимся на обративших наше особое внимание пейзажных работах мастеров

в стиле китайского пикториализма, наполненных уникальной красотой и гармонией.

Первоначально пикториализм (pictorialism, от англ. pictorial – живописный) представлял течение в фотографическом искусстве Европы и США второй половины XIX-начала XX вв., в котором достигалось сближение фотографии с живописью и графикой¹. Творцы этого направления, выступившие против коммерциализации искусства, противопоставляли свое творчество прикладной фотографии. Для них было важно создание художественного образа в духе эстетики живописного искусства. Этим авторов не устраивало отображение реальности, они ставили более высокую цель – умение передать в произведении фотоискусства его художественный потенциал, когда объект изображения может стать содержанием искусства, если он «пропущен через рациональное видение и эмоциональное чувствование мастера» (Ponomarenko, 2015; Ermolova, 2017; Burnashova, 2018).

Проблема истоков пикториализма и его возрождения в современном фотоискусстве актуальна и затрагивается в работах исследователей (напр.: Ermolova, 2018; Strahova, 2018; Yao Yuan, Glinernik, 2023; Xu Jingzhu, 2024). Но, несмотря на возросший интерес в научном сообществе к этому явлению в целом, китайский пикториализм не получил должного исследования, специальные работы по его изучению в российском искусствоведении не многочисленны.

В предлагаемом исследовании мы вводим в научный оборот современные монохроматические пикториальные работы с целью выявления в них традиций тушевой живописи и опоры на достижения китайских мастеров XX в. Традиционное китайское изобразительное искусство чернильной или тушевой живописи – яркое явление мировой культуры. Его основателем считается Ван Вэй, поэт и музыкант, живописец и каллиграф, живший в VIII в. Он был создателем трактата «Искусство пейзажной

живописи» (Yao Yuan, Glinernik, 2023). Это искусство философично, пронизано идеей гармонии природы и человека, основано на таких принципах даосской эстетики, как умение отличать истинное от ложного при сохранении безучастности. Бытие и небытие, Инь и Ян – вот что является смысловой основой китайской монохроматической живописи. Черная тушь на бумаге после воздействия воды дает многообразие цветовых нюансов, в минимализме черного присутствует изящество и изысканность, а контраст белого и черного на бумаге дает ощущение чистоты и безмятежности. Древние художники стремились к естественной природной красоте, избегая излишней декоративности и разноцветности. Постепенно эти взгляды сформировали феномен тушевой национальной живописи Китая, в которой царит естественность и простота, безмятежность и покой. Монохроматические пейзажи, построенные на глубоких, однообразных оттенках красок, наполнены тишиной, невозмутимостью и безмятежностью.

В XX в. художники Китая обратились к древним традициям тушевой живописи для воссоздания национального стиля в фотоискусстве, получившего позднее название китайского пикториализма. Это стилистическое направление появилось в 1940-х гг., и его видными представителями стали Лан Цзиншань и Дон Хонг-Оай.

Лан Цзиншань (1892–1995) по праву считается пионером китайской живописной фотографии (Xu Jingzhu, 2024). В своих новаторских по технике работах он обратился к образно-поэтическому миру традиционной тушевой китайской живописи. Восприняв тонкое чувствование света, тени и композиции, он смог раскрыть поэтическую красоту природы современного ему Китая. Излюбленная жанровая тематика мастера – природные пейзажи, горы и реки, цветы и птицы. Его творческий метод требует синтеза множественных негативов. Работы Ланга Цзиншаня не только технически изысканны, но и уникальны по концепции. Он впервые на высоком художественном уровне смог преломить в искусстве фотографии

¹ Впервые понятие «пикториальная фотография» предложил Генри Робинсон в своей книге «Пикториальный эффект в фотографии» (Robinson, 1869)

архетипы традиционной культуры и природную красоту Китая, что и является его главной заслугой.

Другой представитель китайского пикториализма – Дон Хонг-Оай (1929–2004) продолжил творческие поиски Лан Цзиншаня в создании фотографий, отсылающих к китайской живописи. Главным его достижением стало усовершенствование метода создания композитного изображения с применением комбинированной печати и соединения различных фотографических элементов на одном листе бумаги. Это своего рода фотомонтаж, создающийся огромным трудом при помощи множества разных снимков (Yao Yuan, Glinernik, 2023).

Цель, которую преследовали выдающиеся фотомастера, – не достижение подлинности сцены, а раскрытие художественной концепции. Их пейзажная съемка рассчитана на эстетическое восприятие, где преобладают визуальные аллегории. Чтобы показать перспективу и соотношение масштаба с размером, создавалось, как правило, три (иногда и более) слоя. Обычно на переднем плане изображения – человек, на втором, среднем, – природа, которую обволакивает туман, что придает размытость, мягкость контуру, а далее – небо, уходящее за горизонт. Работы наполнены покоем, тишиной, умиротворением китайской живописи, и это высшее достижение. Мастерам удалось при помощи современных технических средств фотографии передать эмоциональное состояние, идущее из глубины веков – благоговение человека перед красотой родного края.

Итак, выделим характерные признаки китайского пикториализма, выработанные знаменитыми мастерами: 1) трехмерность и многослойность объекта, что выражается тремя уровнями черного, белого и серого цветов; 2) отвлечение внимания от второстепенных элементов пейзажа за счет их нивелирования или даже удаления с целью расширения пространства; 3) визуальная имитация эффектов рассеяния за счет передачи физических свойств воздуха (туман, лучи, облака) и др.

На музейной выставке «Современный Китай» были представлены работы, обла-

дающие этими признаками. Их создатели – фотохудожники, продолжающие развитие стиля художественного пикториализма в современный период. Приведем наиболее яркие репрезентативные примеры их произведений².

Монохроматическая фотография «Цзяннань в чернильной туши и воде» (рис. 1) была сделана в древнем Чжоучжунан, город Куньшань, провинция Цзянсу. Ее автор – Цай Лун, родился в Куньшане, Сучжоу в 1964 г. Мастер занимается фотографией уже более 30 лет, удостоен многих наград и призов, в том числе номинационного приза первой китайской биеннале новой пикториальной фотографии «Кубок Лан Цзиншань»³.

Китай разделен на два региона, юг и север, с рекой Янцзы в качестве демаркационной линии. Провинция Цзянсу расположена на юге, при впадении Янцзы в море, поэтому в ней много рек и озер. Художник запечатлел таинственный волшебный пейзаж, чуть напоминающий Венецию. Но все же это живописный ландшафт, типичный для юга реки небольшого китайского города. Дома на берегах реки с примкнувшими к ним лодками, стены, увешанные фонарями, небольшой мост, под которым проплывает человек в плоской лодке, пешеходы с зонтиками на мосту. Туманный водяной пар окутал весь город, далекие горы почти сливаются с горизонтом... Кажется, что фотография – это рукотворная картина, выполненная тушью в стиле древнекитайской живописи, все в ней дышит тишиной и тайной.

Автор следующей работы «Возвращение домой утром» (рис. 2) Хуан Янь родилась в 1974 г. в Ичане, Хубэй. Она получила широкое признание за свои достижения в искусстве фотографии. Фотохудожник начала заниматься фотографией в 2015 г., ее работы отмечались призами на национальных выставках, а групповая фотография

² Фотографии авторам любезно предоставлены Государственным историческим музеем Южного Урала (Челябинск).

³ Сведения об авторе также см.: https://www.cpanet.org.cn/detail_news_85319.html

Рис. 1. Цай Лун. Цзяннань в чернильной туши и воде
Fig. 1. Cai Lun. Jiangnan in Ink and Water

Рис. 2. Хуан Янь. Возвращение домой утром
Fig. 2. Huang Yan Wong. Returning Home in the Morning

Рис. 3. Ким Йян Чнг. Рыбалка
Fig. 3. Kim Yian Chng. Fishing

«Посмотри на гору» получила второй «Кубок Лан Цзиншань» китайской новой двойной премии в области пиктографической фотографии в 2018 г.⁴

Поистине прекрасная монохроматическая фотография была сделана в живописной зоне Сяндун, уезд Цзинюнь, город Лишуй, провинция Чжэцзян. В этом краю более ста тысяч гор и пышной лесной растительности запечатлена сценка: деревенские жители, возвращающиеся домой рано утром. Один ведет быка, другой несет коромысло с грузом овощей. Их силуэты приковывают взгляд благодаря четкой графичности изображения. Раннее утро, солнце только взошло, его лучи сквозь облака брызнули вниз, горы, долины, деревья утопают в туманной дымке, и только ярко тушевые фигурки людей и быка четко отражаются в озере. Все так мирно, спокойно, таинственно в маленькой деревне на юге у реки Янцзы.

Следующая работа «Рыбалка» (рис. 3) выполнена сингапурским художником Ким Йян Чнгом (Kim Yiang Chng). Он начал свою карьеру в 1970-х гг. XX в. В его работах, сосредоточенных на документальной и художественной фотографии, часто

затрагиваются такие темы, как пейзажи, природные ландшафты⁵.

Этот монохроматический изящный речной пейзаж будто написан тушью в стиле древней китайской миниатюры. На реке, в центре композиции – лодка-плоскодонка, в ней рыбак кормит бакланов, участников рыбалки. На противоположном берегу – сосновый лес из реликтовых деревьев. В водной глади реки отражаются фигурка рыбака, лодка и тонкие стволы деревьев, туман и рябь по воде. Человек затерян в этом загадочном мире природы, наполненном красотой, гармонией и таинственностью.

Еще одна работа этого мастера «Рыбак» (рис. 4) также выдержана в традициях тушевой живописи. При соприкосновении с водой тушь могла приобретать на бумаге золотистые оттенки, представленные в данном произведении искусства. Работа была снята на южном побережье Китая. Рыбак стоит в лодке с плоским дном, форма которой столь типична для Китая. В его руках шест с сидящим бакланом. С древних времен и по сей день многие рыбаки все еще сохраняют традицию разводить бакланов, чтобы помочь рыбалке. Солнце садится, множество птиц летят над морем, которое

⁴ См. об авторе: https://www.sohu.com/a/312396626_289486

⁵ См. также: <https://campinaexhibitions.net/distinctions-holders/honorary/kim-jiang-chn>

Рис. 4. Ким Йян Чнг. Рыбак
Fig. 4. Kim Yian Chng. Fisherman

колористически сливается с небом. Работа наполнена золотым цветом закатного солнца, белого тумана. На этом фоне черный силуэт рыбака в лодке, отраженный в водах реки, словно выполнен искусным художником в технике китайской туши. Эта теплая и спокойная работа, отражая повседневную жизнь, возвращает нас к древней культуре Китая.

Фотохудожник Чэнь Чжицян, уроженец города Хуанхуа в Индэ, получил широкое признание за свой уникальный фотографический стиль и глубокие работы, наполненные историзмом⁶. Его фото «Огонь и дым на Великой стене» (рис. 5) снято в январе 2019 г. на Великой стене близ Пекина.

Перед нами участок Великой стены и сторожевая башня, над которой – вихрь из облаков на черном небе, по форме напоминающих дым от огня. Эффект погружения в древность достигается мрачной монохромностью, скалистыми породами на первом плане, скудной колючей растительностью. В народном сознании это великое сооружение было «стеной плача». Огромное количество строителей погибло от невыносимых условий. В старинной легенде часть стены разрушилась от потока слез любящей жены по погибшему при

строительстве мужу. Трагизм этих исторических событий прочитывается в суровом фотопейзаже. Но построить такое сооружение было необходимо. Великая стена служила для защиты народа от иноземных врагов, и всякий раз, когда они приходили, огонь и дым с башен предупреждали о вторжении. Сейчас Великая стена стала частью истории, и лишь облака, похожие на дым от огромного костра, напомнили мастеру о суровых временах. Они особенно тревожны и взвихрены на фоне черного неба. Автор инсказательно воссоздал атмосферу древних времен, когда китайские воины на Великой стене охраняли границы своей страны. Это фото отличается от всех остальных и не укладывается в рамки пикториализма полностью, в нем нет покоя, тишины и умиротворенности, а присутствует тревожность и драматизм. Но монохромность, композиционное построение и историчность делают ее уникальной и в «духе» пикториализма.

Бянь Шаоцин, автор следующей работы «Мечтая о Хуэйчжоу» (рис. 6), также известен своими достижениями в искусстве фотографии. Его работы охватывают широкий спектр тем, в том числе пейзажи, с особым акцентом на утонченную красоту, эстетизацию жизни. Он начал занимать-

⁶ См. также: https://www.sohu.com/a/357879021_212017

Рис. 5. Чэнь Чжицянь. Огонь и дым на Великой стене
Fig. 5. Chen Zhiqiang. Fire and Smoke on the Great Wall

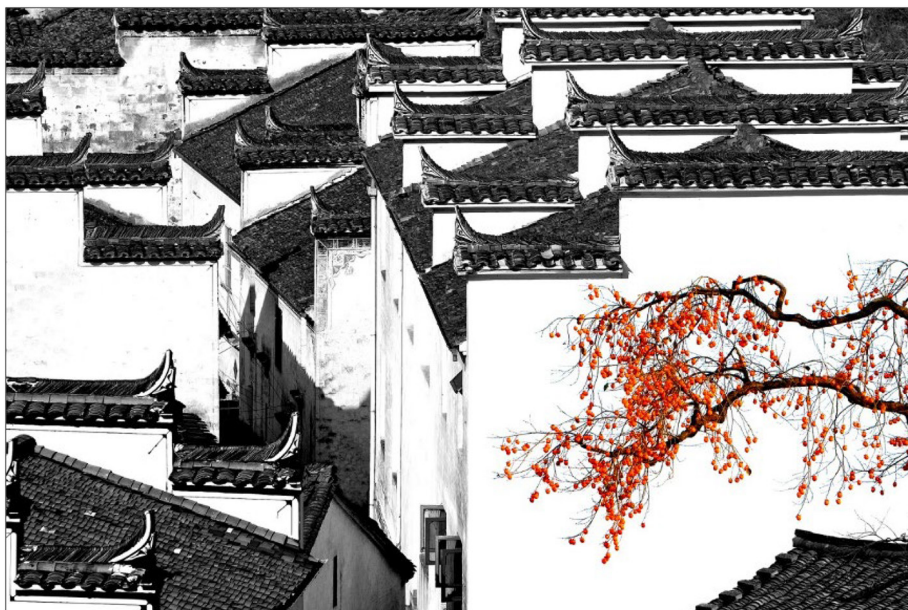

Рис. 6. Бянь Шаоцин. Мечтая о Хуэйчжоу
Fig. 6. Bian Shaoqing. Dreaming of Huizhou

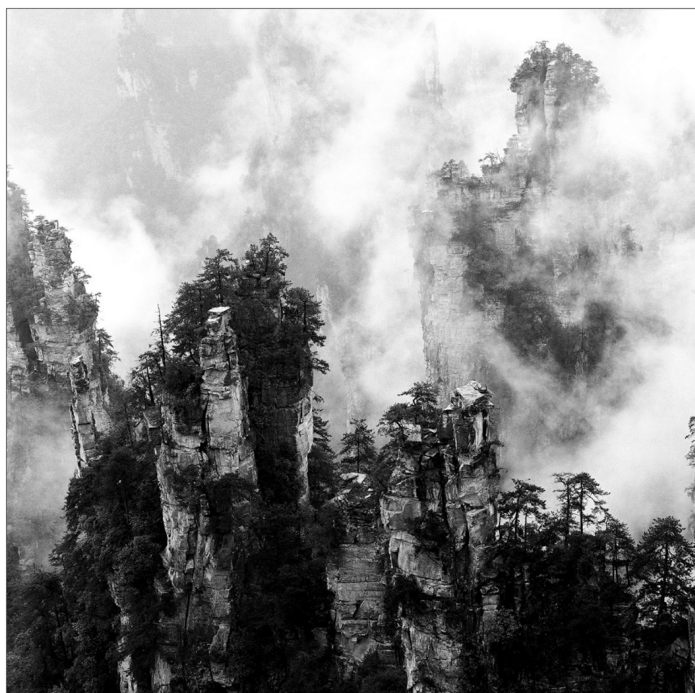

Рис. 7. Пен Дали. Чжанцзяцзе как картина тушью
Fig. 7. Pen Dali. Zhangjiajie as an Ink Painting

ся фотографией в 2006 г., а в 2009 г. вошел в ежегодную десятку лучших фотографов и был удостоен награды «Популярная фотография»⁷.

Его фотография запечатлела район Хуэйчжоу города Хуаншань, провинция Аньхой. Изображены здания в традиционном стиле древней архитектуры Китая, сохранившие внешний вид, идущий из глубины веков. Ярко-оранжевая ветка хурмы контрастирует с черно-белой палитрой цветов. Она, словно закатный луч солнца, отражается на белой стене дома. На юге Китая растет много деревьев хурмы. Ее яркие плоды символизируют удачу, плодородие, успех. Если вы собрали богатый урожай хурмы в этом сезоне, то в следующем году вас ожидает богатый урожай для всех культур. Так мы можем заглянуть в будущее.

⁷ См. также: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzAwMzI4MzI2Mw==&mid=2653911363&idx=1&sn=c6ede325a4b22ee1a6ae7907a9aeda4f&chksm=80e65913b791d0051c1b67a511f2637e0054f79fc718561263e8837a94556-8d85a429f8c1193&scene=27

Следующий представленный на выставке автор – Пэн Дали – председатель Ассоциации китайских фотографов-художников Тайваня, директор и академический член Фотографического общества Китая, член Общества азиатского искусства Америки. Он специализируется на гуманистической, пейзажной и документальной фотографии. В 1997–2000 гг. на Международной выставке фотографии он получал награду «Десятка лучших в мире», награжден 46 золотыми, 36 серебряными, 29 бронзовыми и 39 ленточными медалями Международной федерации фотографического искусства (НАР) и Фотографического общества Америки (PSA), а его более 1120 работ были отобраны для включения в коллекцию Мемориального зала Национального отца Китайской Республики (Сунь Ятсена) в городе Тайбэй.

Представленная им работа «Чжанцзяцзе как картина тушью» (рис. 7) отражает знаменитую живописную зону горы Тяньмэнь в городе Чжанцзяцзе, провинция

Хунань. В окрестностях города имеются карстовые формы рельефа и пики из кварцевого песчаника и леса, что привело к формированию чрезвычайно захватывающего пейзажа. Деревья растут на каменной горе. Черно-серая палитра гор, окутанных белыми облаками, создает атмосферу таинственности и сказочности, чего-то нереального. Кажется, что монохроматическая работа выполнена от руки в технике знаменитого искусства китайской туши, которая содержит множество оттенков, открывая богатые возможности для художника. Фотомастер техническими средствами, благодаря ракурсу, разнообразию планов и структур, достигает удивительного эффекта «чернильной живописи», создав утонченный поэтический пейзаж китайской природы, передающий ее уникальность и отсылающий к древнему искусству Китая.

Итак, все представленные работы продолжают линию развития китайского пикториализма. Их темы перекликаются с традиционными мотивами китайской живописи: птицы, лодки, горы, реки, облачное небо, ветки растений-символов. Тайна особой магии этих работ в том, что реальность

изображений символична и вызывает визуальные аллегории. В них скрыта мировоззренческая глубина, образное иносказание. В каждой из работ передан национальный дух, метафоричность, символизм, стремление к гармонии, подражание художественным техникам Китая. Современные мастера воссоздали на новом уровне самобытность древнего китайского национального искусства. Благодаря особому художественному языку, эстетическому вкусу и художественному такту они придали новую смысловую глубину стилю китайского пикториализма.

На музейной выставке именно работы пикториалистов благодаря своей уникальной художественности стали визитной карточкой национальной китайской культуры, фактором ее «мягкой силы» в мировом пространстве, привлекли наибольшее внимание и стали объектом восхищения российской публики. Также это направление искусства способствует формированию культурной идентичности современного китайского общества. В работах мастеров на новом витке возрождаются древние традиции, а их историчность — одно из главных составляющих самой сути идентичности.

Список литературы / References

Burnashova M. A. Piktorializm v fotoiskusstve XIX–XX vekov. [Pictorialism in 19th–20th centuries photo art]. *Molodezhnyj vestnik Sankt Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Youth Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2018, 2(10), 101–104.

Ermolova A. A. Hudozhestvennost' kak problemnoe pole fotografii. Otnosheniya fotografii i zhivopisi [Artistry as a problematic field of photography. Relationships between photography and painting]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2017, 3(77), 79–85.

Ermolova A. A. Vozrozhdenie piktorializma v sovremennom fotoiskusstve [The Revival of Pictorialism in Contemporary Photo Art]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2018, 1(81), 119–127.

Gruzdeva A. S., Kopceva N. P. Piktorial'naya fotografiya kak yavleniye v mirovom fotograficheskom protsesse na rubezhe XIX–XX vekov [Pictorial photography as a phenomenon in the global photographic process at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013. 4. [Modern problems of science and education], 2013. 4.

Merkushyna Ya. S. Kul'turnaya identichnost' sovremennogo kitayskogo obshchestva [Cultural identity of modern Chinese society]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy «Diskussiya»* [Journal of scientific publications "Discussion"]. 2013. 38–41.

Novaya fotografiya: Transformatsiya piktorializma [New Photography: Transformation of Pictorialism]. *Novaya istoriya fotografii* [New History of Photography]. Edited by M. Frizo. St. Petersburg, 2008, 1, 311–327.

Ponomarenko E. M. Piktorializm kak pervoe stilevoe napravlenie v fotografii [Pictorialism as the first stylistic direction in photography]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA*. [Decorative Art and environment. Bulletin of the Moscow State Academy of Applied Art and Design named after Sergei Stroganov], 2015, 3, 200–221.

Robinson H. P. Pictorial Effect in Photography. London: Piper&Carter, 1869.

Shugaev A. V. Ponyatiye «identichnost'» v kitayskom gumanitarnom znanii/ [The concept of “identity” in Chinese humanitarian knowledge]. *Vestnik ChitGU* [Bulletin of ChitSU], 2(69). 2011. 16–20.

Strahova D. A. Piktorial'naja fotografija kak novyj instrument reprezentacii stilja modern na jekspozicii. [Pictorial photograph as new tool of representation by Art Nouveau at museum exposition]. *Molodezhnyj vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Youth Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2018, 1(9), 80–83.

Xu Jingzhu. Fotograficheskaya kul'tura kak otpechatok vremeni: Sravnitel'noye issledovaniye russkogo piktorializma i fotoiskusstva Lan Tzin'shanya [Photographic Culture as an offprint of the Time: A Comparative Study of Russian Pictorialism and the Photographic Art of Lan Jinshan]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA*. [Decorative Art and environment. Bulletin of the Moscow State Academy of Applied Art and Design named after Sergei Stroganov], 2024, 1(2), 356–364.

Yao Yuan, Glinernik E. M. Vizual'nyye kharakteristiki kitayskoy piktorial'noy fotografii v zhurnale «Kitayskaya fotografiya» [Visual characteristics of Chinese pictorial photography in magazine “Chinese photography”]. *Modern Humanities Success*, 2023, 4, 12–19.

EDN: DXUTLA
УДК 7.036

The Representation of Contemporary Siberian Music in Cyberspace: A Thematic Analysis of Digital Media Discourse

Maria S. Koptseva* and Stepan O. Zotov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 22.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 02.09.2025

Abstract. This article investigates the role of contemporary musical culture in the representation and construction of Siberian regional identity. The primary focus is the analysis of contemporary Siberian music as an instrument for expressing this identity, highlighting its key components: the synthesis of autochthonous and settler folklore, memorial practices within academic music, innovations in audiovisual synthesis, and the distinctive underground scene with its DIY aesthetics and potential for dissent. The empirical part of the study is based on the application of the topic modeling method (Latent Dirichlet Allocation – LDA) to a corpus of news publications from Russian social media (2014–2024). The modeling results revealed four dominant semantic clusters (classical/academic music, event announcements, folk/ethnic direction, rock scene), which exposed a gap between the actual diversity of musical practices and their media representation. The analysis indicates an absence of a consolidated media narrative about “Siberian music,” as regional specificity is negated in favor of aspatial categories (genres, institutions, universal constructs), while relevant contemporary trends (electronic music, hip-hop) remain underrepresented. This may indicate a crisis in the representation of Siberian musical cultural identity in the open digital all-Russian media field.

Keywords: Siberian identity, regional identity, musical culture of Siberia, media representation, topic modeling (LDA).

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Koptseva M. S., Zotov S. O. The Representation of Contemporary Siberian Music in Cyberspace: A Thematic Analysis of Digital Media Discourse. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1825–1835. EDN: DXUTLA

Образ современной сибирской музыки в киберпространстве: тематический анализ цифрового медиадискурса

М.С. Копцева, С.О. Зотов

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли современной музыкальной культуры в репрезентации и конструировании сибирской региональной идентичности. Основное внимание уделяется анализу современной сибирской музыки как инструмента выражения этой идентичности, выделяя ее ключевые компоненты: синтез автохтонного и переселенческого фольклора, мемориальные практики академической музыки, инновации в области аудиовизуального синтеза и самобытный андеграунд с его DIY-эстетикой и протестным потенциалом. Эмпирическая часть исследования основана на применении метода тематического моделирования (LDA) к корпусу новостных публикаций российских социальных сетей (2014–2024 гг.). Результаты моделирования выявили четыре доминирующих семантических кластера (классическая/академическая музыка, анонсы событий, народно-этническое направление, рок-сцена), которые выявили разрыв между реальным разнообразием музыкальных практик и их медийной репрезентацией. Наблюдается отсутствие медийного нарратива о сибирской музыке, так как региональная специфика нивелируется в пользу внепространственных категорий (жанры, институции, универсальные конструкты), а актуальные современные направления (электронная музыка, хип-хоп) остаются без яркой репрезентации. Это может говорить о кризисе репрезентации сибирской музыкальной культурной идентичности в открытом цифровом общероссийском медиаполе.

Ключевые слова: сибирская идентичность, региональная идентичность, музыкальная культура Сибири, медийная репрезентация, тематическое моделирование.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Копцева М.С., Зотов С.О. Образ современной сибирской музыки в киберпространстве: тематический анализ цифрового медиадискурса. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1825–1835. EDN: DXUTLA

Введение

Феномен сибирской идентичности является многомерным конструктом, формируемым под влиянием географических, исторических, социально-экономических факторов. Преобладающим в современных исследованиях выступает конструктивистский подход, рассматривающий идентичность как продукт деятельности (Anisimova and Evevskaya, 2012, Seredkina, 2024). Согласно этому подходу, сибирская идентичность определяется как

способ классификации окружающего мира на основе коллективного самовосприятия индивидов, особенностью которой является ее контекстуальная зависимость и актуализация преимущественно в ситуациях контракта или противостояния с «другим», включая федеральный «центр».

Ключевым фактором формирования специфического сибирского характера и мировосприятия выступают образ и концепт «природа» (Zabelina, 2019). Этнокуль-

турное измерение Сибири обусловлено ее исторически сложившейся полиэтничностью (Pimenova, 2010; Koptseva, 2014; Reznikova, 2019). Этническое разнообразие культурного пространства региона является естественным фоном повседневности, что формирует высокий уровень этнической толерантности и «привычку» к разнообразию в формах и содержании культурных практик. Сибирская идентичность часто выступает как «зонтичная» (*umbrella identity*), особенно для выходцев из смешанных семей, позволяя интегрировать или замещать сложные этнические самоопределения (Zabelina, 2019; Shpak et al., 2021; Zamaraeva, 2024 Spak, 2022). При этом этническое происхождение индивида остается важным фактором на микроуровне культурной идентификации, в том числе региональной культурной идентификации (Sertakova, 2025; Pimenova, 2025; Shatrova and Kolesnik, 2020; Kolesnik, 2016). Глубоко укоренены в коллективном бессознательном культурные комплексы, связанные с историей сибирской миграции (Zabelina, 2019; Koptseva, 2015; Avdeeva, 2018).

Политико-гражданское измерение сибирской идентичности зачастую проявляется в обсуждении на разных уровнях дифференциации и формирования асимметричных экономических и политических отношений между регионом и центром (Anisimova, 2012). В рамках этносоциологического и этнокультурологического (субэтнического) измерения многие исследователи обосновывают существование сибирского субэтнуса в составе русского этноса (Karlova, 2017; Novoe buduschee Sibiri..., 2013; Borodina, 2023). «Сибирский субэтнос» характеризуют специфические культурно-психологические черты: выраженные индивидуализм и антиавторитаризм (ценность личной инициативы и самореализации).

Визуальные репрезентации образа Сибири, художественная деятельность и другие культурные практики активно влияют на формирование, трансляцию и актуализацию сибирской идентичности (Moskalyuk and Grishchenko, 2020; Reznikova et al.,

2019). В творчестве сибирских мастеров формируются устойчивые визуальные комплексы, связанные с Сибирью. Петроглифы как архаичные символы Сибири осваиваются в ее современном искусстве (Pankina and Ermakov, 2020). Этнографические мотивы коренных народов (одежда, орнаменты, предметы быта, мифы) также активно используются в живописи и графике сибирских художников, дизайне одежды, иллюстрациях, а также выступают способом манифестации образа Сибири в рамках крупных фестивалей («Мир Сибири»). Они символизируют полиэтничность Сибири и способствуют формированию культурного образа включенности в символический круг ее народов (Koptseva et al., 2013; Koptseva and Kirko, 2014; Reznikova et al., 2019; *Ethnocultural Identity...*, 2019; Kolesnik, 2024; Kistova, 2013, 2014; Avdeeva and Libakova, 2015).

Современные процессы глобализации и возрастающей мобильности ставят под вопрос традиционные механизмы «автоматического», «естественного» формирования региональных идентичностей (Anisimova, 2012; Koptseva and Kirko, 2015). Тем не менее эмпирические исследования указывают на устойчивость базовых сибирских ценностей и поведенческих стереотипов даже в условиях кризиса процессов социальной и культурной идентификации (Karlova, 2017). Формирование сибирской идентичности происходит в условиях множественных вызовов: балансирования между глобальной интеграцией и региональной аутентичностью (Koptseva and Kirko, 2015; Kolesnik, 2016), преодоления ресурсной экономической модели развития макрорегиона (Anisimova, 2012), управления миграционными процессами и поиска актуальных культурных оснований для солидаризации полиэтничного сообщества (Pimenova and Reznikova, 2010; Reznikova et al., 2019; Koptseva, 2010; Degtyarenko, 2020; Seredkina, 2022). Устойчивость региональной идентичности будет зависеть от способности создать инклюзивную модель развития, сочетающую экономическую модернизацию с сохранением социокультурной специфики

и формированием перспективных образов будущего Сибири (*Novoe buduschee Sibiri...*, 2013). В этом контексте особую значимость приобретают те культурные практики, которые способны интегрировать различные слои идентичности, преодолевать вызовы глобализации и предлагать символы единства, актуальные формы манифестации региональной целостности. Одной из таких наиболее распространенных практик является современная музыка, ее создание, воспроизводство, трансляция и культурное функционирование (Petrova, 2024).

Определение современной сибирской музыки

Современная музыка (*Contemporary Music*) располагается в рамках хронологической «современности» (*Modernity*) с 1945 г. по настоящее время, формируясь как критическое осмысление послевоенного авангардного наследия, которое пересматривает модернистские традиции через технологические, эстетические и социальные перспективы XX–XXI вв. (Paddison and Delière, 2010).

Сибирская музыкальная культура функционирует как семиотическая граница социокультурного пространства (Lotman, 2005), где взаимодействие этнических традиций переселенцев, советского идеологического контекста и новаторских практик сформировало уникальные художественные явления. Так, исследование песен белорусских переселенцев отражает устойчивость архаичных структурно-ритмических паттернов в условиях миграции. Архивные записи 1970–1990-х гг. из Новосибирской, Кемеровской областей и Приморья выявляют трансформацию ритмоформул при сохранении их ядра, а также активное использование общеславянской структуры в сибирских музыкальных произведениях (Daineko, 2023).

Сибирская композиторская школа, сформировавшаяся во второй половине XX в., – неотъемлемое явление российской музыкальной культуры, характеризующееся диалектическим единством сохранения региональной идентичности и интеграции

в общенациональные художественные процессы (Zaozerskikh and Chikhachyova, 2019; Belonosova, 2018).

А. В. Заозерских и М. М. Чихачева вводят понятие «мемориальная музыка» и полагают, что эта форма музыки для мемориальных событий выступает в сибирском контексте инструментом конструирования культурной памяти, что особо актуально для региона с полиэтническим наследием. Особую значимость для манифестации региональной культурной идентичности с помощью музыки имеет актуализация памяти о локальных культурных деятелях, чей вклад не всегда репрезентирован на общероссийском уровне. Например, струнный квартет «Элегические строфы» Ю. Ирдынева посвящен бурятскому поэту Д. Улзытуеву, а сонаты П. Дамиранова сохраняют наследие его отца, песенника Н. Дамиранова. Подобные посвящения формируют память региональной культуры, укрепляя историческую преемственность (Zaozerskikh and Chikhachyova, 2019).

Параллельно развивается направление аудиовизуального синтеза. Вербальная программа в структуре музыкального произведения начинает замещаться визуальными компонентами. В произведении И. Я. Флейшера «Утро стрелецкой казни», основанном на сюжете картины В. И. Сурикова, кинематографические приемы (динамика ракурсов, крупные планы) создают эпическую трехчастную структуру, обогащающую музыкальную форму. Исследователи выделяют 3 технологические стратегии: адаптация готовой музыки под визуальный ряд (И. Я. Флейшер), создание оригинальных электронных композиций в диалоге с визуальными образами (музыка Ю. Ащепкова к акварелям Л. Ключниковой в цикле «Небесная Русь») и авторские фотороманы (проект «Холокост» Ю. Юкечева), где сочетание акустических и электронных средств усиливает документальную мощь изображения (Belonosova, 2018). Эти практики соотносятся с глобальным развитием медиакультуры, где музыка функционирует как «дополнительный элемент» (*supplementary genre*) в структуре медиатекста (Shak, 2010).

Развитие позднесоветского музыкального андеграунда в Сибири характеризовалось DIY-эстетикой, где географическая периферийность стала условием для музыкальных экспериментов (Napolitano and Zharebov, 2021). Практики GrOb Records Е. Летова, основанные на записи в квартирных студиях с модифицированной техникой, воплощали философию автономного творчества и являлись воплощением индивидуализма в сибирской идентичности (Kušniř, 2003). Жанровый синкретизм проявился в слиянии панка, фолк-мотивов и индастриала в произведениях «Гражданской Обороны» и проекта «Коммунизм» и деконструировал советские клише через коллаж шумов, фольклорных цитат и кинематографических сэмплов (Zhogov, 2001). Трагическая образность, объединяющая архаичные плачи («Про дурачка» Е. Летова с отсылками к славянским заговорам) и суицидальную лирику Янки Дягилевой (восходящую к традиции воплениц), стала семантической константой сибирского рока (Qualin, 2003).

Культурная преемственность прослеживается в ритмических архетипах, например, ямбические структуры веснянок (Daineko, 2023) обнаруживают параллели с панк-композициями. Пространство исполнения (уличные гуляния фольклорных коллективов и квартирники андеграунда) и протестная функция (заклинательные формулы календарных песен, политический нигилизм Е. Летова в песне «Государство») отражают адаптацию культурных кодов к разным историческим контекстам. Примечательна самобытность сибирской рок-музыки: сибирские музыканты не имитировали западные образцы, а создавали автохтонные формы выражения, используя доступные им технические средства (Steinholt, 2012).

Таким образом, современную сибирскую музыку можно определить как культурологическое и музыковедческое понятие для обозначения специфических музыкальных культурных практик на территории Сибири, характерными особенностями которых являются использование пересе-

ленного и автохтонного фольклора, андеграундных форм, обращение к сюжетам, манифестирующим сибирскую уникальность, предельную локализацию культурной памяти и соучастие в целенаправленном формировании уникальной сибирской медиакультуры.

Материалы и методы

Опора на цифровые источники при исследовании образа современной сибирской музыки обусловлена принципиальным сдвигом в механизмах культурной репрезентации XXI в. Традиционные институции (музыкальная критика, периодические и академические издания) утратили монополию на производство культурных нарративов, оценочных суждений, уступив место децентрализованному дискурсивному полю, где социальные сети и нишевые цифровые платформы становятся зачастую основными каналами формирования музыкальной идентичности. Это особенно релевантно для Сибири, где географическая удаленность от федеральных культурных центров компенсируется активностью цифровых виртуальных сообществ, функционирующих как альтернативные пространства культурной саморепрезентации. Материалом исследования послужил корпус новостных и аналитических материалов, посвященных современной сибирской музыке и опубликованных в период с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2024 г. Сбор первичных данных осуществлялся с использованием открытых специализированных сервисов анализа социальных медиа и контент-агрегаторов: Popsters, ColorNotes, Zengram, JagaJam и IQBuzz. Эти платформы предоставляют доступ к данным из российских социальных сетей и новостных агрегаторов, таких как ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, Дзен, Pikabu. Поиск и первоначальный отбор контента проводился по ключевым запросам, включающим сибирскую музыку, музыку Сибири, сибирскую сцену, сибирский рок, сибирский фолк, сибирский хип-хоп, сибирскую электронную музыку, сибирских музыкантов, фестиваль Сибирь, а также названия

крупных сибирских городов (Новосибирск, Омск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Томск, Барнаул, Кемерово, Кызыл).

Для выявления тематических структур и доминирующих нарративов в собранном корпусе данных был применен метод тематического моделирования (topic modelling). Выбор данного метода обусловлен необходимостью объективного и воспроизводимого анализа большого объема неструктурированных текстовых данных, извлеченных из разнородных источников. Тематическое моделирование позволяет автоматически идентифицировать устойчивые семантические паттерны и группировать лексические единицы в скрытые темы (Jelodar, 2019). В качестве метода использовался алгоритм анализа Дирихле (Latent Dirichlet Allocation (LDA)).

Текстовые данные перед моделированием прошли лингвистическую предобработку в среде R 4.3.2 с использованием следующих пакетов: токенизация (tokenizers), приведение к нижнему регистру, удаление стоп-слов (специализированные списки для русского языка из пакета stopwords), лемматизация (udpipe), удаление редких терминов и нерелевантных символов. Также проводилась дедупликация контента, реализованная с помощью пакета textreuse. Алгоритм на основе минихеширования (minhashing) и локально-чувствительного хеширования (LSH) идентифицировал семантически эквивалентные или схожие фрагменты текста, что позволило исключить дублирующиеся публикации. В итоговую выборку вошли 256 уникальных публикаций. Построение тематических моделей LDA выполнялось с использованием пакета topicmodels. Оптимальное количество тем (k) определялось итеративно на основе анализа метрик перплексии (perplexity), когерентности темы (topic coherence). Визуализация итоговых моделей производилась с помощью пакета ggplot2.

Результаты

Тематическое моделирование корпуса новостных публикаций (2014–2024 гг.) выявило четыре устойчивых семантических

кластера, репрезентирующих основные нарративы в освещении современной сибирской музыкальной сцены (рис. 1). Тема классической музыки объединяет термины «фестиваль», «филармония», «камерный», «постановка», «культура», «джаз», «композитор», что отражает фокус медиа на институциональных форматах. Присутствие «джаз» свидетельствует о восприятии джаза как части «высокой культуры» в региональном дискурсе. Выделение темы классической музыки может быть обусловлено медийной поддержкой государства и не отражать реальную степень интереса к классической музыке в Сибири.

Второй блок интерпретируется как анонсы событий с характерными терминами «группа», «музыка», «новый», «симфонический», «концерт», «хит», «популярный». Данный кластер отражает промо-ориентированный контент, связанный с анонсами предстоящих мероприятий, релизов и презентаций, где акцент делается на новизне «новый», «хит» и массовой привлекательности «популярный». Сочетание «симфонический» с коммерчески ориентированными терминами выражает популяризацию академических форматов.

Третий семантический кластер интерпретируется как народно-этническое направление. Он формируется вокруг понятий «фестиваль», «характер», «народ», «образ», «культура», «регион», «природа». Данная тема акцентирует связь музыкальных практик с этнокультурной идентичностью, географической спецификой и природными ландшафтами Сибири. Наличие термина «образ» говорит о конструировании нарративов. Преобладание термина «фестиваль» позволяет предположить, что данный формат музыкальной культуры является основным механизмом популяризации народно-этнической музыки в медиа.

Четвертый выявленный кластер интерпретируется как рок-сцена. С характерными терминами «рок», «клуб», «независимый», «группа», «музыка», «фестиваль», «инди». Тема отражает андеграундные и альтернативные музыкальные практики с акцентом на независимость творческих коллективов

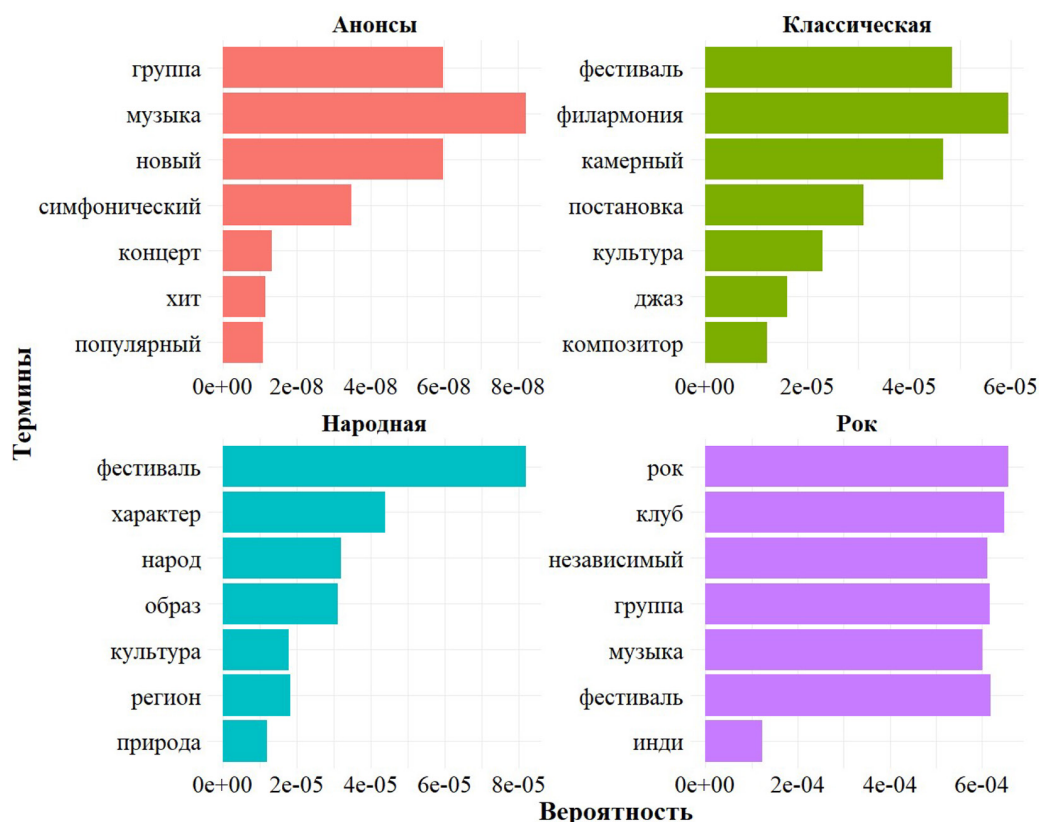

Рис. 1. Динамика распределения вероятностей ключевых терминов по новостным публикациям российских социальных сетей, выделенных методом LDA

Fig. 1. Dynamics of the probability distribution of key terms across Russian social media news publications, identified using LDA

(«независимый», «инди») и клубные форматы как основные площадки выражения. Присутствие термина «фестиваль» в этом контексте указывает на популяризацию андеграунда.

Кросс-тематическое присутствие термина «фестиваль» в трех темах говорит о том, что фестивали в настоящее время становятся универсальной платформой манифестации современной сибирской музыки. Отсутствие выделенных тем, посвященных электронной музыке, хип-хопу и экспериментальным жанрам, несмотря на их присутствие в поисковых запросах, требует дальнейшего изучения, но по результатам моделирования эти направления не доминируют в медийном поле, а, как следствие, могут в меньшей степени интересовать на-

селение сибирских регионов. Наблюдается отсутствие регионального маркера «сибирский» в полученной модели, это вызвано не техническими ограничениями метода, поскольку термин «сибирский» присутствовал в исходных поисковых запросах, не производилось исключение термина как стоп-слова, визуальная верификация подтверждает спорадическое появление «сибирский», однако без четкой тематической привязки. Подобное явление может быть вызвано отсутствием репрезентации в медиасфере культурной сибирской музыкальной самоидентификации.

Географическая протяженность дискурса может определять неспособность медиа сконструировать понятие «сибирская музыка» как форму манифестации,

поскольку музыкальные явления описываются через внепространственные и унифицированные категории, такие как академические («филармония», «симфонический», «композитор»), жанровые («рок», «джаз», «инди») или институциональные («фестиваль», «клуб», «группа»). Отсутствие регионального определителя «сибирский» может говорить о «постколониальной модели» культуры, где локальные музыкальные практики осмысляются «лишь» как периферийные репликации общероссийских или общемировых трендов. Даже при наличии активных сцен в ведущих культурных центрах Сибири медийный нарратив не выражает территориальную специфику, унифицируя художественные явления, в том числе в анонсах событий, где географическая привязка необходима, доминируют внепространственные конструкции («популярный», «хит»).

Темпоральный разрыв между музыкальной практикой и её репрезентацией проявляется в элиминации термина «современный». «Академический» кластер выражает историческую преемственность («композитор», «филармония»), а «народно-этнический» аналогичным образом – архаичные корни («народ», «образ», «природа») без концептуализации и особых эстетических поисков. Также отсутствует манифестация «молодёжных» жанров (электронная музыка, хип-хоп), которые доминируют в реальной современной городской среде.

Результаты моделирования могут указывать на отсутствие сибирской музыкальной идентичности или на кризис её репрезентации (манифестации) в открытом медийном поле. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ альтернативных дискурсивных практик – соцсетей музыкантов, фан-сообществ, устных интервью, где региональная рефлексия может существовать вне открытых медийных культурных нарративов.

Заключение

Современная сибирская музыкальная культура может выступать средством

репрезентации, манифестации и способом конструирования сибирской региональной идентичности. Её отличительные черты включают синтез автохтонных фольклорных традиций коренных народов и культурных паттернов переселенцев, устойчивость архаичных ритмических и структурных архетипов, а также их творческую трансформацию. Также одним из её значимых элементов являются мемориальные практики академической музыки, фиксирующие локальную историю и культурных деятелей, инновационные эксперименты с аудиовизуальным синтезом и электронными технологиями, самобытный андеграунд, воплощающий DIY-эстетику, жанровый синкретизм и протестный потенциал, что коррелирует с базовыми чертами сибирской культурной идентичности. Фестивали и визуальные репрезентации музыкальной культуры играют ведущую роль в актуализации этнокультурного разнообразия и формировании психологического комплекса принадлежности к сибирской культуре.

Эмпирическое исследование медийной репрезентации сибирской музыкальной сцены выявило четыре устойчивых семантических кластера: классическая/академическая музыка (включая джаз), анонсы событий, народно-этническое направление и рок-сцена. Построенная модель выявила существенный разрыв между реальным разнообразием музыкальных практик и их репрезентацией в открытом медиаполе. Наиболее значимой проблемой является отсутствие консолидированного понятия «сибирская музыка» как устойчивого нарратива. Термин «сибирский» не закрепился за конкретными темами при моделировании. Музыка Сибири описывается преимущественно через внепространственные категории (жанры, институты, универсальные конструкты), что ведет к нивелированию региональной специфики и может свидетельствовать о проявлении культурно-постколониальной модели её манифестации в открытом медиaprостранстве. Дополнительно отмечается темпоральный разрыв, так как

наблюдается недостаточное отражение темы «современности» и отсутствия актуальных молодежных жанров (электронной музыки, хип-хопа) среди выявленных терминов.

Результаты могут указывать на кризис репрезентации (манифестации) сибирской музыкальной идентичности в медиаполе в условиях глобализации и цифровизации культурных процессов. Устойчивость региональной идентичности, подтвержденная исторически и культурно, требует преодоления данного разрыва. Перспективным

направлением дальнейших исследований представляется анализ альтернативных дискурсивных пространств (социальные сети музыкантов, фан-сообщества, устные интервью), где региональная специфика может проявляться в явной форме. Для формирования модели развития сибирской культуры необходимо не только осуществление поддержки унифицированных музыкальных практик, но и создание механизмов для их переосмысления и дальнейшей презентации в публичном цифровом пространстве.

Список литературы / References

Anisimova A. A., Evevskaya O. G. *Sibirskaia identichnost': predposylki formirovaniia, konteksty aktualizatsii*. Novosibirsk: NGU. 2012

Avdeeva Yu. N. Cultural Memory of Migrants of the Krasnoyarsk Territory (Krai) and Ethnic Self-Identification Processes. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11(6), 858–873. DOI 10.17516/1997–1370–0277. EDN XRFYEH.

Avdeeva Yu. N., Libakova N. M. Mezhdunarodnye praktiki sotsiokul'turnogo proektirovaniya po ot-nosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. V *Sotsiodinamika*, 2015, 10, 10–38. DOI 10.7256/2409–7144.2015.10.16430. EDN UIPUPV.

Belonosova I. The Phenomenon of Visuality in the Context of Musical Pieces by Siberian Composers. In: 4th International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2018). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2018, 232, 46–48. Atlantis Press.

Borodina M. A. Hudozhestvennyy obraz sibirskoy identichnosti V. I. Surikova kak vizual'nyy pattern v izobrazitel'nom iskusstve Krasnoyarska. *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*, 2023, 2(2), 36–45. EDN BCJSRQ.

Daineko T. V. Vesennye pesni belorusov sibiri i dal'nego vostoka: strukturno-ritmicheskaya tipologiya. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2023, (1), 9–25. <https://doi.org/10.17223/18137083/82/1>

Degtyarenko K. A. Kul'turnaya pamyat' i konstruirovaniye etnokul'turnoy identichnosti korennykh narodov: kontseptual'nye osnovaniya issledovaniya. *Sotsial'naya antropologiya Sibiri*, 2020. 1(1), 31–37. EDN QTLIEM.

Ethnocultural Identity in the Works of Krasnoyarsk Artists. M. A. Amosova, N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova et al. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, 12(8), 1524–1551. DOI 10.17516/1997–1370–0463. EDN VKMHNQ.

Jelodar H., Wang Y., Yuan C. et al. Latent Dirichlet allocation (LDA) and topic modeling: models, applications, a survey. *Multimed Tools Appl*, 2019, 78(10), 15169–15211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11042-018-6894-4>

Karlova O. A., Koptseva N. P. The Formation of Siberian Sub-Ethnic Identity in Post-Soviet Russia. Proceedings of the International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts (SGEM), Vienna, 2017, 1–6.

Kistova A. V. Etnograficheskiy metod v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, 6, 900. EDN RVDBCF.

Kistova A. V. Formirovaniye kommunikativnogo (interpretativnogo) etnograficheskogo metoda v sovremennoy sotsial'noy poznanii. NB: *Problemy obshchestva i politiki*, 2014, 11, 62–72. EDN SXREQB.

Kolesnik M. A. Spetsifika ponimaniya slova “Rodina” studentami Sibirskogo federal'nogo universiteta. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2014, 2, 648. EDN SBWLZH.

- Kolesnik M. A. Osobennosti vospriyatiya russkogo etnosa v molodezhnoy srede goroda Krasnoyarska po rezul'tatam assotsiativnogo eksperimenta so slovom "russkoe". *Sotsiodinamika*, 2016, 4, 59–67. DOI 10.7256/2409–7144.2016.4.18270. EDN VPBKJX.
- Kolesnik M. A. Istoriya issledovaniy tunguso-man'chzhurskikh narodov. *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*, 2024, 3(2), 73–98. DOI 10.31804/2782–540X-2024–3–2–73–98. EDN NJMRFQ.
- Koptseva N. P., Kirko V. I. Modern specificity of legal regulation of Cultural Development of the Indigenous Peoples of the Arctic Siberia (the Altay Region, the Zabakalsky Region, Republic of Buryatia, Russia). In: *Life Science Journal*, 2014, 11(9), 314–319.
- Koptseva N. P., Kirko V. I. The Impact of Global Transformations on the Processes of Regional and Ethnic Identity of Indigenous Peoples Siberian Arctic. In: *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, 6(3S 5), 217–224. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s5p217>
- Koptseva N. P., Nevol'ko N. N., Reznikova, K. V. Formirovanie etnicheskoy kul'turnoy identichnosti v sovremennoy Rossii s pomoshch'yu proizvedeniy natsional'nogo iskusstva (na primere evenkiyskogo eposa i dekorativno-prikladnogo iskusstva). *Pedagogika iskusstva*, 2013, 1, 1–15. EDN RDYJPV.
- Koptseva N. P. Indigenous peoples of Krasnoyarsk region: concerning the question of methodology of culture studies. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2010, 3(4), 554–562. EDN MSUBQR.
- Kushnir A. 100 magnitoal'bomov sovetskogo roka. Ripol Klassik. 2020
- Lotman J. On the Semiosphere. *Sign Systems Studies*, 33(1), 159–171. 2005
- Moskalyuk M. V., Grishchenko A. P. Siberian Identity in Traditions and Innovations of Art Culture. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2020, 13(6), 914–923. DOI: 10.17516/1997–1370–0615
- Napolitano M., Zherebov V. On and Beyond Egor Letov: Rock and Punk Music from (Soviet) Siberia. In: *Studia Slavica*, 2021, 134–164.
- Novoe budushchee Sibiri: ozhidaniya, vyzovy, resheniya. A. V. Buharov, N. A. Bahova, E. A. Viktoruk i dr. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2013. 490. EDN SFCXHJ.
- Paddison M., Deliège I. (Eds.). Contemporary music: Theoretical and philosophical perspectives. Ashgate. 2010
- Pankina A. I., Ermakov T. K. Opyt kul'turno-hronologicheskoy i vidovoy atributsii ornitomorfnoogo obraza s SHalabolinskoy pisanitsy. *Universum Humanitarium*, 2020, 1, 144–161. EDN XREMKL.
- Perova V. V. Sovremennye formaty prodvizheniya muzhskogo horovogo iskusstva v Rossii: analiticheskii obzor nauchnykh publikatsiy. *Tsifrovizatsiya*, 2024, 5(2), 41–50. EDN TVQDVK.
- Pimenova N. N. Sovremennye kontseptsii pamyati v kul'ture: kollektivnaya i kul'turnaya pamyat'. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*, 2025, 9(2), 71–76. EDN OWOHVD.
- Pimenova N. N., Reznikova K. V. Protection and Development of the Indigenous Peoples Living in Circumpolar Territories: Cultural and Anthropological Analysis. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2010, 3(5), 649–666.
- Qualin A. Marginal Notes: The Poetic World of Yana Diagileva. In: *Canadian Slavonic Papers*, 2003, 45(3–4), 295–306.
- Reznikova K. V., Pimenova N. N., Kistova et o. Ethnocultural Space of Krasnoyarsk Krai: The Current State. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, 12(8), 1552–1567. DOI: 10.17516/1997–1370–0464
- Seredkina N. N. Antropologicheskie i etnologicheskie podhody k izucheniyu obshcherossiyskoy grazhdanskoy identichnosti. *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*, 2022, 6(1), 111–121. DOI 10.31804/2542–1816–2022–6–1–111–121. EDN AHNUED.
- Seredkina N. N. Transformatsiya etnicheskoy identichnosti: kontseptual'nyy analiz. *Severnye Arhivy i Ekspeditsii*, 2022, 6(4), 53–62. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–4–53–62. EDN ZMDOXS.
- Seredkina N. N. Transformatsiya etnokul'turnoy identichnosti v obshcherossiyskuyu grazhdanskuyu identichnost': kul'turologicheskii analiz Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet. 2024, 176. EDN ASTOMR.

Sertakova E. A. Ponyatie «regional'naya vizual'naya kul'tura» v kontekste teorii idealoobrazovaniya. *Severnye Arhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(2), 100–110. EDN CNLIKY.

Shak T. F. Music in the structure of the media text (on the example of feature and animation cinema) [Author's thesis, Doctor of Art History]. Rostov-on-Don. 2010, 54.

Shatrova P. V., Kolesnik M. A. Sotsial'nye predstavleniya o gorode Krasnoyarske. *Sotsial'naya antropologiya Sibiri*, 2020, 1(3), 14–25. DOI 10.31804/2687–0606–2020–1–3–14–25. EDN KTUANM.

Shpak A. A. Konstruirovaniye slozhnykh identichnostey i mezhgruppovye vzaimodeystviya v polietnichnom prostranstve. Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noy Sibiri v XX–XXI vv: opyt i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnoyarsk, 25–27 noyabrya 2021 g. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2022, 75–80. EDN PFYTHH.

Shpak A. A., Zamaraeva Y. S., Koptseva N. P. Slozhnye formy identichnosti: problemy i issledovaniya. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2021. 248. EDN RSHYFZ.

Steinholt Y. B. Siberian Punk Shall Emerge Here: Egor Letov and Grazhdanskaya Oborona. In: *Popular Music*, 2012, 31(3), 401–415.

Zabelina V. Cultural Identity in Siberia and in Analytical Practice. In: *Journal of Analytical Psychology*, 2019, 64(4), 548–564. <https://doi.org/10.1111/1468–5922.12520>

Zamaraeva Y. S. Slozhnye formy etnicheskoy identichnosti. *Severnye Arhivy i Ekspeditsii*, 2020, 4(2), 75–89. DOI 10.31806/2542–1158–2020–4–2–75–89. EDN FJIAPV.

Zaozerskikh A., Chikhachyova M. “Memory of Culture” in Memorial Music by Siberian Composers. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. 368. 525–528. Atlantis Press.

Zhogov S. S. Kontseptualizm v russkom roke. «Grazhdanskaia Oborona» Egora Letova i Moskovskaia kontseptual'naia shkola. Russkaia rok-poeziia: tekst i kontekst, 2001, (5).

EDN: DGOXVK
УДК 75.03

“Ethnoarchaics” as an Artistic Style of the Works by the Khakass Artist Alexander Viktorovich Domozhakov

Natalya N. Seredkina*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 19.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 02.09.2025

Abstract. The article is devoted to the consideration of the distinctive features of ethnoarchaics, one of the artistic trends in Siberia at the end of the XX – beginning of the XXI century. The source material for the study was the work of the Khakass artist Alexander Viktorovich Domozhakov (1955–1998), who turned to ethnoarchaics in the late period of his work and offered his vision of the development of this artistic trend. Two works by A. V. Domozhakov, “Horse-Deer” and “Confrontation”, were chosen as representative works of fine art created within the framework of ethnoarchaeology. These works represent two different creative methods from each other, from the perspective of which the specifics of the artist’s artistic style are revealed in the context of the ethnoarchaic trend. It is shown that the artistic language of these works is characterized, on the one hand, from the standpoint of the principles of realistic art, on the other – from the standpoint of the principles of abstract art. This allowed us to draw a conclusion about the dynamics of the visual images of the works of ethnoarchaics and the two-aspect nature of the ethnocultural identity constructed by means of artistic signs of these works.

Keywords: Siberian modern fine art, art of Siberia at the end of the XX century, Khakass art, fine art of Khakassia, A. V. Domozhakov, ethnocultural identity.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

Citation: Seredkina N. N. “Ethnoarchaics” as an Artistic Style of the Works by the Khakass Artist Alexander Viktorovich Domozhakov. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1836–1846. EDN: DGOXVK

«Этноархаика» как художественный стиль произведений хакасского художника Александра Викторовича Доможакова

Н.Н. Середкина

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению отличительных особенностей этноархаики одного из художественных направлений искусства Сибири конца XX-начала XXI в. Источниковедческим материалом для исследования послужило творчество хакасского художника Александра Викторовича Доможакова (1955–1998), обратившегося к этноархаике в поздний период своего творчества и предложивший свое видение развития данного художественного направления. В качестве репрезентативных произведений изобразительного искусства, созданных в рамках направления этноархаики, выбраны для философско-искусствоведческого анализа два произведения А. В. Доможакова – «Конь-олень» и «Противостояние». Данные произведения репрезентируют собой два отличных друг от друга творческих метода, с позиции которых раскрывается специфика художественного стиля художника в контексте направления «этноархаика». Показано, что художественный язык данных произведений характеризуется, с одной стороны, с позиции принципов реалистического искусства, с другой – с позиции принципов абстрактного искусства. Это позволило сделать вывод о динамике визуальных образов произведений направления этноархаики и двухаспектности, конструируемой средствами художественных знаков данных произведений этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: Сибирское современное изобразительное искусство, искусство Сибири конца XX в., хакасское искусство, изобразительное искусство Хакасии, А. В. Доможаков, этнокультурная идентичность.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Середкина Н. Н. «Этноархаика» как художественный стиль произведений хакасского художника Александра Викторовича Доможакова. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1836–1846. EDN: DGOXVK

Введение

Истоки сложения этноархаики как художественного направления принято связывать с выставкой «Новая Сибирь», состоявшейся в 1927 г., на которой свои работы представили бурятские, хакасские и алтайские художники (Matochkin, 2009). Искусствовед Т. М. Ломанова связывает тенденцию обращения сибирских художников к воспроизведению мотивов прошлого Сибири, в том числе связанных с культурой северных народов, с формированием

сибирского стиля в 1900–1920-е гг. (Lomanova, 2020). Данный период определяется автором как первый этап «обращения художников к этнографии Сибири» (Lomanova, 2020: 4). В 1950–1960-е гг. актуальным признается поиск художниками наиболее корректной художественной формы выражения региональной самобытности сибирского искусства, что предопределило становление этноархаики как нового художественного направления в сибирском искусстве (Matochkin, 2009). Наряду

с этим, среди предпосылок развития этноархаики стоит обозначить тенденцию, связанную с этноидентификационными процессами, которые на рубеже XX–XXI вв. приобрели особый вектор своего развития, обусловленный актуализацией ценности этнической идентичности, ее сохранения и воспроизведения. Это предопределило развитие практики «возрождения национальных культур народов России» (Matochkin, 2009: 7), актуализации концепта культурной памяти и ее манифестации в культуре (Sertakova, 2025; Pimenova, 2025) и, как следствие, воспроизводства в художественных практиках этнической тематики. Как отмечает доктор культурологии Т. Ф. Ляпкина, анализируя особенность конструирования этнической идентичности средствами современных региональных культурных практик, символы-маркеры этнической коллективной памяти становятся «ключевыми в национальном тексте» (Lyapkina, 2013: 165). Особая роль в этом отводилась изобразительному искусству, художественные средства которого позволяли «[включить этнокультурные ценности] в творчество и их [интегрировать] в социокультурное пространство современного мира» (Ogurcova, 2025: 83). Обращение к воспроизводству этнической темы было выделено в отдельное художественное направление, которое активно поддержано сибирскими художниками в конце XX в., в том числе и художниками из числа коренных народов Сибири. Одним из первых художников, работавших в рамках этноархаики, был хакасский художник Александр Викторович Доможаков, чье творчество не получило сегодня широкого научного осмысления, тогда как анализ его произведений позволит не только выявить уникальность его творческого метода, но и расширить представления об отличительных особенностях произведений художественного направления «этноархаика».

Обзор литературы

Анализируя специфику сибирского изобразительного искусства, ученые оперируют рядом синонимичных понятий, таких как археоарт, неоархеарт, этноархаика, сибирская неоархаика и другими (Lomanova, 2020; Podkorytova, 2024; Popova,

2024; Ogurcova, 2025). Посредством данных понятий обозначается тенденция выбора художниками в качестве художественного материала для своих произведений мотивов прошлого этнокультурной группы (Semenova, Gerasimova, 2013; Lomanova, 2020; Chinina, 2020; Ogurcova, 2025), «наследия архаических и традиционных культур» (Lebedeva, 2025: 138).

Анализируя творчество современных алтайских графиков, Е. В. Лебедева отмечает связь образов алтайской этноархаики с мифологией и эпосом, стилистикой произведений народного и первобытного искусства. Это позволило автору сделать вывод о многослойности содержания произведений этноархаики, формирующейся на основе совокупности мифологических представлений и современной интерпретации, взаимосвязи традиционных верований и их «современным художественным выражением» (Lebedeva, 2025: 154). Наряду с воплощением мифологии А. В. Чинина отмечает актуальность религиозных представлений, которые воплощаются средствами символических знаков в художественных произведениях (Chinina, 2020). О. С. Огурцова выделяет целостную «символическую структуру» (архетипы, архаические символы, элементы древних культовых практик) произведений, которая призвана воплощать этномифологическое наследие народов Сибири (Ogurcova, 2025: 78–79). Наряду с этим, этническая тематика может служить также художественным средством выражения и общечеловеческих смыслов (Semenova, Gerasimova, 2013).

Для определения специфики направления «этноархаика» Т. С. Коробейникова обращается к сравнительному анализу этимологии слов «археарт» и «этноархаика» (Korobejnikova, 2012). Автор приходит к выводу, что археоарт призван определять «искусство, обращенное к первоисточкам, к началам всего сущего» (Korobejnikova, 2012: 51), тогда как этноархаика «указывает на социально-историческую идентификацию, сибирскую идентичность» (Korobejnikova, 2012: 52). В этом прослеживается более широкое смысловое значение

археарта и более определенное временными и географическими рамками смысловое назначение этноархаики.

Этноархаика как разновидность неоархаики, призванная проявить ее этнический аспект, обосновывается А.Г. Кичигиной (Kichigina, 2007) и Я.С. Иващенко (Ivashchenko, 2023). Среди отличительных признаков этноархаики принято выделять также индивидуализм в творческом методе художников, появление новых форм и использование древних символов (Shemyakina, 2024; Fil'ko et al., 2021). Отмечается динамика визуальных образов произведений в отдельные исторические периоды (Fil'ko et al., 2021). С позиции принципов инструментализма и конструктивизма подходят к осмыслению этноархаики Г.Д. Базиева и А.И. Бобков. Г.Д. Базиева (Bazieva, 2019) осмысляет этноархаику через призму культурной дистанции, которая существует между современным художником и тем художественным материалом, который определяет изобразительную сторону произведения искусства. Именно этноархаика, по мысли автора, позволяет сократить существующую дистанцию средствами художественного творчества. А.И. Бобков (Bobkov, 2015) видит в этноархаике «инструмент» «[снятия] агрессивности окружающего мира..., симуляции любви чужого» (Bobkov, 2015: 75). Поэтому этноархаика определяется как некое искусственное образование, которое возникло в ответ на этнические и социальные процессы, протекающие в обществе.

Таким образом, этноархаика как самостоятельное художественное направление является широко обсуждаемой темой среди ученых, результаты исследований которых позволяют выделить отличительные особенности данного направления, его уникальность по отношению к другим аналогичным направлениям. Тем не менее творчество отдельных художников, создававших произведения в рамках этноархаики и развивавших таким образом данное художественное направление, остается малоизученным.

Материалы и теоретико-методологические основания исследования

Для изучения творческого метода А.В. Доможакова и отличительных особенностей этноархаики привлечены отдельные репрезентативные произведения изобразительного искусства, созданные в поздний период творчества художника. Для философско-искусствоведческого анализа в качестве репрезентативных выбраны произведения «Конь-олень» (1994 г.) и «Противостояние». В качестве теоретического обоснования символического значения изображенных в произведениях художественных знаков использованы фольклорные тексты хакасской этнокультурной группы (Neskazochnaya proza hakasov, 2016) и выводы исследования В.А. Бурнакова относительно особенностей традиционного мировоззрения хакасов (Burnakov, 2006).

Теоретико-методологическую основу данного исследования составили положения современной теории изобразительного искусства, раскрывающие особенность методики проведения философско-искусствоведческого анализа и изложенные в трудах В.И. Жуковского (Zhukovskij, 2011), Н.П. Копцевой (Zhukovskij, Koptseva, 2004), а также принципы теории идеалообразования, сформулированные Д.В. Пивоваровым (Pivovarov, 2013). Учтены также принципы этноискусствоведческого исследования, выделенные Л.И. Нехвядович, в соответствии с которыми методика исследования должна включать в себя разновекторное изучение творчества художника, в частности: «1) историко-этнографическое описание; 2) установление истоков и факторов этнокультурного своеобразия художественных традиций; 3) определение тенденций развития искусства; 4) стилистический анализ произведений искусства» (Nekhvyadovich, 2016: 21).

Результаты

Александр Викторович Доможаков (1955–1998) – один из хакасских профессиональных художников, чей творческий метод связан с развитием этноархаики как

художественного направления в постсоветский период развития русской культуры. Его называют представителем направления «Сибирский стиль», для которого характерным признается сочетание «современной живописи с традициями древних культурных явлений народов Южной Сибири» (Zhivopis' Nakasii, 2008: 48). Ориентация его творчества на воссоздание средствами изобразительного искусства мотивов культуры прошлого осмысливается М. П. Чебодаевой в аспекте возрождения и донесения «до людей [утраченных духовных ценностей]» (Zhivopis' Nakasii, 2008: 48). На всем протяжении своего творчества А. В. Доможаков обращался к изображению мотивов и тем, которые имели отношение к прошлому хакасской этнокультурной группы. Данное направление художник развивал, используя два принципиально отличных друг от друга художественных метода.

Первый метод был связан с техникой, изобразительный язык которой отвечает принципам реалистического искусства. В качестве художественного материала художником выбираются персонажи, отличающиеся своими узнаваемыми индивидуальными характеристиками. Они узнаваемы в своей конкретности и атрибутивности. В соответствии с этим методом А. В. Доможаковым созданы произведения *портретного жанра и сюжетно-тематической картины* – «Материнство», «Ача», «Сашка друг» (1980 г.), «Портрет матери» (1978 г.), «Портрет отца» (1976 г.), «Автопортрет» (1978 г.) и другие; *пейзажи* – «Моховская долина» (1981 г.), «Муник. Горная река» (1989 г.), «Гора Куня зимой» (1989 г.), «Гора Куня весной» (1989 г.), «Долина в горах» (1981 г.) и *натюрморты* (напр. работа «Тусса» (1995 г.).

Изобразительный язык данных произведений отличается своей ясностью и конкретностью. С предельной точностью изображены портреты современников художника, среди которых выделяется группа близких художнику людей. В случае отсутствия в названии работы указания на идентификацию изображенного персонажа качество портретности сохраняется, однако уже

по отношению к идентификации персонажа как представителя хакасской этнокультурной группы. Актуальными атрибутивными характеристиками данных портретных образов становятся подчеркнутые национальные черты лица персонажа, его одяние, которое вторит традиции национальной одежды хакасов. Это наличие головного убора в виде украшенного яркими узорами платка, повязанного вокруг головы, а также платья традиционного свободного кроя, с объемными рукавами.

В пейзажных изображениях черты реализма проявляются в конкретике изображенной местности, которая поддерживается точной атрибуцией в названии произведения. Ключевыми художественными знаками, слагающими художественный образ пейзажных произведений художника, являются горы и холмы. Они встречаются практически в каждом произведении жанра «пейзаж» творчества А. В. Доможакова, воплощая ценностную составляющую мировоззрения хакасов, связанную с их символично-мифологическим значением.

В труде «Несказочная проза хакасов» (2016) собраны тексты фольклорных произведений, посвященные данным природным объектам. Среди них интерес представляют произведения, представленные в группе текстов «О названиях местностей». Это произведения «О курганах» и «Гора Читы-хыс», в которых подчеркивается одушевленный характер гор, а также роль курганов в истории хакасского народа (Neskazochnaya proza hakasov, 2016). Память о потенциальной одушевленности гор воспроизводится художником, например, в работе «Кыргыз. Менгир» (1982 г.). В фольклорном произведении «О курганах» курганы ассоциируются с начальным периодом образования земли и местом жизни татарского народа: «Когда образовалась земля, в курганах очень большой, крупный татарский народ жил...» (Neskazochnaya proza hakasov, 2016: 173).

Особое значение в традиционной культуре хакасов имеет культ гор, который связан с их почитанием хакасами. Как отмечает один из ведущих исследователей

культуры хакасов В. А. Бурнаков, «образ хозяина горы или горного человека является лейтмотивом всей хакасской мифологии» (Burnakov, 2006: 16). В художественном пространстве произведений А. В. Доможакова горы нередко занимают композиционный центр, они доминируют по своим размерам над окружающими их другими художественными знаками. Это имеет особое символическое значение ввиду того, что гора в архаических представлениях хакасов являлась «алломорфом дерева, несла ту же семантическую нагрузку – оси мира» (Burnakov, 2006: 18). Поэтому гора в художественном произведении А. В. Доможакова получает символическое свое значение оси мироздания. Наряду с особым почитанием гор как источника жизни хакасского народа отмечается и культовое значение каменных изваяний, которые также нередко в художественном пространстве произведений художника.

Таким образом, А. В. Доможаков, обращаясь к принципам реализма для изображения представителей хакасской этнокультурной группы, природных объектов, значимых для хакасов в своем символическом мифологическом значении, актуализирует память о самоценности этнической идентичности и мифологической картине мира хакасов, о значении гор, каменных изваяний как особых культовых объектах, как пространств, игравших важную роль в жизни и культуре хакасской этнокультурной группы. В данной группе произведений этничность конструируется как доминирующий концепт художественных образов.

Второй творческий метод, в соответствии с которым создавал свои произведения А. В. Доможаков в рамках направления этноархаики, связан с изображением таких художественных форм, в которых знак и символ становятся неразличимыми. Конкретно-историческое тесным образом соприкасается с универсальным и всеобщим в знаково-символических формах художественных произведений художника. Подобная трансформация художественных знаков стала закономерным отражением современных процессов, связанных

в том числе с переосмыслением роли этнической идентичности в общем контексте развития российской культуры и формирования общероссийской гражданской идентичности в начале XXI в. (Seredkina, 2024). Обращение А. В. Доможакова, равным образом как и других художников, работавших в рамках направления «этно-архаика», к знаково-символическим формам, моделирует умозрительный конструкт возможного сосуществования «своего», выраженного через воспроизведение памяти об отдельных традиционных практиках своего народа, и «иного», выраженного в используемых художниками универсальных художественных знаках. Этническая идентичность в своей объективности и действительности перестает конструироваться средствами традиционных образов, но сохраняется и конструируется в новых иных знаково-символических художественных формах, которые ориентируют зрителя, с одной стороны, к памяти о прошлом конкретной этнокультурной группы, с другой – способствуют размыванию границ «своего» и «иного», того, что составляет основу этничности как различия. Посредством введения знаково-символических форм в художественное пространство картин формируется, соответственно, новый образ этничности, который характеризуется уже с позиции общности и единства как сущностных характеристик данного феномена.

Данный творческий метод в большей степени проявился в работах позднего периода творчества А. В. Доможакова, с середины 1980-х по 1990-е гг. В этот период художником было создано значительное число произведений в новой стилистике. Среди них репрезентативными можно назвать серию работ на тему Окуневской культуры, произведения «Юрта-солнце» (1993 г.), «Желтый конь с духом» (1993 г.), «Двойник шамана» (1991 г.), «Конь-олень» (1994 г.), «Цветной дух» (1998 г.), «Противостояние» и другие.

Сам А. В. Доможаков обосновывает необходимость обращения к технике абстрактного искусства отсутствием

в реализме достаточных выразительных средств, которые бы позволили ему изобразить «душу» хакасского народа, место в ней традиционных ценностей этнической группы, динамику жизни человека. В своем дневнике художник писал: «Одними пейзажами и портретами душу нашего народа не выразишь, вот я и ищу все время что-то, чтобы выразить это точнее... В реализме нет достаточных средств выражения. Нельзя выплеснуть внутреннее состояние. Человек постоянно меняется, реализм за этим не поспевает» (Цит. по Larina L. N. URL: https://museumsrussian.blogspot.com/2011/03/blog-post_26.html). Результатом поиска новых выразительных средств стал такой изобразительный язык, для которого ключевыми элементами стали красочная форма, движение мазка, линия, схематичные, условные знаково-символические формы. Посредством данного языка создавались как произведения, знаково-символические формы которых воплощали традиционные образы шаманов, духов, священных животных, того, что призвано воплощать ценностные составляющие этнической традиционной картиной мира хакасов, так и образы, отличающиеся своей общезначимостью

и универсальностью по отношению к разным этническим группам (см. напр. работу «Чир. Земля», 1988 г.), в частности, воплощающие тему движения и внутренних актуальных процессов бытия этноса.

Одним из репрезентативных произведений данного художественного метода является работа А. В. Доможакова «Конь-олень» (1994 г.) (рис. 1).

Согласно методике философско-искусствоведческого анализа, первый этап анализа связан с определением композиции художественного образа материального качества. На данном уровне становления художественного образа важными знаками выступают композиционные линии и цветовое решение композиции. В художественном пространстве картины «Конь-олень» преобладают краскоформы насыщенных ярких цветов, преимущественно белого, желтого и красного. Композиция в целом уравновешена и симметрична, что достигается подобием красочных форм и композиционных линий в правой и левой частях холста. Связующим центром, объединяющим композицию, является художественный знак круга в верхней части холста. Таким образом, композиция художественного образа материального качества характери-

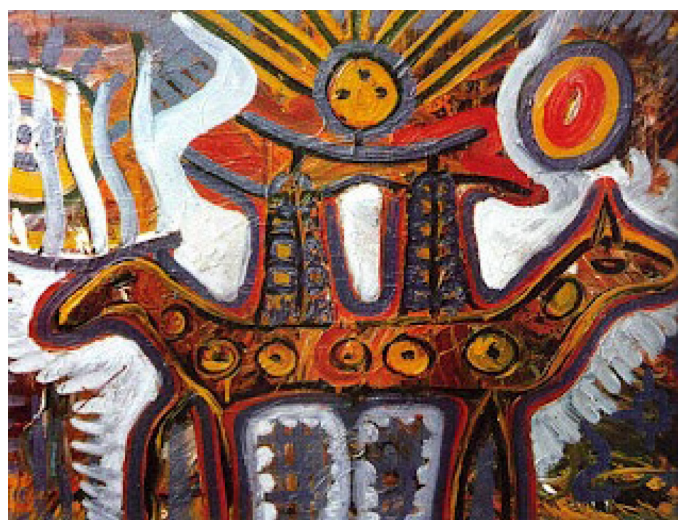

Рис. 1. Доможаков А. В. Конь-олень. 1994 г.

Fig. 1. Domozhakov A. V. The Stag Horse. 1994.

Источник изображения: https://museumsrussian.blogspot.com/2011/03/blog-post_26.html

зуется понятиями «устойчивость» и «собираение многого в единое».

Композиция художественного образа индексного качества данной работы сопряжена с композицией художественного образа символического качества. Представленные в художественном пространстве картины художественные знаки в своем символическом значении указывают на условное изображение священных для хакасов животных – ызыха – коня и оленя. Объединение данных знаков единой линией контура позволяет говорить о равнозначности данных персонажей, составляющих суть одно, особое их значение для мировоззрения хакаской этнокультурной группы. В традиционном мировоззрении хакасов Ызыхи – кони имели культовое значение, они посвящались священным горам. Каждый из них отличался своей мастью, которая соответствовала определенному роду. Цель посвящения была связана с прошением о благополучии в жизни людей (Burnakov, 2006). В. А. Бурнаков описывает обрядовые действия и существующие запреты по отношению к священным коням следующим образом: «Ызыху вплетали в гриву и хвост ленты синего, красного

и белого цвета, окуривали и обмывали молоком. После обряда посвящения ызыха отпускали в табун. Подобно священной горе, по отношению к ызыху существовал ряд запретов. Ызыхов нельзя было использовать в хозяйстве, ездить на них (за исключением хозяев). К ызыхам нельзя было прикасаться, особенно женщинам» (Burnakov, 2006: 18). Олень также мыслился как особое сакральное животное, символизирующее в том числе обновление и возрождение природы (Koptseva, Seredkina, 2013). Изображенный в верхней части холста знак круга с расходящимися от него диагональными линиями в своем символическом значении приобретает характеристику солнечного светила, покровительствующего животным и наделяющего их характеристикой священных животных.

Репрезентативным произведением иного подхода художника, воплощающего трансформацию художественных образов его работ в рамках направления «этноархика», является произведение «Противостояние» (рис. 2).

В художественном пространстве картины «Противостояние» композиция художественного образа материального каче-

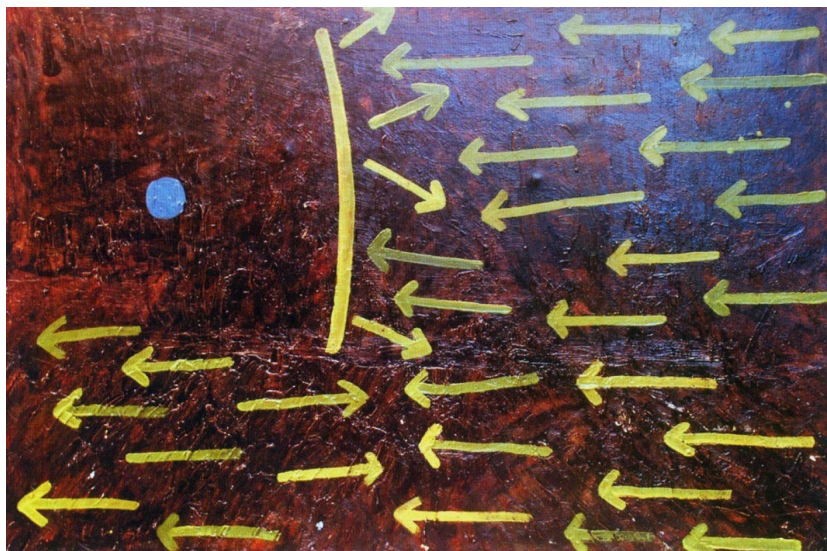

Рис. 2. Доможаков А. В. Противостояние

Fig. 2. Domozhakov A. V. Confrontation

Источник изображения: https://museumsrussian.blogspot.com/2011/03/blog-post_26.html

ства характеризуется асимметричностью, ясностью в выборе художественных знаков, отсутствием разнообразия в выборе красочных форм по сравнению с произведением «Конь-олень», отличительной особенностью которого была насыщенность цветового решения композиции.

Композиция художественного образа данного произведения складывается из трех элементов – разнонаправленных стрел небольших размеров, ритмично повторяющихся практически по всей плоскости холста, вертикальной одиночной линии, смещенной от центра холста влево, и небольшого круга красочной формы голубого цвета, изображенного в левой части холста. Само художественное пространство отличается плоскостностью. Пространство фона образовано сочетанием преимущественно темных цветов – коричневого и черного, краскоформы которых занимают большую часть холста, и мазков красочных форм синего цвета, который аналогичен цвету небольшого круга в левой части полотна. Контрастно выделяются также красочные формы желтого цвета. Таким образом, композиция художественного образа материального качества определяется понятиями ритмичности, наличия двух противоположных друг другу пространств.

В данном произведении знаки-индексы вновь выступают в форме символических знаков. Здесь полностью знаки лишены конкретной определенности. Этими знаками выступают стрелы, вертикальная линия и круг, являющиеся универсальными знаками, призванными визуализировать два принципиально различных по своей наполненности и динамике художественных пространства, разграниченных друг от друга вертикальной линией. Доминирующим выступает художественное пространство, заполненное ритмично повторяющимися стрелами, единообразная направленность которых ближе к левой части холста прерывается противоположной направленностью аналогичных стрел, что символизирует идею движения в аспекте противостояния, противоборства, заявленную в самом названии произведения. Круг традиционно

символизирует цикличность, а символическое значение голубого цвета позволяет связать данный знак с небесным пространством, символом проявления Абсолютного начала. Красочные мазки аналогичного голубого цвета в правой части холста способствуют единству изображенного. Абсолютное, то, что лежит в основе мироздания, и проявленное в символическом значении синего цвета, приобретает значение выхода из заявленной в художественном пространстве картины идеи противостояния, основания единства и интеграции.

Выводы

Итак, этноархаика как художественный стиль в творчестве хакасского художника А.В. Доможакова отличается рядом своих характерных признаков. В качестве художественного материала для своих произведений художник обращается к темам, взятым из контекста мифологических и религиозных представлений хакасской этнокультурной группы. Наряду с этим объект-языком художественных произведений выступают актуальные процессы развития как данной этнокультурной группы, так и бытия этноса в целом. Характерно обращение художника к различным принципиально отличным друг от друга творческим методам реализации концепта этноархаики, воплощения этнической истории своего народа и, соответственно, конструирования этнокультурной идентичности. Условно первый метод связан со следованием принципам реалистического искусства, второй – основан на принципах абстрактного искусства. Соответственно, можно зафиксировать определенную динамику визуальных образов произведений А.В. Доможакова, созданных в рамках направления этноархаики, от узнаваемых художественных образов, связанных с этнической историей и традиционным мировоззрением хакасов, до использования в качестве художественного материала универсальных знаковых фигур, имеющих общесемантическое и общесимволическое значения. Это позволяет говорить о том, что этноархаика как художественный стиль

творчества А. В. Доможакова призван конструировать и репрезентировать этнокультурную идентичность в двух аспектах – различия и общности. С одной стороны, этнокультурная идентичность осмысливается и воспроизводится в аспекте уникального,

отличного и особенного, с другой стороны, этнокультурная идентичность конструируется в своем интегративном качестве, что особенно проявляется на уровне изображения композиций художественного образа произведений художника.

Список литературы / References

- Bazieva G. D. Etnicheskie tradicii v izobrazitel'nom iskusstve Kabardino-Balkarii. In: *Manuskript*, 2019, 12(5), 184–187.
- Bobkov A. I. Social'naya liminal'nost' i skonstruirovannaya etnoarhaika: razlichie smyslov. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*, 2015, 394, 74–78.
- Burnakov V. A. *Duhi Srednego mira v tradicionnom mirovozzrenii hakasov*. Novosibirsk, Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. 208.
- Chinina A. V. Tvorchestvo N. Chepokova kak proyavlenie sibirskoj mental'nosti "neoarhaiki". In: *Etnografiya Altaya i sopredel'nyh territorij*, 2020, 10, 361–364.
- Dao Du, K. Preobrazovanie v'etnamskogo laka iz tekhniki tradicionnogo remesla v tekhniku izobrazitel'nogo iskusstva. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal*, 2024, 3(4), 20–35.
- Degtyarenko K. A., Pimenova N. N., Sertakova E. A. Material'noe i nematerial'noe kul'turnoe nasledie tunguso-man'chzhurskikh narodov. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*, 2024, 3(2), 52–72.
- Fil'ko A. I., Avdeeva Y. N., Kistova A. V. i dr. Etnokul'turnaya dinamika Krasnoyarskogo kraja v tvorchestve krasnoyarskikh hudozhnikov. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2021, 14(6), 873–889.
- Gur'yanova G. G. Klyuchi k izucheniyu regional'nogo iskusstva, ili sovremennoe iskusstvo Yamala glazami kul'turnogo nomada. In: *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnoyarsk, 07–08 dekabrya 2023 goda*. Krasnoyarsk, KROO "Sodruzhestvo prosvetitelej Krasnoyars'ya", Sibirskij federal'nyj universitet, 2024, 12–14.
- Ivashchenko Ya. S. Neoyazychestvo v sovremennom izobrazitel'nom iskusstve na primere zhiznetvorchestva A. A. Osipovoj. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2023, 49, 55–71.
- Kichigina A. G. Yavlenie neoarhaiki v sovremennom iskusstve Sibiri. In: *Omskij nauchnyj vestnik*, 2007, 1(51), 183–187.
- Koptseva N. P., Nevol'ko N. N., Reznikova K. V. Formirovanie etnicheskoy kul'turnoj identichnosti v sovremennoj Rossii s pomoshch'yu proizvedenij nacional'nogo iskusstva (na primere evenkijskogo eposa i dekorativno-prikladnogo iskusstva). In: *Pedagogika iskusstva*, 2013, 1, 1–15.
- Koptseva N. P., Seredkina N. N. *Konstruirovanie pozitivnoj etnicheskoy identichnosti v polikul'turnoj sisteme*. Krasnoyarsk, SFU, 2013. 184.
- Korobejnikova T. S. Arheoart kak otlichitel'naya cherta tvorchestva sibirskikh hudozhnikov-avangardistov 60–80-h gg. XX v. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, 361, 51–54.
- Larina L. N. *Domozhakov A. V. Miry ego zhivopisi* [Elektronnyj resurs]. URL: https://museumsrussian.blogspot.com/2011/03/blog-post_26.html
- Lebedeva E. V. Obraz mira v grafike Altaya: etnoarhaika v sovremennom iskusstve. In: *Iskusstvo Evrazii [Elektronnyj zhurnal]*, 2025, 1(36), 136–159.
- Leshchinskaya N. M. Formy konceptov kul'tury v sovremennykh issledovaniyah. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal*, 2025, 9(2), 31–38.
- Lomanova T. M. Otrazhenie sibirskoj identichnosti v iskusstve konca HKH – nachala XXI vekov. In: *Kul'tura i iskusstvo*, 2020, 4, 1–14.
- Lyapkina T. F. Konstruirovanie regional'no-etnicheskoy identichnosti: problemy novyh kul'turnyh praktik v regionah Rossii. In: *Studia Culturae*, 2013, 18, 163–171.

- Matochkin E. P. Arheologiya, drevnee nasledie i arheoart Sibiri. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2009, 3, 7–10.
- Nekhvyadovich L. I. Etnichnost' tvorchestva: Teoreticheskie osnovaniya opisaniya i analiza proizvedeniya iskusstva. In: *Kul'turnoe nasledie Sibiri*, 2016, 2(20), 16–21.
- Neskazochnaya proza hakasov*. Sost. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko i dr. Novosibirsk, Nauka, 2016. 540.
- Ogurcova O. S. Etnograficheskie kollekcii korennykh malochislennykh narodov muzeev Yuzhnoj Sibiri i ih otobrazhenie v sovremennom izobrazitel'nom iskusstve. In: *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 2025, 1(81), 77–85.
- Pimenova N. N. Hudozhestvennyj obraz, sozdavaemyj arhitekturoj: zdanie muzejnogo centra «ploshchad' mira»/muzeya V. I. Lenina v Krasnoyarske. CHast' 1: ansambl', arhitekturnyj ob'em, ekster'er. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii*, 2025a, 9(2), 138–148.
- Pimenova N. N. Sovremennye koncepcii pamyati v kul'ture: kolektivnaya i kul'turnaya pamyat'. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal*, 2025, 9(2), 71–76.
- Pivovarov D. V. *Kul'tura i religiya. Sakralizatsiya bazovykh idealov*. Ekaterinburg, Ural'skij federal'nyj universitet, 2013. 247.
- Podkorytova T. I. Sibirskij arheo-art: k voprosu o semantike stilya. In: *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnoyarsk, 07–08 dekabrya 2023 g.* Krasnoyarsk, KROO “Sodruzhestvo prosvetitelej Krasnoyars'ya”, Sibirskij federal'nyj universitet, 2024, 17–24.
- Poljakov G. M. K probleme «nacional'nogo» v arhitekture sovetsoj Central'noj Azii 1955–1991 gg. (Uzbekistan, Kazahstan, Kyrgyzstan). In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal*, 2025, 4(1), 18–32.
- Popova N. S. Opyt zhanrovogo analiza zhivopisi napravleniya “sibirskaya neoarhaika”. In: *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnoyarsk, 07–08 dekabrya 2023 goda*. Krasnoyarsk, KROO “Sodruzhestvo prosvetitelej Krasnoyars'ya”, Sibirskij federal'nyj universitet, 2024, 131–133.
- Reznikova, K. V., Seredkina, N. N., Zamaraeva, Yu. S. Perspective Formats for the Development of Decorative and Applied Art of the Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Territory. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017, 10(10), 1573–1593.
- Semenova A. A., Gerasimova A. A. Osobennosti tvorcheskogo metoda Sergeya Anufrieva. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, 2, 542.
- Seredkina N. N. *Transformatsiya etnokul'turnoj identichnosti v obshcherossiyskuyu grazhdanskuyu identichnost': kul'turologicheskij analiz*. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet, 2024. 176.
- Sertakova E. A. Specifika manifestatsii kul'turnoj pamyati v sovremennoj hudozhestvennoj kul'ture. In: *Sibirskij antropologicheskij zhurnal*, 2025, 9(2), 39–47.
- Shemyakina A. L. Etnoarhaika v sovremennoj gorodskoj skulpture Nizhnego Tagila: istoriya poyavleniya i perspektivy razvitiya. In: *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*, 2024, 3(20), 84–89.
- Shpak A. A. Figura antagonista v evenkijskom epose. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskij zhurnal*, 2024, 3(2), 70–85.
- Sitnikova A. A. Koncept “chum” v kul'ture nganasan na osnove analiza korpusa nganasanskikh fol'klornykh tekstov. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*, 2024, 3(4), 31–45.
- Sitnikova A. A. *Krasnoyarskaya hudozhestvennaya kul'tura konca XX–nachala XXI vv.* Krasnoyarsk, Krasnoyarskaya regional'naya obshchestvennaya organizatsiya Sodruzhestvo, 2024. 214.
- Zhivopis' Hakasii: al'bom-katalog*. Avt. st. M. P. Chebodaeva. Sankt-Peterburg, Progress, 2008. 240.
- Zhukovskij V. I. *Teoriya izobrazitel'nogo iskusstva*. Sankt-Peterburg, Aletejya, 2011. 496.
- Zhukovskij V. I., Koptseva N. P. *Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva: uchebnoe posobie*. Krasnoyarsk, Krasnoyarskij gosudarstvennyj universitet, 2004. 265.
- Zhukovskij V. I., Pivovarov D. V. “Diskobol” Mirona kak reprezentant dialektiki Geraklita. In: *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2015, 1, 142–147.

EDN: DIHOQU
УДК 304.2

The Problem of Local in Cyberspace: The Phenomenon of “Siberian” Video Games and Digital Art

Tikhon K. Ermakov and Ksenia A. Degtyarenko*

*Siberia Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 19.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 03.09.2025

Abstract. Modern creative industries are actively transforming under the influence of new channels and technologies for transmitting information. Changes in the economic system also lead to changes in the principles of functioning of art markets and other systems for distributing works of contemporary art. One aspect of this transformation is a rethinking of the logic of the relationship between the local and the global, which requires new principles for linking individual identities and global trends. Considering this connection using the example of the relationship of Siberian video games and digital art with the global system of creative industries, we can draw the following significant conclusions. Video games at the present stage practically do not demonstrate their connections with specific regions either at the level of discourse about themselves or through the representative level of the work itself. Secondly, digital art is more closely connected with the place of its origin, more willingly demonstrating local features and striving to create alternative distribution platforms. It is the formation of new networks for distributing products of local creative industries that can be considered a new form of creating and maintaining local identities in the modern socio-cultural space, in particular, in the transforming cyberspace.

Keywords: Siberia, video game, digital art, NFT, technofeudalism.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Ermakov T. K., Degtyarenko K. A. The Problem of Local in Cyberspace: The Phenomenon of “Siberian” Video Games and Digital Art. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1847–1855. EDN: DIHOQU

Проблема локального в киберпространстве: феномен «сибирских» видеоигр и цифрового искусства

Т.К. Ермаков, К.А. Дегтяренко

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Современные креативные индустрии активно трансформируются под влиянием новых каналов и технологий передачи информации. Изменения в экономической системе ведут и к изменениям в принципах функционирования арт-рынков и других систем распространения произведений современного искусства. Одним из аспектов этой трансформации является переосмысление логики взаимоотношения локального и глобального, требующего новых принципов связывания отдельных идентичностей и общемировых тенденций. Рассматривая эту связь на примере отношения сибирских видеоигр и цифрового искусства с общемировой системой креативных индустрий, можно сделать следующие значимые выводы. Видеоигры на современном этапе практически не демонстрируют своих связей с конкретными регионами ни на уровне дискурса о себе, ни через репрезентативный уровень самого произведения. Во-вторых, цифровое искусство более тесно связано с местом своего происхождения, охотнее демонстрируя локальные особенности и стремясь к созданию альтернативных платформ распространения. Именно формирование новых сетей распространения продуктов локальных креативных индустрий можно считать новой формой создания и поддержания локальных идентичностей в современном социально-культурном пространстве, в частности в трансформирующемся киберпространстве.

Ключевые слова: Сибирь, видеоигра, цифровое искусство, NFT, технофеодализм.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Ермаков Т.К., Дегтяренко К.А. Проблема локального в киберпространстве: феномен «сибирских» видеоигр и цифрового искусства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1847–1855. EDN: DIHOQU

Введение

Цифровые технологии, появляющиеся с развитием коммуникационных интернет-сетей на первых этапах своего формирования ориентировались на создание горизонтальных и глобальных связей между отдельными устройствами и их пользователями (Castels, 2003). Однако влияние социально-экономических факторов привело к созданию определённых кластеров, являющихся одновременно и глобальными, и функционирующими как сети взаимодействия, управляющихся отдельными акторами (Varoufakis,

2024). Подобная «феодализация» интернет-пространства обостряет вопрос о принципах существования в нём продуктов некоторых креативных индустрий (Hesmondhalgh, 2012), для которых распространение через интернет является ключевым способом транслирования. На предварительный анализ одного из случаев локализации в глобальном пространстве некоторых цифровых продуктов и нацелена данная статья.

Исследования локальных особенностей видеоигр и цифрового искусства зачастую связаны с анализом репрезентации иден-

тичности посредством новых медиа (Pan, 2025; Ljul'chak, 2023; Peshina, 2022). При этом многие работы обращаются к экономическим основаниям, формирующим локальные особенности цифровых креативных индустрий (Abdirashitova, 2024; Melent'ev, 2022; Chaminade, 2021; Cohendet, 2021; Rausser, 2021), в том числе их трансформации под влиянием новых технологий (Pimenova, 2024; Trautman, 2021). Локальные компоненты понимаются как механизмы конструирования продуктов, нацеленных на местные рынки сбыта, при этом локальная специфика способствует складыванию креативных индустрий. При этом внимание практически не уделяется механизмам распространения, которые и формируют напряжения между локальным и глобальным в киберпространстве.

Для анализа взаимодействия между локальным и глобальным возможно использование идей акторно-сетевого анализа (Latour, 2005), что подразумевает внимание не только к художественным особенностям, проявляющим локальное в произведениях искусства, но и к системе переводов, способствующей появлению продукта на рынке.

Локальное в «сибирских» видеоиграх

Формирование специфического видеоигрового сектора сопряжено с внешними факторами, способствующими появлению локальных студий. В целом можно говорить о том, что преимущественно локальные индустрии ощущают на себе влияние двух факторов: особенностей финансирования и наличия технического и кадрового потенциала.

Проблемы финансирования можно интерпретировать в контексте общих проблем цифровой трансформации экономики (Petrov, 2018), связанных не только с изменениями в традиционных экономических секторах, но и с формированием новых отраслей производства. Видеоигры в этом смысле существуют в другой экономической системе (Vatolina, 2025), что оказывает влияние на становление и новых областей креативной экономики (Babichev, 2025). Соответственно, наличие или отсутствие специфических финансовых потоков в от-

дельных локальностях могут способствовать или оказывать сопротивление формированию видеоигровых компаний. При этом экономическая среда практически не влияет на механизмы распространения, поскольку «платформенность» экономики способствует реализации продуктов на глобальных рынках.

Наличие специалистов и технического потенциала в определённых локальностях традиционно понимается как более значимый фактор, чем финансовый потенциал (Pimenov, 2019). При этом речь именно о наличии специфических специалистов, что частично связано с концепцией «креативного класса» Р. Флориды (Florida, 2003). По отношению к игровой индустрии важно понимать особенности формирования локальных сообществ программистов, многие из которых, опять же, в постсоветском пространстве работают преимущественно на глобальные рынки (Biadzholi, 2021). В случае с локальной индустрией, соответственно, практики по производству видеоигр преимущественно будут связаны с теми центрами, в которых активно развивались центры подготовки программистов. В сибирском регионе таким ключевым центром выступает Новосибирск (Pottosin, 2001).

Ключевыми компаниями, связанными с разработками игр в Новосибирске, являются Alawar, созданная в 1999 г. и функционирующая как издатель и разработчик компьютерных игр до сих пор, и SoftLab-NSK, чья деятельность сейчас больше связана с разработкой телекоммуникационных систем. При этом отличается и история формирования компаний. SoftLab-NSK создана выходцами из Института автоматики и электрометрии СО РАН и с самого начала ориентируется на технологически сложные проекты: вспомогательные системы для производства компьютерной графики, игры, использующие нейроинтерфейсы VR-тренажёры для космических программ. Alawar, в свою очередь, была создана студентами, только закончившими Новосибирский государственный университет и с самого начала была ориентирована на создание небольших, казуальных, игр.

SoftLab-NSK наиболее известна серией игр «Дальнобойщики», первая из которых была выпущена в 1998 г. Продолжение вышло в 2001 г. и считается одним из лучших проектов российской игровой индустрии 2000-х гг. (Pimenov, 2019), а финальная часть трилогии увидела свет только в 2009 г. Основанные на технологических наработках, связанных с симуляцией поведения транспортных средств, игры стали достаточно популярными в России и за рубежом. При этом если обратиться к рецензиям, выпущенным в отечественных игровых изданиях в год выхода первых игр (Andreevich, 1998; Jestrin, 1998; Lun'kov, 1998; Lamtjugov, 2000; Vershinin, 2001), то становится очевидно, что игры изначально позиционировались как проекты мирового уровня, изданные с прицелом на международный рынок. Даже небольшое интервью с руководителем разработки (Andreevich, 1998: 129) не содержит маркеров, связывающих игру с местом разработки, напротив, подчёркивается международный характер проекта (например, физика грузовиков объясняется совместной с корейской компанией разработкой симулятора для обучения вождению в экстремальных ситуациях). При этом в том же интервью видно, что разработчики учитывают интересы российской игровой аудитории, говоря о том, что она лучше воспринимает игры с реалистичной физикой (Andreevich, 1998: 129).

На репрезентативном уровне игры, выпущенные SoftLab-NSK, также не содержат значимых маркеров, которые позволили бы говорить о каких-либо формах локальных идентичностей. Действие игр разворачивается в сконструированном мире, чьи топонимы отсылают к российской, но не особой сибирской действительности. В первой части такими топонимами выступают названия трасс, во второй – населённых пунктов, между которыми может перемещаться игрок. Действие третьей части перенесено в виртуальные США, из-за чего связь с локальными идентичностями теряется даже на уровне репрезентации.

Если для SoftLab-NSK производство игр всегда являлось второстепенным ви-

дом деятельности, то Alawar с самого начала ориентировалась именно на игровую индустрию. Судя по интервью одного из директоров компании, с самого момента основания Alawar ориентировалась на международный рынок (Tylik, 2017: 75). Рецензии на вышедшие в последние годы проекты Beholder (Vincent, 2016; Sheldon, 2017) и Im Not a Monster (Tarason, 2018) также не содержат связей с локальными идентичностями, напротив, проекты Alawar вписывают в общемировую игровую индустрию, демонстрируя их схожесть с классическими проектами вроде XCOM или Papers, Please.

Репрезентативный уровень, опять же, оказывается скорее общемировым, нежели локальным. Beholder эксплуатирует некоторые клише, связанные с российской фантастикой, но не более того. Визуальные решения в проектах студии подчиняются тенденциям, сформированным в общемировой игровой индустрии.

Предварительно можно говорить о том, что проекты, создаваемые сибирскими игровыми студиями, практически не обращаются к локальной идентичности. Учитывая интервью разработчиков, приводимые в различных игровых изданиях, можно утверждать преимущественную экономическую детерминированность подобного решения – игры ориентируются на широкую аудиторию, а потому подчиняются тем требованиям, которые она им предъявляет.

Локальное в «сибирских» произведениях цифрового искусства

Пик создания и реализации проектов, связанных с цифровым искусством, приходится на первый период 2020-х гг. и в целом соответствует общемировым тенденциям. Масштабные проекты в России и в том числе в сибирском регионе начинают формироваться на основе художественного контента музеев. Внедрение цифровых процессов становится необходимой задачей для актуализации деятельности традиционных музеев. В 2021 г. Государственный Эрмитаж создал свой первый виртуальный выставочный проект для произведений цифрового искусства «Незримый эфир. Выставка циф-

рового искусства». Проект состоит из двух элементов: сайта (celestialhermitage.ru), где представлены каталог и кураторский текст выставки, основная информация о проекте и возможность входа в цифровое пространство выставки, и собственно виртуальной галереи (платформа Masters digital). На выставке, помимо известных знаковых NFT-проектов (Криста Ким «Дом на Марсе» (2020), Майкл Джу и Данил Криворучко «Органический рост: кристальный риф» и др.), были представлены новые проекты, в совокупности – 38¹. Подобная деятельность главных государственных учреждений в сфере искусства намечает определенные векторы проектирования, связанного с цифровым искусством. В 2025 г. Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля запустил процесс оцифровки своих фондов.

В сибирском регионе известен проект «Art on Billboard Museum», который был организован компанией наружной рекламы «Дизайнмастер» (Новосибирск) в сотрудничестве с художниками и музеями. Первый эксперимент состоялся в 2021 г. в ответ на запрос Новосибирского художественного музея. Произведения искусства местных художников транслировались на билбордах – цифровых экранах наружной рекламы («Дизайнмастер») в Новосибирске. В 2022 г. Art on Billboard Museum, работая с Музеем истории Екатеринбурга, организовали вторую волну проекта уже на цифровых экранах Екатеринбурга. Настоящий проект явно фиксирует региональную, локальную направленность тематики цифровых выставок и в своем успехе подчеркивает актуальность этого выбора. В 2024 г. был представлен партнерский проект Art on Billboard Museum «Цифровой разум» при сотрудничестве с Центром культуры ЦК19 и компанией «Дизайнмастер». Проект «Цифровой разум», который привлек художников сибирского региона, был реализован в три этапа: 1) выставка известных художников цифрового искусства «Мастера» на цифровых экранах города; 2) конкурс молодых

художников «Новые имена»; 3) выставка 30 работ финалистов конкурса в формате цифровых экранов Новосибирска, Омска, Кемерово, Барнаула и в выставочных залах Центра культуры ЦК19. Первыми большими аналогичными проектами являются «Art Everywhere», в рамках которого в 2013 г. на рекламных щитах Великобритании экспонировались произведения британского искусства, а в 2014 г. проект распространился на американский континент – значимые американские произведения появились на рекламных щитах США, а также «The Billboard Creative» (Калифорния, Лос-Анджелес), созданный в 2015 г. как некоммерческая организация в области искусств.

В 2023 г. Олеся Худякова (Тюмень) запустила проект цифровой галереи «Золото-Болото» (<https://zoloto-boloto.ru/>), поднимая проблематику локальной идентичности. Онлайн-галерея была представлена оцифрованными работами тюменских художников в смоделированном пространстве болота. Специфика цифровой галереи обозначена как потенциально меняющееся пространство с обновлением выставляемых работ. Цифровая галерея реализует также онлайн-аукционы. Цифровая галерея «Code Art House Virtual» (<https://arthousecode.ru/>), созданная в Барнауле, известна своими NFT-коллекциями.

Хорошо известна также онлайн-галерея «Гвоздь» (<https://gvozd.gallery/>), созданная в 2019 г. в Новосибирске с целью продвижения творчества сибирских художников, авторы проекта – Елена Здорова и Полина Трифонова. Цифровая галерея представляет произведения искусства разных форматов и техник. Категоризация представленных работ предлагает на выбор и «Digital Art», но данный раздел остается пока без наполнения – «найдено работ: 0», несмотря на то что при выборе фильтра «цифровая живопись» при обзоре всех произведений галереи выделяются две работы: «Вышел и зашёл как следует» (2021) Захара Корягина и «Пробуждение» (2021) Ольги Бурмистровой.

Виртуальная галерея TAYIROVA (<https://tayirova.gallery/>) – еще один ново-

¹ <https://www.hermitagemuseum.org/what-s-on/c9c0c3f-be73a29dcd3a8df36b7549795?lng=th>

сибирский проект, созданный Ольгой Тайровой и привлекающий к сотрудничеству художников сибирского региона.

Отдельными кейсами выделяются художники, проявившие себя в цифровом NFT-искусстве. Команда из Томска в 2021 г. начала создавать NFT-токены SanJay. Художники выпустили тысячную коллекцию «рисованных человечков», произведения размещались на онлайн-аукционах (цена самого дорогого составила 200 тыс. руб.), а один из NFT-токенов – SanJay экспонировали в первой NFT-галерее в Чикаго «ImnotArt». Оцифрованное произведение «Могиканин» Ивана Четверикова (г. Красноярск) одним из первых в регионе было продано на цифровом аукционе в 2021 г. Александр Астерр (Asterrvn) из г. Барнаула активно занимался цифровыми работами с конца 2010-х до 2021 г., он известен как автор по созданию обложек для музыкальных композиций. В 2022 г. Сибирский государственный медицинский университет (г. Томск) выпустил коллекцию NFT-токенов «Doctors are Heroes», состоящую из 4 образов «докторов» разных специализаций.

Несмотря на представленность многих крупных центров сибирского региона в области цифрового искусства, наиболее успешными проектами, проявляющими специфическую локальность цифрового искусства *Сибири*, являются проекты новосибирских и тюменских авторов. Представленные проекты цифровых галерей больше всего соответствуют базовым тенденциям цифровизации в сфере искусства, позиционируют общемировые и общероссийские идеи и образы, несмотря на акцентированное взаимодействие с «региональными художниками». Подобная направленность работ характерна для репрезентантов цифрового NFT-искусства художников сибирского региона начала 2020-х гг. Стоит отметить устойчивый процесс институализации практик цифрового искусства, связанный с деятельностью цифровых платформ, работой инициативных групп по созданию произведений цифрового искусства и цифровых копий произведений, их продвижению на арт-рынке, что уже было выявлено

в работах других исследователей аналогичных процессов (Pimenova, 2024).

Взаимосвязи локального и глобального в киберпространстве

Рассмотренные выше репрезентации интеграции локальных сибирских цифровых проектов в глобальный цифровой проект демонстрируют определённые логики взаимодействия «локального» и «глобального» в современном цифровом пространстве. Все схемы взаимодействия подразумевают своего рода «давление» общемировой системы, задающей ключевые векторы и тренды в существующих принципах взаимосвязей.

В случае с видеоиграми, создаваемыми в сибирском регионе, можно говорить о полном растворении «локального» в глобальных тенденциях. Связано это в первую очередь с экономическими факторами развития игровой индустрии, в которой студии-разработчики ориентируются на глобальный рынок (локального рынка попросту не существует), который управляется общемировыми трендами. Соответственно, без возникновения специфического запроса на «локальность» игровая индустрия не демонстрирует интереса к маркерам, соединяющим игру с местом её производства.

Цифровое искусство связано с двумя схемами отношений между «локальным» и «глобальным». В случае с проектом «Art on Billboard Museum» можно говорить о «сверхлокализации», которой удаётся достигнуть за счёт создания физически-ограниченного пространства доступа к произведениям искусства. Здесь «локальное» превалирует над «глобальным», поскольку последнее может задавать контекст, но никак не связано с непосредственным восприятием произведения (с художественной коммуникацией «здесь и сейчас»). В случае же с NFT-проектами можно говорить о связях между локальными центрами создания произведений искусства и глобальными рынками их распространения. Ключевым отличием от ситуации с видеоиграми является заинтересованность глобального рынка в локальных продуктах, которая позволяет

им использовать локальные маркеры для продвижения своих продуктов.

Таким образом, общая связь между «локальным» и «глобальным» может быть охарактеризована в контексте связей между производством и рынками распространения, которые в современной экономической системе воспринимаются, скорее, как глобальный цифровой «феод», более глубоко влияющий как на представленные продукты, так и на логику поведения покупателей (Varoufakis, 2024). Наиболее интересными в этом смысле являются проекты «локальных» цифровых галерей, которые можно считать попытками создания альтернативных платформ распространения продуктов креативной индустрии. Вероятно, репрезентация идентичности в цифровом пространстве постепенно смещается от создания произведений с маркерами определённого региона или группы к формированию платформ взаимодействия и обмена с ограниченным доступом, позволяющим использовать полученные сетевые отношения как механизмы создания и поддержания идентичностей.

Заключение

Проведённый анализ отношений между локальным и глобальным в современном цифровом пространстве на примере Сибирского региона позволяет выявить следующие значимые тенденции:

1. Видеоигровая индустрия развивается в отдельных центрах, в которых существует накопленная ещё в советский период база специалистов и технического оборудования, позволяющая формировать

компании, занимающиеся производством видеоигр. Зачастую такие компании ориентированы на международный рынок, а потому не репрезентируют свою локальную идентичность ни на уровне дискурса о самих себе, ни на репрезентативном уровне игрового произведения.

2. Произведения цифрового искусства, представленные отдельными крупными проектами, инициативами по цифровизации произведений и NFT-искусством, теснее, чем производство видеоигр, связаны с маркерами сибирской идентичности. Отчасти это связано с большим интересом к локальности со стороны системы искусства, нежели со стороны индустрии видеоигр.

3. «Глобальное» и «локальное» взаимодействуют в логике отношений системы производства продукта и рынков, занимающихся его распространением. В этом аспекте наличие локальных маркеров целиком зависит от наличия интереса к ним со стороны пространства реализации продуктов искусства. Единственная значимая альтернатива подобной логике – это создание собственных платформ распространения произведений, опирающихся на локальные идентичности как на сети.

Таким образом, можно зафиксировать необходимость дальнейшего и более серьёзного исследования экономики платформ в её локальных инвариантах, что позволит определить особенности уже существующих сетей, обеспечивающих репрезентацию локальных идентичностей и групп через сети распространения произведений, а не через отдельные маркеры в самих продуктах креативных индустрий.

Список литературы / References

- Abdirashitova A. H., Kuprijanov D. S., Mel'nikova S. V. Osobennosti prodvizhenija videoigr na sovremennom rossijskom rynke. In: *Molodoj uchenyj*. 2024. 3(502), 259–262.
- Andreevich A. Zhestkie transporty. In: *Game. EXE*. 1998. 2, 126–129.
- Babichev M. A. Soderzhatel'nyj aspekt i prakticheskaja aktualizacija kreativnoj jekonomiki. In: *Evrazijskaja integracija: sovremennye trendy i perspektivnye napravlenija*. 2025. 8, 63–67.
- Biadzholi M., Lepinje V. *Iz Rossii s kodom: Migracija programmistov v postsovetSKUju jepohu*. SPb., Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. 608.
- Castels M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford University Press, 2003. 306.

- Chaminade C., Martin R., McKeever J. When regional meets global: exploring the nature of global innovation networks in the video game industry in Southern Sweden. In: *Entrepreneurship & Regional Development*. 2021. 33, 1–2, 131–146.
- Cohendet P., Simon L., Mehrouachi C. From business ecosystems to ecosystems of innovation: the case of the video game industry in Montréal. In: *Industry and Innovation*. 2021. 28, 8, 1046–1076.
- Consalvo M. *Atari to Zelda: Japan's Videogames in Global Context*. MIT Press, 2022. 268.
- Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life*. Basic Books, 2003. 434.
- Hesmondhalgh D. *The Cultural Industries*. SAGE Publications Ltd, 2012. 480.
- Jestrin D. Hard Truck: Road to Victory In: *Strana igr*. 1998. 23, 138–139.
- Lamtjugov A. Legkij nalet jelitnosti. In: *Game.EXE*. 2000. 06, 71–73.
- Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford University Press, 2005. 301.
- Ljul'chak M. A., Fomin D.S. Videoigry kak sposob reprezentacii ural'skih mifov. In: *Kul'tura i iskusstvo Urala: istorija, realii, perspektivy*. 2023. 46–50.
- Lun'kov E. Surovye voditel'skie budni. In: *Komp'yuter i my*. 1998. 7(15), 62–63.
- Melent'ev M. Ju. Gosudarstvennoe vozdejstvie na rynek videoigr v Rossii. In: *Kreativnaja jekonomika*. 2022. 16, 8, 3211–3224.
- Pan N. Hudozhestvennaja kommunikacija v jepohu cifrovych tehnologij: analiz veb-sajtov sovremennyh hudozhnikov i hudozhestvennyh galerej Kitaja. In: *Cifrovizacija*. 2025. 6, 1, 44–57.
- Peshina Ju. S. Cifrovoe iskusstvo stran Vostoka: aktual'nye tendencii. In: *Problemy sovremennogo vostokovedenija*. 2022. 326–331.
- Petrov A. A. Cifrovaja jekonomika: vyzov Rossii na global'nyh rynkah. In: *Torgovaja politika*. 2018. 1, 13, 44–75.
- Pimenov M., Tokarev P. *Nasha igra. Istorija. Biznes. Vozmozhnosti*. M., Universitet "Sinergija", 2019. 396.
- Pimenova N.N. NFT-iskusstvo i novyj art-rynok: vzlet primenenija blokchejn-tehnologij v 2021 godu. In: *Cifrovizacija*. 2024. 5, 3, 8–18.
- Pottosin I. V. *Stanovlenie novosibirskoj shkoly programmirovaniya (mozaika vospominanij)*. Novosibirsk, Institut sistem informatiki im. A. P. Ershova SO RAN, 2001. 194.
- Rausser G., Strielkowski W., Korneeva E. Sustainable tourism in the digital age: Institutional and economic implications. In: *Terra Economicus*. 2021. 19, 4, 141–159.
- Sheldon S. Beholder Review. In: *Dark Station*. 2017. Available at: <http://www.darkstation.com/reviews/holder>
- Tarason D. Experience life as a Chryssalid in I'm Not A Monster's open beta. In: *Rock, Paper, Shotgun*. 2018. Available at: <https://www.rockpapershotgun.com/im-not-a-monster-xcom-werewolf-beta>
- Trautman L. J. Virtual art and non-fungible tokens. In *Hofstra L. Rev.* 2021, 50, 361.
- Tylik V. *Issledovanie strategij rossijskich kompanij po vyhodu na zarubezhnye rynki*. RMAA Open Asia, 2017. 233.
- Varoufakis Y. *Technofeudalism: What Killed Capitalism*. Melville House, 2024. 304.
- Vatolina O. V., Nicheporuk, A. V. Sushhnost i ponjatie cifrovych platform. In: *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025. 1(76), 85–96.
- Vershinin A. Rezinovye utjata. In: *Game.EXE*. 2001. 6, 95–97.
- Vincent B. Dystopia Simulator Beholder Out Just in the Nick of Time. In: *Rock, Paper, Shotgun*. 2016. Available at: <https://www.rockpapershotgun.com/holder-released-surveillance-game>
- Ermakov T. K. Konstruirovanie igroka v sovetskikh videoigrakh dlya personal'nykh komp'yuterov: mezhdu ob'ektom i algoritmom. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2025. 9, 2. 91–99.
- Ermakov T. K. Post-internet iskusstvo: logika vzaimodejstviya tsifrovogo i real'nogo prostranstva v sovremennoi kul'ture. In: *Tsifrovizatsiya*. 2025. 6, 2. 33–41.

Koptseva N. P., Shpak A. A. Tsifrovye gumanitarnye nauki i kul'turnoe nasledie v sredakh s podderzhkoi iskusstvennogo intellekta i informatsionnykh tekhnologii: kontseptsiya S. Bretnakh i T. Margariya. In: *Tsifrovizatsiya*. 2024. 5, 4. 8–19.

Koptseva N. P., Zamaraeva Yu. S., Menzhurenko Yu. N. Ponyatie «sotsial'no-tekhnicheskaya sistema» v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh kontsa XX – nachala XXI veka. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. – 2023. 16, 8. 1343–1354

Sertakova E. A. Spetsifika manifestatsii kul'turnoi pamyati v sovremennoi khudozhestvennoi kul'ture. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 2025. 9, 2. 39–47.

Pimenova N. N. Sovremennye kontseptsii pamyati v kul'ture: kollektivnaya i kul'turnaya pamyat'. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 2025. 9, 2. 71–76.

Sitnikova A. A. Teoriya esteticheskogo opyta Dzhona D'yui kak kontseptual'naya osnova dlya izucheniya sovremennogo khudozhestvennogo protsessa. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2025. 9, 2. 74–82.

Sertakova E. A. Ponyatie «regional'naya vizual'naya kul'tura» v kontekste teorii idealoobrazovaniya. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2025. 9, 2. 100–110.

Shpak A. A. Sotsial'nye transformatsii: iskusstvennyi intellekt v epokhu metavselennykh. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*. 2025. 6, 1. 76–84.

Shpak A. A., Kirko V. I. Dinamika sotsial'no-tekhnicheskikh i sotsial'no-ekologicheskikh sistem v kontseptsii Devida Inga. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*. 2024. 5, 2. 24–58.

Shpak A. A., Kirko V. I. «Mogut li modelirovanie iskusstvennogo intellekta i mashinnoe obuchenie uluchshit' kar'ernye plany i obrazovatel'nye ozhidaniya?»: kontseptsiya I–Chien Chen, Lidii Bredford i Barbary Shneider (Universitet Michigana). In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*. 2024. 3, 1. 79–114.

Andryushina Ya. D. Rozhdenie novoi professii XXI veka: neirokhudozhnik. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal*. 2024. 3, 2. 86–94.

Andryushina Ya. D. Neiroseti: pomoshchniki ili protivniki sovremennomu khudozhniku? In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal*. 2024. 3, 1. 20–28.

EDN: CRQRZL
УДК 39:581.9

Art History Topics of the Siberian Soviet Encyclopedia (1929–1937)

Maria S. Koptseva and Anna A. Shpak*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 16.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 03.09.2025

Abstract. The article explores the potential of the Siberian Soviet Encyclopedia (SSE) as a valuable source for studying the history of Siberian art. It analyzes the structure of the encyclopedia, the editorial team, and identifies the body of articles dedicated to visual arts, including painting, graphics, engraving, and architecture. Using the example of detailed analysis of articles on «Painting» and «Graphics and Engraving», the authors demonstrate the systematized approach to the historical development of Siberian art proposed in the encyclopedia in 1929. This includes periodization, names of artists, and stylistic trends. The article emphasizes the uniqueness of the SSE in preserving information about lost or little-known facts of artistic life in Siberia during the first third of the 20th century. The conclusion is drawn about the scientific significance of all four volumes of the encyclopedia as a crucial source for reconstructing the regional cultural, historical context, and the history of art in Siberia.

Keywords: Siberian Soviet encyclopedia, art, Siberian art, encyclopedistics, painting, graphics, engraving, Siberia.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Koptseva M. S., Shpak A. A. Art History Topics of the Siberian Soviet Encyclopedia (1929–1937). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1856–1866. EDN: CRQRZL

Искусствоведческие темы Сибирской советской энциклопедии (1929–1937 гг.)

М.С. Копцева, А.А. Шпак

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Статья исследует искусствоведческий потенциал Сибирской советской энциклопедии (ССЭ, 1929–1937/1992 гг.) как источника для изучения истории искусства Сибири. Авторы анализируют структуру издания, состав редакции и выявляют корпус статей, посвященных визуальным искусствам (живопись, графика, гравюра, архитектура, ДПИ). На примере детального разбора статей «Живопись» и «Графика и гравюра» из первого тома демонстрируется систематизация исторического развития сибирского искусства, предложенная авторами энциклопедии в 1929 г. (включая периодизацию, имена художников, стилистические направления, институции). Подчеркивается уникальность ССЭ в сохранении информации об утраченных или малоизученных фактах художественной жизни Сибири первой трети XX века. Делается вывод о научной ценности всех четырех томов энциклопедии как фундаментального источника для реконструкции регионального культурно-исторического контекста и истории искусства Сибири.

Ключевые слова: Сибирская советская энциклопедия, искусство, сибирское искусство, энциклопедистика, живопись, графика, гравюра, Сибирь.

Научная специальность. 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Копцева М. С., Шпак А. А. Искусствоведческие темы Сибирской советской энциклопедии (1929–1937 гг.). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1856–1866. EDN: CRQRZL

Введение

Сибирская советская энциклопедия (далее – ССЭ) как историографический источник содержит разностороннюю информацию о Сибири, Дальнем Востоке и Восточном Урале. Необходимость в издании регионального характера проявилась в 1920-х гг. в контексте государственной политики по активному освоению уральских, сибирских и дальневосточных территорий, индустриализации, укреплению региональной идентичности и распространению просветительской деятельности. Так как советская идеология марксизма-ленинизма требовала укрепления коммунистических, социалистических ценностей, то объемное программное издание энциклопедии было стратегически не-

обходимо в рамках формирования советской идентичности. ССЭ стала важной попыткой систематизировать научные, культурные, этнографические и исторические знания о восточных регионах страны. Она задумывалась как многотомное справочное издание, где в сжатой, но достоверной форме представлена информация о природе, хозяйстве, населении, культуре, а также о региональной специфике Сибири как важной части Советского Союза. Несмотря на масштабность замысла, энциклопедия осталась незавершённой. Ценность энциклопедии как типа издания заключается в отражении представлений о Сибири на начало XX века. Актуальность обращения к разделам, освещающим искусствоведческие темы, обусловлена необходимостью

выявить, каким образом формировался и транслировался образ искусства Сибири в контексте советской культурной политики конца 1920-х – нач. 1930-х гг. Анализ того, как в рамках энциклопедического дискурса трактовались культура и искусство, позволяет не только уточнить главные темы, но и проследить способы культурной идентификации региона в советскую эпоху.

Обзор литературы

Энциклопедия ССЭ как историографический источник содержательна и охватывает разностороннюю информацию о Сибири, Дальнем Востоке и Восточном Урале. Необходимость в издании появилась в 20-х гг. XIX в. в связи с активной политикой освоения территорий за Уралом. В то же время осуществлялся и более масштабный проект по созданию Большой российской энциклопедии, охватывающий все сферы жизни советского человека. Энциклопедия является справочным изданием, где систематизированно представлены знания по всем или конкретным отраслям науки, техники, культуры или общественной жизни. Информация в энциклопедии дана в доступной и сжатой форме, но сохраняется точность и достоверность. Они могут быть как обширными, так и узкоспециализированными относительно каких-либо критериев, например, в случае с ССЭ – по географическому принципу.

История становления энциклопедии как типа издания не просто как справочника, а как системного, доступного для широкого круга читателей издания обсуждается в работах А.А. Никонова (Nikonov, 2024), Н.Н. Тютюнников (Tiutiunnikov, 2020). Подчеркиваются коммуникативные функции энциклопедии, охват широкого круга читателей, обсуждаются стандартизированная структура статей, унифицированный научный характер изданий, также рассматриваются как формы культурной фиксации и научной репрезентации.

Энциклопедия как источник по истории региона и этнокультурной политики рассматривается в работах Р.Р. Фазылова (Fazylov, 2020) и И.К. Янбаева (Yanbaev, 2011)

Особым видом является тематическая энциклопедия, как в данном случае ССЭ, специализирующаяся на одной области знания или территории. При этом помимо узкой специфики сохраняется системность, расположение статей в алфавитном порядке и общая внутренняя связанность обсуждаемых тем. Источниковедческий потенциал энциклопедии как издания по исследованию искусствоведческих и культурологических тем отмечается Н.Н. Пименовой, М.И. Буковой, А.В. Кистовой (Pimenova et al., 2025).

Н.П. Копцева, Ю.Н. Менжуренко (Koptseva, Menzhurenko, 2025) анализируют энциклопедии как инструмент структурирования культурной памяти и национальной идентификации. Энциклопедии по истории и теории искусства рассматриваются авторами как средство репрезентации российской художественной культуры и формирования её национального символического капитала. С позиции специфики формирования культурной памяти энциклопедические издания рассматривает И.Ю. Мартыненко (Martynenko, 2023), устанавливается связь энциклопедии с практиками институционализации знания.

Функции энциклопедии как медиатора между научной сферой, идеологией и ориентацией на широкую аудиторию издания рассматриваются Т.К. Ермаковым, К.А. Дегтяренко (Ermakov, Degtyarenko, 2025). Энциклопедии не только проектируют то или иное мировоззрение, но и способствуют укреплению научных сетей, легитимируя новые знания. В связи с этим исследование искусствоведческим тем возможно не только в контексте описания произведений искусства, но и с позиции понимания сложных факторов исторической и культурной трансформации, характерной для периода издания энциклопедий.

Сравнительный анализ энциклопедических изданий дореволюционного, революционного и постсоветского периодов проводит А.Ю. Соклаков (Soklakov, 2010), через изучение тем в зависимости от идеологии и государственной политики определенной исторической эпохи. И.С. Соколова

(Sokolova, 2010), рассматривая энциклопедии, указывает на необходимость учета типа издания для естественно-научных и гуманитарных дисциплин, так как гуманитарные издания требуют особой фиксации актуального знания, тесно связанного с историко-культурным контекстом.

ССЭ представляет собой уникальный пример регионального энциклопедического проекта советской эпохи, задуманного как часть государственной культурной политики по формированию систематического знания о большом пространстве страны – сибирском макрорегионе. Инициатива по созданию издания принадлежала коллективу ученых, связанных с «Институтом исследований Сибири» в 1919 г., но обсуждение издания прекратилось до 1926 г., и уже после возобновились попытки возрождения идеи о региональных энциклопедиях. К 1927 г. была утверждена редакционная коллегия. Редакционная коллегия включала ведущих специалистов научных учреждений Сибири, в том числе представителей Сибирского отделения Академии наук. Планировалось, что энциклопедия станет не только «справочником», но и инструментом конструирования новой советской гражданской и культурной идентичности, направленным на формирование у читателей представления о Сибири как важной стратегической, экономической, политической и культурной территории СССР.

ССЭ в качестве исторического и документального источника с позиций изучения региональных художественных процессов рассматривает О. А. Шелюгина (Shelugina, 2008). Издание изучается в работах А. Л. Посадкова (Posadskov, 2022), П. П. Вибе (Vibe, 1994), О. В. Богомазовой (Bogomazova, 2014) как репрезентативный источник по истории регионального просвещения. Как репрезентант региональной литературы ССЭ рассматривается в работе Т. В. Кирпиченко (Kirpichenko, 2015).

Как тематическое энциклопедическое издание, ССЭ систематизировала знания о Сибири, Дальнем Востоке и Урале, охватывая широкий спектр тем. Особый интерес представляет анализ разделов, посвящён-

ных искусству, поскольку они позволяют проследить, каким образом энциклопедия функционировала как инструмент формирования образа Сибири в контексте государственной культурной политики. В сочетании с литературой по теории энциклопедистики и культурной памяти ССЭ рассматривается как «посредник» между наукой, государственной политикой и массовым читателем. Однако до настоящего времени искусствоведческий потенциал не был рассмотрен более детально. Известны перепечатки соответствующих тематических статей в интернет-изданиях, однако целостное исследование модели искусства Сибири, представленной в ССЭ, до настоящего времени выполнено не было. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

Результаты

Изданная в Новосибирске разными издательствами («Правда», «ОГИЗ») в период с 1929 по 1932 гг. Сибирская советская энциклопедия, став одним из первых опытов создания региональных энциклопедий в СССР, успела выйти в 3 томах, содержащих алфавитные статьи от «А» до «Н». Четвёртый, дополнительный, том увидел свет в 1992 г. (датирован 1937 г.), включая алфавитные статьи от «О» до «С» и основываясь преимущественно на сохранившихся архивных материалах оригинальной редакции. Запланированные к выпуску заключительные тома (от «Т» до «Я»), для которых также существовали подготовительные материалы, остались неопубликованными. Это оставило энциклопедию незавершённым, но ценным источником по комплексному изучению Сибири первой трети XX в. В энциклопедию вошли различные тематические статьи, посвящённые широкому спектру тем – от науки и медицины до истории и искусства. Изданные тома представляют исключительную научную ценность, поскольку они систематизировали современные на момент издания знания о Сибири, отразив её природные богатства, демографические процессы, этнографическое разнообразие, экономический потенциал и культурную жизнь в контексте масштаб-

ных социально-экономических преобразований. Многие статьи, написанные специалистами высочайшего уровня, остаются важным, а зачастую и уникальным историографическим источником по сибирскому регионоведению.

Редакторами энциклопедии стали ведущие сибирские учёные и общественные деятели, в том числе ответственный редактор М.М. Басов, заместители редактора – А.А. Ансон, Г.И. Черемных, секретарь – П.К. Казаринов, члены редакции – профессор В.Г. Болдырев, профессор Н.Д. Бушмакин и другие ученые (*Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya*, 1929). Редакторами раздела «Искусство и литература» были профессор М.К. Азадовский, А.П. Оленич-Гнененко; А.В. Высоцкий. В 3-м томе ССЭ отделы не выделялись, однако редакторами разделов, связанных с искусством, были вновь профессор М.К. Азадовский и А.В. Высоцкий. В заключительном томе разделы тоже не выделялись, известен только общий состав редакции, в которую входили многие специалисты, работавшие над предыдущими томами: профессор М.К. Азадовский, А.А. Ансон, М.М. Басов, профессор В.Г. Болдырев и другие.

Современные биографические сведения об этих исследователях-редакторах крайне фрагментарны, наибольший объем известных данных относится к личностям М.К. Азадовского, А.В. Высоцкого и А.П. Оленич-Гнененко. Марк Константинович Азадовский – выдающийся фольклорист, литературовед и библиограф, специализировался на русской литературе, устном народном творчестве и сибирской этнографии, что, несомненно, определило тематику его энциклопедических трудов. Александр Павлович Оленич-Гнененко также известен как литературовед и фольклорист, он сосредоточил свои усилия на изучении народной поэзии и текстологии. Кроме того, он известен как переводчик произведений Л. Кэрролла, Э.А. По. Для многих редакторов и авторов статей не указаны фамилии, что затрудняет поиск информации. В настоящее время эти имена постепенно восстанавливаются. Так, например, одним

из авторов, фамилия которого отсутствовала при энциклопедических статьях, был С.В. Бахрушин (Skipina, 2021). Скудость информации об авторах, вероятно, связана с утратой архивных материалов в сложные исторические периоды и недостаточной изученностью их личных архивных фондов; тем не менее признаётся, что их совместная работа в рамках энциклопедического проекта представляла собой значимый этап в систематизации искусствоведческих знаний своего времени, несмотря на то что многие детали их сотрудничества и индивидуальных достижений в этом контексте требуют дальнейших архивных разысканий для полноценной историко-научной реконструкции.

В 1-м томе ССЭ среди статей, представляющих непосредственный интерес для искусствоведческих исследований, выделяются специализированные разделы: «Архитектура» (авт. А.Д. Крячков, М.П. Грязнов, стб. 150), освещающий зодчество и памятники; «Галереи художественные» (авт. Б.И. Лебединский, стб. 625), посвященный музейным коллекциям и выставочной деятельности; «Гравюра и графика» (авт. И. М. и Б. Л., стб. 729) и «Живопись» (авт. И. К., Н. С., Г. Б., стб. 933), рассматривающие историю и практику изобразительного искусства Сибири. Ценный контекстуальный материал для изучения художественной среды Сибири также содержится в статьях «Города» (авт. С.В. Бахрушин, А.И. Петров, Н. Ю. М. С., стб. 702), где описываются архитектурный облик и культурные объекты; «Декабристы в Сибири» (авт. Б.Г. Кубалов, стб. 800), включая их роль в культурном развитии; «Жилища» (авт. В.Н. Харузина, стб. 960), представляющей народное зодчество и декоративные художественные практики; и «Журналы и временники» (авт. С.Н. Дурьлин и др., стб. 969), которые могли служить платформой для художественной критики и публикаций об искусстве. Эти статьи формируют базовый корпус источников для анализа сибирского искусства в его различных проявлениях.

Ядро искусствоведческих материалов 2-го тома ССЭ образуют специализирован-

ные статьи «Искусство доисторическое» (стб. 355), «Искусство туземных племен» (стб. 362) и «Каменные бабы» (стб. 479), посвященные древнему, традиционному и монументальному искусству Сибири. Значимый контекст для исследования материальной культуры, ремесел, архитектуры и художественной инфраструктуры Сибири содержится в статьях «Зодчество деревянное» (стб. 163), «Историко-этнографические исследования» (стб. 375), «Керамическая промышленность» (стб. 649), «Издательское дело и книжная продукция» (стб. 204), а также в объемных статьях «Города» и «История Сибири» (стб. 380).

В 3-м томе ССЭ непосредственный интерес для искусствоведческих исследований представляют специализированные статьи: «Музеи» (авт. Г. Ч., стб. 572), где описана институциональная инфраструктура хранения и презентации художественного наследия; «Музыка и музыкальные инструменты народностей Сибири» (авт. Э. Эвальд, В. Косованов, С. Абаянцев, стб. 577), которая включает не только материалы по традиционной музыке народов Сибири, но выступает источником данных по материальной культуре и орнаментике традиционных инструментов и также относится к теме декоративно-прикладного искусства; и «Литература сибирская» (авт. М. Азадовский и др., стб. 161), глубоко раскрывающая контексты сибирской культурной среды, включая все жанры и направления литературы, имена, издания, литературную критику, журналы, газеты, литературно-художественные связи сибирских литераторов и визуальные компоненты литературных произведений (иллюстрации, портреты, фотографии).

Все тома ССЭ содержат значительный массив тематических статей, посвященных различным городам, ключевым культурным учреждениям, таким как музеи и художественные учебные заведения, а также выдающимся деятелям культуры и искусства. Об этом свидетельствуют данные количественного контент-анализа слов с корнем *худож-*. Так, в 4-м томе слова с корнем «худож-» в разных вариантах встречаются

129 раз, в том числе в статьях, напрямую не связанных с искусствоведческой тематикой и охватывающих географические объекты (например, г. Омск), коренные народы Сибири (этнические и племенные группы остяков, тунгусов, самоедов, хакасов, маньчжуров и др.), профильные учреждения (например, в статье об Ойротском областном краеведческом музее) и биографии. Совокупность этих статей формирует комплексный источниковедческий материал для анализа специфических художественных практик в контексте таких наук, как история и теория искусства, литература, архитектура, культурология искусства, музееведение, и для научного моделирования целостного культурно-исторического контекста развития искусства в Сибири.

Сибирская советская энциклопедия

как источник материала

для исследования искусства

В данном исследовании в качестве примера использования материалов ССЭ для истории и теории искусства, культуры и смежных дисциплины были выбраны статьи, посвященные визуальным видам искусств: «Графика и гравюра», «Живопись» из 1-го тома энциклопедии.

В статье 1929 г., посвященной живописи Сибири, опубликованной в 1-м томе ССЭ, авторами которой являются люди, скрывшиеся под инициалами «Г. В.» и «И. К. С.», представлена периодизация истории региональной живописи с разделением на 3 основных этапа. Первый этап (до 1860-х гг.) характеризуется как эпоха первоначального накопления материалов, где спрос на художественную деятельность формировали крестьянство (включая староверов, приобретавших преимущественно произведения иконописи и религиозные изображения ремесленно-кустарного производства, как правило, из Владимирской губернии и работы безымянных художников-сектантов, писавших «под древнее письмо»), а также служилый люд и зажиточное купечество, заинтересованные в приобретении произведений светской живописи – официальных портретов (императоров, министров, иных

государственных деятелей, губернаторов, своих родственников), и «классических» академических пейзажей.

Второй период (1860-е гг. до Октябрьской революции 1917 г.) совпал с экономическим развитием торгового капитала и промышленного капитализма. Авторы отмечают характерные особенности этого периода: 1) появление меценатства среди либеральной буржуазии; 2) формирование художественных собраний; значительный рост числа художников, включая ссыльных и сибиряков; 3) мощное влияние движения «передвижников», порвавших с «академизмом» и мифологической тематикой в пользу реалистичного изображения русской действительности, что способствовало появлению в столицах Москве и Санкт-Петербурге живописных картин на сибирские темы в творчестве художников С.В. Иванова, И.В. Волкова, В.М. Васнецова, К.А. Савицкого и появлению художников-сибиряков мирового уровня (великих живописцев В.И. Сурикова, чьи исторические полотна «питались» сибирскими впечатлениями, и М.А. Врубеля, связанного с г. Омском).

Третий, советский, период (с 1917 г.) был связан 1) с усложнением культурного состава населения из-за военнопленных и беженцев, 2) консолидацией значительного художественного актива в сибирских городах Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск, Омск, Чита и др., группирующегося по разным школам и направлениям (от реалистов-передвижников и последователей И.И. Шишкина (Г.И. Гуркин, Б.И. Лебединский) и В.И. Сурикова (И.И. Ляхов) до «импрессионистов», «мирискусников», «сезаннистов», «экспрессионистов» и «примитивистов», 3) активным обращением к современным темам, поискам «местного колорита», обращением к этнографическим сюжетам, 4) развитием выставочной деятельности с помощью организации художественных сообществ (например, «Общества любителей художников» в Томске 1909 г., «Общества иркутских художников» 1910 г., многочисленных выставок, включая Всесибирскую передвижную выставку «Новая

Сибирь» 1927 г.), 5) созданием сети художественных галерей в музеях городов Омск, Томск, Иркутск и др. и 6) организационным оформлением художников в секции изобразительного искусства филиалов Ассоциации Художников Революционной России (АХРР) и Сибирского общества художников «Новая Сибирь». Систематизация полученных данных представлена в табл. 1.

В статье 1929 г., посвящённой гравюре и графике Сибири, опубликованной в 1-м томе ССЭ, авторами которой являются И. М. и Л., представлен всесторонний анализ эволюции графических искусств в регионе начиная с XVI в., где ранние изображения Сибири в записках путешественников и картографических трудах («Кунгурская летопись» Семёна Ремизова, «Чертежная книга Сибири» 1701 г.) служили основным способом визуализации сибирской действительности. XVIII в. в целом отмечен расцветом гравюры как искусства и визуального исторического источника, включая гравирование экспедиционных зарисовок художников, богато иллюстрированные издания, появляются серийные эстампы русских гравёров с видами городов. Гравюры XIX в. характеризуются ростом количества графических зарисовок и акварелей авторства декабристов и ссыльных поляков, иллюстраций в научных трудах, работами художников-путешественников, издающих альбомы с изображениями мест путешествий. В 1870-е гг. томским художником М.С. Знаменским был издан первый собственно сибирский альбом «Моя поездка на кумыс» 1876 г., первое иллюстрированное издание, выполненное в Сибири. В конце XIX в. сибирская гравюра и графика представлены иллюстрациями в массовых периодических изданиях (в журналах «Нива», «Всемирная иллюстрация»). Советский период после октября 1917 г. в истории сибирской гравюры отмечен ростом спроса гравюры в книжных и периодических изданиях, активным использованием линогравюры в газетах и журналах, деятельностью военнопленных художников, формированием региональных художественных групп, отражавших актуальные

Таблица 1. Искусствоведческий материал, выделенный из первого тома Сибирской советской энциклопедии, статья «Живопись», 1929 г.
Table 1. Artistic material extracted from the first volume of the Siberian Soviet Encyclopedia, article "Painting", 1929

Период	Регион	Имена	Стилистические особенности
Живопись			
До 1860-х гг.	Сибирь в целом	Безымянные художники-староверы; Ф. И. Харинский; В. П. Петров; И. М. Мягков; А. Е. Мартынов; И. Меркулев; П. Петров; Н. А. Бестужев (декабрист); П. М. Кошаров	Религиозная иконопись, стилизованная «под древнее письмо». Академизм («псевдо-классическая» школа): официальные портреты, пейзажи, жанровые сцены. Этнографические зарисовки и виды городов
1860-е гг.– 1917 г.	Красноярск, Томск, Омск, Тобольск, Иркутск	В. И. Суриков; П. И. Кузнецов (меценат); Д. И. Рощинский, В. В. Флек; В. П. Сукачев (меценат); С. Е. Вронский; М. А. Кроуленберг, А. Э. Мако; М. П. Поляков (художник и коллекционер), Г. И. Гуркин, Казин (имя неизвестно) (скульптор), польские сосыльные (Вирчинский, Глуховский и др.)	Доминирование передвижнического реализма («правдивого» изображения действительности, акцента на социальных проблемах). Пейзажный лиризм (например, в творчестве Г. И. Гуркина, влияние пейзажной живописи И. И. Шишкина). Интерес к этнографии и истории Сибири (пример: В. И. Суриков: «Меншиков в Берёзове», «Покорение Сибири Ермаком»). Меценатство и создание частных художественных галерей
С 1917 г. (советский)	Красноярск, Томск, Омск, Тобольск, Иркутск, Ойротия, Новосибирск	А. Никулин («мирикусник»); А. В. Вошакин («импрессионист»); В. И. Уфимцев («экспрессионист»); группа «Новая Сибирь», Б. И. Лебединский (школа И. И. Шишкина); Н. А. Андреев («экспрессионист»); И. Л. Копылов, Д. И. Каратаев; И. И. Ляхов (школа В. И. Сурикова), В. М. Мизеров («мирикусник»); И. И. Тютиков («передвижник»), В. П. Трофимов; Г. И. Гуркин; Н. И. Чевалков, Р. С. Мэрдыгеев	Появление и развитие произведений искусства в художественных стилях, характерных для мирового и российского искусства этого времени: импрессионизм, экспрессионизм, «сезаннизм», примитивизм, конструктивизм. Обращение к современным темам (революции, индустриализации, коллективизации). Поиск «сибирского стиля». Возрождение интереса к этнографической теме, особенно художниками – коренными сибиряками. Формирование художественных объединений (филиалов АХРР, объединения «Новая Сибирь»). Создание сети музеев (в гг. Омск, Иркутск и др.)

Таблица 2. Искусствоведческий материал, выделенный из первого тома Сибирской советской энциклопедии, статья «Графика и гравюра», 1929 г.

Table 2. Artistic material extracted from the first volume of the Siberian Soviet Encyclopedia, article "Graphics and Engraving", 1929

Период	Источник	Имена авторов, гравёров, издания	Стилистические особенности
Гравюра и графика			
XVI–XVII вв.	Западноевропейские издания, включая описания путешествий, картографию	Антон Вид (1555); Сигизмунд Герберштейн (1556); Энтони Дженкинсон (1562); Адам Олеарий (1647); de la Martiniere (1676); Н. Витсен (1692)	Техника ксилографии. Схематичные изображения сибирских народов. Изображения идола «Златая Баба», сибирских городов, сибирских народов: калмыков и др. Этнографический интерес. «Голландский стиль» изображения городских видов (в книге о путешествиях Н. Витсена, 1692)
XVIII в.	Экспедиционные материалы	Семен Ремизов («Кунгурская летопись», «Чертежная книга Сибири», 1701); Д. Мессершмидт (1720–27); Ф. Страленберг (1730); К. Гейслер (для книг П. Палласом); Лурсенгиус (сопровождавший экспедиции Г.Ф. Миллера); Ж.Б. Лепренс (сопровождавший путешествие Ш. д'Отроша) (1768–69); Русские гравёры И. Соколов, И. В. Чесский, Н. И. Уткин,	Техника медной гравюры: Детализация изображений археологических памятников, городских панорам, типов народов. Иллюстрации во французском стиле рококо. Научно-документальный подход к сюжетам. Серийность эстампов для специализированных изданий (например, для «Описание всех обитающих в Российской империи народов» И. Г. Георги, 1776–99)
Первая пол. XIX в.	Ссылные и путешественники	Мастерами графики, акварели выступают декабристы (Н. А. Бестужев); ссылные поляки (С. Е. Вронский, Ю. Флек). Гравюры А. Е. Мартынова (иллюстратора книги «Живописное путешествие», 1819)	Использование техники акварели и рисунка: Виды городов (г. Томск на гравюрах Ю. Флека, 1870-е гг.), бытовые сцены. Техника литографии: Издание цветных альбомов (Дж. Аткинсон, 1858; К. А. Мейер, 1846). Характерны романтизированные пейзажи, этнографическая точность изображений. Развивается журнальная графика (пример: «Сибирский вестник»)
Вторая пол. XIX в.	Локальные центры (города) Сибири	Художник-график М. С. Знаменский (г. Тобольск; «Моя поездка на кумыс», 1876); П. М. Кошаров («Виды Томска», 1886; «Художественно-этнографические рисунки», 1889–90); художники-графики Г. И. Гуркин; Д. И. Каратанов	Техника тоновой гравюры на дереве: Иллюстрации в популярных журналах («Нива», «Всемирная иллюстрация»). Техника литографии: Альбомы сибирских художников. Реалистичная бытопись, краеведческий акцент. Первые сибирские иллюстрированные издания

Таблица 2. Продолжение
Table 2. Continued

Период	Источник	Имена авторов, гравёров, издания	Стилистические особенности
1914–1920-е гг. (советский)	Художественные группы	Художественные сообщества военнопленных (Баккер (имя неизвестно) г. Томск, гравюры лагерных сцен), г. Иркутск, художники К. Мазылевский, В.И. Анисимов, Б.И. Лебединский (техника офорта), график Е.М. Емельянов, г. Новосибирск: график Н.Н. Нагорская, С.Н. Липин (техника ксилографии), график А.Г. Заковряшин. Иллюстраторы журналов «Сибирские Огни», «Настоящее» и др.	Доминирование линогравюры. Экспрессия, контрастность как элементы художественного стиля, доступность для газет и других периодических изданий. Техника офорта. Камерные исторические сюжеты для графики (Б.И. Лебединский). Авангардные эксперименты (Е.М. Емельянов). Социальная тематика: революция, индустриализация, современный быт. Формирование художественных объединений («Новая Сибирь»)

события в иллюстрациях и репродукциях журналов «Сибирские Огни», «Настоящее» и других. Систематизация полученных данных представлена в табл. 2.

Заключение

Таким образом, искусствоведческо-культурологическая значимость тематических и биографических статей издания ССЭ (1929–1937 (1992)) достаточно велика.

Многие имена деятелей искусств и художественной культуры остались документально подтвержденными только в этих текстах. Для будущих исследований истории искусства и культуры сибирских регионов (с учетом хронологических, мировоззренческих, субъективно-авторских и ряда других факторов) все изданные 4 тома имеют статус ценного источника и опоры в дальнейших изысканиях.

Список литературы / References

Blinova O. I., Palagina V. V. «Sibirskaja sovetskaja entsiklopedija» kak istochnik dialektnoi leksikografii [«Siberian Soviet Encyclopedia» as a source of dialect lexicography]. In: [eds. M. N. Iantsenetskaia]. *Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta*, 1979. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000118546>

Bogomazova O. V. Sovetskie entsiklopedii 1920–1960-kh godov kak istochnik istoriograficheskikh predstavlenii [Soviet Encyclopedias of the 1920s–1960s as a Source of Historiographic Representations]. In: *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, 22 (351), 61, 161–166. – EDN: BCDJDM.

Ermakov T. K., Degtyarenko K. A. Art Encyclopedia as Quasi- Object: Interaction of Socio- Cultural Context and Encyclopedias in the USSR. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social science*, 2025, 18(4), 664–673. EDN: VDADCDC

Fazylov R. R. Tipologicheskie osobennosti illiustrirovannykh regional'nykh èntsiklopedii (na primere izdaniï «Narody Bashkortostana: èntsiklopedija» i «Tatarstan: illiustrirovannaia èntsiklopedija») [Typological Features of the Illustrated Regional Encyclopedias (On the Example of Editions «The Peoples of Bashkortostan: Encyclopedia» and «Tatarstan: The Illustrated Encyclopedia»)]. In: *Iazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2020, 8, 42–46.

Kirpichenko T. V. «Sibirskaia sovetskaia entsiklopediia» kak informatsionnyi resurs o literaturnoi zhizni rossiiskogo Dal'nego Vostoka [«Siberian Soviet Encyclopedia» as an informational resource on the literary life of the Russian Far East]. In: *Istoriopisanie* [Historical writing], 2015, 1(17), 47–53.

Koptseva N. P., Menzhurenko Yu. N. The First Russian Encyclopedias on the History and Theory of Art: a Cultural Analysis. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social science.*, 2025, 18(4), 694–702. EDN: WMFMSU

Martynenko I. Yu. Kul'turnye praktiki sokhraneniia nauchnogo znaniia: istoricheskii i sovremennyi kontekst [Cultural Practices of Preserving Scientific Knowledge: Historical and Contemporary Context]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofii* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2023, 1, 107–116.

Nikonov A. A. Èntsiklopediia kak forma prezentatsii nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti muzeia [The Encyclopedia as a Form of Presenting the Research Activities of a Museum]. In: *Voprosy muzeologii* [Museum Studies Issues], 2024, 15(2), 244–254.

Pimenova N. N., Bukova M. I., Kistova A. V. Review of Domestic Encyclopedic Publications on the History of Art for Children of the 20th–21st Centuries. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and social science*, 2025, 18(4), 703–712. EDN: WEJOBH

Posadskov A. L. A. N. Turunov kak kliuchevaia figura “Sibirskoi sovetskoi entsiklopedii”: ob istorii izdaniia (1926–1937 gg.) i popytke ego vozrozhdeniia (1946–1948 gg.) [A. N. Turunov as the Key Figure of the “Siberian Soviet Encyclopedia”: On the History of the Publication (1926–1937) and the Attempt to Revive It (1946–1948)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Tomsk State University Journal of History], 2022, 72, 166–175. DOI: 10.17223/19988613/72/17.

Shchukin A. V. Kratkaia istoriia neudavsheisia Sibirskoi sovetskoi entsiklopedii [A Brief History of the Failed Siberian Soviet Encyclopedia]. In: *Istoriia i arkhivnoe delo Sibiri* [History and Archival Studies of Siberia], 2020, 1, 36–44.

Sheliugina O. A. «Sibirskaia sovetskaia entsiklopediia» kak istochnik issledovaniia khudozhestvennoi zhizni Altaia [«Siberian Soviet Encyclopedia» as a source for the study of the artistic life of Altai]. In: *Vestnik altaiskoi nauki* [Bulletin of Altai Science], 2008, (3), 67–70.

Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. Tom 1: A–Zh [The Siberian Soviet Encyclopedia. Vol. 1: A–Zh. Sibirskoye kraevoe izdatelstvo; Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ, 1929, 524.

Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. Tom 2: Z–K [The Siberian Soviet Encyclopedia. Vol. 2: Z–K]. Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ, 1931–1152.

Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. Tom 3: L–N [The Siberian Soviet Encyclopedia. Vol. 3: L–N]. Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZ, 1932, 804.

Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya. Tom 4: Obdorsk–Sezdy [The Siberian Soviet Encyclopedia. Vol. 4: Obdorsk–Sezdy]. Norman Ross Publishing Inc, 1992, 547.

Skipina I. V. Pod imenem «SV»: ischeznoenie familii v avtorskikh stat'iakh SV Bakhrushina v «Sibirskoi sovetskoi entsiklopedii» [Under the name «SV»: the disappearance of the surname in the author's articles by SV Bakhrushin in the «Siberian Soviet Encyclopedia»]. In: *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2021, (6 (86)), 61–66.

Soklakov A. Yu. Kazachestvo v otechestvennykh èntsiklopedicheskikh i spravochnykh izdaniiax [The Cossacks in Russian Encyclopedic and Reference Publications]. In: *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of the Military University], 2010, 4(24), 87–91.

Tiutiunnikov N. N. Tipologiia voennykh slovarei i èntsiklopedii [Typology of Military Dictionaries and Encyclopedias]. In: *Iazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2020, 8, 7–11.

Vibe P. P. Sibirskaya sovetskaia entsiklopediia (SSÈ) [Siberian Soviet Encyclopedia (SSE)]. In: *Omskii istoriko-kraevedcheskii slovar'* [Omsk Historical and Local Lore Dictionary]. M., Otechestvo, 1994, 239.

Yanbaev I. K. Osobennosti organizatsii struktury istoriko-biograficheskikh proizvedenii Riza Fakhretdinova [Structural Organization Features of Historical and Biographical Works by Riza Fakhretdinov]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir State University], 2011, 16(3), 1091–1093.

EDN: CUKHOZ
УДК 06.064

Rethinking Ancient Cultures in Contemporary Siberian Art: Museum Project «Dreams of Siberia»

Anastasia V. Kistova^{a,b}, Natalya N. Pimenova^{*a}
and Maria I. Bukova^b

^a*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

^b*Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 19.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 04.09.2025

Abstract. The article is devoted to the cultural analysis of the exhibition «Dreams of Siberia», presented in Krasnoyarsk from autumn 2024 to spring 2025. Built on the dialogue of archaeological monuments from museums from all over Russia and examples of neoarchaic art in contemporary Siberian art, this unique exposition was first presented to the public in 2022 in Moscow, then exhibited in Vladivostok, but the Krasnoyarsk version differs significantly from its predecessors. In Krasnoyarsk, the exhibition project was located at two exhibition sites at once, uniting two major art museums of the city – the Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov and the Museum Center «Peace Square». The study shows how both expositions at two sites build a dialogue with the viewer, and how they organize a single space for the viewer's journey through the mythological space of Siberia and his participation in reasoning about the place of man in the world, and most importantly – about his own identity.

Keywords: Krasnoyarsk Art Museum named after V. I. Surikov, Museum Center «Peace Square», exhibition project «Dreams of Siberia», archeology, contemporary art, neoarchaic.

Citation: Kistova A. V., Pimenova N. N., Bukova M. I. Rethinking Ancient Cultures in Contemporary Siberian Art: Museum Project «Dreams of Siberia». In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1867–1878. EDN: CUKHOZ

Переосмысление древних культур в современном сибирском искусстве: музейный проект «Сны Сибири»

А.В. Кистова^{а, б}, Н.Н. Пименова^а, М.И. Букова^б

^а Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^б Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена культурологическому анализу выставки «Сны Сибири», представленной в Красноярске с осени 2024 г. до весны 2025 г. Построенная на диалоге археологических памятников из музеев со всей России и образцов неоархаики в современном сибирском искусстве, эта уникальная экспозиция впервые была представлена публике в 2022 г. в Москве, затем выставлялась во Владивостоке, но красноярский вариант существенно отличается от предшественников. В Красноярске выставочный проект разместился сразу на двух экспозиционных площадках, объединив два крупных художественных музея города – Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова и Музейный центр «Площадь Мира». Исследование показывает, как обе экспозиции на двух площадках выстраивают диалог со зрителем, и как они организуют единое пространство путешествия зрителя по мифонасыщенному пространству Сибири и его участия в рассуждении о месте человека в мире, а главное – о собственной идентичности.

Ключевые слова: Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова, Музейный центр «Площадь Мира», выставочный проект «Сны Сибири», археология, современное искусство, неоархаика.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Кистова А. В., Пименова Н. Н., Букова М. И. Переосмысление древних культур в современном сибирском искусстве: музейный проект «Сны Сибири». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1867–1878. EDN: CUKHOZ

Введение

Уникальная в своем роде экспозиция «Сны Сибири», построенная на диалоге археологических памятников огромной территории из музеев со всей России и образцов неоархаики в современном сибирском искусстве, была впервые представлена публике в 2022 г. в Государственном историческом музее (г. Москва), а в Красноярске открылась 24 октября 2024 г., до этого побывав во Владивостоке (Sny Sibiri. Oficial'nyy sayt proyekta). При этом именно в Красноярске выставочный проект воплотил свойственную ему

идею диалога и тем, что разместился сразу на двух больших экспозиционных площадках. Он объединил два крупных музея города – Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова и Музейный центр «Площадь Мира». Выставка «Сны Сибири» получила не только широкое освещение в региональных СМИ (Desyat' prichin uvidet' «Sny Sibiri», 2024; Kladez' neissledovannykh kul'tur..., 2024; Vystavka «Sny Sibiri» v Krasnoyarske, 2024; Vorony-dukhi, zveri iz dosok i Dashi Namdakov..., 2024; Drevnost' i sovremennost', 2025; Drevnie artefakty..., 2024), но и горячий

отклик красноярской публики и профессионального сообщества. Такая популярность не случайна, ведь этот проект обращается к теме, значимой для социокультурного пространства Красноярск и края, имеющей прямое отношение к региональной идентичности, воплощенной в искусстве как древности, так и современности. Этот подход, создающий пространство для активной коммуникации зрителя с визуальным искусством как переживания собственной идентичности (P'yeykina, 2013), вероятно, и внес существенный вклад в актуальность и популярность выставки. По причине такого отклика аудитории проект не только отработал предназначенный для него срок с 24 октября 2024 г. по 12 января 2025 г., но и был продлен. В результате на площадке КХМ им. В.И. Сурикова экспозиция была открыта до 23 февраля, а в «Площади Мира» – до 27 апреля 2025 г. (Vystavku «Sny Sibiri» prodli! 2025). В той части экспозиции, что являет собой современное сибирское искусство, переосмысливающее архаические традиции, оба красноярских музея представили произведения из собственных коллекций.

Обзор исследований по теме

Неоархаика как метод в современном искусстве Сибири исследуется в настоящее время с различных сторон. Некоторые исследователи, как А.Г. Кичигина, рассматривают то, как в образах неоархаического искусства трансформируются мифологические представления этносов Сибири, утверждая, что неоархаический образ преобразует первоначальный мифологический в новую символическую конструкцию, метафору (Kichigina, 2008; Kichigina, 2007). Исследование О.А. Прошкиной прослеживает историю неоархаики с феноменами «археарта» и «сибирской этники» и отмечает, что как большое явление она прозвучала впервые в выставочных проектах 2000-х гг. (Proshkina, 2018). Автор фиксирует, что художники неоархаики обращаются к знаку как к идейной сердцевине произведения, выстраивая новые прочтения архетипов, выделяет использование ими метода обобщения форм, а также опору на прин-

цип отсечения внешнего как отказа от ряда традиций и окружения. Исследователи неоархаики выделяют следующие методы и приемы этого направления (на примере использования современными художниками произведений скифо-сибирского звериного стиля): метод художественной цитаты, метод реминисценции, «деконструкция», метафоричность и прием декоративности (Zenina, 2024).

Публикации ученых рассматривают:

- выставочные проекты, посвященные неоархаическому направлению (Galygina, 2015) и творчество отдельных мастеров (Semenova, 2013; Shishin, 2015; Kichigina, 2020; Artimovich, 2019),
- актуализацию конкретных художественных традиций древности в практике неоархаики (Zenina, 2024) и методы современного искусства, проявленные в соответствующих произведениях (Porova, 2023),
- выстраивание диалога между древними традициями и современными подходами и направлениями с позиции формы (Nikolaeva, 2019; Garaeva, 2014; Kocharova, 2019; Chirkov, 2015) и особые мифологические истоки содержания произведений неоархаики (Chirkov, 2025),
- презентацию артефактов из музейных коллекций в актуальных художественных произведениях (Ogurtsova, 2025).

Искусство неоархаики понимается искусствоведами и культурологами как поиск современной сибирской идентичности и прямой разговор о ее специфике, что входит в актуальную повестку уже в течение 40–45 лет (Lomanova, 2020; Kichigina, 2019). Учеными отмечается «глубина» культурной древности, к которой обращена неоархаика, показывается их сближение с пра- и палеокультурой (Musyankova, 2016). Неоархаика осмысливается в качестве междисциплинарного явления, в котором смыкаются искусство и археология (Suslennikova, 2023), что позволяет обрести Сибири идентичность, ясную принадлежность, визуализированную в художественных формах (Gur'yanova, 2013). Роль этого направления в искусстве осознается и в контексте поддержания, сохранения

и воспроизводства локальной культуры разных регионов. Речь идет не только о сибирских территориях и сообществах, поскольку неоархаику можно считать международным явлением, зачастую связанным с исконными культурами северных территорий (Rozvadovskiy, 2021). Встречаются также исследования, в которых проводится анализ конкретных произведений мастеров неоархаики (Kistova, 2022) и источников их вдохновения – памятников древнего искусства Сибири (Yachmenev, 2025).

Выставка «Сны Сибири» уже также стала объектом изучения, но отдельных статей, посвященных анализу данной экспозиции, не встречается, чаще всего на ее примере рассматривается актуальный для конкретного исследования вопрос. Так, данную выставку обсуждают с позиции применения новых музейно-экспозиционных технологий (Kogovnikova, 2024; Lyutaeva, 2024) и как пример репрезентации древних памятников искусства (Suprun, 2023). Данное исследование рассматривает опыт проведения выставки «Сны Сибири» в уникальном формате в Красноярске в искусствоведческом и культурологическом аспектах с позиции ее концептуальной идеи, воплощения данной идеи и возможностей художественных коммуникаций, предоставляемых произведениями искусства, представленными на выставке, для зрителя, а также с точки зрения демонстрации феномена переосмысления древнего сибирского искусства в современном.

Методология

В статье проводится анализ выставочного проекта как культурной практики. Ключевым методом исследования выступает культурологический анализ музейного выставочного проекта «Сны Сибири» как уникальной культурной практики, совмещающей археологические находки – образцы древнего искусства, и современные произведения. Данный метод показывает свою эффективность в теоретических и эмпирических исследованиях культуры, искусства и различных культурных практик и институций (Reznikova, 2016; Kupriyanova, 2024; Sertakova, 2024), в т.ч. в культуре Красно-

ярска и края (Sertakova, 2019; Fil'ko, 2021; Kolesnik, 2022; Krutikova, 2023; Sitnikova, 2025), а также актуальной методологии науки и культурных концептов (Kistova, 2013; Sitnikova, 2014; Sitnikova, 2024; Zotov, 2025; Leshchinskaya, 2025). В связи с вопросами идентичности современными учеными исследуются феномены традиционного искусства (Koptseva, 2012; Koptseva, 2013; Seredkina, 2018; Kolesnik, 2018), а также специфика существования культурной памяти обществ в формах современного искусства (Koptseva, 2022; Afanas'yeva, 2024; Sertakova, 2025). Изучается и музей как институция, значимая в области культурных практик (Smolina, 2023; Beletskaya, 2025).

Результаты

Выставочно-образовательный проект «Сны Сибири» в Красноярске реализован Фондом развития науки и культуры «Таволга» при поддержке Российского исторического общества в рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» Министерства культуры Российской Федерации. Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова (КХМ им. В.И. Сурикова) и Музейный центр «Площадь Мира» выступали в этом проекте в качестве принимающих площадок и соорганизаторов экспозиции и образовательной программы. В основе проекта лежала основополагающая идея единства народов России, населяющих территорию от Предуралья до Дальнего Востока, а также идея максимальной смысловой близости произведений искусства древних культур и современных художников.

Выставка «Сны Сибири» изначально проектировалась как иммерсивная, рассказывающая о древнем и средневековом прошлом Сибири и Дальнего Востока. Этот проект впервые представил древние культуры Приуралья, Сибири и Дальнего Востока с помощью объединения истории, археологии, современного искусства и передовых экспозиционных технологий. На выставке посетитель мог совершить путешествие во времени и пространстве, проходя сквозь «лес», «горы» и «степи», встречался с нео-

бычными образами и сакральными символами народов, проживавших на территории Сибири в разные эпохи. Экспозиция объединила артефакты эпохи неолита, зооморфные образы железного века, причудливые композиции пермского звериного стиля, кулайской, тагарской и пазырыкской культур, оружие и керамику, древние маски и копии тысячелетних каменных стел, выполненные в натуральную величину, а также произведения современных художников, в которых переосмысливаются мотивы искусства древних культур Сибири.

Проект в Красноярске отличался от предыдущих выставок в Москве и Владивостоке по нескольким параметрам. В сравнении с ними в красноярской экспозиции в полтора раза было увеличено количество археологических артефактов, в четыре раза возросло число произведений современного искусства, но самое главное – общая концепция выставки предлагала новую интерпретацию каждой музейной площадки и фондов, которые хранятся в этих музеях, побуждая красноярцев и гостей города поразмышлять не только об актуализации культурного наследия в регионе, но и о собственной идентичности.

Работа над проектированием экспозиций в двух музеях велась одновременно по кураторскому принципу: у каждой площадки был свой куратор археологической части, свой куратор части, посвященной современному искусству, а также был общий куратор всего проекта, который удерживал единство концептуальной базы при разных подходах к материалу и его интерпретации.

На двух площадках выставки «Сны Сибири» было представлено более 90 редких археологических экспонатов из разных музеев России от Санкт-Петербурга до Владивостока и более 200 произведений современного искусства (Sny Sibiri (katalog vystavki)..., 2025), выбранных кураторами этих разделов – Кириллом Светляковым (Государственная Третьяковская галерея, Москва) и Сергеем Ковалевским (Музейный центр «Площадь Мира», Красноярск). Современное искусство в экспозиции было представлено работами художников Запад-

ной и Восточной Сибири, обращающихся в своем творчестве к теме неолита.

Разные по архитектуре и фондам музейные площадки позволили кураторам создать возможность многогранного диалога зрителя и произведений искусства, современного человека и древнего мира Сибири: «Две площадки выставки «Сны Сибири» – это два отражения, два опыта интерпретации музеями своих коллекций в предложенном контексте» (Sny Sibiri. Ofitsial'nyy sayt proyekta).

В Музейном центре «Площадь Мира» посетителю предлагалось погружение в мир фантазии и снов, которые как бы сняты Сибири как живому фантастическому персонажу. Именно ее образ – образ Сибири – встречал всех посетителей при входе в экспозицию (рис. 1). В темном и мистическом пространстве экспозиции посетителя ожидал путь через разные пространства снов – земель: лес, степь, горы. Помимо самих археологических артефактов, которые были поданы как произведения ювелирного искусства – каждый предмет в отдельной витрине с точечной подсветкой и отдельной этикеткой (не более четырех предметов в витрине), зрителям встречались созданные скульпторами с помощью 3D-печати персонажи – медведь, совы, избушка на курьих ножках, саблезубый тигр, дерево с оберегами и др. (рис. 2).

Современное искусство здесь являлось преамбулой к археологии, которая вместе с архитектурным решением выставки, ее световым и звуковым оформлением усиливала эффект попадания в пространство древности. Посетитель словно в снефантазии совершал путешествие во времени и пространстве, погружаясь в древние культуры и их символы.

В экспозиции «Сны Сибири» в Музейном центре «Площадь Мира» современное искусство дважды встречалось зрителю: в самом начале пути посетителя встречали произведения Сергея Ануфриева, Николая Рыбакова и других сибирских авторов из коллекции Музейного центра, выполняя роль преамбулы к миру древних артефактов; а в пространстве «Полиэкрана» разме-

Рис. 1. Образ Сибири при входе на выставку в Музейном центре «Площадь Мира»
Fig. 1. The image of Siberia at the entrance to the exhibition at the Museum Center "Ploshchad Mira"

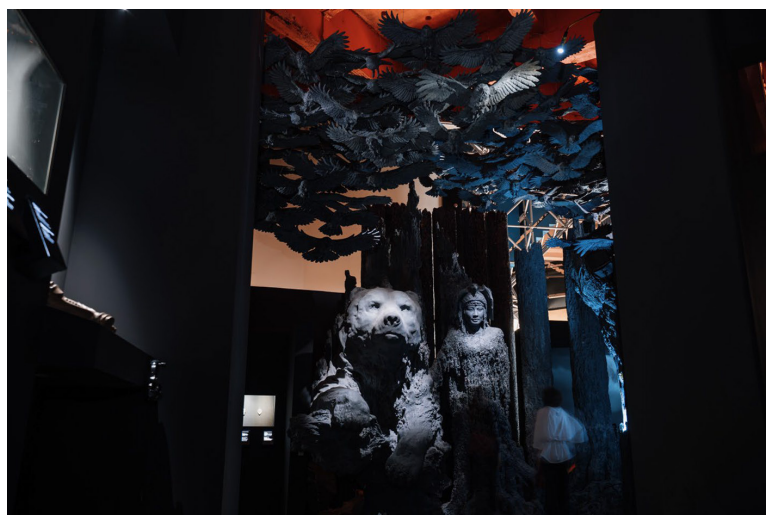

Рис. 2. Фрагмент экспозиции выставки «Сны Сибири» в Музейном центре «Площадь Мира»
Fig. 2. A fragment of the exhibition "Dreams of Siberia" at the Museum Center "Ploshchad Mira"

стился верхний ярус площадки с самостоятельной кураторской концепцией «Архаика современности» Сергея Ковалевского.

В залах «Полиэкрана» были представлены работы современных авторов Владимира Башлыкова, Антона Тхоренко, Сергея Бондина, Адрея Исаенкова, Дамира Муратова, Виктора Сачивко, Наташи Шалиной, Юры Адомейко и других из собственных фондов

центра и из мастерских авторов. В их произведениях, созданных в разных жанрах и техниках, отчетливо видны сквозные темы первоначал современности (рис. 3).

Таким образом, в экспозиции посетитель получал опыт погружения в мир древности через произведения современных авторов как проводников, которые одновременно помогают и уйти в сон-фантазию,

Рис. 3. Фрагмент экспозиции «Архаика современности» в пространстве выставки «Сны Сибири» в Музейном центре «Площадь Мира»

Fig. 3. A fragment of the exhibition "The Archaic of Modernity" in the exhibition "Dreams of Siberia" at the Museum Center "Ploshchad Mira"

и увидеть этот сон наяву в новой современной интерпретации. Благодаря этому зритель получал возможность «нырнуть» и безопасно «вынырнуть» из мира сновидений, ощутив при этом, что некоторые базовые смыслы древних культур до сих пор живы и актуальны.

В Красноярском художественном музее имени В. И. Сурикова зритель, согласно идее кураторов, как будто находился в пространстве сна-размышления, к которому его призывали образцы архаики и неоархаики XX–XXI вв., разделяемые тысячелетиями, но находившиеся в одном экспозиционном пространстве в переключке друг с другом. Объем и глубину этого сна-размышления создавали авторская музыкальная композиция и уникальное ольфакторное сопровождение залов, впервые созданное для проекта: ароматические композиции на тему снов – «Сон огня», «Сон животного и растения», «Сон человека», «Сон машины».

Археологический раздел выставки на этой площадке был представлен образами, «отражающими саморефлексию древ-

них мастеров – это разнообразные антропоморфные изображения от «шаманских личин» до монументальных мемориальных памятников эпохи древних тюрков» (Sny Sibiri. Ofitsial'nyy sayt proyekta).

Ведущую же роль в этом пространстве играло современное искусство, продолжающее тему поиска идентичности. Произведения Юрия Худоногова, Владимира Капелько, Сергея Ануфриева, Марины Ленченко, Валерия Пилипчука, Ларисы Плетневой, Владимира Наседкина, Натальи Баданиной и ряда других художников, заряженные творческой энергией мифов древности, опираются на локальный опыт, создавая собственные образы сибирской идентичности (рис. 4). Проходя по экспозиции и самостоятельно исследуя феномен неоархаики, зритель имел возможность интуитивно найти ответ на вопрос «Что такое произведение искусства на современном этапе: средство коммуникации, гибрид органики и техники, откровение, экзотический сувенир или что-то другое?». И одновременно посетитель получал опыт собственного

Рис. 4. Фрагмент экспозиции «Сны Сибири» в КХМ им. В.И. Сурикова
Fig. 4. A fragment of the “Dreams of Siberia” exhibition at the Surikov Museum of Fine Arts

Рис. 5. Фрагмент экспозиции «Сны Сибири» в КХМ им. В.И. Сурикова
Fig. 5. A fragment of the “Dreams of Siberia” exhibition at the Surikov Museum of Fine Arts

проживания идентичности, сопоставляя себя с разными образами саморефлексии художников, хоть и принадлежащих к разным эпохам и культурам, но объединенных единым пространством Сибири (рис. 5).

Именно в экспозиционных залах КХМ им. В.И. Сурикова процесс самоидентификации зрителя в качестве жителя Сибири, наследника древних культур и неосознанного носителя древних базовых смыслов был основным смыслообразующим элемен-

том экспозиции, сопровождающего аудиогuida, образовательных программ и экскурсионного маршрута.

Но общий многогранный образ Сибири, как и мифа, и живой современности, хранящей память о глубине времен в художественных образах сибирских авторов, мог сформироваться только после знакомства с обеими площадками выставки. В Красноярске зрителям предлагалось взглянуть на сны Сибири, «нырнув» в них

и заглядывая в них из современности через произведения искусства как через своеобразные окна-порталы-зеркала. Такой эффект был создан не только общим подходом к оформлению площадок (максимальное затемнение пространств, точечное освещение экспонатов, специально созданные под каждую площадку, но в единой стилистике звуковые дорожки), но и сложным подходом к тематико-концептуальному принципу обеих площадок.

Заключение

Проведенный культурологический анализ уникального опыта экспозиции «Сны Сибири» в Красноярске, разместившейся на площадях двух центральных художественных музеев города, как культурной практики позволил прийти к следующим выводам. Итак, в уникальной экспозиции «Сны Сибири» в Красноярске зрителям была предоставлена возможность как погрузиться в сны Сибири, так и взглянуть на них через зеркала современных произведений искусства, осмысляющих те же вопросы, выступающих носителями смыслов, родственных артефактам культур древности.

Кураторы создали перекличку экспозиций, распределив на двух разных площадках Красноярского художественного музея им. В.И. Сурикова и Музейного центра

«Площадь Мира» археологические предметы одних и тех же культур, но при этом выбрав тематический принцип разделения: в Музейном центре «Площадь Мира» были представлены в основном зооморфные образы, в Красноярском художественном музее – антропоморфные. Эту же перекличку создавали и произведения современного искусства: на обеих площадках присутствовали скульптуры Даши Намдакова и произведения Сергея Ануфриева. И в этом же заключалось и своеобразие каждой из частей экспозиций – на каждой площадке преобладали фонды музея-организатора: в Музейном центре «Площадь Мира» – молодые и современные авторы, в Красноярском художественном музее – художники XX века и современные авторы.

Таким образом, лишь посетив обе площадки выставки, зритель совершал полное путешествие по мифологическому пространству Сибири и становился участником вечного диалога, который ведут мастера древности с современными художниками, рассуждая о месте человека в этом мире. И не просто человека, но самого себя, поскольку опыт проживания собственной сибирской идентичности во всех ее подробностях и через своеобразные культурные образы выступает ядром сущности экспозиции в ее диалоге со зрителем.

Список литературы / References

- Afanas'yeva U. I. Retsenziya na vystavku Viktora Sachivko «povtoreniye». In *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*, 2024. 3(3), 59–64.
- Artimovich I. A. Neoarkhaika v parkovoy skulpture Igorya Zosimovicha. In: *Iskusstvo i kul'tura*, 2019. 1, 18–23.
- Beletskaya U. A. Sovremennyye kontseptsii kul'turologicheskikh issledovaniy muzeya. In: *Severnnyye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(1), 124–131.
- Chirkov V. F. Tvorchestvo G. S. Raishyeva v kontekste khudozhestvennogo napravleniya «Sibirskaya neoarkhaika»: obshcheye i osobennoye. In: *Tvorchestvo G. S. Raishyeva v kontekste sovremennoy kul'tury 1960–2010-e gody*, 2015, 69–76.
- Chirkov V. F., Galygina O. M. Mifologicheskoe napolnenie proizvedeniy «sibirskoy neoarkhaiki»: k voprosu ob izuchenii khudozhestvennogo napravleniya. In: *Iskusstvo Evrazii*, 2025, 1(36), 210–239.
- Desyat' prichin uvidet' «Sny Sibiri». Krasnoyarskie muzei otkryvayut glavnyuyu vystavku goda. In: *Gorod Prima*. 2024. Available at: <https://gorodprima.ru/2024/10/22/10-prichin-uvidet-sny-sibiri/?ysclid=mbumitrxmz290094377>
- Drevnie artefakty i raboty sovremennykh khudozhnikov predstavili na immersivnoy vystavke «Sny Sibiri» v Krasnoyarske. In: *Mir24*. 2024. Available at: <https://mir24.tv/news/16606533/drevnie>

artefakty-i-raboty-sovremennykh-khudozhnikov-predstavili-na-immersivnoi-vystavke-sny-sibiri-v-krasnoyarske

Drevnost' i sovremennost': kak v Sibiri govoryat o kul'ture regiona. 2025. In: *RBK*. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/social/671ba7869a79474ea9850ead?from=copy>

Fil'ko A. I., Avdeyeva YU. N., Kistova A. V. i dr. Etnokul'turnaya dinamika Krasnoyarskogo kraya v tvorchestve krasnoyarskikh khudozhnikov. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2021, 14(6), 873–889.

Galygina O. M. Sibirskaya neoarkhaika. In: *Iskusstvo Evrazii*, 2015, (1(1)), 135–138.

Garaeva A. L. Reduplikatsiya «arkhaicheskogo» v iskusstve avangarda i spetsifika sibirskoy «neoarkhaiki». In: *Vstrecha kul'tur v prostranstve Sibiri*, 2014, 156–160.

Gur'yanova G. G. Neoarkhaicheskii proekt sibirskogo iskusstva. In: *Novyy universitet. Seriya: Aktual'nye problemy humanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2013, 8, 35–39.

Il'beykina M. I. Sovremennyye muzeynyye praktiki: 2000–2012 gg. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, 1, 399.

Kichigina A. G. Yavlenie neoarkhaiki v sovremennom iskusstve Sibiri. In *Omskii nauchnyi vestnik*, 2007, (1 (51)), 183–187.

Kichigina A. G. Iskusstvo neoarkhaiki v kontekste sovremennoy regional'noy kul'tury: dis. O., 2008, 167.

Kichigina A. G. Sibirskaya neoarkhaika kak faktor sokhraneniya regional'noi kul'tury. In: *Kul'turnye initsiativy. Materialy 51 Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii molodykh issledovatelei. Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury*, 2019, 63–65.

Kichigina A. G. Printsipy obrazno-znakovogo yazyka neoarkhaiki v tvorchestve NA Spesivtsevoi. In: *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*, 2020, 4, 62–69.

Kistova A. V. Etnograficheskii metod v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, 6, 900.

Kistova A. V. Dashi Namdakov. Transformatsiya. Chto khotel skazat' avtor? In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*, 2022, 1(1), 53–72.

Kladez' neissledovannykh kul'tur: v Krasnoyarske otkrylas' immersivnaya vystavka sovremenno-go i arkhaichnogo iskusstva «Sny Sibiri». Dialog proshlogo i nastoyashchego. 2024. In: *Internet-gazeta «NewsLab»*. Available at: <https://newslab.ru/photo/1319849?ysclid=mbumm0ezbu970713236>

Kocharova G. V. Otrazhenie sakral'noy tematiki v proizvedenii REVELAIOIE Vladimira Cholaka sredstvami neoarkhaiki i media-iskusstva. In: *Muzyka v prostranstve mediakul'tury*, 2019, 183–188.

Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Sertakova Ye. A. i dr. Osobennosti razvitiya partitsipatornogo iskusstva v gorode Krasnoyarske (Rossiyskaya Federatsiya) v nachale XXI veka. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2022, 15, 6, 826–839.

Kolesnik M. A., Smolina M. G. Otechestvennyye praktiki sokhraneniya kul'turnogo naslediya bes-pis'mennykh narodov. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*, 2018, 2(4), 41–53.

Koptseva N. P., Menzhurenko YU. N., Degtyarenko K. A. Kul'turnaya pamyat' i etnicheskaya identi-fikatsiya. Krasnoyarsk, 2022, 250.

Koptseva N. P., Nevol'ko N. N. Natsional'noye izobrazitel'noye iskusstvo v protsesse formirovaniya i sokhraneniya etnicheskoy identichnosti korennykh malochislennykh narodov (na primere khakasskogo izobrazitel'nogo iskusstva). In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2012, 5(8), 1179–1198.

Koptseva N. P., Nevol'ko N. N., Reznikova K. V. Formirovaniye etnicheskoy kul'turnoy identichnosti v sovremennoy Rossii s pomoshch'yu proizvedeniy natsional'nogo iskusstva (na primere evenkiyskogo eposa i dekorativno-prikladnogo iskusstva). In: *Pedagogika iskusstva*, 2013, 1, 1–15.

Korovnikova N. A. Sovremennoe muzeinoe prostranstvo: Novye tekhnologii i praktiki. In: *Vestnik kul'turologii*, 2024, 3(110), 224–242.

Krutikova A. D. Zhenskoye iskusstvo Krasnoyarska v 2010–2020-kh gg. Na materiale publik-toka «Zhenshchiny v muzeye» (Muзейnyy tsentr «Ploshchad' mira», Krasnoyarsk, 8 marta 2022 goda). In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*, 2023, 2(4), 46–58.

Kupriyanova A. A. Otlichiya dekolonial'nogo i partitsipatornogo estezisa na primere fotograficheskogo kruzhka «Igra s fotografiyey» (Yakutiya, 2019 g.). In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*, 2024, 3(1), 28–42.

Leshchinskaya N. M. Formy kontseptov kul'tury v sovremennykh issledovaniyakh. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal*, 2025, 9(2), 31–38.

Lomanova T. M. Otrazhenie sibirskoy identichnosti v iskusstve kontsa XX – nachala XXI vekov. In: *Kul'tura i iskusstvo*, 2020, 4, 1–14.

Lyutaeva M. S. Sozdanie 3d-modeley kulturnykh artefaktov: perspektivy i problem. In: *Studia Culturae*, 2024, 59, 33–42.

Musyankova N. A. Neoarkhaika i tvorchestvo autsayderov. Nauchnye chteniya pamyati K. G. Bogemskoy. In: *Iskusstvoznaniye*, 2016, (1–2), 584–589.

Nikolaeva L. Y. Osobennosti khudozhestvennogo yazyka sibirskoy neoarkhaiki. In: *Izobrazitel'noe iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*, 2019, 1, 106–113.

Ogurtsova O. S. Etnograficheskie kollektsii korennykh malochislennykh narodov muzeev Yuzhnoy Sibiri i ikh otobrazhenie v sovremennom izobrazitel'nom iskusstve. In: *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 2025, (1(81)), 77–85.

Popova N. S. Abstraksionizm v tvorchestve khudozhnikov sibirskoy neoarkhaiki: zhanrovy kharakteristiki obraznosti. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2023, 1(88), 7–14.

Proshkina O. A. Neoarkhaika v izobrazitel'nom iskusstve Sibiri rubezha XX–XXI vv. In: *Biznes i dizayn revyu*, 2018, (4 (12)), 11–17.

Reznikova K. V., Pimenova N. N., Kistova A. V. i dr. Upravleniye brendingom sibirskoy territorii v svete «novogo regionalizma». In: *Sotsiodinamika*, 2016, 1, 137–161.

Rozvadovskiy A. Razve doistoricheskoe iskusstvo tol'ko o proshlom? Novaya zhizn' naskal'nykh izobrazheniy v sovremennom iskusstve (ot Sibiri do Kanady). In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2021, 2(72), 232–261.

Semenova A. A., Gerasimova A. A. Osobennosti tvorcheskogo metoda Sergeya Anufrieva. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2013, 2, 542–542.

Seredkina N. N., Smolina M. G. Obrazovatel'nyye vozmozhnosti eposa i skazok korennykh malochislennykh narodov Sibiri. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, 8(4), 217–232.

Sertakova Ye. A. Spetsifika manifestatsii kul'turnoy pamyati v sovremennoy khudozhestvennoy kul'ture. In: *Sibirskiy antropologicheskij zhurnal*, 2025, 9(2), 39–47.

Sertakova Ye. A., Krupkina, K. A., Kistova, A. V. i dr. Transformatsiya gorodskoy sredy Krasnoyarska v 1991–2017 gody. Krasnoyarsk, 2019, 76.

Sertakova Ye. A., Zamarayeva YU. S., Omelik A. A., Koptseva M. S. Mezhetnicheskiye otnosheniya v Turukhanskom kraye v XVIII–XIX vv. In: *Bylyye gody*, 2024, 19(3), 1052–1062.

Shishin M. Y. Metaistoricheskiy ekspressionizm v iskusstve altayskoy khudozhnitsy Larisy Pastushkovoy. In: *Idei i idealy*, 2015, 2(3 (25)), 111–119.

Sitnikova A. A. Kontsept «sever» v tvorchestve Rokuella Kenta. In: *Chelovek i kul'tura*, 2014, 2, 1–27.

Sitnikova A. A. Kontsept «chum» v kul'ture nganasan na osnove analiza korpusa nganasanskikh fol'klornykh tekstov. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*, 2024, 3(4), 31–45.

Sitnikova A. A. Znakovaya sistema postmoderna v khudozhestvennoy kul'ture Krasnoyarska 1990–2020 godov. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(1), 36–47.

Smolina M. G. Khudozhestvennyy muzey imeni V. I. Surikova kak prostranstvo dlya art-kritiki. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*, 2023, 2(4), 59–68.

Sny Sibiri (katalog vystavki): Sibir' i Dal'nij Vostok v arkheologii i sovremennom iskusstve (Vladivostok, Gosudarstvennyy ob'edinyonnyy muzej-zapovednik istorii Dal'nego Vostoka im. V. K. Arsen'eva (18 maya – 6 oktyabrya 2024); Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy khudozhestvennyy muzej im. V. I. Surikova, Muzejnyy tsentr «Plushchad' Mira» (24 oktyabrya 2024–6 yanvarya 2025)). 2025. M., 500.

Sny Sibiri. Ofitsial'nyy sayt proyekta. Available at: <https://snysibiri.ru>

Suprun A. A. Reprezentatsiya ob'ektov naskal'nogo iskusstva v Rossii (na primere Sibiri i Sibiri i Dal'nego Vostoka). In: *Nauka i tekhnologii: Perspektivy razvitiya i primeneniya. Sbornik statey IV Mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2023, 238–242.

Suslennikova K. D. Neoarkhaika: vzglyad khudozhnika i arkheologa. In: *Molodyozh' tret'ego ty-syacheletiya: sbornik nauchnykh statey*, 2023, 506–508.

Vorony-dukhi, zveri iz dosok i Dashi Namdakov: TOP5 fotonatsiy «Snov Sibiri» v Krasnoyarske. 2024. In: *Delovoy kvartal*. Available at: <https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237221163>

Vystavka «Sny Sibiri» v Krasnoyarske. 2024. In: *Totalarch*. Available at: <https://totalarch.com/exhibition-dreams-of-siberia-krasnoyarsk-2024?ysclid=mbumpxv17r553772346>

Vystavku «Sny Sibiri» prodлили! In: *Ofitsial'nyy elektronnyy resurs Krasnoyarskogo khudozhestven-nogo muzeya im. V.I. Surikova*. 2025. Available at: <https://surikov-museum.ru/show/sny-sibiri?ysclid=mbu-ijiffb933944983>

Yachmenev O. YU., Vlasenko D. Ye., Garmayeva A. V. Rezul'taty issledovaniya pamyatnikov nas-kal'nogo iskusstva Zabaykal'ya v 2022–2024 gg. 2025. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*, 9(2), 119–130.

Zenina T. V. Obrazy skifo-sibirskogo zverinogo stilya v sibirskoy neoarkhaike. In: *Observatoriya kul'tury*, 2024. 21(1), 46–60.

Zotov S. O. O marksistskom analize kul'tury povsednevnosti. In: *Pod znamenem marksizma*, 2025. 1(1), 46–55.

EDN: WKIEKD
УДК 7.036

Representation of Siberian Art of the Modern Period in the Siberian Soviet Encyclopedia

Natalia P. Koptseva and Yulia N. Perepelitsa*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 14.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 04.09.2025

Abstract. The article presents the first results of the study of the ways of representing Siberian art in encyclopedic formats of different periods of the history of art and culture. The material for the study is the relevant articles of the Siberian Soviet Encyclopedia (1929–1937). The chronological and local framework of Siberian art is limited to the period of the last third of the 19th century – 1930s. The main ways of representing the history and theory of art, characteristic of encyclopedias in general, are determined. A number of specific features of the representation of Siberian Art of Modernity in the Siberian Soviet Encyclopedia are revealed. An assumption is made that the evaluative judgments about the significance of the work of artists, architects, writers, published in this publication, predetermine the corresponding judgments in art criticism and literary criticism of the modern period. At the same time, musical art is least represented in the Siberian Soviet Encyclopedia, with the exception of the musical art of indigenous Siberian peoples. The largest volume of information is related to Siberian fiction and journalism. Fine art and architecture of Siberia are presented in a fairly generalized manner, without stylistic analysis and without individual biographical articles (with rare exceptions) of masters of the arts. Art criticism concepts related to the history and theory of art and culture are completely absent. However, it was in such forms that narratives were created and manifestations of the significance of certain masters, works, artistic features were consolidated, characteristic of art criticism up to the present time.

Keywords: art of the modern period, Siberian Soviet Encyclopedia, content analysis.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

Citation: Koptseva N. P., Perepelitsa Yu. N. Representation of Siberian Art of the Modern Period in the Siberian Soviet Encyclopedia. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1879–1888. EDN: WKIEKD

Репрезентация сибирского искусства модерна в «Сибирской советской энциклопедии»

Н.П. Копцева, Ю.Н. Перепелица

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья представляет первые результаты исследования способов репрезентации сибирского искусства в энциклопедических форматах разных периодов истории искусства и культуры. Материалом для изучения выступают соответствующие статьи «Сибирской советской энциклопедии» (1929–1937). Хронологические и локальные рамки сибирского искусства ограничены периодом последней трети XIX в.–1930-ми гг. Определены основные способы репрезентации истории и теории искусства, характерные для энциклопедий в целом. Выявлен ряд конкретных особенностей репрезентации сибирского искусства модерна в «Сибирской советской энциклопедии». Сделано предположение о том, что оценочные суждения о значении творчества художников, архитекторов, литераторов, опубликованные в данном издании, предопределяют соответствующие суждения в искусствоведении и литературоведении современного периода. При этом в «Сибирской советской энциклопедии» в наименьшей степени представлено музыкальное искусство, исключение составляет музыкальное искусство коренных сибирских народов. Наибольший объем информации связан с сибирской художественной литературой и публицистикой. Изобразительное искусство и архитектура Сибири представлены достаточно обобщенно, без стилевого анализа и без отдельных биографических статей (за редким исключением) мастеров искусств. Полностью отсутствуют искусствоведческие понятия, связанные с историей и теорией искусства, культуры. Однако именно в таких формах создавались нарративы и закреплялись манифестации значимости тех или иных мастеров, произведений, художественных особенностей, характерные для искусствоведения вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: искусство современного периода, Сибирская советская энциклопедия, контент-анализ

Научная специальность 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Копцева Н.П., Перепелица Ю.Н. Репрезентация сибирского искусства модерна в «Сибирской советской энциклопедии». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1879–1888. EDN: WKIEKD

Введение

Исследовательская проблематика теории и истории культуры, искусства определяется значительным количеством факторов, среди которых формы фиксации самих искусствоведческих и культурологических исследований крайне важны. Эти формы предопределяют академические традиции,

научную предметность ученого и круга его последователей, в них формируются и закрепляются нарративы, связанные как с оценкой символической значимости результатов художественной деятельности мастеров, так и с профессиональными форматами манифестации этих оценочных суждений (Chirkov, 2014). До настоящего времени имен-

но искусствоведческое сообщество обладает монополией на суждение об уникальности художественных качеств произведений искусства, сложились и утвердились институции, формирующие эти суждения. К важнейшим из них относится художественная критика, организованная в виде текстов, в том числе подготовленных для специализированных журналов (Stroi, 2009; Stroi, Moskaliuk, 2010; Novaia art-kritika..., 2015; Leshchinskaia, 2025; и др.). Возможно, что технологические трансформации последних десятилетий приведут к появлению новых институций (Zhigaeva, 2024; Kolesnik, Omelik, 2024; Khvorostov, 2024; Shpak, 2024; Sitnikova, 2025; Koptseva M., 2025), но точно также возможно, что новые институции, формирующие оценочные искусствоведческие суждения будут «новыми» лишь по какой-то внешней форме, но их функционал не изменится.

В последнее время проблематика, связанная с сибирским искусством и с теоретическими моделями его изучения, развивается активно по нескольким направлениям, включая классические искусствоведческие работы, труды в области культурологии искусства, исследования, активно осваивающие новый академический язык и новую проблематику, связанную с эстетикой постмодернизма и метамодернизма (Russkaia kul'turnaia identichnost'..., 2023; Sertakova et al., 2022). Все более ясным становится значение форм репрезентации произведений искусства, где свое место занимает такая форма, как «энциклопедия». Однако исследований способов репрезентации сибирского искусства и форм манифестации его специфических качеств в настоящее время недостаточно, что позволяет определить цель данного исследования как академическую реконструкцию специфической репрезентации сибирского искусства в «Сибирской советской энциклопедии» (1929–1937), наиболее значительном издании энциклопедического формата, объединяющего огромные объемы знаний по различным областям наук, искусств, технологий.

Гипотезой данного исследования является предположение о том, что способы репрезентации сибирского искусства,

закрепленные в данной энциклопедии, предопределяют искусствоведческие суждения и оценки настоящего времени, спустя 100 лет после публикации соответствующих энциклопедических статей. Для проверки этой гипотезы формата научной статьи недостаточно, поэтому исследования будут продолжены, в настоящей статье сделаны лишь первые шаги по разработке обозначенной проблематики.

Формы репрезентации истории и теории искусства в энциклопедиях

Энциклопедии выступают формами репрезентации истории и теории искусства как энциклопедии универсального содержания, так и как специализированные художественные энциклопедии. Для истории и теории искусства в высшей степени распространена практика создания специализированных энциклопедий (живописных, архитектурных, музыкальных, литературных, дизайна и других). Но и в универсальных энциклопедиях (в том числе региональных) разделы истории и теории искусства, как правило, занимают значительный объем, поскольку активно и эффективно соучаствуют в формировании образа нации, национальной культуры, национальной истории для читателя, обладающего соответствующей национальной идентичностью, и для внешнего читателя, чья национально-культурная идентичность отличается от той, которую конструируют и поддерживают создатели энциклопедий. Этой двойственностью потенциального автора энциклопедий объясняется ряд характерных моментов их искусствоведческого содержания.

История и теория искусства в энциклопедиях (как универсальных, так и специализированных) репрезентируются с помощью различных методов и подходов, которые позволяют представить их как систематизированное и доступное знание. К основным способам данной репрезентации относятся: 1) организация информации в алфавитном систематическом порядке, когда все статьи организованы по алфавиту, что обеспечивает быстрый доступ к инфор-

мации о конкретных художниках, стилях, эпохах, произведениях искусства и художественных направлениях; 2) формирование в структуре энциклопедии специализированной тематики и разделов, посвящённых определённым эпохам истории искусства; художественным стилям, видам и жанрам искусства, регионам и макрорегионам; 3) хронологическое оформление знаний об истории и теории искусства, когда развитие искусства и становление искусствоведческих категорий и понятий представляется в историческом порядке с выделением ключевых периодов и событий, что позволяет проследить эволюцию художественных форм и идей; 4) применение в энциклопедических статьях иконографического и стилистического анализа произведений искусства для описаний характерных особенностей стиля, техник, сюжетов художественных мастеров, которые являются представителями определенных художественных направлений, репрезентантами определенного художественного стиля; 5) традиционное использование в текстах биографического метода, когда энциклопедические статьи о художниках, художественных критиках, искусствоведах, теоретиках искусства, ученых в области эстетики и философии искусства, меценатах, кураторах, организаторах художественных процессов и других участников художественных коммуникаций включают их биографии, хронологию и летопись художественной деятельности; 6) иллюстрирование в разных объемах вербального текста энциклопедических статей, включая репродукции произведений искусства, фотографии памятников искусства и людей, о которых написаны статьи, для иллюстрирования произведений архитектуры публикуют их планы, для деятелей искусства – мастеров, искусствоведов, деятелей художественной культуры – могут быть представлены фотографии их автографов, для истории художественной критики, художественной публицистики используются фотографии художественных изданий, для описания выставок применяются репродукции афиш и плакатов, для иллюстрирования статей о композиторах

и музыкальных произведений применяются фотографии нотных записей, концертов, изображения музыкальных инструментов и т.д.; для произведений декоративно-прикладного искусства используются описания инструментов и особенностей художественных материалов, а также этнографические иллюстрации, которые помогают понять этнокультурные истоки этих произведений; к настоящему времени сложилась определенная традиция иллюстрирования энциклопедических статей, включая как листы-вкладки, карты, диаграммы, схемы, так и набор фотографий, репродукций, репрезентирующих художественные процессы того или иного вида искусства 7) применение кросс-ссылок, перекрёстных ссылок, внутри энциклопедии используются гипертекстовые или алфавитные указатели для указания связей между различными статьями (например, между статьями о художнике и статьями о его произведениях, между несколькими статьями о ряде художников и статьей о художественном направлении, к которому все они принадлежат, между статьей о региональном искусстве в целом и статьях о представителях искусства данного региона и т.д.); 8) реализация интердисциплинарного подхода в текстах статей (включая иллюстрации), когда данные исторических, культурологических, искусствоведческих, философских, технических, технологических, информационно-компьютерных наук объединяются в тексте одной статьи для более полного понимания контекста произведений искусства, специфики художественных культурных практик, включая художественные коммуникации реципиентов и произведений искусства в форме «вещи» (в чувственной явленности художественной идеи).

Данные способы репрезентации истории и теории искусства, одинаково свойственные как специализированным, так и универсальным энциклопедиям, позволяют создать комплексное и системное знание, которое могут получить читатели-любители, читатели-знатоки, читатели-исследователи, читатели-майевтики (Zhukovskii, Koptseva, 2004; Smolina, 2025).

Концепт «сибирское искусство модерна»

Существует известная двусмысленность понятия «модерн» по отношению к истории искусства (Leshchinskaia, 2025). В первом значении «модерн» – это художественный стиль конца XIX – начала XX в., который сформировался в европейском искусстве этого периода. Его синонимами являются «арт нуво» (*art nouveau*), «югенд-стиль» (т.е. связанный с известным немецким журналом «Jugend»), «новое искусство» и ряд других терминов, связанных с региональными инвариантами «арт нуво». В этом аспекте концепт «сибирское искусство модерна» в настоящее время разрабатывается применительно к ряду произведений архитектуры гг. Красноярска, Томска, Иркутска, Омска и некоторых других сибирских городов (Gruzdeva, 2015; Emel'ianov, Sitnikova, 2019; Leshchinskaia et al., 2024; Regional'noe svoeobrazie..., 2023; Sitnikova, 2023; Smolina, 2015; Uspenskaia, 2015 и ряд других исследований). В этом аспекте крайне недостаточно искусствоведческих и культурологических работ, связанных с изобразительным искусством сибирских регионов эпохи господства в мировом искусстве стиля «арт нуво».

Во втором аспекте «модерн» – это понятие для обозначения «современности» как таковой, которая условно начинается с Нового времени и продолжается либо до настоящего момента, либо прерывается Второй мировой войной, сменяясь постмодернизмом и метамодернизмом. О временных и идейных границах эпохи модерна идут неутраченные дискуссии. Если ориентироваться на данный аспект слова «модерн», тогда временной диапазон важнее, чем особенности уникального художественного стиля «арт нуво». В определенном смысле речь идет об истории искусства, истории художественной культуры Сибири от последней трети XIX в. до 1940-х гг. В мировом искусстве это эпоха импрессионизма, постимпрессионизма, авангардизма, модернизма (как спектра новых художественных направлений) и социалистического реализма.

Таким образом, возникают два исследовательских вектора. Первый вектор:

основываясь на существующих исследованиях художественного стиля «арт нуво» в Сибири, можно рассмотреть, представлена ли информация об архитекторах «Сибирского модерна» в «Сибирской советской энциклопедии» (Сибирская советская энциклопедия, 1929–1937). Второй вектор: на базе искусствоведческих исследований художественных стилей последней трети XIX в. – конца 1940-х гг. выявить наиболее характерные способы репрезентации сибирского искусства на страницах «Сибирской советской энциклопедии» (см. напр.: Muratov, 2010; Chebodaeva, 2020 и др.). Здесь возникает еще одно обстоятельство, связанное с тем, что издание «Сибирской советской энциклопедии» было не закончено и не имело обновлений (дополнительных томов) в официальном издательском поле с 1937 г. (Sitnikova, 2020; Pimenova, 2025). Тем самым второй хронологической границей являются не 1940-е гг., а 1930-е. Одновременно существует и своего рода «лексическая граница», так как 4-й том «Сибирской советской энциклопедии» ограничен словарными статьями, начинающимися на букву «С» (Сибирская советская энциклопедия, 1937).

Способы репрезентации сибирского искусства модерна

в «Сибирской советской энциклопедии»

Сибирское искусство модерна как региональный феномен художественной культуры досоветской и советской России, сочетающий локальные традиции и общеевропейские художественные течения, представлено в ряде тематических статей «Сибирской советской энциклопедии», однако это отражение не имело системного характера и реализовалось преимущественно через характерные для издания и не слишком объемные в общем корпусе текстов способы репрезентации. Анализ корпуса публикаций позволяет выделить некоторые ключевые формы репрезентации: биографические статьи, тематические обзорные статьи по некоторым видам искусств с включением хронологических этапов, черно-белые и цветные иллюстрации,

сопровождающие тексты статей и перекрёстные ссылки.

В корпусе четырёх томов «Сибирской советской энциклопедии» представлено определенное число биографических статей о деятелях сибирского искусства, архитектуры, литературы. Так, отдельная статья посвящена архитектору А.Д. Крячкову, одному из ключевых представителей архитектуры Сибири начала XX в. В статье выделены два периода его деятельности: ранний этап, в котором прослеживаются черты сибирского модерна, и последующий, связанный с формированием конструктивистской архитектурной школы. Но даже крупные фигуры архитектурной и художественной жизни Сибири первой трети XX в. представлены фрагментарно или вовсе не включены в корпус статей. Так, нет отдельной биографической статьи об архитекторе В.А. Соколовском, несмотря на его значительный вклад в развитие регионального градостроительства. Имя Л.В. Чернышева, другого выдающегося представителя сибирской архитектурной школы, вообще отсутствует: в статье «Архитектура» раскрываются лишь общие тенденции истории сибирской архитектуры и не упоминается ни одного имени проектировщиков, создателей, зодчих. Данное обстоятельство объясняется логикой отбора тематических статей и культурно значимых персоналий, где архитектурные процессы рассматриваются как часть производственно-строительной деятельности, а личность архитектора оказывается «несущественной». Одновременно на первое место редакторы вводят «народное творчество», которое в «Сибирской советской энциклопедии» представлено творчеством «народов Сибири»: в статье об архитектуре описание истории архитектуры сибирских городов занимает примерно 2/3, а еще 1/3 часть отдана блоку «Архитектура жилищ и построек туземцев Сибири» (Сибирская советская энциклопедия, стб. 157–159). Статья содержит 8 черно-белых иллюстраций в тексте: семь из них объединены темой «Характер построек татарской части г. Семипалатинска», еще одна – «Собор б. Троицкого монастыря (Тюмень)».

И дополнительно – отдельную вкладку с четырьмя черно-белыми фотографиями и одной фотографической копией гравюры, на которых изображены архитектурные здания гг. Новосибирска, Омска, Иркутска. Перекрестная ссылка всего одна – к слову «богатство», в конце статьи указывается, что содержание связано с такими статьями энциклопедии, как «Зодчество деревянное» и «Жилища и постройки». После первого раздела статьи список литературы включает 5 источников, после второго – 4 источника, изданных в этнографических журналах XIX в. Авторами статьи «Архитектура» являются А. Д. Крячков (1-й раздел) и М. Грязнов (2-й раздел).

Иной подход характерен для репрезентации представителей визуальных искусств и литераторов. Так, статья «Литература сибирская» одна из самых объемных среди всех статей всех томов энциклопедии (161–226 стб.). Причем шрифт существенно меньше, чем в остальных статьях, что сделано для повышения информативной емкости статьи. Текст проиллюстрирован 27 черно-белыми иллюстрациями, в том числе: 19 обложек книг, 4 иллюстрации из самих этих книг, 2 портрета писателей, 1 карикатура, 1 страница рукописи. Перекрестные ссылки даны к словам и выражениям: «Потанин», «Литература сибирская. Послеоктябрьский период», «Сиб. вестник», «Азиат. вестник», «Словцов», «Ермак в художественной литературе», «Бальдауф» и т.д. – всего 66 перекрестных ссылок, в том числе 63 ссылки из них – в разделе по дореволюционному периоду сибирской литературы, 2 – в разделе послеоктябрьского периода, 1 – в разделе о Сибири в западноевропейской литературе. Различное количество перекрестных ссылок свидетельствует о различной степени редакторской проработки различных разделов статьи. Очевидно, что редакторы именно литературное творчество полагали основополагающим для развития сибирской идентичности. Кроме общей статьи о литературе в энциклопедии представлены или запланированы отдельные статьи обо всех без исключения журналах, которые когда-либо издавались в Сибири.

Все значительные литераторы, издатели, критики в области литературы имеют отдельные биографические статьи. Авторами общей статьи о сибирской литературе являются М. Азадовский (раздел «Литература сибирская. Дореволюционный период»), А. Высоцкий (раздел «Литература и литературные организации. Послеоктябрьский период») М. Алексеев (раздел «Сибирь в западноевропейской литературе»), С. Ширабон (раздел «Бурятская литература»). Отличается от других статей в области искусства и количество источников: 55 в 1-м разделе, 11 – во 2-м разделе, 23 – в 3-м разделе, 8 – в 4-м разделе.

Репрезентация визуальных искусств значительно «беднее». Статья «Живопись» построена по хронологическому принципу, история живописи Сибири делится на 3 периода: 1) до 60-х гг. XIX в.; 2) от 1860-х гг. до революции 1917 г. и 3) от революции 1917 г. до первой трети XX в. Статья сопровождается 2 чёрно-белыми и 6 цветными иллюстрациями в 6 вкладках, а также библиографическим списком из 8 источников. И чёрно-белые, и цветные иллюстрации в качестве сюжета имеют исключительно образы коренных народов Сибири. И даже из обширных произведений В.И. Сурикова были взяты 2 графических портретных эскиза представителя коренного населения. Всего в статье 19 перекрестных ссылок, 18 связаны с именами живописцев и отсылают к их биографическим статьям, 1 ссылка на тематическую статью «Галереи художественные». Во 2-м разделе «Живопись крестьянская» указано, что по содержанию к ней примыкают статьи «Писанки» и «Искусство туземцев». Ни о художественных материалах, ни о направлениях изобразительного искусства, ни о художественных стилях никаких перекрестных ссылок нет, поскольку отсутствуют соответствующие тематические статьи. Подписана энциклопедическая статья в 1-м разделе инициалами «И.К. и Н.С.», во 2-м разделе «Живопись крестьянская» – инициалами «Г.В.».

Важной методологической особенностью издания является то, что такие художественные направления, как «им-

прессионизм», «модернизм», «авангард», «социалистический реализм», «реализм», не представлены в энциклопедии в виде отдельных тематических статей. Художественные стили и течения не становились объектом систематизации, а репрезентировались через описание индивидуальных биографий, типологий или институциональных процессов. Нет отдельной статьи по декоративно-прикладному искусству, хотя, казалось бы, она соответствует «народности» художественной истории. Такой подход, вероятно, обусловлен мировоззренческим контекстом времени создания энциклопедии и спецификой региональной энциклопедии, где направления и стили трактуются не как автономные явления, а как прикладные элементы в рамках общей социокультурной истории Сибири. Редакторы и авторы искусствоведческих статей не могли не обратить внимания на эту «скудность» репрезентации живописного искусства и объяснили это следующим образом: «Сделать полную и системную классификацию всех многочисленных сибирских художников кисти по школам, направлениям и оттенкам – трудная и даже неразрешимая задача: большинство из них, развиваясь в разные периоды работы, подвергалось переменным влияниям, а личный состав их (ввиду преобладания молодежи) тоже не может считаться окончательно закрепленным в принадлежности своих склонностей и симпатий, к тому же литература «Живопись в Сибири» крайне скудна, а история ее не изучалась» (937 стб.).

Тем не менее авторы и редакторы выделяют ряд художников – представителей искусства модерна, но обозначают эти направления либо по именам ведущих представителей живописных школ, либо по направлениям, характерным для столичной живописи. Ими определены следующие группы живописцев: 1) «школа Шишкина» (Гуркин, Лебединский); 2) «школа Сурикова» (Ляхов); 3) «школа Врубеля» (Ивакин); 4) «реалисты-передвижники» (Пакшин, Лодейщиков, Тютиков); 5) «импрессионисты» (Иванов, Сверкунов, Вологдин, Ов-

чинников, Вожакин) 6) «мирискусники» (Мизерова, Янова-Надольская, Никулин, Николаев); 7) «сезанисты» (Вальдман); 8) «экспрессионисты» (Уфимцев, Петраков, Андреев); 9) «примитивисты» (Каратанов, Чевалков, Емельянова) (937 стб.). Из этих живописцев – представителей искусства сибирского модерна конца XIX – первой четверти XX в. в области живописи отдельные биографические статьи в энциклопедии посвящены Григорию Ивановичу Гуркину, Борису Ивановичу Лебединскому, Сергею Васильевичу Иванову, Алексею Васильевичу Вожакину, Дмитрию Иннокентьевичу Каратанову, Ивану Лавровичу Копылову. Особое внимание уделено В.И. Сурикову – это одна из самых подробных именных статей о живописцах (1071–1074 стб.). Но при этом нет ни портрета самого художника, ни одной репродукции его произведений при биографической статье. Список источников включает всего 6 наименований. Автором статьи выступил Б. Шляев.

Текстологический анализ визуальных и вербальных источников, посвященных искусству сибирского модерна в «Советской сибирской энциклопедии», показывает, что сибирская региональная идентичность в контексте художественной культуры понималась редакторами и авторами статей в нескольких аспектах: 1) географическое проживание (даже временное) мастеров в сибирских регионах, городах, поселениях, включая гг. Омск, Тобольск, Тюмень, Красноярск, Иркутск, Новосибирск, Барнаул, Томск, Минусинск, Бийск, при этом в «Сибирь» включены города Троицкосавск (Кяхта), Хабаровск, Владивосток, Чита, упоминается «Ойротия» (ныне Республика Алтай); 2) принадлежность живописцев к выходцам из коренных народов Сибири, а также использование этой темы как живописного сюжета; 3) принадлежность живописцев к творческим и академическим организациям, созданным в сибирских городах (обществам, союзам, филиалам академии художеств, ассоциациям и т.п.); 4) представленность произведений живописи в художественных галереях сибирских городов; 5) принадлежность к изобразительным на-

родным крестьянским «искусствам», включающим росписи интерьеров и экстерьеров деревянных жилищ; 6) принадлежность к изобразительным искусствам так называемых туземных сибирских народов, разделенных на этнические группы – «племена» (в энциклопедии указываются следующие «художественные группы» по признаку общности декоративного оформления бытовых предметов: тунгусская, маньчжурская, турецкая, монголо-китайская, угросамоедская, палеоазиатская). При этом статья «Искусство туземных племен» имеет 9 черно-белых иллюстраций, 2 цветные вкладки (18 изображений), 1 черно-белую вкладку (7 изображений), 12 источников в списке литературы, что превосходит репрезентативные приемы статьи «Живопись». Автором статьи является Е. Шнейдер.

Заключение

Репрезентация сибирского искусства модерна в «Советской сибирской энциклопедии» имеет ряд характерных особенностей, обусловленных: 1) спецификой развития самого сибирского искусства, 2) состоянием художественной и литературной критики в целом в сибирских регионах и в кругу редакторов и авторов энциклопедии в том числе; 3) идеологемами и нарративами складывающейся советской эстетики, где одной из оценочных доминант выступает «классовый характер» формы и содержания художественного произведения; 4) реальными событиями вокруг создания самой энциклопедии, включая замену ее редакторов, авторов статей, динамику партийного и советского политического мышления 1920–1930-х гг., и рядом других событий и процессов; 5) состояние научного искусствоведения мирового, досоветского, советского и регионального уровней, связанного с исследованием художественных процессов на территории сибирских регионов.

Дальнейшее исследование специфики репрезентации сибирского искусства модерна в «Сибирской советской энциклопедии» позволит выявить круг художников,

литераторов, архитекторов, деятелей художественной культуры, которые, так или иначе, были отмечены редакторами этого обширного и научно значимого издания. Представляется недооцененным воздействие такого рода изданий на современную теорию и историю искусства, культуры,

поскольку в них создавались и закреплялись определенные нарративы, связанные с «ценностью», «эталонностью», «значимостью» творчества того или иного мастера и определившие векторы искусствоведческих и культурологических исследований не только XX в., но уже и XXI в.

Список литературы / References

Chebodaeva M. P. Iz istorii izobrazitel'nogo iskusstva v Khakasii v 1920-e gody. In: Aktual'nye problemy izucheniia iazyka, literatury i zhurnalistiki: dostizheniia, perspektivy, innovatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauch.-prakt. konf., Abakan, 18–19 noiabria 2020 goda. Abakan: Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N. F. Katanova, 2020, 121–124. EDN FKDYJJ.

Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. Slovar'-ukazatel' v 2 t. T. 1–2. Tobol'sk: Obshchestvennyi Blagotvoritel'nyi fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014. 1648 s.

Emel'ianov E. Iu., Sitnikova E. V. Modern v dereviannoi arkhitekture g. Tomska nachala XX v. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2019, 21(1), 114–125.

Gruzdeva E. A. Zdaniia stilia modern v strukture sibirskogo goroda (Tiumen', Omsk, Tomsk, Novonikolaevsk, Barnaul). In: *Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly*, 2015, (1), 357–362. EDN ULUHDD.

Khvorostov V. V. Problemy vzaimodeistviia II i iskusstva i vozmozhnosti ikh resheniia glazami professional'nogo soobshchestva: na materiale g. Krasnoiarska. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*, 2024, 5(1), 34–41. EDN UQNFVA.

Kolesnik M. A., Omelik A. A. Iskusstvennyi intellekt v sfere kul'tury i iskusstva: obzor otechestvennykh publikatsii. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*, 2024, 5(3), 35–45. EDN UXOYHC.

Koptseva M. S. Metodologicheskie podkhody k issledovaniiu kul'turnykh transformatsii. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(1), 99–107. EDN RLIMJG.

Leshchinskaia N. M. Gendernyi podkhod v sovremennykh issledovaniakh proizvedenii iskusstva. In: *Sibirskij antropologicheskii zhurnal*, 2025, 9(1), 35–43. EDN PEMBZS.

Leshchinskaia N. M. Osnovnye teorii kontseptov: analiticheskii obzor. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(2), 83–90. EDN FORXFI.

Leshchinskaia N. M., Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Sertakova E. A. Zhurnal "Mir iskusstva" (1899–1904 gg.) kak istochnik po istorii zhenskogo khudozhestvennogo tvorchestva. In: *Bylye gody*, 2024, 19(1), 353–365. DOI 10.13187/bg.2024.1.353. EDN POCVEA.

Malkina L. N. Istoriografiia khudozhestvennoi zhizni Irkutsk. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2007, (1–3(29)), 171–174. EDN RUZSTP.

Manzyreva E. S. Khudozhestvennaia kul'tura sibirskogo goroda XIX – nachala XX vv. (na materiale Vostochnoi Sibiri): spetsial'nost' 24.00.01 "Teoriia i istoriia kul'tury": avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata kulturologii. Ulan-Ude, 2009. 23. EDN ZOAFYL.

Manzyreva E. S. Khudozhestvennaia kul'tura Vostochnoi Sibiri (XIX – nachalo XX vv.). Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskaiia gosudarstvennaia akademiia kul'tury i iskusstv, 2014. 126. EDN YSJVV.

Muratov P. D. Khudozhestvennaia zhizn' Novosibirska. In: *Idei i idealy*, 2010, 1(4), 134–146.

Novaia art-kritika na beregakh Eniseia / Koptseva N. P., Bralkova A. V., Gerasimova A. A. [et al.]. Krasnoiarsk: Sibirskij federal'nyi universitet, 2015. 340. EDN VIQKIB.

Pimenova N. N. Pereosmyslenie arkhitekturnykh traditsii Drevnego Egipta sibirskim modernom: zdanie gorodskogo muzeia L. A. Chernysheva v Krasnoiarske. In: *Sibirskij iskusstvovedcheskii zhurnal*, 2025, 4(1), 7–17. DOI 10.31804/2782–4926–2025–4–1–7–17. EDN CJGFUK.

Regional'noe svoeobrazie bol'shogo stilia: sibirskii modern / Bukova M. I., Pimenova N. N., Zamaraeva Iu. S., Kistova A. V. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2023, 16(11), 1956–1973. EDN FHZYCV.

Russkaia kul'turnaia identichnost' v izobrazitel'nom iskusstve XIX – nachala XX veka / Koptseva N.P., Kolesnik M.A., Leshchinskaia N.M., Samarina D.N. Krasnoiarsk: Krasnoiarskaia regional'naia obshchestvennaia organizatsiia "Sodruzhestvo prosveshchatelei Krasnoiaria", 2023. 124. EDN CBYTXX.

Sertakova E.A., Sitnikova A.A., Kolesnik M.A. Komp'iuternoe iskusstvo 1960–1980-kh godov. In: *Sotsiologiia iskusstvennogo intellekta*, 2022, 3(3), 69–90. DOI 10.31804/2712–939X-2022–3–3–69–90. EDN JUGALR.

Shpak A.A. Mezhdistsiplinarnyi podkhod v ispol'zovanii II metodov sotsiologii i iskusstvovedeniia. In: *Sotsiologiia iskusstvennogo intellekta*, 2024, 5(4), 66–72. EDN UNHTEJ.

Sibirskaiia Sovetskaia Entsiklopediia: v 4 t. / pod obshch. red. M.K. Azadovskogo i dr. T. 1: A–Zh. 1929. 988 stb.

Sibirskaiia Sovetskaia Entsiklopediia: v 4 t. / pod obshch. red. M.K. Azadovskogo i dr. T. 2: Z–K. 1931. 1152 stb.

Sibirskaiia Sovetskaia Entsiklopediia: v 4 t. / pod obshch. red. M.K. Azadovskogo i dr. T. 3: L–N. 1932. 804 stb.

Sibirskaiia Sovetskaia Entsiklopediia: v 4 t. / pod obshch. red. M.K. Azadovskogo i dr. T. 4: O–S. 1937. 1082 stb.

Sitnikova A.A. Gorodskaiia khudozhestvennaia kul'tura: sovremennye kontseptual'nye osnovaniia i metodologicheskie podkhody k izucheniiu. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki*, 2023, 16(11), 1999–2009. EDN DMBMTB.

Sitnikova A.A. Retcenzia na knigu "Krasnoiarskii arkhitektorskiy Leonid Chernyshev". In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2020, 4(1), 95–100. DOI 10.31806/2542–1158–2020–4–1–95–100. EDN MLYDKA.

Sitnikova A.A. Teoriia esteticheskogo opyta Dzhona Diui kak kontseptual'naia osnova dlia izucheniia sovremennogo khudozhestvennogo protsesssa. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(2), 74–82. EDN YVPIJP.

Smolina M. G. Art-maievika v obrazovatel'noi deiatel'nosti v sfere iskusstva. In: *Sibirskij antropologicheskii zhurnal*, 2025, 9(1), 76–88. EDN TNGAIO.

Smolina M.G. Dialog kul'tur v arkhitekture Sibiri: vozmozhnosti formirovaniia tolerantnosti posredstvom istorii kul'tury. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (1–1), 1888–1888.

Stroi L. R. Khudozhestvennaia kritika Sibiri 1870–1920-kh gg. (po materialam periodicheskoi pechati): spetsial'nost' 17.00.04 "Izobrazitel'noe i dekorativno-prikladnoe iskusstvo i arkhitektura": avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iskusstvovedeniia. Barnaul, 2009. 22. EDN ZNYQXD.

Stroi L. R., Moskaliuk M. V. Khudozhestvennaia zhizn' Sibiri 1870–1920-kh godov. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii kraevoi nauch.-ucheb. tsentr kadrov kul'tury, 2010. 187. EDN QSKOQZ.

Uspenskaia O. Arkhitekturnoe veiianie epokhi: arkhitektorskiy Chernyshev – iarskii predstavitel' sibirskogo moderna. In: *Proekt Baikal*, 2015, 12(46), 154–155. EDN WDFUGD.

Zhigaeva A. A. Priroda iskusstva v installiatsii Dzhozefa Koshuta «Odin i tri stula» (na primere installiatsii iz Museum of Modern Art v N'iu-Iorke). In: *Sibirskij iskusstvovedcheskii zhurnal*, 2024, 3(2), 20–33. DOI 10.31804/2782–4926–2024–20–33. EDN FRAGAO.

Zhukovskii V.I., Koptseva N.P. Propozitsii teorii izobrazitel'nogo. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii gosudarstvennyi universitet, 2004. 265. EDN QXPZAZ.

EDN: WLJZZV
УДК 069

Specific Features of the Conceptual Design of the Krasnoyarsk Museum Biennale (1995–2025)

Alexandra A. Sitnikova and Maria A. Kolesnik*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 14.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 05.09.2025

Abstract. In 2025 the Krasnoyarsk Museum Biennial turns 30. During this time, the project has become the main cultural event of the city and region, with which Krasnoyarsk is identified at the federal and international levels. In 2009 the project received the Innovation Prize in contemporary art. Over the course of 30 years, the Krasnoyarsk Museum Biennial has evolved, turning from a “museum biennale” into a “biennial of contemporary art”. The relevance of this study is due to the need to study the history of this project, to understand the conceptual and methodological features of the project, which turned it into one of the most prestigious projects in the city’s culture. The article identifies and describes the stages of development of the Krasnoyarsk Museum Biennial, as well as the features of the conceptual design of this event.

Keywords: Krasnoyarsk Museum Biennale, contemporary art, conceptual design, museum.

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies).

Citation: Sitnikova A. A., Kolesnik M. A. Specific Features of the Conceptual Design of the Krasnoyarsk Museum Biennale (1995–2025). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1889–1897. EDN: WLJZZV

Особенности концептуального проектирования Красноярской музейной биеннале (1995–2025)

А.А. Ситникова, М.А. Колесник

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В 2025 г. Красноярской музейной биеннале исполняется 30 лет. За это время проект превратился в главное культурное событие города и региона, с которым идентифицируется Красноярск на федеральном и международном уровнях. В 2009 г. проект получил премию в области современного искусства «Инновация». На протяжении 30 лет Красноярская музейная биеннале эволюционировала, превратилась из «музейной биеннале» в «биеннале современного искусства». Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью изучения истории этого проекта, осмысления концептуальных и методологических особенностей проекта, которые превратили его в одно из самых статусных проектов в культуре города. В статье выявлены и описаны этапы развития Красноярской музейной биеннале, а также особенности концептуального проектирования данного события.

Ключевые слова: Красноярская музейная биеннале, современное искусство, концептуальное проектирование, музей.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Ситникова А. А., Колесник М. А. Особенности концептуального проектирования Красноярской музейной биеннале (1995–2025). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1889–1897. EDN: WLJZZV

Введение

Красноярская музейная биеннале – одно из центральных событий в области современного искусства в Красноярске, Сибири, России. Первая биеннале прошла в 1995 г., а в 2025 г. состоится XVI биеннале, а также проект отметит 30-летний юбилей своего существования. Интересно, что несмотря на то, что основным фокусом биеннале сегодня считается современное искусство, она носит иное название «музейная биеннале», а не биеннале современного искусства как, например, Московская биеннале современного искусства. Ситуация с таким названием требует пояснения, которое связано с историей проекта. Стоит отметить, что Красноярская музейная биеннале – масштабная выставка искусства, которая проходит раз в два года, – стала первой биеннале в России, а также самой «жи-

вучей» биеннале. Так, Московская биеннале современного искусства проходила с 2005 по 2019 г.; Ширяевская биеннале современного искусства (недалеко от Самары) с 1999 по 2018 гг.; первая Уральская индустриальная биеннале современного искусства состоялась в 2010 г., а последняя – в 2021 г. Важно, что только две биеннале среди перечисленных помимо темы имеют специализацию – либо на музеях (Красноярская), либо на заводах (Уральская), в этом плане Красноярскую биеннале часто называют, даже в прессе, Красноярская музейная биеннале современного искусства. Статус Красноярской биеннале в качестве проекта в области современного искусства подтверждает факт получения государственной премии «Инновация» (V премия, 2009) в номинации «Региональный проект современного искусства» куратором

VIII Красноярской музейной биеннале «Даль» Сергеем Ковалевским. За 30 лет своего существования Красноярская музейная биеннале курировалась разными специалистами, проводилась в новых форматах, двигалась по различным концептуальным векторам, поэтому цель настоящего исследования – описать историю Красноярской музейной биеннале, выделить этапы развития проекта, а также изучить методологию и особенности концептуального проектирования Красноярской музейной биеннале.

Степень изученности темы

Красноярская музейная биеннале преимущественно освещается в публицистических и специализированных изданиях, адресованных профессионалам в сфере культуры и искусства: в частности, ряд статей был опубликован в изданиях федерального уровня, в журнале «Tatlin»¹, в газетах «The art newspaper Russia»² и «Коммерсант»^{3,4,5}, на независимом сайте Aroundart⁶, а также в местной прессе⁷. Приведенные в пример публикации представляют собой далеко не полный список статей в СМИ: о каждой биеннале было написано по несколько текстов, многие из них – интервью с кураторами и организаторами проекта.

¹ Поговорим о биеннале? // Tatlin. 5 ноября 2009. – URL: https://tatlin.ru/articles/pogovorim_o_biennale [дата обращения: 09.06.2025]

² Смолев Д. XV Красноярская музейная биеннале: расплескалась синева // The art newspaper Russia, № 116. Ноябрь, 2023. – URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20231121-sgcq/> [дата обращения: 09.06.2025]

³ Толстова А. Октябрьский переворот на «Площади Мира» // Коммерсант. 16.10.2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3440728> [дата обращения: 09.06.2025]

⁴ Деготь Е. Восемьдесят музеев и один шаман // Коммерсант. 22.09.1999. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/225966> [дата обращения: 09.06.2025]

⁵ Толстова А. Девять раз одной биеннале // Коммерсант. № 36 (940). 12.09.2011 – URL: <https://web.archive.org/web/20111104164849/http://www.kommersant.ru/doc/1762251> [дата обращения: 09.06.2025]

⁶ Позднякова О. Красноярская биеннале: опыт чувствования / Aroundart [электронный ресурс]. 2015. – URL: <https://aroundart.org/2015/10/09/krasnoyarskaya-biennale-opy-t-chuvstvovaniya/> [дата обращения: 09.06.2025]

⁷ Ситникова А. А. 22 года поисков, или История красноярской биеннале // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. Октябрь 2017. URL: <https://sibforum.sfu-kras.ru/node/988> [дата обращения: 09.06.2025]

Студенческие исследования красноярской биеннале были проведены Я. И. Киселевой и И. Ю. Грошевой (Kiseleva, Sokolova, 2012; Grosheva, 2009). Серьезные научные публикации о биеннале начали появляться в последние годы. А. А. Ситникова рассматривает роль Красноярской музейной биеннале в контексте истории развития современного искусства в регионе (Sitnikova, 2024); Е. А. Сертакова осмысляет значение КМБ в контексте культурной памяти (Sertakova, 2024); куратор многих красноярских музейных биеннале С. Л. Ковалевский обосновывает философские ориентиры биеннале и ее методологические принципы (Kovalevskiy, 2025). Значительно способствует осмыслению биеннальской практики конференция «Сибирское современное искусство», которая проводится в Красноярском музейном центре «Площадь Мира» с 2021 г., и где Красноярская музейная биеннале и ее художественные проекты зачастую становятся предметом для обсуждения (Sertakova, 2024; Budulak, 2024; Kovalevskiy, 2024).

Существующие публикации не позволяют получить полноценное представление об этапах развития Красноярской музейной биеннале, о концептуальных векторах ее развития, а также о взаимосвязи изменений биеннале с контекстом общего культурного развития.

Материалы

и методы исследования

Исследование проведено на материале концептуальных текстов; произведений искусства, представленных на Красноярской музейной биеннале с 1995 по 2023 г.; архивных документов. Методами исследования выступили глубинные интервью с идеологами Красноярской музейной биеннале, философски-искусствоведческий анализ, включенное наблюдение во время подготовки VII, VIII, IX, X, XIII, XVI Красноярской музейной биеннале, общенаучные методы исследования. Исследование проведено в рамках культурологических исследований искусства – подхода, апробированного в работах таких авторов, как Н. П. Копцева, К. А. Дегтяренко, Т. К. Ер-

маков, М. А. Колесник, И. А. Макаrchук, В. А. Разумовская, Ю. Е. Валькова, Е. А. Сертakова, Н. Н. Пименова, А. А. Куприянова (Koptseva, Degtyarenko, Ermakov, et al, 2024; Koptseva, Makarchuk, Razumovskaya, Valkova 2024; Koptseva, Borisenko, Nemaeva, 2022; Sertakova, 2025, 2024; Pimenova, 2023; Pimenova, 2025; Kupriyanova, 2024).

Результаты исследования

В 1991 г. Красноярский филиал Центрального музея В.И. Ленина был переименован в Культурно-исторический центр, появилась необходимость понять новые пути развития для культурной институции, в связи с чем руководство музея решилось принять на своих площадях экспериментальный фестиваль «Новые территории искусства», где были показаны новейшие явления в сфере современного искусства – в частности, паблик-арт проект, произведения классиков неофициального искусства 1960–1980-х гг. Считается, что фестиваль стал отправной точкой для проведения биеннале. Новый директор музея М. П. Шубский и молодые сотрудники А. Глинская, С. Л. Ковалевский при участии московских специалистов М. Гнедовского и Н. Никишина решили продолжать экспериментировать с форматами деятельности музея и придумали «биеннале»: вместо более традиционного «фестиваля» было решено использовать новый по тем временам формат «биеннале» – выставка раз в два года. Основным ядром биеннале было решено сделать конкурс среди музейных инноваций в области экспозиционной работы, что было генетически заложено в истории красноярского музея: известно, что не имея аутентичных ленинских экспонатов, в музее с самого начала был сделан акцент на использование передовых экспозиционных технологий – диорамы, интерактивные стенды, экспонаты в тайниках и т.п. Так, в 1995 г. состоялась первая биеннале «Прошлое и будущее в музее». Первые биеннале проводились в формате конкурса с привлечением экспертов для определения победителей. Гран-при биеннале получила экспозиция «Летнее стойбище оленевода»

Ю. Айваседа из г. Варьеган (более подробно о проекте – Kolesnik, Sitnikova, Sertakova, Zamagaeva, Ermakov, 2022). Главным «козырем» музейной экспозиции стал факт разговора со зрителями: им предлагалось не просто традиционно смотреть на музейные экспонаты в витрине, но разговаривать с носителем аутентичной ненецкой культуры. В целом экспозиции, посвященные образу жизни коренных малочисленных народов Сибири и Севера, были широко представлены на первой биеннале. Так, первая биеннале переформатировала представление о музее в целом: вместо музея как хранилища молчаливых ценных экспонатов, музей предстал как место для разговора со зрителем о ценностях, о мировоззрении, о взглядах на жизнь и т.п.

Последующие биеннале (II «Открытый музей: Urbi et orbi», III «Музей мира на Площади Мира», IV «Искусство памяти», V «Вымысел истории», VI «Перемещение ценностей», с 1997 по 2005 гг.) можно обозначить как ранний этап развития Красноярской музейной биеннале в целом. На данном этапе доминировала идея конкурса экспозиционных подходов среди музеев, участие художников и презентация произведений современного искусства было важным, но все же второстепенным явлением в процессе проектирования и оценивания биеннале. Организацией биеннале занималась команда, где не было главного куратора. При этом каждая биеннале задавала определенный философский ориентир для отбора и оценивания проектов. Так, основными концептуальными векторами для биеннале стали темы культурной памяти, превращение музея в центр культурных связей города со всей страной и миром, социально-аксиологическая направленность, то есть постоянное вопрошание об актуальных ценностях для современного общества и предложение ответов на этот вопрос. Участие в первых биеннале принимали все творчески мыслящие люди и институции: сотрудники музеев Красноярского края и России; опытные члены Союза художников и молодые альтернативно мыслящие художники; представители бывшего

неофициального искусства, превращавшегося в концептуальное современное искусство как альтернатива академической классике, то есть биеннальские проекты 1990-х гг. представляли собой широкую воронку, неиерархическое пространство, в котором любые творческие единицы могли обозначить себя в качестве активных деятелей в сфере современной культуры.

Как уже было обозначено, самым главным вектором биеннале было соревнование среди инновационных экспозиционных практик. Красноярский культурно-исторический музейный комплекс как организатор биеннале и главный инноватор в этой области каждый раз изобретал новые форматы для «упаковки» музейных экспозиций: это были «музейные открытки», когда музеям было предложено выставить свои экспонаты в одинаковых витринах небольшого квадратного формата; музейные «колодцы», когда экспонаты размещались в «подполье» – под стеклянным полом железной платформы, установленной в аванзале музея; в транспортных контейнерах, размещенных на барже на Енисее перед зданием музея и т.д.

Стоит отметить, что первые биеннале 1990-х гг. наметили еще один важный вектор – открытость городу. Своими паблик-арт проектами – появившимися на фасаде музея глазами, ртом; уличными выставками, интервенции экспозиций на баржу – биеннале старалась привлечь в мир художественной культуры как можно большее количество зрителей, кардинально изменить мнение горожан о музее – с представления о нем как о скучном складе вещей на то, что музей – это место, где человеку показывают нечто новое, способное изменить его представление о мире.

Новый этап развития Красноярской музейной биеннале начинается в 2007 г. с «Чертежа Сибири». У биеннале появляется главный куратор Сергей Леонидович Ковалевский, который предлагает переформатировать проект – объединить музеи и художников. Если ранее проекты художников существовали параллельно экспозиционным проектам «музейщиков»,

то теперь формат биеннале предполагает экспедиции художников в музеи, где они на основе знакомства с коллекцией и контекстом создадут произведение искусства, которое представят на биеннале. Кроме того, основной тематический вектор для художественных проектов задавала кураторская концепция биеннале, ориентированная на осмысление Сибири как особенного пространства. Начиная с биеннале «Чертеж Сибири» концепции биеннале приобретают философско-лингвистический поворот, так как в основу нескольких последующих концепций положена, по сути, некая философская категория – в случае с седьмой биеннале, категория «пространство», при этом концептуальные тексты изобилуют вариациями поэтических интерпретаций ряда концептов «чертеж», «Сибирь», «пустота».

Уже в начале 2000-х гг. «широкая воронка» 1990-х гг. для попадания на биеннале сузилась, и в 2007 г. в биеннале принимали участие только современные концептуальные художники (иностранцы, столичные и красноярские), в то время как художники-академисты, члены Союза художников отстранились от участия в проекте. Финальная экспозиция биеннале включала в себя как проекты, созданные художниками в ходе экспедиций, так и независимые произведения искусства, соответствовавшие теме биеннале и отобранные куратором. Таким образом, биеннале постепенно начала превращаться из «музейной» в «биеннале современного искусства».

Выходы в городское пространство – на барже, с выставками, пока еще редкими паблик-арт объектами – предопределили то, что на биеннале «Чертеж Сибири» более масштабно была спланирована паблик-арт программа, которая включала в себе инсталляции Матяя Вогринчича «Без названия» и «Створные знаки» Александра Пономарева и перформанс «Каркас Сибири» Андрея Логвина. В дальнейшем паблик-арт программа станет обязательной частью биеннальских проектов.

Формат проведения биеннале «Чертеж Сибири» был применен в нескольких последующих биеннале: «Даль» (2009), «Во глу-

бине» (2011), «Любовь пространства» (2013), «Практики соприкосновения» (2015). Экспедиции художников в музеи, включение независимых от музеев произведений искусства в основную выставку биеннале в случае соответствия кураторскому замыслу, философская концепция в основе выставки, серьезная паблик-арт программа. Главным куратором биеннале был С. Л. Ковалевский. Основные философско-тематические векторы, которые стремился визуализировать куратор в своих выставках, – это: осмысление сути Сибири как особенного пространства (пустоты, отдаленности от мировых центров, свободы); взгляд на людей «глазами» окружающего пространства и вещей; поиск принципов общительности между людьми.

Начиная с 2017 г. меняется принцип проектирования биеннале: на биеннале «Мир и миръ. Художественное открытие российской деревни» впервые за долгое время меняется куратор – главным идеологом выступил Симон Мраз, директор Австрийского культурного форума в Москве, а реализовал проект кураторский коллектив. Основная концепция выставки заключалась в создании художественного образа деревенской жизни.

В 2019 г. под общим названием «Переговорщики» скрывался целый ряд проектов: основной выставочный проект «Открытые пределы», куратором которого также стал приглашенный специалист Владимир Селезнев, специальный проект «Люди, которых я видел, но никогда не встречал» художника Цадока Бен-Давида, исследовательская выставка «После Поздеева», представляющая историю развития современного искусства в Красноярске за 25 лет, и некоторые другие выставки.

В 2021 г., когда мир столкнулся с глобальным вызовом COVID-19, продолжился процесс смены кураторов биеннале и объединения сразу нескольких выставок в одном проекте. Кураторами основного проекта, который назывался «Очумелая выставка», выступили берлинский независимый куратор и критик Тибо де Ройтер и красноярская художница Анастасия

Безвершук. В силу ограничений, возникших во время пандемии, Т. де Ройтер и немецкие художники-участники выставки не могли приехать в Красноярск для реализации своих идей, что превратило выставку в максимально партиципаторный проект: немецкие художники присылали в Красноярск свои инструкции по созданию произведений искусства, а красноярские художники или волонтеры (в зависимости от художественного замысла) создавали произведение по данной инструкции. Вместе с «Очумелой выставкой» на биеннале были представлены инсталляции «На выход» А. Шишкина-Хокусая и «Облако нейронов» С. Ковалевского и В. Марьясова; а также выставка добровольных искусствоведов под кураторским руководством А. Закирова, которая представляла собой экспозиционную и интерпретационную работу волонтеров-любителей с произведениями искусства из коллекции Музейного центра «Площадь Мира».

Таким образом, с 2017 по 2021 г. биеннале представляла собой объединенные под ее названием несколько проектов, где обязательно был выделен основной проект с приглашенным куратором. Вместе со сменой куратора менялся фокус интереса – вместо осмысления сибирской пространственной идентичности были предприняты шаги по художественной интерпретации образа деревни; осуществлен поиск принципов объединения людей в сообщества в современном мире; проведены эксперименты в области концептуальных и партиципаторных художественных практик.

В 2023 г. началось возвращение к концептуальному проектированию биеннале, как в 2007–2015 гг., когда основным проектом был кураторским проектом С. Ковалевского. Она называлась палиндромом «АВЕНИ-СЕЕСИНЕВА» и снова была ориентирована на осмысление специфики пространства, в частности, через центральную сибирскую реку, а также посредством обращения к насыщенному синему цвету, который, согласно ещё тексту «О духовном в искусстве» В. Кандинского, является цветом духовной глубины, а также лейтмотивом проходит

сквозь всю историю искусства конца XIX – начала XXI вв.

Находящаяся в процессе подготовки биеннале 2025 г., которая получила название «Принцип надежды», продолжает линию кураторского интереса С. Ковалевского и спроектирована в контексте философского дискурса. Концептуальный текст куратора, положенный в основу биеннале, опирается на множество различных философских текстов, которые отвечают вызовам современности, – это и идеи Э. Блоха, Ж. Делеза, М. Бланшо, В. Бибихина и других мыслителей. Концептуальная основа биеннале больше не связана с созданием художественного образа сибирского пространства, а обращена к поиску образов надежды в контексте решения глобальных вопросов современности – в частности, вопросов о предназначении человечества. В концепции обозначено, что именно музей выполняет в культуре центральную роль для предвидения будущего и рефлексии над прошлым, а также подчеркивается междисциплинарность современного музея: «Сегодня в ядре музея «со-творения мира» сплетаются и соединяются разнородные способы творческого мышления: наука, философия, искусство и, возможно, теология»⁸. Стоит обратить внимание на то, что среди дисциплин появляется довольно нетрадиционная для музееведения теология, что справедливо отражает процессы, происходящие в XX–XXI вв., когда музей становится заместителем храма в культуре, а искусство выполняет роль религии – духовного ориентира для человека (Smirnov, 2019).

Интересно, что в 30-летний юбилей биеннальского проекта две ее основные линии – музей и современное искусство – наконец переплетаются: форматом проведения биеннале становится лаборатория, в рамках которой 19 музеев (экспонаты, предмет музейной деятельности, инициативные сотрудники) и современные ху-

дожники, отобранные путем опен-кола, вступают в сотворчество для созидания образов надежды. Лабораторная работа предполагает преодоление ограничений для обеих сторон: музейные сотрудники должны преодолеть сакральное отношение к предмету своей деятельности и допустить экспериментальные вариации с принципами экспонирования данных предметов, в то время как художникам важно вплести в свой художественный мир нехарактерные вещи и темы, стоящие за музейными экспонатами. Лабораторный формат работы, возможно, позволит преодолеть перекосы предшествующих биеннале, где либо музейная предметность одерживала верх над концептуальными замыслами современного искусства, либо современное искусство игнорировало музейную составляющую биеннальского проекта. «Судьба Красноярской музейной биеннале уже давно ведет к синергийной взаимной трансформации как минимум двух дисциплин: историко-культурологической и художественной мысли. В этом движении навстречу вероятно возникновение новой синтетической гуманитарной практики, которую можно определить как музейная поэтика или искусство памяти, или воображение истории»⁹.

Заключение

В результате рассмотрения истории Красноярской музейной биеннале было выделено несколько этапов развития проекта: 1) 1995–2005 гг. – первый этап развития Красноярской музейной биеннале, когда музеи были центральными участниками проекта, а основным фокусом биеннале был конкурс экспозиционных музейных проектов, где побеждали самые оригинальные и инновационные экспозиции; 2) 2007–2015 гг. – превращение Красноярской музейной биеннале в биеннале современного искусства; кураторская концепция определяет содержание всех проектов биеннале;

⁸ Ковалевский С. Концепция XVI Красноярской музейной биеннале «Принцип надежды». 2025. [электронный ресурс]. – URL: <https://biennale.ru/pages/manifest-princip-nadezhdy>

⁹ Ковалевский С. Концепция XVI Красноярской музейной биеннале «Принцип надежды». 2025. [электронный ресурс]. – URL: <https://biennale.ru/pages/manifest-princip-nadezhdy>

концептуальный фокус биеннале на осмыслении сибирской идентичности через образ пространства; 3) 2017–2021 гг. – время приглашенных кураторов, которые разрабатывают в своем творчестве различные тематические направления; объединение нескольких разрозненных по смыслу проектов внутри зонтичной конструкции биеннале (основной проект, паблик-арт, спецпроекты и т.п.); 4) 2023–2025 гг. – синтез музейной составляющей биеннале и современного искусства в лабораторном формате.

Основными концептуальными векторами Красноярской музейной биеннале являются художественное исследование территориальной идентичности Сибири, рефлексия над историческим опытом; превращение формального факта «Площади Мира» в место связи города с миром; поиск принципов

единения людей; «арт-одоксальная» установка на понимание мессианской роли искусства в истории человечества.

Основополагающими методологическими приемами проектирования Красноярской музейной биеннале выступают: разработка философской концепции (концептуальное искусство замещает собой философию в XX в. согласно Джозефу Кошуту (Kosuth, 2001); инновационное экспозиционное проектирование (преодоление традиционных принципов экспонирования музейных предметов в витринах и на подиумах путем включения коммуникационной, интерактивной, инсталляционной составляющих и др.); изобретение различных форматов взаимодействия художников с музейной предметностью (экспедиции, лаборатории).

Список литературы / References

Budulak O. M. Enisei kak giper-ob'ekt. In: *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo: materialy II Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnoyarsk: KROO «Sodruzhestvo Prosvetitelei Krasnoyarskaya», Sibirskii federal'nyi universitet, 2024, 79–87. EDN QKXAAA.

Grosheva I. Iu. K voprosu o tendentsiyakh sovremennogo iskusstva, arkhitektury. Krasnoyarskaia muzeynaia biennale 2009. In: *Nauka i molodezh': problemy, poiski, resheniia: trudy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Novokuznetsk, 2009, 3–8.

Kiseleva I. A., Sokolova A. G. Spetsial'nye meropriyatiia kak sredstvo povysheniia kul'turnogo urovnia lyudei (na primere Krasnoyarskoi muzeynoi biennale). In: *Iazyk i sotsial'naya dinamika*, 2012, 12–2, 267–270.

Kolesnik M. A., Sitnikova A. A., Sertakova E. A., Zamaraeva I. U. S., Ermakov T. K. Osobennosti razvitiia partitsipatornogo iskusstva v gorode Krasnoyarske (Rossiyskaia Federatsiia) v nachale XXI veka. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2022, 15(6), 826–839.

Koptseva N. P., Borisenko A. M., Nemaeva N. O. (). *Novoe kul'turnoe prostranstvo Sibiri (na materiale Krasnoyarskogo kraia)*. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2022, 209. ISBN 978–5–7638–4476–4. EDN EJYPQV.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Ermakov, T. K. et al. *Russkaia kul'tura v zerkale periodiki Rossiyskoi imperii rubezha XIX–XX vv.* Krasnoyarsk: Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyarskaya, 2024, 330. EDN PQJEXN.

Koptseva N. P., Makarchuk I. Iu., Razumovskaya V. A., Valkova Iu. E. «Zhivopisnaia Rossiia» (tom 12, chast' 1) kak istochnik po istorii Vostochno-Sibirskoi territorii Rossiyskoi imperii. In: *Bylye Gody*, 2024, 19(2), 896–907. DOI 10.13187/bg.2024.2.896. EDN GJTMUV.

Kosuth, Dzh. Iskusstvo posle filosofii. In: *Iskusstvoznaniye*, 2001, 1, 543–563.

Kovalevskiy S. L. Laboratoriia osnovnogo proekta XVI Krasnoyarskoi muzeynoi biennale «Printsip nadezhdy». In: *Muzei*, 2025, 5(223), 63–69.

Kovalevskiy S. L. Chto prinosit enisin'. In: *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo: materialy II Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnoyarsk: KROO «Sodruzhestvo Prosvetitelei Krasnoyarskaya», Sibirskii federal'nyi universitet, 2024, 88–102. EDN QKXAAA.

Kupriyanova A. A. Otlichii dekolonial'nogo i partitsipatornogo estezisa na primere fotograficheskogo kruzha «Igra s fotografiei» (Iakutiia, 2019 g.). In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriia i sovremennost'*, 2024, 3(1), 28–42. DOI 10.31804/2782–540X-2024–3–1–29–42. EDN FRRRAWL.

Ofitsial'nyi sait Krasnoiarskoi muzeynoi biennale [elektronnyi resurs]. <https://biennale.ru/> (accessed 12 June 2025).

Pimenova N. N. Pereosmyslenie arkhitekturnykh traditsii Drevnego Egipta sibirskim modernom: zdanie gorodskogo muzeia L. A. Chernysheva v Krasnoiarske. In: *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal*, 2025, 4(1), 7–17. DOI 10.31804/2782–4926–2025–4–1–7–17. EDN CJGFUK.

Pimenova N. N. Sotsial'no-kul'turnaia deiatel'nost' v Krasnoiarske: podkhody i sub'ekty (na materiale issledovaniia praktik Novoi khudozhestvennoi shkoly im. A. G. Pozdeeva). In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*, 2023, 7(1), 17–26. EDN GPLXOS.

Sertakova E. A. Ponyatie «regional'naia vizual'naia kul'tura» i ego teoretiko-metodologicheskii potentsial. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*, 2025, 9(1), 67–75. EDN RKKIUU.

Sertakova E. A. Poniatie «regional'naia vizual'naia kul'tura» v kontekste teorii idealoobrazovaniia. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(2), 100–110. EDN CNLIKY.

Sertakova E. A. Reprezentatsiia kul'turnoi pamiati v proektakh VII Krasnoiarskoi biennale «Cher-tezh Sibiri». In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2024, 17(4), 766–777.

Sertakova E. A. Reprezentatsiia kul'turnoi pamiati v proektakh XV Krasnoiarskoi muzeinoi biennale «AVENISEESINEVA». In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2024, 17(7), 1320–1331.

Sertakova E. A. Rol' Krasnoyarskoi muzeynoi biennale v razvitii Krasnoyarskoi khudozhestvennoi kul'tury. In: *Sibirskoe sovremennoe iskusstvo: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnoiarsk: KROO «Sodruzhestvo Prosvetitelei Krasnoiar'ia», Sibirskii federal'nyi universitet*, 2024, 102–104. EDN QKXAAA.

Sertakova E. A. «Sharypovskoye delo»: bolezennnaia pamiat' i zabvenie v kul'ture sibirskogo goroda (na materiale analiza dokumental'nogo fil'ma Iriny Zaitsevoi). In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2024, 8(1), 64–73. EDN AQVWCU.

Sitnikova A. A. Osobennosti razvitiia krasnoiarskoi khudozhestvennoi kul'tury v 1990-e gody. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2024, 17(4), 694–707.

Sitnikova A. A. Preobrazovanie krasnoiarskoi khudozhestvennoi kul'tury «nulevykh» pod vozdeistviem kul'turnykh innovatsii «devianostykh». In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2024, 17(8), 1592–1601.

Smirnov G. *Artodoxia*. Moscow: Ripol-klassik, 2019, 352.

EDN: WEQCKL
УДК 75.036+7.041(571.51)

Nikolai Rybakov's Painting as a Phenomenon of Modern Siberian Art

Ekaterina A. Sertakova* and Natalia M. Leshchinskaia

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 12.06.2025, received in revised form 12.08.2025, accepted 05.09.2025

Abstract. In the context of dynamic cultural development, particularly associated with the success of the widespread introduction of digital technologies and the expansion of artificial intelligence, the work of contemporary regional artists acquires a special value. Since they manage to preserve the uniqueness of regional culture, which is sometimes levelled in the conditions of globalisation. The present work is devoted to the study of creativity of the Siberian artist N.I. Rybakov. The master's works belong to the direction of neoarchaics, which is characterised by an appeal to ancient images and forms of traditional culture. The purpose of the present study is to reveal the originality of N.I. Rybakov's picturesque works of art by applying the method of philosophical and art history analysis. The following works belonging to different decades were chosen as representatives: "Prashchur" (from the series "Zemlyaki"), 1985, "Agrarian Country III", 1992, "Untitled (Earthly and Heavenly)", 2007, "Guide. Nomadic Trails", 2012, "Tea on the Yenisei", 2023. The research reveals the specificity of the author's language, which consists in the combination of archaic content and modern method of visualisation, which implies the dominance of colour over form, expression over image. Thus, the artist manages to present the deep meanings of archaic culture to the modern viewer through the language of abstract painting.

Keywords: Nikolai Iosifovich Rybakov, neo-archaic, painting, Siberia.

Research area: Theory and history of culture, art.

Citation: Sertakova E.A., Leshchinskaia N.M. Nikolai Rybakov's Painting as a Phenomenon of Modern Siberian Art. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1898–1909. EDN: WEQCKL

Живопись Николая Рыбакова как феномен современного сибирского искусства

Е.А. Сертакова, Н.М. Лещинская

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В условиях динамичного развития культуры, в частности связанного с успехами повсеместного внедрения цифровых технологий, расширения сферы применения искусственного интеллекта, творчество современных региональных художников приобретает особую ценность. Поскольку им удастся сохранить уникальность региональной культуры, которая порой нивелируется в условиях глобализации. Настоящая работа посвящена изучению творчества сибирского художника Н.И. Рыбакова. Произведения мастера относятся к направлению неоархаики, которому свойственно обращение к древним образам, формам традиционной культуры. Целью настоящего исследования является раскрытие своеобразия живописных произведений искусства Н.И. Рыбакова посредством применения метода философско-искусствоведческого анализа. В качестве репрезентантов были выбраны относящиеся к разным десятилетиям работы: «Пращур» (из серии «Земляки») 1985 г., «Аграрная страна III», 1992 г., «Без названия (Земное и небесное)», 2007 г., «Проводник. Кочевые тропы», 2012 г., «Чай на Енисее», 2023 г. В результате проведенного исследования раскрывается специфика авторского языка, заключающаяся в сочетании архаического содержания и современного метода визуализации, предполагающего доминирование цвета над формой, выражения над изображением. Таким образом, художнику удастся представить современному зрителю глубинные смыслы архаической культуры языком абстрактной живописи.

Ключевые слова: Николай Иосифович Рыбаков, неоархаика, живопись, Сибирь.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Сертакова Е.А., Лещинская Н.М. Живопись Николая Рыбакова как феномен современного сибирского искусства. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(9), 1898–1909. EDN: WEQCKL

Введение

Исследования творчества современного сибирского искусства обладают своей ценностью и актуальностью в связи с особым значением традиционной региональной культуры в контексте современных процессов цивилизационного развития (Koptseva, Borisenko, Nemaeva, 2022; Sertakova, 2025; Sitnikova, 2024, 2025). Активное освоение цифровых технологий формирует новое общечеловеческое пространство, где появляются унифицированные формы и стандарты, ша-

блоны и алгоритмы (Pimenova, 2024; Shpak, 2025; Ermakov, 2025). Данные обстоятельства приводят к переживанию дефицита подлинности (Silant'yeva, 2012; Kovalevsky, 2024). И обращение к архаическим формам культуры, искусства становится одним из востребованных приемов, позволяющих нивелировать унифицированность современной культуры. Живописцы, графики, скульпторы обращаются к истории, археологии, художественным приемам, позволяющим в рамках произведения искусства выстроить связи

между архаикой и современностью, что является предметом научных исследований ряда авторов (Alen'kova, 2016; Artimovich, 2019; Akhremchik, 2023; Gur'yanova, 2024; Ogurtsova, 2025).

Значительная часть исследовательских работ посвящена изучению направления «сибирская неоархаика» (Dmitriyeva, Kichigina, 2019; Churilov, Kiryushina, 2022). Н. С. Попова (Порова, 2023) даёт подробное описание формирования данного направления в искусстве художников Сибири. А также основываясь на теории Н. А. Яковлевой о жанровой хронотипологии и теории П. Кармел о тематических группах, существующих в абстрактном искусстве, определяет жанровые семейства, к которым можно отнести работы сибирских художников. Творчество сибирских художников, обращавшихся к архаическим образам, рассматривается Т. М. Ломановой (Lomanova, 2020) в контексте конструирования идентичности. Автор отмечает особенности сибирской идентичности, сформированной на фундаменте многонациональности, обращается к истории формирования «сибирскости» в момент осмысления территории Сибири как единого пространства во второй половине XIX века. В качестве одной из форм манифестации идентичности Т. М. Ломанова называет искусство и на примере анализа произведений декоративного и изобразительного искусства раскрывает специфику визуализации «сибирскости» в творчестве мастеров конца XX – начала XXI вв. В статье 2009 года Т. М. Ломанова (Lomanova, 2009) представляет описание основных этапов жизни и творчества Николая Рыбакова, анализирует особенности его творческого метода как графика и живописца. Исследователь В. Чирков обращает внимание на эмальерное творчество Николая Рыбакова. В статье, открывающей альбом-каталог произведений эмали художника, он рассматривает темы, которые устойчивы на протяжении всего творческого пути мастера, например экуменическую тему и тему визуализации духовного начала (Chirkov, 2014). Также изучению твор-

чества Н. И. Рыбакова посвящена работа Т. Ю. Сериковой и Н. А. Незговоровой, в рамках которой представлена интерпретация живописи как познавательного процесса, направленного на обнаружение истины. В качестве примера авторы анализируют произведения Николая Иосифовича (Serikova, Nezgovorova, 2021).

Целью настоящего исследования является раскрытие особенностей живописных произведений Н. И. Рыбакова посредством философско-искусствоведческого анализа репрезентантов его творчества.

Методология

Методологической основой настоящего исследования является концепция культуры Д. В. Пивоварова (Pivovarov, 2009), а также теория искусства В. И. Жуковского и Н. П. Копцевой (Zhukovskiy, Koptseva, 2004; Koptseva, 2022), в рамках которой произведение искусства трактуется как художественный образ, возникающий в диалогическом взаимодействии произведения искусства как вещи со зрителем. Данный подход успешно апробирован в исследованиях многих авторов (Kistova, 2022; Sirenko, Zamaraeva, 2023; Sertakova, Leshchinskaya, Kolesnik, Sitnikova, 2023; Sitnikova, 2024; Koptseva, Degtyarenko, Ermakov, et al., 2024; Pimenova, 2025; Leshchinskaya, 2025; Smolina, 2025). В качестве основного метода данного исследования был выбран философско-искусствоведческий анализ.

В качестве ключевого исследовательского материала были выбраны произведения-репрезентанты Н. И. Рыбакова, относящиеся к разным десятилетиям: «Пращур» (из серии «Земляки») 1985 г., «Аграрная страна III», 1992 г., «Без названия (Земное и небесное)», 2007 г., «Проводник. Кочевые тропы», 2012 г., «Чай на Енисее», 2023 г. Рассмотрение произведений, относящихся к разному времени, позволит выявить повторяющиеся стилевые черты и устойчивые образы в творчестве художника, а также зафиксировать динамику и трансформацию авторского стиля Н. И. Рыбакова.

Основная часть

Николай Иосифович Рыбаков (род. 23.05.1947 г.) – художник, внесший неоспоримый вклад в сибирское современное искусство, а также в изучение культурного наследия сибирских народов. Многогранный талант Н.И. Рыбакова позволяет ему интегрировать деятельность художника и исследователя, воплощать результаты научных открытий языком искусства. Мастер работает в разных видах и техниках искусства (графика, эмаль, фотография), однако наиболее ярко его творчество отобразено в живописных работах.

Живописные техники появляются в творчестве художника в 1980-х годах, когда автор работает над сериями «Кочевье», «Жнецы», «Земляки». В них отображается реальный опыт его творческих поездок и краеведческих исследований, а также абстрактный подход к поиску и выражению ряда образов и концептов, которые его интересуют.

Важно отметить, что применяя к произведениям Н.И. Рыбакова метод философско-искусствоведческого анализа, сосредоточенного на выявлении станов-

ления художественного образа на разных этапах-статусах, отчетливо выявляются два из них: материальный и иконический. Первый связан с явным значением фактуры, пастозных сгустков краски и манерой их распределения по холсту-основе в творчестве художника, выбранными габаритами работ. Второй – с единством и нерасторжимостью всего изображенного на холсте, формированием основного понятия произведения. Так как сам анализ достаточно объемлен, обратим внимание только на некоторые, наиболее важные детали, обнаруженные в ходе исследования.

Произведение «Пращур» (рис. 1) входит в серию «Земляки», в которой автор обращает внимание на общество, состоящее из разных людей, но объединенных единым пространством, землей.

Пращур – далекий предок и родоначальник общества. В произведении это не конкретный, а очень обобщенный герой. Он представлен в центре композиции, его фигура несколько выделяется на темно-синем фоне. При этом лоскуты на его одежде, цвет головного убора очень близки

Рис. 1. Рыбаков Н. «Пращур» (из серии «Земляки»), 1985 г. Бум., темп., м. 49,5х69,5

Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39540365>

Fig.1. Rybakov N. "Prashchur" (from the series "Zemlyaki"), 1985. Paper, tempera, oil. 49.5x69.5

Access mode: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39540365>

по гамме окружающему пространству, из-за чего фигура не кажется чужеродной, инаковой. Она бесконфликтно вписывается в окружающий мир. Несмотря на наличие изображений колеса и дуги, напоминающей хомут, едва читаемой головы коня в левой верхней части полотна, герой представлен спешенным, осевшим на земле. Момент привала путника, вероятно, здесь обозначает конец пути, обретение своего места. Вся фигура прашура и его лицо вытянуты, в них нет анатомической сочлененности и соразмерности частей. Скорее, фигура напоминает упрощенное изображение людей в древности: на стенах пещер, на древних вазах и т.д., что подчеркивает его статус предка и прародителя.

Уже в первых живописных работах Н. Рыбакова начинает отчетливо проявляться тематика странничества и поиска своей земли, проявление тесной взаимосвязи человека и пространства. Фигуры, предметы становятся не столь важными, как цвет и фактура, которые в первую очередь связаны с миром природы, стихии. Именно поэтому голова лошади практически растворяется в пространстве глубокого синего цвета, напоминающего возможную ночь, объясняющую привал.

Смешанная техника, используемая в работе (темпера и масло), обращает внимание на пересечение элементов, характерных для светской картины и иконы, что в дальнейшем станет важной чертой авторского стиля Н. Рыбакова – поиска и отражения духовного начала. Как отмечает В. Чирков: «Проблема извлечения духовного из природного – магистральное, стержневое содержание в целом русского искусства. От Александра Иванова через Алексея Саврасова к Михаилу Врубелю и далее к советским и сибирским художникам эти поиски не прекращались на протяжении всей истории русского искусства» (Chirkov, 2014). Художник занимается данной проблематикой всю свою творческую жизнь, но делает это не просто как русский или сибирский художник, а прежде всего как современный художник.

Название «Аграрная страна» носят сразу несколько произведений художни-

ка. Интерес к пространству, территории, земле, освоенные человеком, в творчестве художника достаточно очевиден, в них он видит важную часть мира.

Пространство в произведении «Аграрная страна III» (рис. 2) задается цветом, размером и расположением. Пространство «земли» представлено в нижней трети холста бело-желто-розовым цветом. Пространство неба контрастно ему и дано в коричневых оттенках. Главными героями выступают фигуры мужчины и женщины на телеге, пересекающими оба пространства. Они даны абстрактно. Фигура мужчины крупнее и выше, на голове его широкополая шляпа. Фигура женщины поменьше, крупным мазком на ней отмечены груди, голову венчает треугольник платка. Обе фигуры держат косы. Это, с одной стороны, намекает на конкретный сезон сенокоса (лето), но с другой – противоречит ему, так как земля дана преимущественно в белом цвете (зима). Еще одним противоречием является то, что телега не движется (на левом колесе видны все спицы), конь идет не впереди, а позади нее, сами труженики даны в состоянии бездействия, покоя.

Данные противоречия снимаются на иконическом уровне, во-первых, обращая нас к устойчивому выражению «соль земли», из-за чего герои-крестьяне становятся самыми важными и полезными людьми общества. Во-вторых, устойчивость и покой элементов изображения переходят во внутреннюю динамику, где желтые светонесущие мазки краски, появляясь в изображении колеса, переходят в фигуры героев и косы, которые в буквальном смысле начинают освещать темноту, создавая некое подобие ореола вокруг персонажей, наделяя их атрибутами святости. А правое колесо, которое пребывает в движении, композиционно захватывает все элементы, создавая эффект круговой композиции с центром в виде желтого сгустка между героями, как бы демонстрируя цикличность и бесконечность этого движения.

Произведение «Без названия (Земное и небесное)» создано в 2007 году (рис. 3). В этот период времени на творчество

Рис. 2. Рыбаков Н. «Аграрная страна III», 1992 г. Х.м. 140x160
Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10418403>
Fig. 2. Rybakov N. "Agrarian Country III", 1992. Oil on canvas. 140x160
Access mode: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10418403>

Рис. 3. Рыбаков Н. «Без названия (Земное и небесное)», 2007 г. Х.м. 130x100
Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17146631>
Fig. 3. Rybakov N. "Untitled (Earthly and Heavenly)", 2007. Oil on canvas. 130x100
Access mode: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17146631>

Н.И. Рыбакова начинают активно обращать внимание исследователи, называя его «сибирским Поллоком» и говоря об абстрактном экспрессионизме в его работе. В данный период действительно многие его произведения лишаются фигуративности, предметности, становятся ближе к чистой абстракции. Художник создает композиции, передающие движение и трансформацию природного косного материала в духовную субстанцию.

Данная работа лишена конкретики названий, которые до этого давали импульс для интерпретаций живописных решений Н. Рыбакова. Даже небольшое пояснение – земное и небесное – кажется, не приносит ясности. Это полностью абстрактная композиция, которая выстроена из крупных пятен, сгустков цвета, которые одновременно отделены друг от друга границей и связаны ей. Фон, как и в предыдущей работе автора, берется коричневый. Верхнюю часть занимает большое пятно красновато-розового цвета. Оно неоднородно, из-за разнонаправленных мазков кажется объемным. Темные линии, очерчивающие нижнюю часть этого пятна, образуют угол, из-за чего пятно воспринимается неустойчивым, находящимся в движении. Верхняя его часть ничем не ограничена и выходит за край холста. Нижнюю часть работы занимают два пятна. Самое нижнее состоит из разноцветных сгустков, среди которых доминирует коричневый цвет. Среднее пятно – бело-серо-голубого цвета. Как и верхнее, они неустойчивы, в них отсутствует любой намек на прямое, правильное, однородное и гладкое.

Эта трехчастная композиция из цветных масс напоминает о чашах, образ которых часто встречается у Н. Рыбакова. В них, несомненно, проявлена идея взаимоотношения земного и небесного начал, сакральный смысл чаши как сосуда для причащения, символа изобилия, или жертвенной чаши, чаши, связанной с человеческой долей и страданиями и т.д. Богатство интерпретаций, смыслов увиденного формируется благодаря сложнейшей работе с цветом, который постоянно раскрывается в разнообразных градациях, перехо-

дах, глубине. Как отмечает сам художник: «Такой способ движения в глубину цветовых градаций не позволяет относить этот способ к «нашим» представлениям, они выходят за пределы обыденного, они трансформируют краски «ниоткуда». Но они, в конце концов, «говорят» о человеке, его страстях и смыслах человеческих. Но если я проживаю жизнь в красочном пределе подвижной субстанции тонких душевных движений, тогда я сам не чужой и не свой» (из лекции Н. Рыбакова в Санкт-Петербурге, 14.01.2020). Пространство, созданное с помощью таких красочных замесов, подвижных мазков – не человеческое, а безвременное и выходящее за всякие границы – Космическое.

В 2010-х годах Н. Рыбаков синтезирует в своем творчестве условно-предметные изображения 1980–1990-х гг. и чистые абстракции 2000-х. Он вновь возвращается к узнаваемым антропоморфным образам предков, древних жителей Сибири и их взаимоотношению с землей, воспроизводит зооморфные фигуры, например устойчивый образ лошади в левом верхнем углу холста. Его захватывают темы древних кочевых троп и мифической Шамбалы, он вдохновляется восточными, азиатскими и сибирскими культурами, воспроизводит мифологические мотивы в творчестве. Отсюда в работах появляется некая повествовательность, провоцирующая зрителя на размышления о пути человечества: откуда и куда оно идет? Какова его цель?

В произведении «Проводник. Кочевые тропы» (рис. 4) это взаимоотношение прослеживается даже на уровне названия. Проводник – тот, кто сопровождает, указывает правильный путь. Кочевые тропы указывают на огромное пространство природы (степей или леса), в котором постоянно перемещаются кочевые народы, не осваивая и покоряя природу, а живя с ней в гармонии, ощущая связь всего мира.

На темном коричневатом фоне, неоднократно используемом автором и напоминающем стены пещер, нарисован путник, ведущий за уздцы лошадь, голова которой изображена в левой части холста. Неза-

Рис. 4. Рыбаков Н. «Проводник. Кочевые тропы», 2012 г. Х.м. 120x130,5
Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10895981>
Fig. 4. Rybakov N. "Guide. Nomadic trails", 2012. Oil on canvas. 120x130.5
Access mode: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10895981>

вершенность пути, динамику движения передает линия диагонали в композиции, формируемая поводьями, рукой и согнутой в колене ногой человека. Путник сгорблен и опирается на посох, при этом в нем чувствуется сила и скопление жизненных сил – его грудь источает золотисто-красный свет, для которого нет внешнего источника, и только сердце указывает ему дорогу. Лицо героя обращено ко зрителю и представлено маской, наподобие тех, что использовали шаманы у народов Сибири. В этом случае проводник становится не только тем, кто ведет народ к новой стоянке, но и тем, кто осуществляет их связь с миром духов, связывает земное и небесное пространства.

Одна из современных работ художника – «Чай на Енисее» (рис. 5) – вновь отмечает первенство пространства/места по отношению к человеку. Енисей – важная водная артерия Сибири, по берегам которой, собственно, и осели разные народы, сформировав в дальнейшем коренные этносы Сибири. Енисей занимает верхнюю часть фона произведения. Он обозначен зеленовато-голубым цветом с вкраплениями других

оттенков. На его фоне, скрестив ноги на коричневой земле, лицом друг к другу сидят две фигуры – женская и мужская. Черты их лиц и одежда указывают на то, что перед нами представители коренного населения. В центре между ними поставленный на огонь самовар и светлый пузатый чайник. Герои пьют чай из блюдец-чаш, сдувая пар и остужая напиток.

Как и в предыдущих работах мастера, стоит обратить внимание на целостность человека и окружающего пространства. Здесь вновь обнаруживается трехчастная композиция. Персонажи и пространство едины и слитны благодаря цвету и фактуре мазка краски. Если тела людей приземленные, они выполнены в той же гамме, что и земля, то их волосы подобны водам реки, а на лице мужчины и груди женщины видны отблески огня. Фактурность краски наполняет работу воздухом. Все стихии пребывают в нерасторжимом единстве, и человек – неотъемлемая часть этого мира.

Рассмотрев произведения-репрезентанты Н.И. Рыбакова разных десятилетий, можно заключить, что они, несомнен-

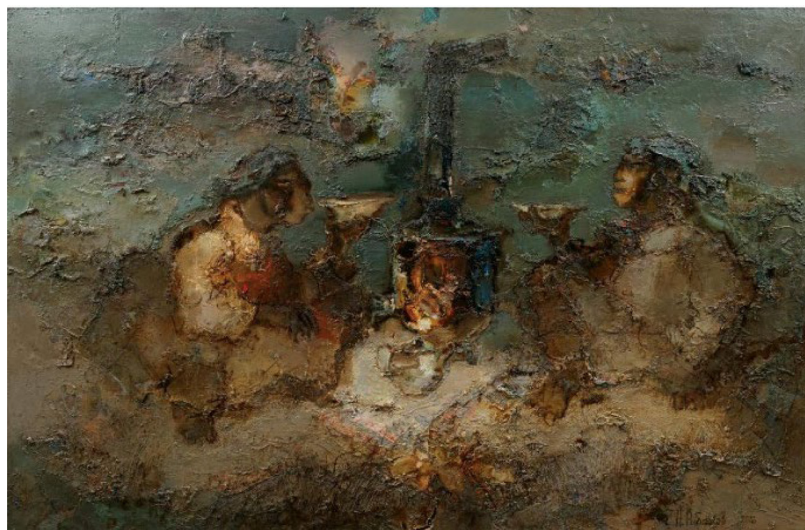

Рис. 5. Рыбаков Н. «Чай на Енисее», 2023 г. Х.м. 130x200

Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47887837>

Fig. 5. Rybakov N. "Tea on the Yenisei", 2023. Oil on canvas. 130x200

Access mode: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=47887837>

но, проявляют неповторимый авторский стиль художника. Фактурная, построенная на многочисленных градациях цвета живописная манера во многом связана с выражением концептуальных представлений художника о мире и человеке в нем. Эта картина мира во многом строится на поиске изначальной ойкумены человечества – обитаемого пространства, не цивилизационно поработанного человеком, а пространства, культурно освоенного для жизни, пространства, в котором человек чувствует одновременно и укорененность в земле и сопричастность небу/Космосу.

Это пространство Н.И. Рыбаков обнаруживает в Сибири, на Дальнем Востоке, в Азии, в стоянках и стойбищах кочевых народов, в их незамысловатых практиках, связи с животными и природой. Причастность их жизни к большому миру он показывает через трехчастные композиции, повторяющиеся символы чаш, элементы освященности и святости героев. Хотя наиболее сильно это отображено в его чистых абстракциях, которые подобно стихиям в их взаимодействии одновременно отображают начало и конец, движение и паузу, земное и небесное.

Заключение

Подводя итог изучению творчества Н.И. Рыбакова, отметим особенности его авторского метода. Мастер обращается в своем творчестве к различным техникам, в поисках наиболее подходящей для раскрытия «абстракции настроения», как сам автор называет свои работы. Живописные произведения Н.И. Рыбакова представляют собой визуальные концепты, не переводимые в языковые формы. Их предназначение, минуя «дословный пересказ» языковыми средствами, – донести идею зрителю на чувственном уровне, посредством чистого созерцания.

В жизни и творчестве Николая Иосифовича значительное место занимают исследовательские поездки в различные сибирские регионы, особое место среди них занимают Хакасия, Тува, где художник погружался вглубь архаических слоев культуры коренных народов. В работах мастера сибирская тема раскрыта в разных сюжетах. Это и пейзажи («Черный Июс», «Туманный Избас»), и жанровые сцены («Аграрная страна», «Чай на Енисее»), и портреты («Жители деревни Ошколь»), и даже натюрморты

(«Зимние ягоды», «Три чаши», «Две чаши»). Результаты исследовательской деятельности, знания, полученные в ходе археологических экспедиций, Николай Иосифович визуализировал в произведениях искусства. При этом художник не использует прием цитирования традиционных образов, форм, художественного языка, автор предпочитает создание пространства абстрактных образов, где выражение преобладает над изображением, цветовое пятно доминирует над четкой линией. Тем не менее художник дает однозначные названия своим работам, благодаря чему задает вектор интерпретации и понимания его творчества, отсылает к реальным географическим местам, ставшим сюжетом картин, настроениям, запечатленным в живописи.

Растворенные четкие границы позволяют раскрываться произведению искусства навстречу зрителю, в диалоге с которым рождается художественный образ. Объединяя архаические образы и абстрактный способ его визуализации, автор примиряет, гармонизирует историю и современность, актуализирует ценности, не теряющие своего значения. Н.И. Рыбаков в живописных произведениях дает возможность современному человеку, ограниченному множеством рамок, требований, предъявляемых обществом, окунуться в стихию архаики, свободы, где обнаруживается единство с природой, так необходимое зрителю, ежедневно замыкающему себя в границах условностей социальных ролей и функций, предписанных цивилизацией.

Список литературы / References

- Akhremchik O.G. Soyuz khudozhnikov Khakasii v pervyye gody stanovleniya respubliky. In: *Istoricheskiy byulleten'*, 2023, 6(3), 36–44. EDN IRIRHS.
- Alen'kova Y. V. Neomifologizm i neoarkhaika kak yavleniya sovremennoy kul'tury. In: *Religiya i obshchestvo – 10: Sbornik nauchnykh statey, Mogilev, 10–23 marta 2016 goda*, 2016, 184–186. EDN WCPLVN.
- Artimovich I. A. Neoarkhaika v parkovoy skulpture Igorya Zosimovicha. In: *Iskusstvo i kul'tura*, 2019, 1(33), 18–23. – EDN VZOLG.
- Chirkov V.F. Khudozhestvennyye emali Nikolaya Rybakova. In: Nikolay Rybakov. Enamel: album-catalog. Krasnoyarsk, 2014, 10–23.
- Churilov M. G., Kiryushina YU.V. Iskusstvo Sibiri: v poiskakh identichnosti. In: *Iskusstvo i obrazovaniye*, 2022, 5(139), 26–32. DOI 10.51631/2072–0432_2022_139_5_26. EDN KQHMZS.
- Dmitriyeva L. M., Kichigina A. G. *Neoarkhaika kak fenomen sovremennogo sibirskogo iskusstva*, Moskva: Federal'noye gosudarstvennoye unitarnoye predpriyatiye "Akademicheskii nauchno-izdatel'skiy, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skiy tsentr «Nauka», 2008, 192. ISBN 978–5–238–01564–4. EDN RVZGOL.
- Ermakov T.K. Komp'yuternaya grafika i kontekst: formirovaniye tsifrovoy vizual'nosti v 1970-ye gody. In: *Tsifrovizatsiya*, 2025, 6(1), 26–34. EDN AYDFGN.
- Ermakov T.K. Post-internet iskusstvo: logika vzaimodeystviya tsifrovogo i real'nogo prostranstva v sovremennoy kul'ture. In: *Tsifrovizatsiya*, 2025, 6(2), 33–41. EDN FHBNUQ.
- Gur'yanova G. G. Neoarkhaika v izobrazitel'nom iskusstve Yamala v kontse KHKH – nachale XXI veka. In: *Izobrazitel'noye iskusstvo Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka*, 2024, 3(20), 8–17. EDN ZUDGJM.
- Kistova A. V. Dashi Namdakov. Transformatsiya. Chto khotel skazat' avtor? In: *Sibirskiy iskusstvedcheskiy zhurnal*, 2022, 1(1), 53–72. DOI 10.31804/2782–4926–2022–1–1–53–72. EDN ULBGSR.
- Koptseva N. P. Regional'nyye iskusstvedcheskiye issledovaniya v sovremennoy Rossii (vstupitel'naya stat'ya). In: *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2022, 15(1), 4–8. DOI 10.17516/1997–1370–0872. EDN EDQQPD.
- Koptseva N. P., Borisenko A. M., Nemaeva N. O. *Novoye kul'turnoye prostranstvo Sibiri (na materiale Krasnoyarskogo kraya)*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2022, 209. EDN EJYPQV.
- Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Ermakov T. K. et al. *Russkaya kul'tura v zerkale periodiki Rossiyskoy imperii rubezha XIX–XX vv.* Krasnoyarsk: Commonwealth of Enlighteners of Krasnoyarsk, 2024, 330. EDN PQJEXN.

Kovalevsky S. L. Mnozhestva Viktora Sachivko. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*, 2024, 3(3), 47–58. DOI 10.31804/2782–4926–2024–3–3–47–58. EDN HRMKRE.

Leshchinskaya N. M. Gendernyy podkhod v sovremennykh issledovaniyakh proizvedeniy iskusstva. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*, 2025, 9(1), 35–43. EDN PEMBZS.

Lomanova T. M. Otrazheniye sibirskoy identichnosti v iskusstve kontsa XX- nachala XXI vekov. In: *Kul'tura i iskusstvo*, 2020, 4, 1–14. DOI: 10.7256/2454–0625.2020.4.32188

Lomanova T. M. Nikolaj Rybakov: "... Between the Abyss and the Heaven". In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2009, 2(1), 23–30. EDN JWVEFN.

Ogurtsova O. S. Etnograficheskiye kollektsii korennykh malochislennykh narodov muzeyev Yuzhnoy Sibiri i ikh otobrazheniye v sovremennom izobrazitel'nom iskusstve. In: *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 2025, 1(81), 77–85. EDN PEGAPV.

Pimenova N. N. Khudozhestvennyy obraz, sozdavayemyy arkhitekturoy: zdaniye Muzeynogo tsentra «ploshchad' Mira»/muzeya V. I. Lenina v Krasnoyarske. chast' 1: ansambl', arkhitekturnyy ob'yem, ekster'yer. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(2), 138–148. EDN ULQGQJ.

Pimenova N. N. NFT-iskusstvo i novyy art-rynok: vzlet primeneniya blokcheyn-tehnologiy v 2021 godu. In: *Tsifrovizatsiya*, 2024, 5(3), 8–18. EDN CXRAPA.

Pimenova N. N. Pereosmysleniye arkhitekturnykh traditsiy Drevnego Yegipta sibirskim modernom: zdaniye gorodskogo muzeya L. A. Chernysheva v Krasnoyarske. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal*, 2025, 4(1), 7–17. DOI 10.31804/2782–4926–2025–4–1–7–17. EDN CJGFUK.

Pivovarov D. V. Problem of Synthesis of the Main Definitions of Culture. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2009, 2(1), 17–22. EDN JWVEFD.

Popova N. S. Abstraksionizm v tvorchestve khudozhnikov sibirskoy neoarkhaiki: zhanrovyye kharakteristiki obraznosti. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2023, 1(88), 7–14. DOI 10.24412/2070–075X-2023–1–7–14. EDN LXYYEY.

Serikova T. YU., Nezgovorova N. A. Nikolay Rybakov: zhivopis' kak sposob poznaniya. In: *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2021, 2, 232–248. DOI 10.17805/zpu.2021.2.18. EDN QCMYXW.

Sertakova E. A. Ponyatiye «regional'naya vizual'naya kul'tura» i yego teoretiko-metodologicheskii potentsial. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal*, 2025, 9(1), 67–75. EDN RKKIUU.

Sertakova E. A., Leshchinskaya N. M., Kolesnik M. A., Sitnikova A. A. Zhurnal "Mir iskusstva" (1899–1904 gg.) kak istochnik po istorii russkogo iskusstva kontsa XIX – nachala XX vv. In: *Bylye Gody*, 2023, 18(4), 2025–2035. DOI 10.13187/bg.2023.4.2025. EDN TCWFHH.

Shpak A. A. Mezhdistsiplinarnyy podkhod v ispol'zovanii II metodov sotsiologii i iskusstvovedeniya. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*, 2024, 5(4), 66–72. – EDN UNHTEJ.

Shpak A. A. Sotsial'nyye transformatsii: iskusstvennyy intellekt v epokhu metavselennykh. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta*, 2025, 6(1), 76–84. EDN URUXKL.

Silant'yeva M. V. Metamorfozy sotsial'nykh organizmov v svete transformatsii kul'turnykh granits: global'nyye sledstviya modernizatsionnykh protsessov. In: *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2012, 6(27), 206–210. DN PYJLFZ.

Sirenko S. O., Zamaraeva Yu. S. Partitsipatornyye praktiki sovremennogo iskusstva (na materiale analiza khudozhestvennykh proizvedeniy Tikharu Sioty). In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'*, 2023, 2(2), 56–90. DOI 10.31804/2782–540X-2023–2–2–56–90. EDN VDCWZI.

Sitnikova A. A. Khudozhnik za predelami professional'nykh khudozhestvennykh soobshchestv v Krasnoyarske v 1980–2000kh godakh: ogranicheniya i vozmozhnosti. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2024, 8(4), 116–125. EDN MCMSDD.

Sitnikova A. A. *Krasnoyarskaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XX – nachala XXI vv.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional Public Organization Commonwealth, 2024, 214. EDN KXCRLH.

Sitnikova A. A. Original'nyye tvorcheskkiye kontseptsii krasnoyarskikh khudozhnikov kontsa XX – nachala XXI veka. In: *Sibirskoye sovremennoye iskusstvo: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2024, 34–38. EDN YKRFYK.

Sitnikova A.A. Teoriya esteticheskogo opyta Dzhona D'yui kak kontseptual'naya osnova dlya izucheniya sovremennogo khudozhestvennogo protsessa. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2025, 9(2), 74–82. EDN YVPIJP.

Smolina M. G. Art-mayyevtika v obrazovatel'noy deyatel'nosti v sfere iskusstva. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal*, 2025, 9(1), 76–88. EDN TNGAIO.

Zhukovskiy V.I., Koptseva N.P. *Propositcii teorii izobrazitel'nogo iskusstva*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvenniy universitet, 2004, 266. EDN QXPZAZ.